ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2020 Том 11 № 2

Семантика универсального и специфического в языке и тексте

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

Научный журнал
Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор
В.Н. Денисенко, доктор филологических наук, профессор, РУДН, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора
Н.В. Новоспасская, кандидат филологических наук, доцент, РУДН, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь
О.В. Лазарева, кандидат филологических наук, РУДН, Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Болдырев Николай Николаевич, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Карасик Владимир Ильич, Волгоградский государственный социально-педагогический университета, Россия

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)
4 выпуска в год
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics
Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.
Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory: http://www.ulrichsweb.com).
Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* (*Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*) издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор: ***К.В. Зенкин***
Компьютерная верстка: ***Ю.Н. Ефремова***

Адрес редакции:
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 14.03.2020. Выход в свет 21.04.2020. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 22,75. Тираж 500 экз. Заказ № 463. Цена свободная.
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2020 VOLUME 11 No. 2

Semantics of Universal and Specific in the Language and a Text

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

Founded in 2010
Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF
Vladimir Denisenko
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF
Natalia Novospasskaya
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY
Olesya Lazareva
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Klaudia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Vladimir I. Karasik, Volgograd State Social Pedagogical University, Russian Federation

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russian Federation)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)
4 issues per year
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics
Languages: Russian, English, French, German, Spanish.
Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: http://www.ulrichsweb.com, EBSCOhost.

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal **"RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics"** (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2020

Семантика универсального и специфического в языке и тексте

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Новоспасская Н.В. (Москва, Российская Федерация). Лингвосемиотика. Паремиология: современные тенденции 145

К ЮБИЛЕЮ ПРОФ. Э.Д. СУЛЕЙМЕНОВОЙ

Агманова А.Е., Темиргазина З.К. (Павлодар, Казахстан). Современная казахстанская русистика: профессор Э.Д. Сулейменова (к 75-летию со дня рождения) 151

СИМВОЛИКА И МЕТАЯЗЫК ЛИНГВИСТИКИ

Владимирова Т.Е. (Москва, Российская Федерация). Семантический континуум мифа 161

Никитина Т.Г. (Псков, Российская Федерация). Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы **(Nikitina T.G. (Pskov, Russian Federation).** Structural-semantic Modeling in Phraseology: Forty Years of Experience and the Prospects 175

Seliverstova E.I. (St. Petersburg, Russian Federation) (Селиверстова Е.И. (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages (Уровни проявления типологического сходства в пословицах различных языков) 198

Семененко Н.Н. (Старый Оскол, Российская Федерация). Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц 213

Шкуран О.В. (Луганск, Украина). Прилагательное «сакральный» в метаязыке лингвистики: функционально-семантическое исследование 233

Коваль В.И. (Гомель, Республика Беларусь). Символика мыши в славянской и китайской лингвокультурах 250

ПАРЕМИИ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. (Москва, Российская Федерация). Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал 265

Подюков И.А. (Пермь, Российская Федерация). Особенности фразеологического состава пермских старообрядческих говоров 285

Orlova T.G. (Moscow, Russian Federation) (Орлова Т.Г. (Москва, Российская Федерация). The Implementation of the conception of *Friendship* on the Basis of Comparative Structural-semantic Analysis of English and Russian Proverbs (Реализация концепции дружбы на материале сопоставительного структурно-семантического анализа английских и русских пословиц) 301

Kaskova M.E., Ustinova O.V., Bolshakova E.K. (Moscow, Russian Federation). (Каскова М.Е., Устинова О.В., Большакова Е.К. (Москва, Российская Федерация). Phraseological Units with the Word "Bread" in Russian, French and Italian Linguocultures (Фразеологизмы со словом «хлеб» в русской, французской и итальянской лингвокультурах) 319

СЕМИОТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Krasina E.A., Rybinok Eu.S., Alia Moctar (Moscow, Russian Federation) (Красина Е.А., Рыбинок Е.С., Моктар Алия (Москва, Российская Федерация). Film Naming: Book Titles and Film Titles (Нейминг фильмов: названия книг и названия фильмов)..... 330

Евграфова Ю.А. (Москва, Российская Федерация). Троп как результат семиотической интерполяции вербальных и невербальных единиц в гетерогенном экранном тексте (на примере кинотекста «Фауст» А. Сокурова)..... 341

Анисимов В.Е. (Москва, Российская Федерация). Интертекстуальность малоформатных текстов французского кинодискурса 357

Беляков М.В., Максименко О.И. (Москва, Российская Федерация). Коммуникативно-эмотивные характеристики идиолекта дипломата 368

Медведев Е.Ю. (Алматы, Казахстан), Нциву Батиако Л.Д. (Москва, Российская Федерация). Трансформации языка дипломатической переписки стран Антанты и Германии перед началом Первой мировой войны 384

Колышева О.Н. (Москва, Российская Федерация). Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны»)..... 398

РЕЦЕНЗИЯ

Ищенко В.Г. (Новосибирск, Российская Федерация). Рецензия на учебное пособие Е.А. Крутько, А.С. Комковой «Changing World of Global Business = Основы ведения внешнеэкономической деятельности: английский язык для магистрантов» 412

Semantics of Universal and Specific in the Language and a Text

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

Novospasskaya N.V. (Moscow Russian Federation). Linguosemiotics. Paremiology: Modern Trends 145

TO THE ANNIVERSARY OF E.D. SULEYMENOVA

Agmanova A.Ye., Temirgazina, Z.K. (Pavlodar, Kazakhstan). Modern Russian Studies in Kazakhstan: Professor E.D. Suleimenova (Devoted to 75th Birth Anniversary) 151

SYMBOLISM AND METALANGUAGE IN LINGUISTICS

Vladimirova T.Eu. (Moscow, Russian Federation). Semantic Continuum of Myth 161

Nikitina T.G. (Pskov, Russian Federation). Structural-Semantic Modeling in Phraseology: Forty Years of Experience and the Prospects 175

Seliverstova E.I. (St. Petersburg, Russian Federation). Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages 198

Semenenko N.N. (Stary Oskol, Russian Federation). Axiology of Proverbs in the Focus of the Problem of Cognitive-discursive Modeling of Semantics of Russian Proverbs 213

Shkuran O.V. (Lugansk, Ukraine). The Adjective "Sacred" in Metalinguistics of the Language: Functional-semantic Research 233

Koval V.I. (Gomel, Republic of Belarus). Symbol of Mouse in Slavonic and Chinese Linguocultures 250

PAROEMIAE IN LANGUAGE AND TEXT

Bredis M.A., Dimoglo M.S., Lomakina O.V. (Moscow, Russian Federation). Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential 265

Podyukov I.A. (Perm, Russian Federation). Peculiarities of the Phraseological Content of Perm Old Believer Dialects 285

Orlova T.G. (Moscow, Russian Federation). The Implementation of the Conception of *Friendship* on the Basis of Comparative Structural-semantic Analysis of English and Russian Proverbs 301

Kaskova M.E., Ustinova O.V., Bolshakova, E.K. (Moscow, Russian Federation). Phraseological Units with the Word "Bread" in Russian, French and Italian Linguocultures 319

SEMIOTICS OF TEXT AND DISCOURSE

Krasina E.A., Rybinok Eu.S., Alia Moctar (Moscow, Russian Federation). Film Naming: Book Titles and Film Titles 330

Evgrafova Yu.A. (Moscow, Russian Federation). Trope as the Result of Semiotic Interpolation of Verbal and Non-verbal Units in Heterogeneous Text (Case Study of Film Text "Faust" by A. Sokurov)..... 341

Anisimov V.Eu. (Moscow, Russian Federation). Intertextuality of the Small Texts of the French Film Discourse..... 357

Belyakov, M.V., Maksimenko, O.I. (Moscow, Russian Federation). Communicative and Emotive Characteristics of the Diplomatic Idiolect 368

Medvedev Eu.Yu. (Almaty, Kazakhstan), Lauzin Duborgel Ntsiwou Batiako (Moscow, Russian Federation). Transformations of the Language of Diplomatic Correspondence between the Entente Countries and Germany before The First World War..... 384

Kolysheva O.N. (Moscow, Russian Federation). The Narrative as a Mnemonic Text (Based on "Children of War" Narratives) 398

REVIEW

Ishchenko V.G. (Novosibirsk, Russian Federation). Review of the Manual: E.A. Krutko, A.S. Komkova Changing World of Global Business = World Economy Activity: Basics. English for Master's Program Students 412

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 145—150
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

Семантика универсального и специфического в языке и тексте

Semantics of Universal and Specific in the Language and a Text

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-145-150
УДК 81'373:398.9

Редакционная статья / Editorial article

Лингвосемиотика. Паремиология: современные тенденции

Н.В. Новоспасская

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Росская Федерация, 117198

Linguosemiotics. Paremiology: Modern Trends

N.V. Novospasskaya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

Предлагаемый Вашему вниманию выпуск журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» объединяет статьи таких направлений, как «Символика и метаязык лингвистики», «Паремии в языке и тексте» и «Семиотика текста и дискурса», объединенных общей идеей рассмотрения семантики универсального и специфического в языке и тексте. Выпуск открывает обзорная статья проф. **А.Е. Агмановой** и проф. **З.К. Темиргазиной** (Павлодарский государственный педагогический университет, Казахстан) о вкладе проф. Э.Д. Сулейменовой, 75-летний юбилей которой отмечается в апреле 2020 года, в современную русистику Казахстана.

Раздел «*Символика и метаязык лингвистики*» открывает исследование проф. **Т.Е. Владимировой** (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация) мифов о Небесных оленихах и их семантико-семантических полей. Статья проф. **Т.Г. Никитиной** (Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация) описывает опыт исследовательской работы российских и зарубежных лингвистов-паремиологов школы проф. В.М. Мокиенко,

80-летний юбилей которого отмечается в 2020 году, освещает перспективы использования структурно-семантического моделирования на материале паремиологических единиц, которую редколлегия журнала представляет и на английском языке. Паремиологическую тему продолжает работа проф. **Е.И. Селиверстовой** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация), в которой рассматриваются уровни проявления типологического сходства в области тематических сфер и на уровне пословичных конденсатов в пословицах французского, чешского, чувашского, удмуртского, китайского и японского языков в сопоставлении с русским языком. В статье проф. **Н.Н. Семененко** (Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета, Старый Оскол, Российская Федерация) «Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц» рассматриваются проблемы определения фактора ценности в семантической структуре паремий, которая оценивается как синкретичный знак, совмещающий свойства текстемы (языковой знак) и высказывания (дискурсивная единица). Доц. **О.В. Шкуран** (Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко, Донецк, Украина) в статье «Прилагательное в метаязыке лингвистики: функционально-семантическое исследование» анализирует несколько этапов лексико-семантических вариаций лексической единицы *сакральный* на материале этимологических словарей, мифологических представлений, фольклорных текстов, фразеологических и паремиологических контекстов. В статье проф. **В.И. Коваля** (Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель, Республика Беларусь) «Символика мыши в славянской и китайской лингвокультурах» проведено сопоставительное описание основных символических значений зоонима в двух лингвокультурах и установлены источники возникновения негативно коннотированного образа мыши на материале устойчивых словосочетаний, фольклорных текстов, этнокультурных записей, традиционных лубочных картинок и т.д.

Раздел «*Паремии в языке и тексте*» открывает исследование **М.А. Бредиса** (РУДН, Москва, Российская Федерация), **М.С. Димогло** и проф. **О.В. Ломакиной** (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация) «Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал», в котором рассмотрен тематико-идеографический принцип классификации паремий, описаны особенности историко-этимологического функционального и лингвокультурологического изучения паремических единиц. Особое внимание авторов статьи обращено на сравнительно-сопоставительный лингвокультурологический анализ как важный аспект рассмотрения паремий. Статья проф. **И.А. Подюкова** (Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Пермь, Российская Федерация) «Особенности фразеологического состава пермских старообрядческих говоров» предлагает анализ тематического состава, образности и вариативности фразеологических номинаций как источника сведений о жизненном укладе и духовном опыте старообрядцев Пермского края. Исследование доц. **Т.Г. Орловой** (РУДН, Москва, Российская Федерация)

«The Implementation of the conception of *Friendship* on the basis of comparative structural-semantic analysis of English and Russian Proverbs» («Реализация концепции дружбы на материале сопоставительного структурно-семантического анализа английских и русских пословиц») прослеживает реализации нескольких аспектов понимания и представления дружбы в паремических единицах двух неродственных этносов. Данную тему продолжает работа авторского коллектива РУДН (доц. **М.Е. Каскова,** доц. **О.В. Устинова** и **Е.К. Большакова**) (Москва, Российская Федерация) «Phraseological Units with the Word "Bread" in Russian, French and Italian Linguocultures» («Фразеологизмы со словом «хлеб» в русской, французской и итальянской лингвокультурах»), в которой исследуются механизмы вторичной номинации в разных языках и описывается национально-культурное своеобразие паремий, в составе которых присутствует лексема «хлеб», которая претерпевает изменение лексического значения.

Раздел «*Семиотика текста и дискурса*» открывает исследование проф. **Е.А. Красиной, Е.С. Рыбинка** и **Моктар Алии** (РУДН, Москва, Российская Федерация) «Film Naming: Book Titles and Film Titles» («Нейминг фильмов: названия книг и названия фильмов»). В статье исследуется кинотекст как поликодовый феномен и связь сюжета и замысла художественного текста с сюжетом и сценарием фильма. В работе доц. **М.В. Белякова** (МГИМО (университет) МИД России, Москва, Российская Федерация) и проф. **О.И. Максименко** (Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация) «Коммуникативно-эмотивные характеристики идиолекта дипломата» средствами количественного компьютерного контент-анализа и компьютерного семантического анализа на материале избранных речей С.В. Лаврова рассмотрен профессиональный идиолект дипломата. Данную тему продолжает исследование асс.-проф. **Е.Ю. Медведева** (Международный университет информационных технологий, Алматы, Казахстан) и **Л.Д. Нциву Батиако** (РУДН, Москва, Российская Федерация) «Трансформации языка дипломатической переписки стран Антанты и Германии перед началом Первой мировой войны», в котором описываются особенности дипломатического языка и обсуждается степень подверженности языка дипломатической переписки трансформациям в условиях политического кризиса на материале текстов «Оранжевой книги» (сборника дипломатической переписки). В статье доц. **Ю.А. Евграфовой** (Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация) «Троп как результат семиотической интерполяции вербальных и невербальных единиц в гетерогенном экранном тексте (на примере кинотекста «Фауст» А. Сокурова)» продолжена тема поликодового текста и рассмотрены особенности артикуляции значения и взаимодействие вербальных и невербальных единиц в динамическом развертывании в аудиовизуальном тексте. **В.Е. Анисимов** (РУДН, Москва, Российская Федерация) в исследовании «Интертекстуальность малоформатных текстов французского кинодискурса» на основе теории транстекстуальности Ж. Женетта анализирует кинозаголовки, синопсисы и слоганы кинофильмов как части семиотического пространства кинотекста. **О.Н. Колышева** (РУДН, Москва, Российская Федерация) в статье «Нарратив

как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны»)» выделяет основные черты нарративов и предлагает описание понятия, структуры и типов мнемической ситуации на материале текстов, содержащих воспоминания о Великой Отечественной войне.

Завершает выпуск рецензия доц. **В.Г. Ищенко** (Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Российская Федерация) на учебное пособие Е.А. Крутько и А.С. Комковой «Changing World Of Global Business = Основы ведения внешнеэкономической деятельности: английский язык для магистрантов».

The current issue of the RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics presents the articles of the following sections: ***Symbolism and Metalanguage of Linguistics***, ***Paroemiae in Language and Text*** and ***Semiotics of Text and Discourse***, integrated to denote and discuss the general study of semantics embodying the universals and specifics of language and text. The issue starts with the article by Prof. **A.Ye. Agmanova** and Prof. **Z.K. Temirgazina** (**Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan**) "Modern Russian Studies in Kazakhstan: Professor E.D. Suleimenova (devoted to the 75th Birth Anniversary)" analyzing the contribution of Prof. E.D. Suleimenova in the modern Russian studies in Kazakhstan and paying the homage on the occasion of the 75th Jubilee which is due in April, 2020.

Sector ***Symbolism and Metalanguage of Linguistics*** publishes the study of Prof. **T.Eu. Vladimirova (MSU, Moscow, Russian Federation).** "Semantic Continuum of Myth", which explores the myths of the Heavenly Deer and the consequent lexical and semantic fields they evoke. The article by Prof. **T.G. Nikitina (Pskov State University, Pskov, Russian Federation)** "Structural-semantic Modeling in Phraseology: Forty Years of Experience and the Prospects" reviews the research experience of both Russian and foreign linguists-phraseologists in the mainstream of the scientific school of Prof. V. M. Mokienko to set the prospective to use structural and semantic modelling in the field of paroemia units, which the Editorial Board of the Journal publishes in English. Paroemialogical theme is developed in the work by Prof. **E.I. Seliverstova** (**St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russian Federation**) "Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages" studying the levels to help identify typological similarities within thematic spheres including the so-called proverbial condensates in French, Czech, Chuvash, Udmurt, Chinese and Japanese languages in comparison with Russian. The article "Axiology of Proverbs in the Focus of the Problem of Cognitive-Discursive Modeling of Semantics of Russian Proverbs" by Prof. **N.N. Semenenko (Stary Oskol Affiliated Branch of the Belgorod State national-research University, Stary Oskol, Russian Federation)** treats the issues to determine the value factor in the semantic structure of paroemiae, which is qualified as a syncretic sign combining the properties of a texteme (linguistic sign) and utterance (discourse unit). Ass.-Prof. **O.V. Shkuran (Lugansk National University n.a. Taras Shevchenko, Donetsk, Ukraine)** analyzes a number of lexical-and-semantic variations of a Russian lexeme *сакральный* ('sacral') on the entries of etymological dictionaries, mythological notions and images, folklore texts, phraseological and paroemialogical contexts in the article "The Adjective "sacred" in Met-

alinguistics of the Language: Functional-Semantic Research". The article by Prof. **V.I. Koval (Gomel State University n.a. Francis Scorina, Gomel, Republic of Belarus)** "Symbol of Mouse in Slavonic and Chinese Linguocultures" presents the comparative description of main symbolic meanings of the zoonym in both linguocultures under the study and approves the sources of negative connotations of Mouse-image revealed to collocations, folklore texts, ethnic cultural records, traditional popular prints, etc.

Sector of ***Paroemiae in Language and Text*** starts with the study of Ass.-Prof. **M.A. Bredis (RUDN University, Moscow, Russian Federation), M.S. Dimoglo &** Prof. **O.V. Lomakina (Svyato-Tikhonovskiy Orthodox University of Humanities, Moscow, Russian Federation)** "Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential" which discusses the thematic and ideographical principles to classify paroemias, describes peculiarities of historical and etymological, functional and linguocultural studies of paroemialogical units. The authors of the article pay special attention to comparative and contrastive linguocultural analyses as the important aspect to study paroemia. The publication by Prof. **I.A. Podyukov (Perm Federal Research Center of the RAN Ural Branch, Perm, Russian Federation) "**Peculiarities of the Phraseological Content of Perm Old Believer Dialects" brings forward the analysis of thematic set, imagery and variations of phraseological units as a data source of the scheme and mode of life and spiritual evidence of the Old Believers of Perm Krai. The work by Ass.-Prof. **T.G. Orlova (RUDN University, Moscow, Russian Federation)** "The Implementation of the Conception of *Friendship* on the Basis of Comparative Structural-Semantic Analysis of English and Russian Proverbs" observes the realization of a number of modes to understand and represent *friendship* in paroemialogical units of the two unrelated ethnos. Similar topic is developed in the article by a group of the RUDN authors: Ass.-Prof. **M.E. Kaskova,** Ass.-Prof. **O.V. Ustinova, E.K. Bolshakova (RUDN University, Moscow, Russian Federation)** "Phraseological Units with the Word "Bread" in Russian, French and Italian Linguocultures", which studies the mechanisms of the secondary nomination in various languages and describes the paroemia including the *bread* lexeme, the one that undergoes changes of its lexical meanings.

Sector ***Semiotics of Text and Discourse*** is previewed with the article by Prof. **E.A. Krasina, Eu.S Rybinok, Alia Moctar (RUDN University, Moscow, Russian Federation) "**Film Naming: Book Titles and Film Titles" which studies a film text as a polycoded phenomenon and the relations between a film story and screenplay as well. The study of Ass.-Prof. **M.V. Belyakov (MGIMO University, Moscow, Russian Federation)** and Prof. **O.I. Maksimenko (Moscow State Regional University, Moscow Region, Russian Federation) "**Communicative and Emotive Characteristics of the Diplomatic Idiolect" applies quantitative computer-assisted content-analysis and computer-assisted semantic analysis to discuss professional diplomatic idiolect on the material of S.V. Lavrov's selected speeches. Ass.-Prof. **Eu.Yu. Medvedev (International University of Information Technologies, Almaty, Kazakhstan)** and **Lauzin Duborgel Ntsiwou Batiako** (**RUDN University, Moscow, Russian Federation**) "Transformations of the Language of Diplomatic Correspondence between the Entente Countries and Germany before the First World

War" continue to describe peculiarities of diplomatic idiolect and discuss the extent of transformation of diplomatic correspondence under the conditions of political crisis on the collection of the texts of diplomatic correspondence in the so-called "Orange Book" The article by Ass.-Prof. **Yu.A. Evgfafova (Moscow State Regional University, Moscow Region, Russian Federation)** "Trope as the Result of Semiotic Interpolation of Verbal and Non-Verbal Units in Heterogeneous Text (case study of film text "Faust" by A. Sokurov)" once again brings forward the topic of polycoded texts and reviews the articulation of meaning and interaction of verbal and non-verbal units in the dynamic extension of audio-visual text presentation. **V.Eu. Anisimov** (**RUDN University, Moscow, Russian Federation**) study of "Intertextuality of the Small Texts of the French Film Discourse" proceeding from the theory of G. Genette, analyzes film titles, synopses and film taglines as integral parts of the film text semiotic space. **O.N. Kolysheva** (**RUDN University, Moscow, Russian Federation**) presents the article of "The Narrative as a Mnemonic Text (based on "Children of War" Narratives)" and marks main features of narratives while offering to describe notions, structures and types of mnemonic situation on the texts containing the reminiscences of the Great Patriotic War.

The "Review of the Manual: E.A. Krutko, A.S. Komkova Changing World of Global Business = World Economy Activity: Basics. English for Master's Program Students" by **V.G. Ishchenko (Siberian State University of transport routes, Novosibirsk, Russian Federation)** finalizes publications the issue of the Journal.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 151–160
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

К юбилею проф. Э.Д. Сулейменовой
To the Anniversary of E.D. Suleymenova

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-151-160
УДК 811.161.1'37(574)

Обзорная статья / Review article

Современная казахстанская русистика: профессор Э.Д. Сулейменова (к 75-летию со дня рождения)

А.Е. Агманова[1], З.К. Темиргазина[2]

[1,2]Павлодарский государственный педагогический университет
140000, г. Павлодар, ул. Мира, 60, Казахстан
[1]agmanova@mail.ru; [2]zifakakbaevna@mail.ru

Статья приурочена к семидесятипятилетнему юбилею Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой — известного казахстанского ученого, доктора филологических наук, профессора, академи-

© Агманова А.Е., Темиргазина З.К., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

ка Международной академии высшей школы. Вклад Э.Д. Сулейменовой в развитие филологического образования и современной языковедческой науки рассмотрен сквозь призму основных направлений ее многогранной научно-педагогической и общественной деятельности. Особое внимание уделено фундаментальным трудам ученого в области общей и контрастивной семантики, социолингвистики и теории усвоения второго языка. В статье получили освещение результаты прикладных исследований профессора Сулейменовой, связанных с теоретическим обоснованием принципов лексикографической разработки метаязыковых единиц и их практической реализацией в созданных под ее руководством двуязычных словарях («Словарь по языкознанию», справочник «Языки народов Казахстана», «Официально-деловой язык: казахско-русский словарь сочетаемости», «Словарь социолингвистических терминов»), а также воплощением ее лингвопедагогических идей в школьных и вузовских учебниках.

Ключевые слова: общая и контрастивная семантика, теоретическая и прикладная лексикография, социолингвистика, теория усвоения второго языка

История статьи:
Дата поступления: 01.02.2020
Дата приема в печать: 22.02.2020

Для цитирования:
Агманова А.Е., Темиргазина З.К. Современная казахстанская русистика: профессор Э.Д. Сулейменова (к 75-летию со дня рождения) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 151—160. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-151-160

UDK 811.161.1’37(574)

Modern Russian Studies in Kazakhstan: Professor E.D. Suleimenova (Devoted to 75th Birth Anniversary)

Atirkul Ye. Agmanova[1], Zifa K. Temirgazina[2]

Pavlodar State Pedagogical University
60, Mira Street, Pavlodar, Kazakhstan, 140000
[1]agmanova@mail.ru; [2]zifakakbaevna@mail.ru

The article is timed to coincide with 75th anniversary of Eleonora Dyusenovna Suleimenova, who is a famous scientist of Kazakhstan, Doctor of Philology, academic of International Higher Education Academy. The contribution of E.D. Suleimenova to the development of modern linguistics is considered in the context of her basic multifaceted scientific, educational and social activities. A special attention is paid to the academic’s fundamental works in General and Contrastive Semantics, Sociolinguistics and Theory of Second Language Acquisition. In the present article some practical research results of Suleimenova have been discussed, those of theoretical foundation of lexicographic principles of metalinguistic units and their realization in two language dictionaries, compiled by her guidance (“Glossary in Linguistics”, Languages of peoples of Kazakhstan” Reference book, “Business Language: Kazakh-Russian Dictionary of collocations”, “Glossary of Sociolinguistic terms”). Some other linguistic and educational ideas of the scientist that have been reflected in the textbooks for both school and university students have also been viewed.

Key words: General and Contrastive Semantics, Theoretical and Applied Lexicography, Sociolinguistics, Theory of Second Language Acquisition

Article history:
Received: 01.02.2020
Accepted: 22.02.2020

For citation:
Agmanova, A.Ye. & Temirgazina, Z.K. (2020). Modern Russian Studies in Kazakhstan: Professor E.D. Suleimenova (Devoted to 75th Birth Anniversary). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 151—160. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-151-160

Сулейменовой Элеоноре Дюсеновне — выдающемуся казахстанскому ученому, доктору филологических наук, профессору, академику Международной академии наук высшей школы, Президенту Казахстанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, члену Президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы — 6 апреля 2020 г. исполняется 75 лет.

Один из наиболее авторитетных представителей казахстанской школы русистики, профессор Сулейменова много сделала для развития не только отечественного, но и современного языкознания в целом. Блестящее образование, незаурядные исследовательские способности, широта научного кругозора позволили Элеоноре Дюсеновне создать свою научную школу, в которой развивается несколько направлений: общая и контрастивная семантика и прагматика; металингвистика: теоретическая и прикладная лексикография; социолингвистика; теория и практика усвоения второго языка.

Формирование ее как ученого проходило в традициях московской школы языкознания. Сначала в стенах МГПИИЯ им. М. Тореза, где в 1969 г. под руководством ученого с мировым именем, доктора филологических наук, профессора Г.В. Колшанского была защищена кандидатская диссертация «Проблема определения языка как объекта лингвистики (историко-аналитическое исследование)», затем в МГУ им. М.В. Ломоносова в 1992 г. — докторская диссертация «Семантические параметры слова в интерлингвальном исследовании». Ее докторское исследование получило высокую оценку оппонентов — известных ученых-филологов: проф. Ю.В. Рождественского, проф. Г.П. Мельникова, проф. Ю.А. Сорокина, и заложило основы одного из направлений ее научно-исследовательской деятельности — общая и контрастивная семантика и прагматика.

Получившие широкое признание в лингвистическом сообществе труды Э.Д. Сулейменовой «Понятие смысла в современной лингвистике» (1989) [1], «Основы контрастивной лингвистики» (1992, 1996) [2] демонстрируют глубину и широту научных познаний в области теории языка, прекрасный научный слог, точное владение понятийным аппаратом и умение излагать доступно и аргументированно сложнейшие теоретические вопросы современной языковедческой науки. В монографии «Понятие смысла в современной лингвистике» автор освещает одну из «вечных» проблем теории языка — соотношение смысла и значения. Рассматривая точки зрения различных ученых на понятие смысла, Э.Д. Сулейменова отмечает, что противопоставление смысла и значения во многих случаях трактуется как противопоставление языка и речи. Не соглашаясь с подобным подходом, она пишет: «Значение и смысл формируются и

функционируют только в единстве, будучи взаимосвязаны не только генетически, но и функционально» [1. С. 144]. Иначе говоря, ни понятие значения, ни понятие смысла с онтологической точки зрения не могут существовать раздельно и, соответственно, не могут быть репрезентированы в языковых единицах различной коммуникативной направленности.

Элеонора Дюсеновна — лингвист-теоретик, однако не менее значима результативность ее прикладных исследований. Разносторонне и ярко проявился научно-организаторский талант Элеоноры Дюсеновны в создании коллективом кафедры общего языкознания КазНУ им. аль-Фараби «Словаря по языкознанию» (1998) [3], который представляет собой первый опыт разработки в отечественной терминографии двуязычного словаря, содержащего более 1300 лингвистических терминов на русском и казахском языках. В словаре реализован новый принцип многоаспектного описания терминов, включающего элементы терминологического, переводческого, энциклопедического и толкового словарей. Теоретические принципы лексикографической разработки метаязыковых единиц, рассматриваемые в многочисленных статьях и выступлениях Элеоноры Дюсеновны, позднее получили свою практическую реализацию в разработанных под ее руководством словарях: «Официально-деловой язык: казахско-русский словарь сочетаемости» (2005) [4], справочник «Языки народов Казахстана» (2007) [5], «Словарь социолингвистических терминов» (2008, 2020) [6; 7]. Переизданный в 2020 году «Словарь социолингвистических терминов» [7] представляет собой уникальный лексикографический источник, содержащий дефиниции более 650 современных социолингвистических терминов, представленных на двух языках: русском и казахском. Ко многим терминам дана этимологическая справка, для части терминов определены источники их появления и формирования, посредством взаимных отсылок в тексте словарной статьи уточняются связи и системные отношения между терминами. Словарь является новаторским, отражающим современное состояние социолингвистических исследований и, по мнению многих лингвистов, одним из лучших на постсоветском пространстве.

Фундаментальные труды Э.Д. Сулейменовой получили высокую оценку широкой лингвистической общественности и стали настольными книгами не только для ученых-лингвистов и преподавателей, но и для студентов и магистрантов. По мнению зарубежных коллег, о значимости и перспективности результатов научных изысканий профессора Э.Д. Сулейменовой для современной науки свидетельствуют «как лингвистические, так и собственно социолингвистические исследования коллег из разных стран ближнего и дальнего зарубежья (А. Мустайоки (Финляндия); У. Риверс (США); Т.П. Млечко (Молдова); М. Джусупов (Узбекистан); О.Б. Алтынбекова, Д.Х. Аканова, Ж.С. Смагулова, Н.Ж. Шаймерденова (Казахстан); У.М. Бахтикиреева, Е.Н. Кремер, Л.П. Дианова (Россия); С.А. Гринберг (Белоруссия) и многих других)» [8]. Говоря о высокой продуктивности положений и выводов, сформулированных Э.Д. Сулейменовой, профессор У.М. Бахтикиреева отмечает: «Методы и методология исследования сулейменовской школы легли в основу диссертационных работ и монографических исследований ее учеников, приобретших известность за пределами Казахстана; активно исполь-

зуются методы и алгоритмы исследовательских приемов этой школы и нами, российскими исследователями» [8. С. 182].

Большой вклад сделан Элеонорой Дюсеновной в развитие социолингвистики («Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане» (2005) [9], «Макросоциолингвистика» (2011) [10]; «Языковые процессы и политика» (2011) [11], «Выбор языка и корреляции языковой трансмиссии» (2016) [12] и др.). В ее исследованиях с позиций контрастивной лингвистики рассматриваются проблемы двуязычия, основные тенденции развития русского и казахского языков, ставится вопрос о когнитивном, креативном и педагогическом аспектах развития и существования личности во втором языке; исследуются особенности существующей языковой ситуации и политики языкового возрождения в Казахстане.

Целый ряд работ профессора Э.Д. Сулейменовой посвящен изучению сущностных проявлений языковой и этнической идентичности, особенностей их модификации и развития в условиях стремительно меняющейся языковой ситуации и динамичных этнодемографических процессов [6; 7; 10; 12—16]. Языковая идентификация определяется ученым как «постоянный процесс инкультурации и интеграции человека в общество», поскольку «язык помогает ему социализироваться, усвоить культурные и социальные нормы, поддерживать отношения в пределах этнических, возрастных, гендерных, социально-ролевых и иных групп». В полиязычном обществе «языковая идентификация осложняется выбором одного из софункционирующих языков и необходимостью непрерывного определения собственного отношения к этим языкам и мобильной самооценки языкового поведения» [10. С. 181]. В связи с этим рассматриваются возможные случаи «кризиса идентичностей»: конфликт между этнической и языковой идентичностями; переход от одной языковой идентичности к другой, более актуальной в данное время и в данном месте (смена статуса языка); смена этнической группой своего языка; сохранение частью коллектива сложившихся стереотипов, несмотря на смену приоритетов в обществе.

Особое внимание уделяется проблеме подвижности этнической и языковой идентичности среди молодого поколения. Исследование было выполнено в рамках проекта INTAS «New language identity in transforming societies: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan» (2005 г.). Последующие исследования (по проекту Комитета по языкам Министерства культуры Республики Казахстан «Этноязыковая ситуация в Республике Казахстан: настоящее и будущее», 2009 г.), направленные на анализ и оценку динамики языковой ситуации во взаимосвязи с этнодемографическими процессами, способствовали расширению эмпирического материала и углублению изучения проблем языковой и этнической идентичности в условиях современного Казахстана. Сопоставление материалов трех социолингвистических исследований (2003 г., 2005 г., 2009 г.) позволило понять и оценить динамичные процессы этнической и языковой идентичности среди молодого поколения [10. С. 273]. Полученные выводы важны как для теоретического осмысления рассматриваемой проблемы, так и для практики языкового планирования и языкового строительства.

Достаточно результативны изыскания Э.Д. Сулейменовой в области еще одного из научных направлений — теории усвоения второго языка. Теоретико-

методологическое обоснование данного направления, представленное в многочисленных статьях и работе «Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики» (1992, 1996) [2], получило дальнейшее развитие в трудах ее учеников. Становление двуязычной личности в процессе усвоения второго языка связано с особенностями формирования знаний, экстериоризация которых предполагает не простое приобретение совокупности новых знаний (лингвистических и экстралингвистических), а усвоение новых способов достижения коммуникативных целей посредством иноязычных вербальных средств. Национально-специфические черты пронизывают все уровни языковой системы и отражают особенности национального миропонимания.

Основополагающими, на наш взгляд, являются положения и выводы Э.Д. Сулейменовой о креативном характере процесса усвоения второго языка. Подчеркивая комплексный, сложный характер процесса билингвализации личности, Э.Д. Сулейменова отмечает, «что феномен лингвистического развития личности во втором языке — это не простое получение информации, а онтогенез личности во втором языке, интериоризация нового знания и нового опыта, преобразование, созидание и обогащение личности в нейропсихологическом, социальном и др. отношениях, реализация языковой способности человека на новом уровне», что позволяет рассматривать его с позиций различных дисциплин — психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики [2. С. 80]. В рамках данного направления под руководством профессора Сулейменовой в докторских диссертациях были разработаны оригинальные теории и модели усвоения второго языка [17—20]. В них содержится научное обоснование предлагаемых моделей овладения вторым языком, непосредственно связанных с практикой обучения неродному языку. Как отмечает профессор Э.Д. Сулейменова, «теории усвоения второго языка, разработанные казахстанскими лингвистами, органически включаются в общую теорию усвоения второго языка и способствуют более глубокому пониманию когнитивных и языковых механизмов овладения русским как вторым языком» [21].

Оригинальные лингвопедагогические идеи ученого нашли свое реальное воплощение как в школьных, так и в вузовских учебно-методических комплексах по русскому и казахскому языкам (12 учебников с грифом МОН РК), а также 11 мультимедийных модулях (Kazakh Language Modul 1—3 Central Asian News Broadcasts и Modul 4—11 Windows on Central Asian Culture).

Научная и педагогическая деятельность Э.Д. Сулейменовой тесно связана с Казахским национальным университетом им. аль-Фараби, где она трудится уже на протяжении 50-ти лет. Будучи заведующим кафедрой общего языкознания (1995—2009 гг.), деканом филологического факультета (2000—2002 гг.) КазНУ им. аль-Фараби, Элеонора Дюсеновна сумела сплотить вокруг себя по-настоящему творческий коллектив единомышленников, талантливых молодых ученых и направить их исследовательский потенциал на реализацию крупномасштабных перспективных научных проектов. За это время под ее научным руководством защищены 19 докторских, 40 кандидатских диссертаций, 7 диссертаций на соискание степени доктора философии PhD.

Элеонора Дюсеновна — член Президиума МАПРЯЛ (с 1999), президент КАЗПРЯЛ (с 1998), член Общественного совета по языкам и культуре государств-участников СНГ (Москва, с 2000), член НЭС Ассамблеи народа Казахстана (с 2011), эксперт, член ученого совета INTAS (Brussels, 2000—2006), член редколлегии журналов «Russian Language Journal» (Washington), «Русский язык за рубежом» (Москва), член Международного редакционного совета журнала «Вестник МАПРЯЛ» (Москва), член Международного редакционного совета журнала «Филологические науки» (Москва).

Э.Д. Сулейменова достойно представляет казахстанскую русистику на международной арене. Как блестящий ученый-педагог и организатор науки, Элеонора Дюсеновна подготовила и провела целый ряд масштабных международных научных форумов и конференций, в которых приняли участие известные ученые-филологи ближнего и дальнего зарубежья. Большим событием для Казахстана стало проведение XIV Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русское слово в многоязычном мире» в период с 29 апреля по 4 мая 2019 года в столице Казахстана — Нур-Султане. Это результат многолетнего активного участия казахстанских русистов во главе с президентом КАЗПРЯЛ в проводимых по всему миру мероприятиях МАПРЯЛ, факт признания научного авторитета Э.Д. Сулейменовой и вклада казахстанских ученых в развитие русской филологии в рамках деятельности МАПРЯЛ.

В этой связи весьма знаменательна высокая оценка зарубежных коллег деятельности Э.Д. Сулейменовой в качестве президента КАЗПРЯЛ и члена Президиума МАПРЯЛ: «Огромный труд и большой научный авторитет Э.Д. Сулейменовой помог объединить усилия лингвистов, литературоведов, преподавателей казахстанских вузов и учителей русского языка и литературы школ Казахстана. Казахстанское языкознание получило мировое признание во многом благодаря плодотворной работе КАЗПРЯЛ» [22. С. 171]; «Творческая энергия и умелое руководство Э.Д. Сулейменовой, а также вовлечение большого числа специалистов в процесс изучения и поддержки русского языка способствуют тому, что КАЗПРЯЛ успешно и результативно работает в научно-исследовательских проектах, создании учебников и учебных пособий, словарей и справочников. Самой большой, заметной и активной делегацией на всех конгрессах МАПРЯЛ являются представители казахстанской русистики» [22. С. 175].

Под руководством Э.Д. Сулейменовой выполнен целый ряд международных научно-исследовательских проектов («Yeni Turkiye» (Ankara, 2001), «New language identity in transforming societies: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan (INTAS, Brussels, 2005—2008), «Six Language development Project: Kikongo, Hausa, Yoruba, Kazakh, Uzbek, Tajik» — ACTR/ACCELS, WASHINGTON (2008-2010).

Плодотворная научная деятельность ученого-педагога по достоинству отмечена правительственными наградами: нагрудный знак «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» (2001); Почетная грамота РК «За заслуги перед государством и значительный вклад в социально-экономическое и культурное развитие страны, а также активную общественную деятельность» (2004);

нагрудный знак «Почетный работник образования Республики Казахстан» (2009); орден «Құрмет» (2009); медаль А.С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка» (2009, по линии МАПРЯЛ), медаль Ассамблеи народа Казахстана «Бірлік» (2014), нагрудный знак «Мейірім» Ассамблеи народа Казахстана (2019) и др.

В настоящее время многочисленные ученики профессора Сулейменовой — кандидаты и доктора наук, доктора PhD — трудятся в разных уголках страны и за ее пределами (МГУ им. М.В. Ломоносова, Московский государственный лингвистический университет, Массачусетский технологический университет, Университет Анкары и др. вузы), продолжая развивать основные направления научных изысканий своего Учителя.

Незаурядный талант большого ученого и педагога, смелость и актуальность выдвигаемых идей, глубина исследовательских решений, неиссякаемая творческая энергия, трудолюбие, креативность, целеустремленность, исключительное человеческое обаяние Элеоноры Дюсеновны вызывают искреннее уважение и продолжают восхищать ее коллег и последователей.

Библиографический список

1. *Сулейменова Э.Д.* Понятие смысла в современной лингвистике. Алматы: Мектеп, 1989.
2. *Сулейменова Э.Д.* Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики. Алматы: Демеу, 1992; Алматы: Демеу, 1996.
3. Словарь по языкознанию (на казахском и русском языках). Отв. ред. Э.Д. Сулейменова. Алматы, 1998.
4. *Сулейменова Э.Д., Алдаш А., Алдаш Ж., Аканова Д.* Официально-деловой язык: казахско-русский словарь сочетаемости. Алматы, 2005.
5. *Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аканова Д.Х.* Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник. Алматы: Арман-ПВ, 2007.
6. *Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х.* Словарь социолингвистических терминов. Алматы: Арман-ПВ, 2008.
7. *Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х.* Словарь социолингвистических терминов. Изд. 2-е, доп. Алматы, 2020.
8. *Бахтикиреева У.М., Брагина М.А.* Воля к формированию новых смыслов: профессор Э.Д. Сулейменова. Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2015. № 2. С. 179—189.
9. *Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С.* Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане / Под общ. ред. Э.Д. Сулейменовой. Алматы, 2005.
10. *Сулейменова Э.Д.* Макросоциолингвистика. Алматы, 2011.
11. *Сулейменова Э.Д.* Языковые процессы и политика. Алматы, 2011.
12. *Сулейменова Э.Д., Акберди М., Койшыбаева Г.* Выбор языка и корреляции языковой трансмиссии. Алматы, 2016.
13. *Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С.* Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. Алматы: Қазақ университеті, 2005.
14. *Сулейменова Э.* (2010а). Temporamutantur, etnosmutamurinillis: этническая и языковая идентичность // Динамика языковой ситуации. Алматы, 2010. С. 122—164.
15. *Сулейменова Э.* (2010б). Кризис этнической и языковой идентичности // Динамика языковой ситуации. Алматы, 2010. С. 165—180.
16. *Сулейменова Э.* (2010в). Главный вектор гражданской идентичности // Динамика языковой ситуации. Алматы, 2010. С. 48—66.
17. *Екшембеева Л.В.* Языковые модули и проблемы обучения. Алматы, 2000.

18. *Нуршаихова Ж.А.* Алгоритмизированный синтаксис. Алматы, 2002.
19. *Утебалиева Г.Е.* Теория и практика усвоения второго языка. Алматы, 2007.
20. *Агманова А.Е.* Предикативность: теория и моделирование усвоения второго языка. Павлодар: ЭКО, 2007.
21. *Сулейменова Э.Д.* Новые научные парадигмы в казахстанской науке о русском языке // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии. Астана: ИД «Сарыарка», 2009. С. 3—25.
22. *Брунова Н.В.* КАЗПРЯЛ — флагман казахстанской русистики / Сулейменова Э. Өнегелі өмір / Под ред. Г.М. Мутанова. Алматы, 2015.

References

1. Suleimenova, E.D. (1989). *The notion of meaning in modern linguistics*. Almaty: Mektep. (In Russ.).
2. Suleimenova, E.D. (1996). *Kazakh and Russian: Basics of Contrastive linguistics*. Almaty: Demeu, 1992; Almaty: Demeu. (In Russ.).
3. Glossary in linguistics (in Kazakh and Russian languages). (1998). Executive editor: Suleimenova E.D., Almaty.
4. Suleimenova, E.D., Aldash, A., Aldash, Zh., Akanova, D. (2005). *Business language*: Kazakh–Russian Dictionary of collocations. Almaty.
5. Suleimenova, E.D., Shaimerdenova, N.Zh., Akanova, D.Kh. (2007). *Languages of Peoples of Kazakhstan*. Sociolinguistic Reference book. Almaty: Arman-PV. (In Russ.).
6. Suleimenova, E.D., Shaimerdenova, N.Zh., Smagulova, Zh.S. & Akanova, D.Kh. (2008). *Glossary of sociolinguistic terms*. Almaty: Arman-PV. (In Russ.).
7. Suleimenova, E.D., Shaimerdenova, N.Zh., Smagulova, Zh.S., Akanova, D.Kh. (2020). Glossary of sociolinguistic terms. 2nd Edition, Almaty. (In Russ.).
8. Bakhtikireeva, U.M. & Bragina, M.A. (2015). The will to create new meanings. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 6*(2), 179—189. (In Russ.).
9. Suleimenova, E.D. & Smagulova, Zh.S. (2005). *Linguistic situation and language planning in Kazakhstan*, E.D. Suleimenova (Ed.). Almaty. (In Russ.).
10. Suleimenova, E.D. (2011). *Macro-Sociolinguistics.* Almaty. (In Russ.).
11. Suleimenova, E.D. (2011). *Language process and language policy*. Almaty. (In Russ.).
12. Suleimenova, E.D., Akberdi, M. & Koishibayeva, G. (2016). *Language choice and language transmission correlation.* Almaty. (In Russ.).
13. Suleimenova, E.D. & Smagulova, Zh.S. (2005). *Linguistic situation and language planning in Kazakhstan*. Almaty: Kazakh universitety. (In Russ.).
14. Suleimenova, E. (2010а). Temporamutantur, etnosmutamurinillis: ethnic and language identity In *Dynamics in language situation*. Almaty. 122—164.
15. Suleimenova, E. (2010б). Meltdown of ethnic and language identity In *Dynamics in language situation*. Almaty. pp. 165—180. (In Russ.).
16. Suleimenova, E. (2010в). Major vector of civil identity. In *Dynamics in language situation*. Almaty. pp. 48—66. (In Russ.).
17. Yekshembeyeva, L.V. (2000). *Language module and teaching problems*. Almaty. (In Russ.).
18. Nurshaikhova, Zh.A. (2002). *Algorithm syntax*. Almaty.
19. Utebaliyeva, G.E. (2007). *Theory and Practice of Second Language Acquistion*. Almaty. (In Russ.).
20. Agmanova, A.Ye. (2007). *Predicativity: Second Langauge Acquisition Theory and Modeling*. Pavlodar: EKO. (In Russ.).
21. Suleimenova, E.D. (2009). New scientific paradigms of the Russian language in Kazakhstan In *The Russian language as a language of intercultural and business cooperation in polylingual context of Eurasia*. Astana: «Saryarka» Publishing. pp. 3—25. (In Russ.).

22. Brunova, N.V. (2015). Kazakhstanian Accosiation of Teachers of Russian Language and Literature — Mother Ship of Russian Studies in Kazakhstan In *Suleimenova E. Onegili omir*, G.M. Mutanova (Ed.). Almaty. (In Russ.).

Сведения об авторах:
Агманова Атиркуль Егембердиевна, доктор филологических наук, профессор Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского государственного педагогического университета; *научные интересы*: теория усвоения второго языка, межкультурная коммуникация, социолингвистика; *e-mail*: agmanova@mail.ru.

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского государственного педагогического университета; *научные интересы*: лингвистическая аксиология, синтаксис современного русского языка, прагматика, семиотика; *e-mail*: zifakakbaevna@mail.ru.

Information about the authors:
Agmanova Atirkul Egemberdievna, Doctor of Philology, Professor of the Higher School of Humanities of Pavlodar State Pedagogical University; research interests: theory of second language learning, intercultural communication, sociolinguistics; *e-mail*: agmanova@mail.ru.

Temirgazina Zifa Kakbaevna, Doctor of Philology, Professor at the Higher School of Humanities of Pavlodar State Pedagogical University; research interests: linguistic axiology, syntax of the modern Russian language, pragmatics, semiotics; *e-mail*: zifakakbaevna@mail.ru.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 161–174
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

Символика и метаязык лингвистики
Symbolism and Metalanguage in Linguistics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174
УДК 81’37:81’23:7.046.1

Научная статья / Research article

Семантический континуум мифа

Т.Е. Владимирова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Кржижановского, 24/35, Москва, Российская Федерация, 117218

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198
yusvlad@rambler.ru

Язык, первый культурный феномен, получил текстовое выражение в мифах, из которых древнейшие повествуют о мистическом родстве племени с животным. Рассмотрение возникших на этой основе концептов, а затем и «понятийных мифов» (О.М. Фрейденберг) о тотеме-первопредке делает возможным анализ их семантико-смысловых полей. При этом мы опирались на культурно-историческую концепцию Г.Г. Шпета, что позволило проследить эволюцию и последующую трансформацию семантико-смысловых полей мифа и таким образом раскрыть алгоритм формирования мифопоэтической традиции, ее угасания и вечного возвращения. В центре внимания данной работы семантико-смысловые поля мифов о Небесных оленихах / лосихах, культ которых растянулся более чем на шесть тысячелетий. Наблюдая за астральными объектами, служившими пространственно-временным ориентиром в охотничьем и оленеводческом промыслах, первобытные племена ощущали свое единство со звездными первопредками. Так, два созвездия из семи звезд, служившие первобытным охотникам и оленеводам ориентиром в пути, стали отождествляться на русском Севере с рогатой Матерью-оленихой / лосихой и ее дочерью, от которых зависит благополучие людей. Предпринятая в статье попытка сравнительно-исторической реконструкции семантико-смысловых полей на материале мифов о тотемах-первопредках позволила выделить три основных пласта. Это 1) энергийно «заряженное» поле мифа о посещении шаманом фантастических олених-рожаниц, в котором получило выражение религиозно-мифологическое сознание; 2) семантико-смысловое поле мифов, которые принадлежат художественно-героическому сознанию и повествуют о культурном герое, готовом на подвиг ради своей семейно-родовой общности; 3) семантико-смысловое поле мифа о Рогатой матери-оленихе в повести Ч.Т. Айтматова «Белый пароход (После сказки)», в которой рассказ о спасении детей-сирот сочетается с размышлениями автора, носителя культурно-исторического и философско-культурного типов сознания. Что же касается семантико-смысловых полей, характерных для разнообразных интерпретаций сюжетов о лосихе и лосенке, близких к бытовой сказ-

© Владимирова Т.Е., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

ке, охотничьему рассказу и анекдоту, то они соответствуют научно-техническому типу сознания, утратившему сакральную связь с мифом.

Ключевые слова: миф, концепт, тотем, сакральный, семантико-смысловое поле, хронотопический, бытие, эволюция, культурный герой

История статьи:
Дата поступления: 01.02.2020
Дата приема в печать: 22.02.2020

Для цитирования:
Владимирова Т.Е. Семантический континуум мифа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 161—174. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174

UDK 81’37:81’23:7.046.1

Semantic Continuum of Myth

Tatiana Eu. Vladimirova

Lomonosov Moscow State University
Krzhizhanovskogo st. 24/35, Moscow, Russian Federation, 117218
Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Language, the first cultural phenomenon, received textual expression in myths, of which the oldest tell of the mystical relationship of the tribe with the animal. Consideration of the concepts that arose on this basis, and then of “conceptual myths” (OM Freidenberg) about the totem-ancestor makes it possible to analyze their semantic-semantic fields. Moreover, we relied on the cultural-historical concept of G.G. Shpet, which allowed us to trace the evolution and subsequent transformation of the semantic-semantic fields of myth and thus reveal the algorithm for the formation of the mythopoetic tradition, its fading and eternal return. In the center of this work is semantic-semantic fields of myths about the Heavenly deer / moose cow, the cult which stretched over the more than six millennia. Observing the astral objects that served as a spatial-temporal reference point in the hunting and reindeer herding, primitive tribes felt their unity with the star ancestors. For example, two constellations of seven stars, which served the primitive hunters and reindeer breeders as a guide on the way, began to be identified in the russian North with the horned Reindeer Mother / moose cow and her daughter, from which the well-being of people depends. The attempt of comparative-historical reconstruction of semantic-semantic fields in article based on the material of myths about totems-forefathers made it possible to distinguish three main layers. These are 1) the energetically “charged” field of the myth of the shaman visiting the fantastic deer in labor, in which the religious and mythological consciousness received expression; 2) a semantic-semantic field of myths that belong to the artistic and heroic consciousness and narrate about a cultural hero who is ready for a feat for his family-tribal community; 3) the semantic-semantic field of the myth of the Horned mother-deer in the story of Ch. T. Aitmatova’s “White Steamboat (After the Tale)”, the rescue of orphans who became the ancestors of the Bugu tribe (‘deer’), and contains deep thoughts of the author, the bearer of cultural-historical and philosophical-cultural consciousness. As for the semantic-semantic fields, specific to the various interpretations of plots about a moose cow and a calf, close to a household fairy tale, a hunting story and a joke, so they correspond to the scientific and technical type of consciousness that has lost its connection with myth.

Key words: myth, concept, totem, sacred, semantic-semantic field, chronotopic, being, evolution, cultural hero

Article history:
Received: 01.02.2020
Accepted: 22.02.2020

For citation:
Vladimirova, T.Eu. (2020). Semantic Continuum of Myth. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 161—174. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174

Введение

Общность архаичной ступени человеческой эволюции обусловила тождественность коллективного психологического субстрата, или коллективного бессознательного (К.Г. Юнг). Хотя вряд ли справедливо лишать сознание первобытных общностей способности к мыследеятельности. Ведь рождение языка — это результат коллективного опыта бытия в непредсказуемом мире природы. Как следствие, пространственно-образное восприятие окружающей действительности активно дополнялось логико-вербальными стратегиями. А возникавшие мифообразы включали в себя ценностные ориентиры и сценарии должного поведения.

Попытаемся «взглянуть на отношения значения и смысла со стороны исторического развития человеческого сознания» [1. С. 147]. С этой целью обратимся к концепции Г.Г. Шпета, которая позволяет соотнести концепты и мифы с такими типами сознания, как *называющее* (язык), *религиозно-мифологическое*, *научно-техническое* (познающее), *культурно-историческое* и *философско-культурное*[1]. Кроме того, мы будем опираться на концепцию «единого континуума бытия-сознания» [3. С. 281], которое представляет собой целостное единство рефлексивной, бытийной (экзистенциальной) и сакральной (духовной) составляющих [2. С. 113]. Таким образом, данная работа выполнена в русле металингвистической традиции, объединяющей лингвистику, психологию и философию (Подробнее о металингвистической парадигме см. в [4]).

В качестве материала в статье использовались «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (1971); «Историко-этимологический словарь русского языка» П.Я. Черных (1993); Этнолингвистический словарь «Славянские древности» под общей редакцией Н.И. Толстого (1994—2012); «Краткая энциклопедия славянской мифологии» Н.С. Шапаровой (2001); «Мифология Древней Руси» А.Н. Афанасьева (2006); Энциклопедический словарь «Мифы народов мира» под общей редакцией С.А. Токарева (1980—1982) и фундаментальное исследование Б.А. Рыбакова «Язычество древних славян (1981), а также собрания мифов и преданий.

Далее в статье рассматриваются мифы о Небесных оленихах / лосихах и их семантические поля как *совокупности «значений,* связанных с одним и тем же фрагментом действительности» [5. С. 105].

[1] Архивные материалы Г.Г. Шпета были опубликованы в: [2. С. 79—80].

От сакрального концепта к мифам о тотеме-первопредке

Мифы о Небесных оленихах / лосихах восходят к сакральным номинациям тотема-первопредка и возникшим на их основе концептам и «понятийным мифам» (О.М. Фрейденберг), которые изначально становились ядром семантических полей. Принимая во внимание экзистенциально напряженное бытие первобытных общностей, а следовательно, и характерные для них «смысловые поля» (Л.С. Выготский), в данной работе речь пойдет о семантико-смысловых полях мифов и их хронотопических особенностях.

Чтобы проследить становление и развитие древнейших мифообразов Небесных олених / лосих, сосредоточим внимание на сакральных номинациях, уходящих корнями в индоевропейский субстрат. Это позволит восстановить начальную семантику «первокорня» (У.О. Карпенко) и на этой основе выявить те фундаментальные смыслы и интуиции слова, которые обусловили формирование соответствующих мифоконцептов и семантико-смысловых полей.

Архаичное мифомышление исключало прямое именование тотема-прародителя. Принимая во внимание действовавший закон «nomina sunt odiosa» («имена не подлежат оглашению»), можно полагать, что известные нам номинации соответствующих животных были не только сакральными, но и табуированными.

Когда же имя обожествляемого животного было забыто, для его называния использовались цветообозначения или характерные признаки: ‘бурый, желтый’ и ‘рог, рогатый’ [6. С. 134—135]. Так, сакральный общеиндоевропейский корень *el-:*ol- стал основой праславянских зоонимов (j)elenь ‘олень’ / *olsь ‘лось’, а затем и русских номинаций олень / олениха и лось / лосиха [7. С. 518]. Унаследовав внутреннюю форму, концепты приобретали сакральный статус и становились ядром семантико-смыслового поля, в котором формировались «понятийные мифы» (О.М. Фрейденберг) о тотеме-первопредке.

Чтобы представить смысловую насыщенность мифоконцептов «олениха» / «лосиха» и возникших на их основе мифов, обратим внимание также на следующее обстоятельство. Звездное небо с давних времен служило надежным пространственно-временным ориентиром при передвижении охотников и оленеводов, наблюдавших за звездами-путеводительницами. Ощущая свое единство с ними, человек воспринимал их как своих первопредков и покровителей.

Более того, архаичное (тотемное) сознание охватывало все окружающее человека пространство, включая и то, что в нем присутствовало. Поэтому «родственниками “по плоти” оказываются луна, грозы, радуга, трясогузки и т.д. <…> Иначе говоря, звезда, встающая над территорией тотемной группы, входит в состав тотемного тела» [8. С. 100]. При этом возникавшие в архаичном сознании «размытые диффузные образы» (В.Н. Топоров) тотема-первопредка не нуждались в подтверждении по принципу «было — не было» и не требовали причинно-следственной аргументации.

На русском Севере созвездия из семи звезд (Большая и Малая Медведицы) почитали как тотемов-первопредков и отождествляли их с Матерью-лосихой и Лосенком [9. С. 268; 10. С. 287]. Примечательно, что эвенки также называли эти

созвездия «Лосиха Хэглен» и «Лосенок Хэглен», а у тунгусо-маньчжурских народов бытовало название «Лось». В этой связи заметим, что Б.А. Рыбаков, рассматривая «замену двух звездных лосей двумя звездными медведицами, объяснял ее противостоянием тотемов различных фратрий: Лосихи / Лося и Медведицы / Медведя. В результате ослабление фратрии Лося завершилось переименованием созвездий в «Большую и Малую Медведицы» [11. С. 54].

Таким представляется называющий этап в развитии сознания. Со временем унаследованный «понятийный миф» и связанные с ним ритуальные магические действия выполняли функцию ядра в семантико-смысловом поле тотемистических преданий об оленихах / лосихах.

Тотем-первопредок в мифологической картине мира российских этносов

Небесные оленихи / лосихи были хорошо известны на Руси. В Ипатьевской летописи под 1114 годом есть следующая запись:

…Мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами: на полунощных странах спаде туча и в тои тучи спаде веверица (белка — Т.В.) млада акы поперво рожена и възрастьши и расходится по земли и пакы бывает другая туча и спадают оленци мали в неи и възрастают и расходятся по земли. Сему же ми есть послух посадник Павел Ладожкый и вси ладожане [12. С. 278].

Следовательно, и более века спустя после Крещения Руси в народе жили представления о Небесных оленихах, рожающих на небе белок / оленят, которые потом «расходятся по земли». Более того, Небесные оленихи отождествлялись с созвездием в «седмь звезд» и почитались как Оленихи-рожаницы, которым женщины «начали трапезу ставити» и «каши варятъ на собрание рожаницам», «крають хлебы и сиры и мед» [13. С. 141]. Церковь выступала в своих поучениях против этих языческих верований, но вышивки с рогатыми оленихами-рожаницами продолжали выполнять сакральную функцию в ритуалах, связанных с рождением, крестинами, свадьбой, поминками и т.п. вплоть до начала прошлого века [14. С. 475].

Сакральный статус Небесных олених и необходимость укрепления мистической связи с тотемом-первопредком получали выражение в ритуальных церемониях, призванных обеспечить выживание племени. Известен и особый обряд (теофагия), когда мясо тотемного животного определенным образом приготавливали и ели, считая это действо важнейшим способом общения с ним. Так, до нашего времени дошло северно-русское предание о двух оленихах, матери и дочери. Приведем это предание, записанное на Ваге, под Каргополем, Тихвином, Вологдой, Новгородом и на Белоозере, за которым отчетливо просматривается исходный миф о Матери-лосихе, готовой ради благополучия людей принести в жертву свое дитя:

В день рождества Богородицы самки оленя ежегодно приводили с собой детеныша, которого крестьяне закалывали и варили и им угощали приходящих, а мать отпущали. Когда же праздник приходился в постный день, тогда олени приходили накануне и праздновали накануне, что делается и до настоящего

времени (1902 г.), но теперь олени уже не приходят, и крестьяне приносят в жертву рогатый домашний скот [15. С. 136—137].

Таким образом, с принятием православного вероисповедания древний культ Олених-рожаниц постепенно растворился в Богородичном почитании.

В поисках мифа, объясняющего падение «оленцов» из тучи и сакрализацию олених-рожаниц, Б.А. Рыбаков обратил внимание на миф о таймырском шамане, который, чтобы получить особую силу, побывал в нижнем мире (мир мертвых), а затем в среднем (мир людей) и, наконец, оказался в верхнем мире, где живут Оленихи-рожаницы:

Войдя, шаман увидел на левой (женской) стороне чума двух нагих женщин, подобных оленям: покрытых шерстью, с ветвистыми оленьими рогами на голове. Шаман подошел к огню, но то, что шаман принял за огонь, оказалось светом солнечных лучей. Одна из женщин была беременна. Она родила двух оленят. Вторая женщина тоже родила двух оленят [15. С. 49—50].

Возвращаясь к летописному свидетельству, где говорится о контактах русичей с народом, проживавшим за Югрой и Самоядью, т.е. с нганасанами (самоеды — устаревшее название), заметим, что у них значительно дольше сохранялись патриархально-родовые отношения с пережитками матриархата. Поэтому особый исследовательский интерес представляют мифы и предания нганасан, потомков неолитических охотников на дикого оленя, которые проникли на Таймыр 6 тыс. лет назад и до недавнего времени сохраняли свой традиционный хозяйственный уклад.

Действительно, лаконичный рассказ о таймырском шамане, посвященном в тайны «Верхнего мира», объясняет падение из туч оленьцов и раскрывает мистический образ тотема как источника жизни и символа сакральной преемственности поколений. При этом замкнутое пространство чума, своего рода микрокосм, воспринимается как центр природно-космического мира, источник света и тепла, в котором шаман даже не обнаруживает себя. Но присутствие в нем человека, приобщившегося к сакральному знанию, с одной стороны, повышало достоверность увиденного, а с другой — привносило в миф о шамане особую экзистенциальную напряженность.

Рассматривая данное мифическое предание как энергийно «заряженное» семантико-смысловое поле, подчеркнем, что его ядром являются фантастические оленихи-рожаницы, «прародительницы всего», божественная энергия которых обеспечивает благополучие живущих на земле. Таким образом, экзистенциально напряженная картина пребывания шамана в сакральном пространственно-временном континууме, сопряженном с вечностью, превращала хаотичную и чреватую опасностями реальность в гармоничный космос.

Следовательно, ранние тотемистические мифы выполняли функцию универсалий культуры, которые создавали не только «смысловое поле» (Л.С. Выготский) и «эмоциональное поле» (Е.М. Мелетинский), но «энергетическое психологическое поле» (В.М. Бехтерев), способствуя сплоченности и выживанию родоплеменных общностей.

Такова мифопоэтическая концептуализация мира: ограниченное пространство (чум) вмещает в себя огненное солнце и свет его лучей. А фантастические

тотемы-прародительницы становятся воплощением вечности, олицетворяя прошлое, настоящее и будущее всех живущих на земле. Кроме того, хронотопический континуум мифа утверждал, с одной стороны, представление о размеренности и цикличности бытия, а с другой — идею иерархичности мира, центром которого выступали антропоморфные Небесные оленихи, мать и дочь. Подобного рода космизация и абсолютизация типичны для религиозно-мифологического сознания, которое задает сакральную призму мировосприятия, доступную для посвященных. Поэтому рефлексивная сторона сознания едва различима в мифе нганасан.

Таким представляется данный этап в эволюции сознания. В этой связи заметим, что у эвенков сохранился и более поздний вариант мифа, ядром которого является Мать-олениха Бугады Энинтын (‘относящаяся к Вселенной мать их’), почитаемая как Хозяйка Вселенной и мать зверей. Но в народной памяти «мистическое тело Матери-прародительницы Бугады Энинтын символически представляется в виде двух сестер-олених, объединенных силой слияния», за которой стоит повелитель Высшей Вселенной [16. С. 73—74].

Мифы о тотеме и культурном герое как отражение художественно-героического типа сознания

Переход от матриархата к патриархату в хозяйственной жизни и в системе кровнородственных отношений сопровождался повышением значимости мужчины и, как следствие, переносом сакральной функции от Небесных олених / лосих к Хозяину мира Лосю. Появление в мифопоэтической картине мира культурного героя, готового на подвиги ради людей, соответствовало более высокому, художественно-героическому, типу развивающегося сознания. В качестве иллюстрации сошлемся на миф (приводится в сокращении), записанный в 1976 году у эвенков на юго-востоке Якутии:

Это было давным-давно, когда земля еще не разраслась и была совсем маленькой, но на ней уже появилась растительность, жили животные и люди. В то время не было ночи, солнце светило круглые сутки. Однажды лось схватил солнце и побежал в сторону неба. Лосиха-матка, ходившая с лосем, побежала за ним. На земле наступила ночь. Люди пришли в замешательство. В то время среди эвенков жил знаменитый охотник и силач Мани. Он взял лук, позвал двух охотничьих собак и побежал вдогонку. Лось бежал по небу и, видя, что от собак вдвоем не уйти, передал солнце лосихе. Самка побежала в сторону севера к небесной дыре, чтобы скрыться от преследователей. Мани застрелил лося, но солнца у него не оказалось. Он стал стрелять в лосиху из своего богатырского лука. Первая стрела легла в двух промерах от ее туловища спереди, вторая — в одном, третья точно угодила в цель. Как только Мани отобрал солнце и вернул его людям, все участники космической охоты превратились в звезды. С тех пор происходит смена дня и ночи, и космическая охота повторяется. Каждый вечер лоси выкрадывают солнце, в свою очередь, Мани гонится за ними и к утру возвращает людям солнце [17. С. 9].

Если в нганасанском мифе о Небесных оленихах шаман никак не проявлял себя, оставаясь простым наблюдателем, то герой-охотник Мани предстает как че-

ловек действия, готовый к ежедневному подвигу ради общего блага. Являясь бесспорным центром семантико-смыслового поля, Мани не только преодолевает огромное пространство, но и устанавливает привычный распорядок смены дня и ночи. Поэтому хронотопические рамки поля и само повествование, базирующееся на «глагольном сюжетоведении» (М.Н. Кожина), приобретают не свойственную ранним мифам героическую тональность. Так, художественно-героическое сознание, освободившееся от представлений о тотеме-родоначальнике, рассказывает о космической охоте Мани на лося и его лосиху, превращая героя в сотворца мира.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи более обстоятельно остановиться на мифах о культурном герое (см. об этом в: [18]), отметим, что для более поздних вариантов характерен их выход за пределы традиционной мифопоэтики. В подтверждение сошлемся на мансийское предание об охоте на шестиногого лося, обращая внимание на близость его семантико-смыслового поля к детской сказке и фольклорной быличке, объясняющей названия светил:

Жил человек с женой, был у них маленький сын, в колыбели еще лежал. Однажды женщина пошла за водой и видит: менкв гонит шестиногого лося. Приходит домой, муж ее спрашивает: Что сказать имеешь? — Ничего нет, видела, как менкв шестиногого лося гнал. Мось-хум услышал это, выскочил из колыбели и побежал. Погнался за лосем. Долго, коротко гонялся за лосем, догнал и отрубил ему две задних ноги. Остались две передних да две средних. Дорога, по которой бежал Мось-хум, видна и теперь: это Млечный Путь. Также виден и лось — Большая Медведица. Раньше, когда лось имел шесть ног, его люди не могли догнать [19. С. 63—64].

Действительно, за свободной интерпретацией мифа о культурном герое и его космической охоте отчетливо просматривается детский адресат. Здесь нет экзистенциального напряжения, а хронотопическая целостность семантико-смыслового поля создается типичным для сказки зачином, а затем обыденным диалогом мужа с женой, которая видела погоню менква-великана за шестиногим лосем. В результате фантастическое преображение маленького Мось-хума в героя-охотника и демиурга преображают окружающий человека мир, делая его более гармоничным.

Обращает на себя внимание и тот факт, что на этой ступени эволюционирующего сознания возникают предания об антигероях, которых небо наказывает за забвение сакрального единства с тотемом-первопредком. К их числу отнесем миф-назидание тюркоязычного шорского народа о Кан-Ергеке, который трижды промчался вокруг земли в погоне за лосем и лишь на небе убил его. В наказание разгневанное небо превратило самого охотника, его коня, трех псов и стрелу, пронзившую лося, в созвездие Кан-Ергек (русское название «Орион») [20. С. 80]. А в алтайских мифах об этом созвездии речь идет о трех лосихах, которых без надобности убили Конджигей и Когудей-Мерген [21. С. 59—60]. Таким образом, миф, осуждая подобных охотников, напоминал о возмездии тем, кто забывает о сакральном единстве с тотемом-родоначальником. Однако сам факт утраты антигероями унаследованных «заветных смыслов» также постепенно разрушал семантико-смысловое поле мифа.

Мифы о тотеме-первопредке в эпоху начавшейся научно-технической революции

Превращение большой семьи в самостоятельного субъекта хозяйствования сопровождалось актуализацией рефлексивного начала и постепенным вытеснением из сознания его сакральной (духовной) составляющей.

Действительно, в основе ранних мифов о Небесных оленихах лежал мистический опыт их созерцания, интуитивного познания и откровения, которые были доступны лишь шаманам, ведунам и волхвам. Так, семантико-смысловое поле в мифе о нганасанском шамане представляет собой описание фрагмента сакральной картины мира, центром которого выступают Небесные оленихи-рожаницы. А семантико-смысловое поле мифа о культурном герое создается рассказом о его подвиге, поэтому в предании шаг за шагом воспроизводятся его действия. При этом подчеркивается, что героем является один из членов семейно-родовой общности, который готов ради нее на подвиг.

Культурно-просветительская деятельность в районах традиционных охотничьих промыслов сопровождалась постепенным угасанием живой мифотворческой традиции. В результате девальвация синкретичного мировосприятия, в котором человек и природа составляют единое целое, неизбежно привела к появлению новых интерпретаций мифов о лосихе Хоглэн и лосенке. В качестве примера сошлемся на следующую запись (приводится в сокращении), в которой известное предание приобрело не свойственные ему черты:

Трое людей-охотников — эвенк, кет и русский — однажды поспорили о том, кто из них лучший охотник. Они отыскали в тайге лосиху с лосенком и погнали по снегу. Кто первый догонит и убьет зверя — тот и лучший охотник, решили они. Но лось этот был не простой, а священный — и догнать его было трудно. Трое охотников пробежали всю среднюю землю и оказались в верхнем мире. Забежав туда, звери и люди превратились в звезды: впереди четыре звезды ковша Большой Медведицы — мифическая лосиха Хоглэн, позади три звезды хвоста Большой Медведицы — трое охотников: неутомимый охотник эвенк, за ним тяжелый и неуклюжий рыболов кет, в хвосте — неопытный в таежных делах русский. Только превратившись в звезды, охотники могли решить спор: охотник-эвенк догнал лосиху и, убив ее, возвратил земле день. На следующую ночь оставшийся в живых теленок, став большой лосихой, выходит со своим потомством из чащи, и сцена космической охоты повторяется в том же порядке [15. С. 69].

Причудливая контаминация охотничьей байки, анекдота и бытовой сказки с мифом о космической охоте концентрирует внимание на споре охотников, представителей различных этносов. Однако семантико-смысловое поле предстает в этой интерпретации как утратившее целостность, свойственную синкретичному мифомышлению. Тем не менее подобного рода контаминации достаточно популярны. Подтверждением этому являются фольклорные записи, в которых речь идет о споре между русским, остяком и тунгусом, между хантом, ненцем и эвенком, а также между эвенком, юкагиром и чукчей.

Примечательно, что даже в районах традиционных охотничьих промыслов старые мифы со временем утратили свою сакральную сущность, а известные мифообразы и отождествляемые с ними созвездия также подверглись переосмыслению. Так, например, у ербогаченских эвенков первая от ковша звезда ручки созвездия Большой Медведицы стала ассоциироваться с лосенком, который во время космической охоты с перепугу метнулся в сторону, упал в небесную дыру (Полярная звезда) и оказался на земле. От этого лосенка и произошли все лоси.

В этой связи вернемся к противостоянию двух тотемистических кланов Лосихи / Лося и Медведицы / Медведя и к интерпретации мифа о преследовании солнечного лося медведем Манги, который настигает и убивает его. В результате появление двух полос Млечного Пути этот вариант мифа объяснял тем, что объевшийся сохатиной медведь под конец так отяжелел, что еле тащил ноги и потому оставил две тропы, а Большая Медведица — это недоеденные медведем ноги лося [15. С. 71].

Так, научно-технический тип сознания, актуализирующий рефлексивную составляющую и приоритетность естественно-научного знания, постепенно вытеснял духовную (сакральную) составляющую «бытия-сознания», нередко замещая ее профанной. Как следствие, номинации с мифологическим значением постепенно превращались в концепт, осмысление которого требовало определенной глубины нашей памяти.

Миф о тотеме-первопредке как связующая нить времен

Возвращение образа мифической Матери-оленихе как «опыта, предназначенного нам в наследство предыдущими поколениями» [22. С. 7], связано с именем Ч.Т. Айтматова и его повестью «Белый пароход (После сказки)». Избрав миф в качестве концептуальной основы произведения, писатель восстановил в сознании современников архаичное предание, напоминая о единстве человека с миром природы, которое является абсолютным законом бытия. Так, в «смысловое поле» евразийской культуры вернулся миф о Рогатой матери-оленихе с размышлениями автора о мире и бытии человека в прошлом, настоящем и будущем.

Широкий интерес к повести свидетельствует о культурно-историческом сознании его читателей, которое предполагает «понимание наивно-исторических его достижений (классических эпох)». Более того, киргизский миф, достигающий в авторской интерпретации уровня глубоких обобщений о человеке и его бытии, приближает к высшей ступени эволюции — философско-культурному сознанию, которое «преобразует социальный лик человека» [2. С. 79].

Что же касается предания, то оно стало известно Ч.Т. Айтматову благодаря опубликованным записям казахского историка, этнографа и переводчика Ч. Валиханова (1835—1865), который, в частности, писал, что Мать-олениха «считается киргизами покровительницей жителей долины Иссык-Куля и самого озера, и ее дух витает над ним» [23. С. 586].

Не удивительно, что в повести семантико-смысловое поле мифа вбирает в себя не только информацию о спасении детей-сирот, которых Рогатая мать-олениха проводила от берегов Енисея до Иссык-Куля, и они стали там родоначальниками племени Бугу (‘олень’). Предание енисейских киргизов об Оленихе-путеводительнице описывает и связанные с ней обряды. В качестве иллюстрации приведем (в сокращении) следующий фрагмент из повести «Белый пароход (После сказки)», обращая внимание на ее заботу о женщинах в рождении детей, которая присутствует и в русской мифопоэтической традиции:

Роды наступили у женщины, мучилась она. А мужчина испугался. Взбежал на скалу и стал громко звать: — Где ты, Рогатая мать-олениха? Твоя дочь рожает. Приходи скорей, Рогатая мать-олениха, помоги нам…

И послышался тогда издали звон. Прибежала Рогатая мать-олениха. На рогах своих принесла она детскую колыбель — бешик, а на дужке бешика серебряный колокольчик гремел. Как только явилась на зов Рогатая мать-олениха, так и разродилась женщина.

— Этот бешик для вашего первенца, — сказала Рогатая мать-олениха. — И будет у вас много детей. Обрадовались мать и отец. И стал умножаться род Рогатой матери-оленихи. Стал большим и сильным на Иссык-Куле. Чтили Рогатую мать-олениху бугинцы как святыню [24. С. 45].

Действительно, сакральное мировосприятие енисейских киргизов, обретя новую жизнь в повести Ч.Т. Айтматова, сделало очевидным сходство Рогатой матери-оленихи с северно-русскими Оленихами-рожаницами. Это позволяет рассматривать семантико-смысловое поле литературного мифа о Рогатой матери-оленихе как восполняющее наше понимание сакральной и неразрывно связанной с ней бытийной (экзистенциальной) составляющей древнерусского сознания.

Заключение

Тотемистические мифы о Небесных оленихах / лосихах возникли из наблюдений охотников и оленеводов за звездами, которые служили ориентирами в их промыслах. Это укоренило в древнерусском сознании связь рождения, судьбы и благополучия с Оленихами-рожаницами, отождествлявшимися с Большой и Малой Медведицами. Посвященные им ритуалы с молитвами и жертвоприношениями сформировали экзистенциально напряженное семантико-смысловое поле, в котором и создавались мифы о Небесных владычицах мира. С принятием православия унаследованные сакральные представления о «прародительницах всего», которые оберегали женщин и покровительствовали семье и домашнему очагу, соединялись с молитвенным обращением к Богородице, а затем и полностью растворились в ее почитании.

Предпринятое рассмотрение мифов и преданий у контактировавших народов свидетельствует об определенной общности их мировосприятия, хозяйственной жизни и семейных укладов. Тем самым открывается перспектива восстановить в первом приближении утраченные сакральные смыслы и связанную с ними обрядность.

Анализ избранной совокупности евразийских мифов выявил в их семантическом континууме следующие ключевые образы и их функции: Оленихи-рожаницы, Хозяйка (Хозяин) мира, Прародительница (Предок рода), Проводница-спасительница, Солнце как объект действий культурного героя, созвездие и некоторые другие. Но наиболее устойчивыми и поэтому дольше сохранявшимися в русской мифологической и обрядовой традиции являются мотивы материнства и жертвенной любви. Это позволило с одной стороны, раскрыть изначально заложенный в мифах «концентрат культуры» (Д.С. Лихачев), а с другой — выделить доминантный мотив сакрализации материнства, которая получила развитие в почитании Богородицы. Таким образом, семантический континуум русскоязычных мифов и обрядов, посвященных Оленихам-рожаницам, может рассматриваться в качестве одного из основополагающих в становлении русской ментальности.

Библиографический список

1. *Леонтьев А.А.* Язык и смысл // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. С. 139—280.
2. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
3. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. Москва: Прогресс, 1992.
4. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1987.
5. *Владимирова Т.Е.* Металингвистическая парадигма изучения языковой личности // Метафизика. 2012. no 4(6). С. 26—38.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. СПб.: Терра—Азбука, 1996.
7. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры (в двух частях). Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
8. *Режабек Е.Я.* Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003.
9. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, Т. 2. 1979.
10. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М.: Издат. отдел Москов. патриархата, 1993.
11. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
12. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 1: Ипатьевская летопись.
13. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Стереотип. изд. М.: ГИИНС, 1958. Т. 3.
14. *Шаповалова Г.Н.* Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография русского Севера. Л.: Наука, 1973. С. 209—223.
15. *Анисимов А.Ф.* Космологические представления народов Севера. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
16. *Диксон О.* Шаманские учения клана Ворона. М.: Рефл-бук, 2000.
17. *Мазин А.И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. Новосибирск, 1984.
18. *Владимирова Т.Е.* Сакральный код евразийских мифов о тотеме-первопредке // Сибирский филологический журнал. 2017. no 3. С. 5—18. DOI 10.17223/18137083/60/1.
19. Мифы и легенды народов мира. Народы России. М.: Мир книги, 2004.
20. Сибирские сказки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1964.

21. Алтайские мифы и легенды. Устное творчество алтайского народа. Горно-Алтайск: Изд-во Ак Чечек, 1994.
22. *Айтматов Ч.Т.* Все касается всех // Вопросы литературы. 1980. no 12. С. 3—14.
23. *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. в 5 т. Т. 1: Записки о киргизах. Алма-Ата: Гражданское наследие, 1961.
24. *Айтматов Ч.Т.* Белый пароход (После сказки). М.: Воскресенье, 1993.

References

1. Leont'ev, A.A. (2001). Linguistic consciousness the image of the world In *Language and speech activity in general and pedagogical psychology*. Moscow: Izd-vo Mosk. psihologo-social'nogo in-ta; Voronezh: Izd-vo NPO «MODEHK». pp. 139—280. (In Russ.).
2. Zinchenko, V.P. (2010). *Consciousness as a creative act*. Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur. (In Russ.).
3. Mamardashvili, M.K. (1992). *As I understand the philosophy*. Moscow: Progress. (In Russ.).
4. Maslov, Yu.S. (1987). *Introduction to Linguistics*: Textbook. for filol. specialist. universities. Moscow: Vyssh. Shk. (In Russ.).
5. Vladimirova, T.E. (2012). A metalinguistic paradigm for the study of a linguistic personality. *Metaphysics,* 4 (6), 26—38. (In Russ.).
6. Fasmer, M. (1996). *Etymological dictionary of the Russian language*: in 4 vol. Vol. 3. St. Petersburg: Terra–ABC. (In Russ.).
7. Gamkrelidze, T.V. & Ivanov, V.V. (1984). *Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of proto-language and protoculture*. Tbilisi: Izd. Tbiliskogo univ. (In Russ.).
8. Rezhabek, E.Ya. (2003). *Mythology (cognitive analysis).* Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
9. Dal', V.I. (1979). *Dictionary of the living great Russian language*: in 4 vols. 7th ed. Moscow: Russkiy yazyk. Vol. 2. (In Russ.).
10. Dyachenko, G. (1993). *Complete Church Slavonic Dictionary*. Moscow: Izdat. otdel Moskov. Patriarkhata. (In Russ.).
11. Rybakov, B.A. (1994). *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
12. Complete collection of Russian chronicles (1998). Vol. 1: Ipatiev Chronicle. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.).
13. Sreznevsky, I.I. (1958). *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments*: in 3 vols. Stereotype edition. Moscow: GIINS. Vol. 3. (In Russ.).
14. Shapovalova, G. N. (1973). The North Russian Deer Legend In *Folklore and ethnography of the Russian North*. Leningrad: Nauka. pp. 209—223. (In Russ.).
15. Anisimov, A.F. (1959). *Cosmological representations of the peoples of the North*. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR. (In Russ.).
16. Dickson, O. (2000). *Raven clan shamanistic teachings*. Moscow: Refl-book. (In Russ.).
17. Mazin, A.I. (1984). *Traditional beliefs and ceremonies of Evenki-Orochons (late 19th — early 20th century).* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
18. Vladimirova, T.E. (2017). The sacred code of Eurasian myths about a totem-ancestor. *Siberian Journal of Philology*, 3, 5—18. DOI: 10.17223/18137083/60/1. (In Russ.).
19. Myths and legends of the peoples of the world (2004). The nationalities of Russia. Moscow: Mir knigi. (In Russ.).
20. Siberian tales (1964). Novosibirsk: Zap.-Sib. Print publishing house. (In Russ.).
21. Altai myths and legends. Oral creativity of the Altai people (1994). Gorno-Altaysk: Izd. Ak Chechek. (In Russ.).
22. Aitmatov, Ch.T. (1980). Everything concerns all. *Questions of literature*, 12, 3—14. (In Russ.).
23. Valikhanov, Ch.Ch. (1961). *Collected Works*: 5 vols. Vol. 1. Notes on Kyrgyz. Alma-Ata: Civil Heritage. (In Russ.).
24. Aitmatov, Ch.T. (1993). *White ship (After the fairy tale).* Moscow: Sunday. (In Russ.).

Сведения об авторе:
Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации Института русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова и профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *e-mail:* yusvlad@rambler.ru. SPIN-code: 2859-4934

Information about the author:
Tatyana E. Vladimirova, Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Institute of Russian Language and Culture, Moscow State University Lomonosov and professor of the department of the Russian language and intercultural communication of the faculty of humanities and social sciences of the RUDN University; *e-mail:* yusvlad@rambler.ru. SPIN-code: 2859-4934

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 175—197
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197
УДК 811.161.1'37:81'373.6

Научная статья / Research article

Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы

Т.Г. Никитина

Псковский государственный университет
пл. Ленина, 2, Псков, Российская Федерация, 180000
cambala2007@yandex.ru

Цель данной статьи — проанализировать опыт, накопленный в сфере структурно-семантического моделирования отечественными и зарубежными фразеологами, работающими в русле научной школы В.М. Мокиенко, основоположника данного метода, а также представить перспективы использования метода применительно к динамично развивающейся системе современной фразеологии. Актуальность обращения к данной проблематике определяется высоким лингвокультурологическим и лингводидактическим потенциалом фразеологического моделирования, необходимостью выявления возможностей его использования при исследовании групп фразеологизмов, пока не получивших исчерпывающей разработки. Используя дескриптивный метод и аспектный анализ для обработки данных, представленных в работах по проблемам структурно-семантического моделирования, автор обобщает результаты, полученные фразеологами за четыре десятилетия активного использования метода в историко-этимологических и лингвокультурологических исследованиях. Подчеркивается размах диапазона применения метода к материалу различных языков, широта спектра исследований в плане синхронии/ диахронии: от реконструкции фразеологии на уровне праязыка до моделирования фразеологизмов-неологизмов. Материалом для исследования послужили не только научные источники, но и непосредственно языковой материал: фразеология русских народных говоров, современной городской речи и интернет-коммуникации. Используя метод структурно-семантического моделирования применительно к данным фразеологическим пластам, автор демонстрирует возможности выявления порождающих моделей фраземообразования и фраземопреобразования, что до недавнего времени считалось невозможным. Впервые метод структурно-семантического моделирования рассматривается и как одна из фразеографических техник, реализуемых В.М. Мокиенко и его учениками в сфере академической и учебной лексикографии. Таким образом, представленный в статье обзор научных источников и результаты собственных исследований, проведенных автором, доказывают продуктивность метода структурно-семантического моделирования, подтверждают его востребованность и широкие перспективы в исследовании русской фразеологии.

Ключевые слова: В.М. Мокиенко, фразеология, структурно-семантическая модель, мотивационная модель, этимология, фраземообразование, фразеография

© Никитина Т.Г., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

История статьи:
Дата поступления: 01.02.2020
Дата приема в печать: 22.02.2020

Для цитирования:
Никитина Т.Г. Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 175—197. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197

Введение

Признание факта моделируемости фразеологии, ставшее результатом активных научных дискуссий полувековой давности и описываемых ныне в жанре «истории вопроса» [1. С. 200—201; 2. С. 64—65], открыло новые перспективы для исследования фразеологизмов как моделированных и моделируемых единиц в самых разных аспектах от структурно-грамматического [3] до лингвокогнитивного [4], аксиологического [5], коммуникативно-синтаксического [6] и переводческого [7].

Основательно изучены *синтаксические модели* фразеологизмов [8; 9; 10], в том числе переходных типов фразеологических единиц (ФЕ) — некоторых разновидностей клишированных словосочетаний и фраз [11; 12; 13].

Заявляя исследование *семантических фразеологических* моделей, ученые, как правило, имеют в виду фразеосемантические группы, синонимические ряды и антонимические оппозиции ФЕ [14] или же ограничиваются семантическим анализом оборотов определенной синтаксическической структуры [15].

Продуктом логико-психологического моделирования стали *мотивационные модели*, позволяющие эксплицировать идею, задающую направление развития фразеологической образности, и обосновывающие связь между буквальным значением прототипа и образно-переносным значением ФЕ [16].

Структурно-синтаксический, семантический и мотивационный аспекты фразеологического моделирования интегрирует процесс выявления *структурно-семантических моделей* во фразеологии. Не случайно Т.М. Филоненко называет структурно-семантическое моделирование заключительным этапом исследования фразеологической образности, которому предшествуют этапы разработки синтаксических и мотивационных моделей [16. С. 100].

Метод структурно-семантического моделирования, теоретическое обоснованный В.М. Мокиенко в 1980 г. в монографии «Славянская фразеология» [17], в настоящее время активно используется применительно не только к славянским, но и другим фразеологическим системам. Цель данной статьи — показать развитие этого продуктивного направления фразеологического моделирования, в русле которого продолжает работать его основоположник, а также многочисленные ученики и единомышленники В.М. Мокиенко, представляющие его научную школу.

Актуальность обращения к данной проблематике определяется необходимостью совершенствования методик комплексного изучения фразеологизма как единицы языка и факта культуры, чему будет способствовать распространение

ценного опыта, накопленного в сфере структурно-семантического моделирования, и репрезентация новых возможностей его применения, на что и направлена данная статья.

Лингвистический диапазон структурно-семантического моделирования

Под структурно-семантической моделью В.М. Мокиенко понимает «структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, схематически отражающий относительную стабильность их формы и семантики». Объединение структурных и семантических характеристик ФЕ при таком подходе дает возможность вычленять фразеологические модели из ряда других, точнее определять их ареальные характеристики и исторически комментировать [17. С. 43].

Представляя метод структурно-семантического моделирования на материале русских и чешских фразеологизмов с общим значением ‘бить, наказывать’, автор обращает внимание на их структурную маркированность, высокую стабильность семантики, а также разнообразие мотивировок при метафорическом типе переноса. Результатом глубинного анализа внутренней формы в ее проекции на современные структурно-семантические характеристики оборотов становятся фразеосхемы типа: «*дать* + существительное или его перифраза со значением ‘удар’»: *дать порку, дать взбучку*; «глагол со значением ‘ударить’ + существительное или предложное сочетание, обозначающее направление удара»: *заехать в морду, наколотить загривок;* «глагол со значением ‘ударить’ + существительное или предложное сочетание, обозначающее орудие удара»: *огреть дубинкой, хватить плетью* и др., или в еще более компактном формате моделей: «*дать* что = *бить*», «*бить* куда = *избить*»; «*бить* чем = *избить*» и др. [17. С. 45—55].

Направление исследования ФЕ от мотивационной модели к более частной — структурно-семантической позволяет выявить диапазон продуктивности мотива по его реализации во фразеологических неологизмах, в том числе сленговых. Так, фразеологизмы, объединенные в монографии В.М. Мокиенко мотивационной моделью ‘заниматься заведомо бесплодной деятельностью’ → ‘бездельничать’ [17. С. 65], мы распределили по 5 структурно-семантическим моделям, но лишь одна из них (последняя в нашем перечне), по данным словарей сленга, в настоящее время проявляет активность в плане фраземообразования: 1/ «совершать действие, не нужное адресату → бездельничать»: *собакам сено косить*; 2/ «совершать действие, не актуальное для места его осуществления → бездельничать»: *из леса в лес дрова возить*; 3/ «совершать действие с использованием неподобающего орудия → бездельничать»: *носить воду решетом*; 4/ «совершать действие, используя неподобающий материал → бездельничать»: *из песка веревки вить*; 5/ «совершать действие, направленное на неподобающий объект → бездельничать»: *гонять ветер*, а также зафиксированные словарями сленга [ККМК]: *изюм косить, тазики пинать, пустыню пылесосить* [ККМК. С. 402].

Определенные выводы о продуктивности мотивационных и структурно-семантических моделей можно сделать и в межъязыковом плане по результатам структурно-семантического моделирования иноязычной фразеологии. На мате-

риале английских фразеологизмов с компонентом-антропонимом эту процедуру осуществляет И.Е. Дьячкова. В рамках мотивационной модели «представление о давнем событии ← ассоциация с неким давним событием» здесь обнаруживается известная многим языкам структурно-семантическая модель, характеризующаяся вариативностью, но, тем не менее, не проявляющая продуктивности: *when/* since *smb was alive/ young (when queen Anne was alive* — буквально: *когда была жива королева Анна; since Adam was a boy* — буквально: *когда Адам был мальчиком* [18. С. 70—71], ср.: *при царе Горохе; при царе Косаре, при царе Копыле* [17. С. 16, 155].

С другой стороны, специфическая английская деривационная модель *out- + verb,* служащая для образования глаголов со значением превосходства, становится ключевым компонентом продуктивной структурно-семантической модели ФЕ, передающих значение ‘превзойти какого-либо человека, олицетворяющего некое качество’: *to out-Herod Herod* — ‘превзойти Ирода (в жестокости и порочности)’; *to out-Zola Zola* — ‘превзойти Золя (в натурализме)’ [18. С. 72]. Ср.: реализация этой мотивационной идеи в специфической структурно-семантической модели ФЕ, активно функционирующей в русском сленговом окказиональном фраземообразовании: «*кто* (известный человек, носитель эталонного признака) *не пытается соперничать (беспокойно реагирует на соперника)* → констатация превосходства с мелиоративной коннотацией или иронией»: *Айвазовский нервно курит* — высокая оценка работы молодого художника-мариниста (Запись 2019 г.); *Абрамович вжался в стенку* — иронически: о приобретении небольшой старой, поврежденной яхты (Запись 2019 г.), *Костя Дзю отдыхает* — похвала в адрес победителя в драке (Запись 2018 г.), *Жириновский курит бамбук* — об оригинальном выступлении оратора на митинге (Запись 2016 г.) /*курить бамбук* — в молодежном сленге: ‘отдыхать’/, *Джимми Хендрикс кочумает* — иронически: об игре гитариста невысокого класса (Запись 2015 г.) /*кочумать* — в молодежном жаргоне: ‘отдыхать’, в жаргоне музыкантов: ‘делать паузу в игре на музыкальном инструменте’/.

Структурно-семантическое моделирование открывает возможности наблюдения за переосмыслением прежних мотивационных схем и активизацией их новых интерпретаций в современных структурно-семантических моделях. Ср., например, построенное на созвучии использование наименования несуществующего праздника, дня несуществующего святого для обозначения действия, состояния человека: *труса (трусу) праздновать* — ‘трусить, бояться чего-л.’ [БСРП. С. 673], *лытусу праздновать* — ‘бездельничать’ /*лытус* — искусственное образование от диалектного глагола *лытать* — ‘убегать, уклоняться от чего-л.’/ [БСРП. С. 375] и современный ряд оборотов, построенных по модели: «праздновать (отметать) + *что* (наименование несуществующего праздника) = пьянствовать без повода»: *отмечать день граненого стакана; отмечать столетие лошади Буденного (русской балалайки); праздновать день рождения Кощея Бессмертного (Бабы-Яги); отмечать день смерти Анны Корениной* [ККМК. С. 45. 51—52]. Нельзя не отметить и возможность шутливой буквализации при профессионально ориентированном наполнении модели: *отмечать сорокатилетие структурно-семантической модели* (Запись 2020 г.).

Таким образом, предложенная В.М. Мокиенко методика позволяет выявлять и исследовать структурно-семантические модели не только как схемы описания ФЕ, но и как порождающие модели фраземообразования и фраземопреобразования, что особенно актуально в условиях активизации лингвокреативной деятельности носителей языка и усилении динамических процессов в сфере фразеологии.

Еще одной динамично развивающейся сферой применения метода и использования результатов структурно-семантического фразеологического моделирования является лингвокультурология, где одним из объектов исследования является этнокультурно детерминированный фразеологический образ. Исследователи национальной специфики фразеологии обращаются к методике структурно-семантического моделирования на материале обширных тематических групп и идеографических полей ФЕ, характеризующих межличностные отношения [19], трудовую деятельность [20], способности человека [21]. На уровень лингвокультурологии выходит и структурно-семантическое моделирование в сфере устойчивых сравнений [22; 23]. Для этого типа фразеологизмов, как ни для какого другого, характерна межъязыковая общность мотивационных идей (сходство оригинала и копии, сходство парных предметов и т.п.), параллелизм конкретной образности, отражаемой структурно-семантическими моделями (различие дня и ночи, противопоставление неба и земли и др.), а также наличие безъэквивалентных в межъязыковом плане эталонов сравнения, запускающих механизм образования этнокультурно детерминированных фразеологизмов по модели.

Диахронический компонент культурного фона фразеологизма раскрывается, как известно, в ходе историко-этимологических разысканий. И здесь метод структурно-семантического моделирования позволяет не только выявить национально-культурную специфику фразеологического образа, но и уточнить этимологическую версию ФЕ, как это делает В.М. Мокиенко, анализируя на широком славянском, в том числе и диалектном фоне, фразеологизм *бить баклуши.* Материал псковских, омских, донских, смоленских, рязанских и других русских говоров (*бить беньки, бить бабки, бить балды* и т.п.), а также украинского, белорусского, польского языков (*бомки бити, бібікі біць, bić bąki* и др.) доказывает правомерность отнесения этого фразеологизма к «игровой» структурно-семантической модели «бить, сбивать *что* (+ наименование атрибута игры типа шара, чурки) = бездельничать», реализующей мотивировационную идею «играть, развлекаться → бездельничать» [17. С. 65—69].

Через сорок лет после репрезентации этой этимологической версии [17. С. 65—69] В.М. Мокиенко в соавторстве с Х. Вальтером обращаются к материалу данной модели на новом, более глубинном уровне структурно-семантического моделирования в связи с проблемами реконструкции праславянской фразеологии [24. С. 23], статус которой на сегодняшний день не определен. Решать эту важную диахроническую задачу славистики авторы предлагают в ходе реконструкции структурно-семантических моделей, а не исходных этимонов, как для лексики, праславянский фонд которой, в отличие от фразеологии исчерпывающе представлен в фундаментальных этимологических источниках [24. С. 12]. Как показано на материале фразеологизмов *ни кола ни двора, ни богу свечка ни черту кочерга, класть зубы на полку* и их параллелей в сла-

вянских языках и диалектах, исконность реконструируемой структурно-семантической модели подтверждает ее широкая вариантность, тогда как жесткая фиксированность формы говорит скорее о заимствованном характере оборота [24. С. 17—24]. При этом, как показали результаты структурно-семантического моделирования, «чисто славянской фразеологии в ретроспективе почти не обнаруживается: ее ареал обычно выходит за пределы Славии — в славяно-балтийское, славяно-германское или славяно-тюркское языковое пространство» [24. С. 12]. В этом плане нельзя не отметить и еще одну межъязыковую сферу исследования структурно-семантических моделей — русско-венгерские фразеологические параллели [25], анализ которых позволяет В.М. Мокиенко уточнить ареальные характеристики исконной славянской фразеологии.

Таким образом, метод структурно-семантического моделирования получил в современной лингвистике широкое распространение применительно к разным типам ФЕ, к материалу разных языков. Диахронический аспект моделирования реализуется при решении этимологических задач и исторических языковых реконструкций. Такие процедуры моделирования ценны в лингвокультурологическом плане как средство выявления этнокультурной специфики фразеологии. В плане синхронии исследуется продуктивность фраземообразовательных структурно-семантических моделей как проявление динамики фразеологического фонда, конкретное образное воплощение моделей анализируется с социокультурологических позиций.

Лексикографическая репрезентация структурно-семантических моделей

Обсуждение вопросов словарной репрезентации структурно-семантических моделей инициируется В.М. Мокиенко в анализе лексикографической концепции П. Дюрчо [26]. Выходя за пределы традиционного круга проблем, связанных с отображением вариантности в рамках модели, В.М. Мокиенко рассматривает принципы создания коллокационного профиля слова словацким лексикографом и высоко оценивает приемы моделирования, разработку коллокационных схем, используемых при определении структуры вокабул [26. С. 367—369].

Собственную концепцию лексикографического структурно-семантического моделирования В.М. Мокиенко представляет на материале диалектных фразеологизмов со значением ‘дальний или фиктивный родственник’, разработанных для «Полного фразеологического словаря русских народных говоров» (ПФСРНГ) — инновационного лексикографического проекта, над которым под руководством В.М. Мокиенко работает коллектив его Фразеологического семинара при СПбГУ. Образная специфика структурно-семантических моделей, как подчеркивает руководитель проекта, зависит от типа их стержневого компонента — анимализма, соматизма, наименования человека или бытовой реалии, а разнообразие моделей говорит о красоте и богатстве народной речи и широте охвата материала в новом фразеологическом словаре [27. С. 305].

Реализация Ларинского принципа лексикографической полноты [28] позволила объединить в ПФСРНГ фразеологию не только территориальных, но и

социальных диалектов, прежде всего — молодежного сленга, а также разговорной речи. Зачастую материал всех этих фразеологических пластов объединяет одна структурно-семантическая модель с очень широкой лексической вариантностью, например, модель «перемещать *откуда куда* (+ обозначения двух одинаковых по определенным параметрам мест) = 1. Болтать, пустословить; 2. Бездельничать», где в основе фразеологического образа — описание бесполезной, абсурдной деятельности: *переливать из пустого в порожнее.* Представим схему репрезентации модели в ПФРНГ, где ФЕ размещаются в соответствии с концепцией В.М. Мокиенко под первым компонентом-существительным, при его отсутствии — под первым прилагательным, числительным, глаголом. В нашем случае это будет прилагательное *пустой.* При оформлении заголовочной единицы общеязыковые варианты глагольного компонента традиционно будут представлены в круглых скобках. Варианты ФЕ с глагольным компонентом-диалектизмом, требующим толкования, будут описаны под отдельными заголовками в рамках макростатьи. За ними следует описание структурных вариантов ФЕ. Факультативные компоненты фразеологизма размещаются в квадратных скобках. Под специальным знаком преобразования (→) даются трансформации фразеологизма, зафиксированные в живой разговорной речи (ЖРР) и открытой интернет-коммуникации (ОИК). Порядок расположения трансформов определяется степенью их структурного и семантического удаления от исходной ФЕ.

Пустой

Переливать (перекладывать, говорить *Пск.*; **перегонять** *Смол.*; **пересыпать** *Яросл.***) [воду** *Омск.***] из пустого в порожнее.** *Разг. Неодобр.* 1. Вести пустые разговоры, болтать. 2. Заниматься бесполезным делом, без пользы тратить время. БСРП, 92; ПОС 7, 35; СРНГ 3, 18; СРНГ 30, 71. **Балахрыстить из пустого в порознее.** *Арх. Неодобр.* То же, что **переливать из пустого в порожнее.** СРНГ 2, 76. < **Балахрыстить** — проводить время в праздности. **Перешалтыкивать из пустого в порожнее.** *Дон. Неодобр.* (1976). То же, что **переливать из пустого в порожнее.** СРНГ 26, 275. < **Перешалтыкивать** — болтать, пустословить. **Переливать пустое в порожнее.** *Пск. Неодобр.* То же, что **переливать из пустого в порожнее**. ПОС 7, 35; ПОС 2, 91. → **Переливать из пустого в порожнее.** *Разг. Шутл.* Пить спиртное, не закусывая (ЖРР, 2019). **Переливать из пустого в порожнее решетом.** *Разг. Шутл.* То же, что **переливать из пустого в порожнее** (ЖРР, 2020). < Контаминация фразеологизмов *переливать из пустого в порожнее* и *носить воду решетом.* **[Переливать] из пустого в дорожное.** *Медиа. Неодобр. В роли заголовков.* О безрезультатных обсуждениях проблем качества дорог, безопасности движения, парковок и т.п. (ОИК, 2019—2020). **Из пустого в пирожное.** *Медиа. Шутл.-ирон. В роли заголовков.* О низком качестве кондитерских изделий; о пустых разговорах на тему кондитерских изделий (ОИК, 2020). См. также **НИЧЕГО (переливать из ничего в никуда)**; **СИТО (переливать из сита в решето).**

Отсылки в конце словарной статьи к вариациям именного компонента (НИЧЕГО, СИТО), которые являются перекрестными, обеспечивают единство представления структурно-семантической модели при соблюдении заявленного алфавитно-стержневого принципа расположения материала.

Методика структурно-семантического моделирования получила и лингводидактическое воплощение в учебных фразеологических словарях Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета, реализующих концепцию интерактивного этимологического парафразирования, разработанную Е.И. Рогалевой [29; 30]. Так, адаптируя этимологическую версию фразеологизма *во всю ивановскую* с учетом фактора адресата — дошкольника, авторы словаря «Сами с усами» (СУС), приглашают читателя в детективно-фразеологическое агентство, «сотрудники» которого — кот исследователь Кокос, служебно-разыскной пес Гафик и их водитель попугай Кочан «расследуют» историю происхождения ФЕ, используя алгоритм структурно-семантического моделирования ФЕ, разработанный В.М. Мокиенко.

Пес Гафик предлагает «коллегам» три рабочие этимологические версии и фотографию Ивановской площади в Московском кремле:

1. Происхождение фразеологизма *во всю Ивановскую* связано с колокольней Ивана Великого в Московском Кремле. Вот посмотрите фотографию. Раньше на колокольне размещалось 30 колоколов. Все вместе они назывались Ивановской колокольной фамилией. Представляете, какой стоял гул, когда звонили во все колокола Ивана Великого! Отсюда выводят значение фразеологизма: *(звонить) ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ (колокольную фамилию) = очень громко.*

2. По второй версии, происхождение фразеологизма связано с Ивановской площадью. Посмотрите на ту же фотографию. Колокольня как раз и стоит на Ивановской площади. В старину здесь оглашали царские указы. Понятно, что микрофонов тогда не было, и глашатаям приходилось основательно напрягать голосовые связки. Здесь же кнутами и палками наказывали воров, которые тоже голосили во всю Ивановскую площадь. Отсюда фразеологизм: *(кричать) ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ (площадь) = очень громко.*

3. А третья версия связывает происхождение фразеологизма с героем русских народных сказок Иванушкой.

Кот Кокос: Мне первая версия нравится, музыкальная. Та, которая со звоном колоколов связана. Я ведь и сам очень музыкален. И на скрипке могу, и на балалайке. На досуге песни пишу. А недавно за симфонию взялся.

Попугай Кочан: А я — за справедливость! Совершил кражу — должен быть наказан! Я вторую версию выбираю.

Пес Гафик: Все это хорошо, друзья. Но вы забыли, что фразеологизм — это единица языка. Значит, и доказательства мы должны искать в языке. Вот послушайте. Первоначально наш фразеологизм имел только одно значение — «очень быстро» и употреблялся в сочетаниях *бежать, нестись во всю Ивановскую, скакать (на лошади) во всю Ивановскую.* А можно ли бежать или скакать во всю Ивановскую колокольную фамилию? — Конечно, нет. А во всю Ивановскую площадь? Она явно маловата для скачек.

А теперь вспомните фразеологизмы со значением «очень быстро» и «очень громко»: *во весь дух, во все лопатки, во всю мощь, во весь голос, во всю глотку, во всю силу, во все горло.* И никаких площадей, никаких колоколен. Только человек — голос, горло, лопатки, сила. Значит, наш фразеологизм связан с каким-то человеком! И, конечно же, его зовут Иван. Сила-то Ивановская. Это любимый герой русских народных сказок (Иван-дурак, Иван-царевич, Иван-богатырь) — сильный, ловкий, добрый. Он всегда побеждает своих врагов, действует быстро, энергично. Его, *Ивановская* сила и отразилось во фразеологизме *во всю Ивановскую* — «очень быстро, очень громко, изо всех сил».

Кот Кокос: Гениально, Шеф! А как Вы это узнали?

Пес Гафик: От коллеги из Санкт-Петербурга, симпатичной фокстерьерши Сони. Это любимая собака известного фразеолога Валерия Михайловича Мокиенко. Она всегда в курсе всех фразеологических событий [СУС. С. 21—24]

В словаре «Занимательные этимологические истории» (ЗЭИ), адресованном более «взрослой» аудитории — младшим школьникам, все три этимологические версии и методику структурно-семантического моделирования представляет сам Валерий Михайлович, «пригласивший» читателей в гости (на фотографии они видят ученого в его рабочем кабинете). Опровергнув две первые версии, он подводит читателей к основной фразеологической формуле, в которой остается одно неизвестное: *(бежать, кричать) ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ (……?) = очень быстро; очень громко.* Отыскать его Валерий Михайлович предлагает ребятам, а авторы словаря включаются в этот диалог в роли помощников:

— Какие вы знаете фразеологизмы со значением «очень быстро» и «очень громко»? — спрашивает Валерий Михайлович.

Ответить на вопрос ученого тебе поможет наша схема:

Быстро: *во весь …, во все …, во всю …*

Громко: *во весь …, во всю …, все …*

Если затрудняешься — выбирай слова из нашей бегущей строки-подсказки: *нос, глаз, голос, дух, сила, мощь (*раньше говорили *мочь), горло, лопатки, глотка, палец.*

А вот что должно получиться: *во весь дух, во все лопатки, во всю мощь, во весь голос, во всю глотку, во всю силу, во все горло.* Ты заметил, что все эти слова связаны с человеком, а не с названием площади?

— Скорее всего, и наш фразеологизм связан с каким-то человеком, — говорит Валерий Михайлович. — Глядя на фразеологизм, вы легко догадаетесь, как его зовут [ЗФИ. С. 8—12].

После выведения окончательной фразеологической формулы (*бежать, кричать) ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ (силу, мощь, мочь) = очень быстро, очень громко,* читатели выясняют личность загадочного Ивана, вспоминая русские народные сказки и «Конька-горбунка» П.П. Ершова, это приводит их к корректному выводу о мотивировке фразеологизма.

Так лексикографическая репрезентация метода структурно-семантического моделирования, построенная на принципах доступности и научной достоверно-

сти, заставляет ребенка почувствовать себя исследователем и навсегда полюбить русскую фразеологию.

Заключение

Структурно-семантическое моделирование было и остается эффективным методом исследования языковой образности и механизмов фраземообразования.

Получивший более 40 лет назад научное обоснование и методологическую алгоритмизацию в трудах В.М. Мокиенко по славянской фразеологии, метод структурно-семантического моделирования используется в настоящее время применительно к различным, в том числе новым типам ФЕ самых разных языков, захватывает материал разных исторических и социальных пластов языка. Метод активно используется его основоположником и новыми поколениями исследователей — единомышленниками и многочисленными учениками В.М. Мокиенко в русле его научной школы и под его руководством, а также в оригинальных самостоятельных разработках.

Перспективным направлением применения метода структурно-семантического моделирования представляется современное фраземообразование, где данный метод может быть полезен при определении продуктивности традиционных структурно-семантических моделей, выявлении фактов моделируемости в сфере фразеологических трансформаций и при образовании новых фразеологизмов. Расширение диапазона применения метода можно наблюдать и в сфере сравнительно-исторического языкознания, где структурно-семантическое моделирование позволяет реконструировать фразеологию на уровне праязыков.

Учебная репрезентация метода структурно-семантического моделирования не ограничивается элективными вузовскими курсами по фразеологии и этимологии. Новым направлением, реализующим лингводидактический потенциал метода, стала инновационная учебная фразеография. Овладевая основами структурно-семантического моделирования на доступном уровне, читатели интерактивных занимательных словарей становятся участниками историко-этимологических разысканий, познают закономерности процессов фраземообразования и взаимодействия языка и культуры.

Концепция лексикографической репрезентации структурно-семантических моделей в академическом фразеологическом словаре, разработанная В.М. Мокиенко и реализуемая им в настоящее время в масштабных словарных проектах, задает направления оптимизации макроструктурирования словаря и совершенствования параметризации материала на уровне словарной микроструктуры. Перспективным воплощением метода структурно-семантического моделирования в академической лексикографии видится создание Большого фраземообразовательного словаря русского языка.

Словари

БСРП: *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013.

ЗЭИ: *Рогалева Е.И., Никитина Т.Г.* Фразеологический словарь. Занимательные этимологические истории для детей. М.: ВАКО, 2018.

ККМК: *Никитина Т.Г.* Ключевые концепты молодежной культуры. Тематический словарь сленга. СПб.: Дмитрий Буланин, 3013.

ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26. Л.; СПб., 1967—2016.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М. Вып. 1–49. Л.; СПб.: Наука, 1965—2016.

СУС: Рогалева Е.И., Никитина Т.Г. Сами с усами. Веселый фразеологический словарь. М.: Издательский дом Мещерякова, 2018.

Библиографический список

1. *Третьякова И.Ю.* Аспекты моделирования современной фразеологии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. no 4. С. 200—203.
2. *Молчкова Л.В.* Моделированность и идиоматичность фразеологизмов // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. no 10. С. 63—67.
3. *Федуленкова Т.Н., Глебова Д.А.* Особенности фразеологических единиц модели V + (D) + N + PREP + θ с глаголом обладания // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. no 2. С. 227—231.
4. *Dobrovol'skij D., Piirainen E.* Construction patterns idiomatic and their cognitive foundations // Yearbook of Phraseology. 2017. Vol. 8. no 1. P. 31—58. DOI: 10.1515/phras-2017-0004.
5. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. no 4. С. 303—317. DOI: 10.17223/18572685/54/18.
6. *Dalmas M., Dobrovol'skij D.* Idiome und ihre kommunikative Leistung: Zur Theorie der informationstrukturellen Gestaltung von Äußerungen // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2016. Vol. 44. no 2. Pp. 257—285/ DOI: 10.1515/zgl-2016-0012
7. *Mitkov R.* Computational Phraseology light: automatic translation of multiword expressions without translation resources // Yearbook of Phraseology. 2016. Vol. 7. no 1. P. 149—166. DOI 10.1515/phras-2016-0008.
8. *Величко А.В.* Фразеологизированные предложения: модели и их вариативность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7—2. С. 75—78.
9. Melikyan V., Melikyan A., Dzyubenko A. Syntactic phraseological units. Syntactic phraseology. Phraseological subsystem of language // Zeitschrift für Slawistik. 2017. V. 62. N 1. Pp. 23—47. DOI: 10.1515/slaw-2017-0002.
10. *Mellado Blanco C.* Phrasem-Konstruktionen kontrastiv Deutsch-Spanisch: ein korpusbasiertes Beschreibungsmodell anhand ironischer Vergleiche // Yearbook of Phraseology. 2019. Vol. 10. no 1. P. 65—88. DOI: 10.1515/phras-2019-0005.
11. *Hrisztova-Gotthardt H.* Kein Sprichwort ohne Strukturformel? Vorgeprägte syntaktische Schemata in aktuell gebräuchlischen bulgarischen Sprichwörter // Yearbook of Phraseology. 2016. Vol. 7. no 1. P. 81-98. DOI: 10.1515/phras-2016-0005.
12. *Иомдин Л.Л.* Между синтаксической фраземой и синтаксической конструкцией. Нетривиальные случаи микросинтаксической неоднозначности // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. 2017. V. 86. no 2—3. P. 230—243.
13. *Mel'čuk I.* Clichés, an Understudied Subclass of Phrasemes // Yearbook of Phraseology. 2015. V. 6. Pp. 55—86. DOI 10.1515/phras-2015-0005.
14. Кулюшин А.Ю., Pawlik P. Русские и польские фразеологизмы, входящие в семантическую модель «Бедность — богатство» понятийной сферы «Материальные отношения»: лингвистический эксперимент // Аксиология славянской культуры. Международный сборник научных статей. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2016. С. 6—9.
15. *Мехмет Й.* Семантические модели и вариативность фразеологизмов в киргизском и турецком языках // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2017. no 7. С. 220—221.

16. *Филоненко Т.М.* Мотивационные модели фразеологизмов, образно выражающих синкретичное значение в русском языке // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. no 2. С. 98—101.
17. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980.
18. *Дьячкова И.Е.* Мотивационные и структурно-семантические модели фразеологических единиц с компонентом-антропонимом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. no 600. С. 66—74.
19. *Фокина А.А.* Структурно-семантические модели фразеологизмов с компонентом *голова* тематической группы, характеризующей межличностные отношения (на материале марийского, русского и английского языков) // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2015. С. 64—68.
20. *Швелидзе Н.Б.* Фразеологические модели глагольных фразеологизмов со значением «трудиться» // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 1. С. 42—45.
21. *Козлова Р.М.* Структурно-семантические модели русских фразеологизмов идеографического поля «Способности человека» // Сборник научных трудов Института гуманитарного образования и информационных технологий. 2012. no 15. С. 323—333.
22. *Николаева Е.К., Селиверстова Е.И.* Представление о крепком сне в славянских языках (на материале устойчивых сравнений) // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2016. Vol. 61. no 2. P. 325—343. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.6.
23. *Kuznetsova I.* Устойчивые сравнения о сходстве и различии реалий // Językoznawstwo. 2018. no 1. P. 99—107.
24. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Праславянская фразеология: миф или реальность? // Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics). 2019. Vol. 70. no 1. P. 5—32. DOI 10.2478/jazcas-2019-0038.
25. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Венгерско-славянские фразеологические параллели (диахронический аспект) // Studia Slavica Academiae Scientiarum. 2017. no 2. P. 247—275. DOI 10.1556/060.2017.62.2.1.
26. *Мокиенко В.М.* Коллокации — теория и лексикографическая практика (о концепции П. Дюрчо) // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2016. no 2. P. 363-372. DOI 10.1556/060.2016.61.2.8.
27. *Мокиенко В.М.* Структурно-семантическая модель в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. С. 305—312. DOI: 10.30842/265861502018725.
28. *Мокиенко В.М.* Принципы Ларинской лексикографии в трехтомном Большом словаре пословиц, поговорок и сравнений русского языка // Вопросы лексикографии. 2012. no 1. С. 70—84.
29. *Рогалева Е.И.* Инновационные фразеографические проекты Псковской экспериментальной лаборатории учебной лексикографии как средство методической поддержки учителей начальных классов // Дидактическая филология. 2016. no 3. С. 86—102.
30. *Рогалева Е.И.* Этимологические конфигурации в детских фразеологических словарях // Жизнь во фразеологии — фразеология в жизни. Сборник научных статей к юбилею профессора А.М. Мелерович / Отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова. Кострома: Костромской государственный университет, 2018. С. 268—276.

Сведения об авторе:
Никитина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного образования Псковского государственного университета; *научные интересы*: русский язык, фразеология, паремиология, молодежный сленг, лексикография, фразеография, венгерский язык, компаративные исследования, методика обучения русскому языку как иностранному; *e-mail*: cambala2007@yandex.ru.

UDK 811.161.1'37:81'373.6

Structural-Semantic Modeling in Phraseology: Forty Years of Experience and the Prospects

Tatiana G. Nikitina

Pskov state University
2, Lenin square, Pskov, Russian Federation, 180000

The purpose of this article is to analyze the experience gained in the field of structural-semantic modeling by domestic and foreign phraseologists working in the mainstream of the scientific school of V. M. Mokienko, the founder of this method, and to present prospects of the method applied to a dynamic system of modern phraseology. The relevance of addressing this issue is determined by the high linguo-cultural and linguo-didactic potential of phraseological modeling, the need to identify opportunities for its use in the study of phraseological layers that have not yet been fully developed. Using the descriptive method to process the data presented in the works on structural-semantic modeling, the author summarizes the results obtained by phraseologists for four decades of active use of the method in historical, etymological and linguoculturological research. The scope of the method's application to the material of different languages, the breadth of the research spectrum in terms of synchrony/ diachrony is emphasized: from the reconstruction of phraseology at the level of the proto-language to the modeling of phraseological units-neologisms. The research material was not only scientific sources, but also language material: phraseology of Russian folk dialects, modern urban speech and Internet communication. Using the method of structural-semantic modeling in relation to these phraseological layers, the author demonstrates the possibility of identifying generating models of formation and transformation of phraseological units, which until recently was considered impossible. For the first time, the method of structural-semantic modeling is also considered as one of the phraseographic techniques implemented by V. M. Mokienko and his followers in the field of academic and educational lexicography. Thus, the review of scientific sources presented in the article and the results of the author's own research prove the productivity of the method of structural-semantic modeling, confirm its relevance and broad prospects in the study of Russian phraseology.

Keywords: V.M. Mokienko, phraseology, structural-semantic model, motivational model, etymology, formation of phraseological units, phraseography

Article history:
Received: 01.02.2020
Accepted: 22.02.2020

For citation:
Nikitina, T.G. (2020). Structural-semantic modeling in phraseology: forty years of experience and the prospects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 11*(2), 175—197. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197

Introduction

Recognition of the fact that phraseology is modeled, resulting from active scientific discussions half a century ago and now described in the genre of «history of the issue» [1. P. 200—201; 2. P. 64—65], opened up new prospects for the study of phraseological units as modeled and modeling units in a variety of aspects, e.g. structural-grammatical [3] to linguo-cognitive [4], axiological [5], communicative-syntactic, [6] and translational [7].

The syntactic models of phraseological units [8; 9; 10] are thoroughly studied, including transitional types of phraseological units that are varieties of clichés and phrases [11; 12; 13].

When declaring a study of semantic phraseological models, scientists, as a rule, imply phraseosemantic groups, synonymous rows and antonymic oppositions of phraseological units [14] or they are limited to a semantic analysis of a certain syntactic structure [15].

Motivational models that allow explicating an idea that sets the direction for the development of phraseological imagery, and substantiating the relationship between the literal meaning of the prototype and figurative meaning of phraseological units became the product of logical and psychological modeling [16].

Structural-syntactic, semantic and motivational aspects of phraseological modeling integrate the process of identifying *structural-semantic models* in phraseology. Not coincidentally, T.M. Filonenko calls structural-semantic modeling the final stage in the study of phraseological imagery, which is preceded by the stages of developing syntactic and motivational models [16. P. 100].

The method of structural-semantic modeling, theoretically justified by V.M. Mokienko in 1980 in the monograph «Slavic Phraseology» [17], is currently actively used not only in Slavic, but also in other phraseological systems. The purpose of this article is to show the development of this productive direction of phraseological modeling, in the mainstream of which its founder V.M. Mokienko, his numerous students and followers of his scientific school continue their research.

The relevance of addressing this issue is determined by the need to improve the methods of a comprehensive study of phraseology as a unit of language and a cultural fact. This article aims at the dissemination of valuable experience gained in the field of structural-semantic modeling and the representation of new possibilities for its application.

Linguistic range of structural-semantic modeling

Under the structural-semantic model V.M. Mokienko understands «structural-semantic invariant of stable combinations, schematically reflecting the relative stability of their form and semantics». The combination of structural and semantic characteristics of phraseological units with this approach makes it possible to isolate phraseological models from a number of others, or, more precisely, determine their areal characteristics and historically comment on them [17. P. 43].

Representing the method of structural-semantic modeling on the material of Russian and Czech phraseological units with the general meaning ‘beat, punish’, the author draws attention to their structural marking, high stability of semantics, and a variety of motivations with a metaphorical type of transfer. The result of the in-depth analysis of the internal form in its projection on modern structural-semantic characteristics of constructions is seen in phraseological schemes of the type: «*дать* ‘give’ + a noun or its periphrasis with the meaning ‘hit’»: *дать порку, дать взбучку*; «a verb with the meaning ‘hit ’+ a noun or a prepositional combination indicating the direction of the blow»: *заехать в морду, наколотить загривок*; «a verb with the meaning ‘hit’ + a noun or prepositional combination designating a weapon»: *огреть ду-*

бинкой, хватить плетью, etc., or in an even more compact format of the models: «*дать* 'give' what = *бить* 'beat'», «*бить* 'beat' where = *избить* 'beat'»; «*бить* 'beat' with what = *избить* 'beat'», etc. [17. P. 45—55].

The direction of the study of phraseological units from a motivational model to a more particular one (structural-semantic) allows one to identify the range of motive productivity by its implementation in phraseological neologisms, including slang ones. So, we have distributed phraseological units combined in the monograph by V.M. Mokienko motivational model 'be engaged in obviously futile activities' → 'be idle' [17. P. 65], according to 5 structural-semantic models, but only one of them (the last in our list), according to the slang dictionaries, is currently active in terms of phraseme-formation: 1/ «perform an action not needed by the addressee → be idle»: *собакам сено косить*; 2/ «perform an action that is not relevant for the place of its implementation → be idle»: *из леса в лес дрова возить*; 3/ «perform an action with the use of an inappropriate tool → be idle»: *носить воду решетом*; 4/ «perform an action using inappropriate material → be idle»: *из песка веревки вить*; 5/ «perform an action directed at an inappropriate object → be idle»: *гонять ветер*, and also fixed by slang dictionaries [KCYC]: *изюм косить, тазики пинать, пустыню пылесосить* [KCYC. P. 402].

Certain conclusions about the productivity of motivational and structural-semantic models can also be made in the interlanguage plan based on the results of structural-semantic modeling of foreign-language phraseology. I.E. Dyachkova does so based on the material of English phraseological units with an anthroponym component. In the framework of the motivational model «the idea of a long-standing event ← association with a certain long-standing event», we find here a structural-semantic model, known to many languages, characterized by variability, but nonetheless not showing productivity: *when/* since *smb was alive/ young (when queen Anne was alive* — literally: 'когда была жива королева Анна'; *since Adam was a boy* — literally: 'когда Адам был мальчиком' [18. P. 70—71], compare: *при царе Горохе; при царе Косаре, при царе Копыле* [17. P. 16, 155].

On the other hand, the specific English derivation model *out- + verb*, which serves for the formation of verbs with the meaning of superiority, becomes a key component of the productive structural-semantic model of phraseological units, conveying the meaning 'excel any person personifying a certain quality': *to out-Herod Herod* — 'excel Herod (in cruelty and perversity)'; *to out-Zola Zola* — 'excel Zola (in naturalism)' [18. 3. 72]. Compare: the implementation of this motivational idea in a specific structural-semantic model of a phraseological unit actively functioning in the Russian slang occasional phraseme-formation: «*who* (a famous person, a bearer of a reference trait) *does not try to compete* (*restlessly reacts to an opponent*) → stating superiority with ameliorative connotation or irony»: *Айвазовский нервно курит* — high appreciation of the work of a young marine painter (Record 2019); *Абрамович вжался в стенку* — ironically: about acquiring a small old, damaged yacht (Record 2019), *Костя Дзю отдыхает* — praise to the winner of the fight (Record 2018), *Жириновский курит бамбук* — about the speaker's original speech at the rally (Record 2016) / *курить бамбук* 'smoke bamboo' — in youth slang: 'relax' /, *Джимми Хендрикс кочумает* — ironically: about playing of a low-class guitarist

(Record 2015) / *кочумать* — ‘relax’ in youth slang, ‘pause playing a musical instrument’ in musicians’ slang.

Structural-semantic modeling opens up the possibility of observing the rethinking of previous motivational schemes and the activation of their new interpretations in modern structural-semantic models. Compare, for example, the use of the name of a nonexistent holiday, the day of a nonexistent saint to indicate an action, a person’s condition: *труса (трусу) праздновать* ‘be coward, be afraid of smth.’ [BDRS. P. 673], *лытусу праздновать* ‘ be idle’ /*лытус* — an artificial formation from the dialect verb *лытать* ‘run away, evade from something.’ / [BDRS. P. 375] and the modern series of structures built according to the model: «*праздновать* (*отмечать*) ‘celebrate’ + *что* ‘what’ (name of a nonexistent holiday) = drink without an occasion»: *отмечать день граненого стакана; отмечать столетие лошади Буденного (русской балалайки); праздновать день рождения Кощея Бессмертного (Бабы-Яги); отмечать день смерти Анны Корениной* [KCYC. P. 45, 51—52]. We cannot fail to note the possibility of humorous literalization with professionally oriented filling of the model: *отмечать сорокатилетие структурно-семантической модели* (Record 2020).

Thus, the proposed by V.M. The Mokienko technique allows us to identify and study structural-semantic models not only as schemes for describing phraseological units, but also as generating models of phraseme-formation and phraseme-transformation, which is especially important in the context of the activation of linguistic and creative activities of native speakers and the strengthening of dynamic processes in the field of phraseology.

Another dynamically developing field of application of the method and use of the results of structural-semantic phraseological modeling is linguoculturology, where one of the objects of research is an ethnoculturally determined phraseological image. Researchers of the national specifics of phraseology turn to the methodology of structural-semantic modeling based on the vast subject groups and ideographic fields of phraseological units characterizing interpersonal relationships [19], labor activity [20], and human abilities [21]. Structural-semantic modeling in the field of sustainable comparisons also reaches the level of linguoculturology [22; 23]. For this type of phraseological units, as for no other, stand: the cross-lingual commonality of motivational ideas (similarity of the original and copy, similarity of paired objects, etc.), the parallelism of a specific imagery reflected by structural-semantic models (difference between day and night and contrasting heaven and land, etc.), and the presence of standards of comparison inequivalent in terms of the interlanguage plan that trigger the formation of ethnoculturally determined phraseological units according to the model.

The diachronic component of the cultural background of phraseological units is revealed, as is known, in the course of historical and etymological searches. Here the method of structural-semantic modeling allows not only reveal the national-cultural specificity of the phraseological image, but also clarify the etymological version of phraseological units, as it performs V.M. Mokienko analyzing on the broad Slavic and the dialectic level phraseological unit *бить баклуши* ‘idle around’. The material of Pskov, Omsk, Don, Smolensk, Ryazan and other Russian dialects (*бить беньки, бить бабки, бить балды*, etc.), and also the Ukrainian, Belarusian, Polish languages

(*бомки бити, бібікі біць, bíć bąki*, etc.) proves the validity of assigning this phraseology to the «game» structural-semantic model «бить, сбивать ‘beat, knock down’ *what* (+ name of the attribute of the game like a ball, chunks) = be idle», realizing the motivational idea «play, have fun → be idle» [17. P. 65—69].

Forty years after the representation of this etymological version [17. pp. 65—69] V.M. Mokienko in collaboration with H. Walther turns to the material of this model at a new, deeper level of structural-semantic modeling in connection with the problems of reconstruction of the Pre-Slavic phraseology [24. P. 23], the status of which is currently undefined. The authors propose to solve this important diachronic problem of Slavic studies during the reconstruction of structural-semantic models, rather than the original etymons, as for vocabulary, the Proto-Slavic fund of which, unlike phraseology, is comprehensively presented in fundamental etymological sources [24. P. 12]. As shown on the material of phraseological units *ни кола ни двора, ни богу свечка ни черту кочерга, класть зубы на полку* and their parallels in Slavic languages and dialects, the originality of the reconstructed structural-semantic model confirms its wide variation, while the rigid fixation of the form speaks more about the borrowed nature of the construction [24. P. 17—24]. Moreover, as shown by the results of structural-semantic modeling, «a purely Slavic phraseology is almost not found in retrospect: its area usually extends beyond the borders of Slavia — into the Slavic-Baltic, Slavic-Germanic or Slavic-Turkic language space» [24. P. 12]. In this regard, we cannot fail to note one more interlanguage sphere of the study of structural-semantic models — Russian-Hungarian phraseological parallels [25], the analysis of which allows V.M. Mokienko to clarify the areal characteristics of the original Slavic phraseology.

Thus, the method of structural-semantic modeling has become widespread in modern linguistics as applied to different types of phraseological units, to the material of different languages. The diachronic aspect of modeling is realized when solving etymological problems and historical language reconstructions. Such modeling procedures are valuable in linguistic and cultural terms as a means of identifying the ethnocultural specifics of phraseology. In terms of synchronization, the productivity of phraseme-forming structural-semantic models is studied as a manifestation of the dynamics of the phraseological foundation, the concrete figurative embodiment of the models is analyzed from sociocultural positions.

Lexicographic representation of structural-semantic models

The discussion of vocabulary representation of structural-semantic models is initiated by V.M. Mokienko in the analysis of the lexicographic concept by P. Durćo [26]. Going beyond the traditional circle of problems associated with the display of variability in the framework of the model, V.M. Mokienko considers the principles of creating a collocation profile of a word by a Slovak lexicographer and highly appreciates modeling techniques and the development of collocation schemes used to determine the structure of vocabulary [26. P. 367—369].

V.M. Mokienko presents his own concept of lexicographic structural-semantic modeling on the material of dialect phraseological units with the meaning ‘distant or

fictitious relative', developed for the «Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects» — an innovative lexicographic project that involves the work of V.M. Mokienko's team of his Phraseological seminar at St. Petersburg State University. The imaginative specificity of structural-semantic models, as the head of the project emphasizes, depends on the type of their core component — animalism, somatism, the name of a person or everyday reality, and the variety of models means the beauty and richness of folk speech and the breadth of material coverage in the new phraseological dictionary [27. P. 305].

The implementation of the Larin's principle of lexicographic completeness [28] made it possible to combine in the «Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects» the phraseology of not only territorial, but also social dialects, primarily youth slang and colloquial speech. The material of all these phraseological strata is often united by one structural-semantic model with a very wide lexical variation, for example, the «move *from to* (+ designations of two places identical in certain parameters) = 1. Chat, tittle-tattle; 2. Idle around», where the phraseological image is based on a description of useless, absurd activities: *переливать из пустого в порожнее.* Let us imagine a model representation scheme in the «Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects», where phraseological units are placed in accordance with the concept by V.M. Mokienko: under the first component-noun, if it is absent — under the first adjective, numeral, verb. In our case, it will be an adjective *пустой* 'empty'. When making a heading unit, common linguistic variants of the verb component will traditionally be presented in parentheses. Variants of phraseological units with a verb component-dialectism that requires interpretation will be described under separate headings within the framework of the macro article. They are followed by a description of the structural variants of phraseological units. The optional components of phraseological units are placed in square brackets. Under the special sign of transformation (→) there are phraseological transformations recorded in live colloquial speech (LCS) and open Internet communication (OIC). The order of the transforms is determined by the degree of their structural and semantic removal from the original phraseological unit.

Пустой 'Empty'

Переливать (перекладывать, говорить *Pskov*; **перегонять** *Smolensk*; **пересыпать** *Yaroslavl*) **[воду** *Omsk*] **из пустого в порожнее 'to catch the wind in a net'.** *Coll. Disappr.* 1. Conduct empty conversations, chat. 2. Engage in worthless business, waste time. BDRS, 92; PRD 7, 35; DRFD 3, 18; DRFD 30, 71. **Балахрыстить из пустого в порознее.** *Arch. Disappr.* Same as **переливать из пустого в порожнее 'to catch the wind in a net'**. DRFD 2, 76. < **Балахрыстить** — spend time in idleness. **Перешалтыкивать из пустого в порожнее.** *Don Disappr.* (1976). Same as **переливать из пустого в порожнее 'to catch the wind in a net'**. DRFD 26, 275. < **Перешалтыкивать —** chat, tittle-tattle. **Переливать пустое в порожнее 'to catch the wind in a net'**. *Pskov. Disappr.* Same as **переливать из пустого в порожнее**. PRD 7, 35; PRD 2, 91. → **Переливать из пустого в порожнее 'to catch the wind in a net'**. *Coll. Joking.* Drink alcohol without biting (LCS, 2019). **Переливать из пустого в порожнее решетом.** *Coll. Joking.* Same

as **переливать из пустого в порожнее ‘to catch the wind in a net’**. (LCS, 2020). < Phraseological units blend *переливать из пустого в порожнее* ‘to catch the wind in a net’ and *носить воду решетом* ‘plough the water’ **[Переливать] из пустого в дорожное.** *Media. Disappr. As headings.* About useless discussions of the problems of road quality, traffic safety, parking lots, etc. (OIC, 2019-2020). **Из пустого в пирожное.** *Media. Joking and ironically. As headings.* About the low quality of confectionery; about empty talk on the topic of confectionery (OIC, 2020). See also **НИЧЕГО** ‘nothing’ **(переливать из ничего в никуда** ‘pour over from nowhere’**)**; **СИТО** ‘sieve’ **(переливать из сита в решето** ‘pour from sieve into sieve’**).**

References at the end of the lexical entry to variations of the alternate nominal component (НИЧЕГО ‘nothing’, СИТО ‘sieve’) ensure the unity of the structural-semantic model representation preserving the stated alphabetical-core principle of material arrangement.

The methodology of structural-semantic modeling also received a linguodidactic implementation in the educational phraseological dictionaries of the Experimental Laboratory of Educational Lexicography at the University of Pskov, which follows the concept of interactive etymological paraphrasing developed by E.I. Rogaleva [29; 30]. Thus, adapting the etymological version of the phraseological unit *во всю ивановскую* ‘with all one’s might’, taking into account the addressee — a preschool child, — the authors of the dictionary «We know a thing or two» (FPD) invite the reader to the detective and phraseological agency. The «employees» of the agency are a cat-researcher called Kokos, a dog-investigator Gafik and their driver, a parrot Kochan. The heroes are «investigating» the history of phraseological units using the structural-semantic modeling algorithm for phraseological units developed by V.M. Mokienko.

The dog Gafik offers his «colleagues» three working etymological versions and a photograph of Ivanovo Square in the Moscow Kremlin:

1. The origin of the phraseological unit *во всю ивановскую* ‘with all one’s might’ is connected with the bell tower of Ivan the Great in the Moscow Kremlin. Look at the photo. Previously, the belfry housed 30 bells. Together, they were called the Ivanov bell set. Imagine what a rumble there was when all the bells of Ivan the Great rang! The meaning of the phraseological unit can be deduced as: *(to call) ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ* ‘with all one’s might’ (the Ivanov bell set) = very loudly.

2. According to the second version, the origin of the phraseological unit is associated with Ivanovo Square. Look at the same photo. The bell tower just stands on Ivanovo Square. In ancient times, czar’s decrees were announced here. It is clear that there were no microphones then, and the heralds had to thoroughly strain the vocal cords. Here, whips and sticks punished thieves who also screamed with all their might. Hence the phraseological unit: (*scream*) *ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ* ‘with all one’s might’ (square) = very loudly.

3. And the third version connects the origin of the phraseological unit with the hero of Russian folk tales Simpleton Ivanushka.

Cat Kokos: I like the first, musical version. The one that is associated with the ringing of bells. I myself am very musical. I can play both the violin and the balalaika. I write songs at my leisure time. And I’ve taken up the symphony recently.

Parrot Kochan: And I stand for justice! If one committed theft, he must be punished! I choose the second version.

Dog Gafik: All this is good, friends. But you forgot that a phraseological unit is a unit of the language. Therefore, we must look for the evidence in the language. Listen to this. Initially, our phraseological unit had only one meaning — «very fast» and was used in combinations with *бежать* 'run', *нестись* 'rush' *во всю Ивановскую, скакать (на лошади)* 'ride (a horse)' *во всю Ивановскую* 'with all one's might'. But is it possible to run or ride across Ivanovo bell set? — Of course not. How about Ivanovo Square? It is clearly not enough for racing.

And now remember the phraseological units with the meanings «very fast» and «very loud»: *во весь дух, во все лопатки, во всю мощь, во весь голос, во всю глотку, во всю силу, во все горло* 'with all one's might'. There are no squares, no bells. Only a man — voice, throat, shoulder blades, strength. So, our phraseological unit is connected with a person! And, of course, his name is Ivan. The strength is inherent to Ivan! He is the favorite hero of Russian folk tales (Ivan the Fool, Ivan Tsarevich, Ivan Bogatyr) — strong, agile, kind. He always defeats his enemies, acts quickly, energetically. His «Ivan's» power was reflected in the phraseological unit *во всю Ивановскую* — «very fast, very loud, with all his might».

Cat Kokos: Brilliant, Chef! How did you know that?

Dog Gafik: From a colleague from St. Petersburg, a pretty fox terrier Sonya. This is the favorite dog of the famous phraseologist Valery Mikhailovich Mokienko. She is always aware of all phraseological events [FDP. P. 21—24].

In the dictionary «Interesting etymological stories for children» (IESC), addressed to a more «adult» audience — younger schoolchildren, all three etymological versions and the methodology of structural-semantic modeling are presented by Valery Mikhailovich himself, who «invited» the readers to visit him (in the photo they can see the scientist in his office). Having refuted the first two versions, he brings the readers to the main phraseological formula, in which one thing remains unknown: (*run, scream*) *ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ (……?) = very quickly*; *very loudly*. Valery Mikhailovich offers the children to find it, and the authors of the dictionary are included in this dialogue in the role of assistants:

— What phraseological units with the meanings «very fast» and «very loud» do you know? — asks Valery Mikhailovich.

Our scheme will help you answer the scientist's question:

Quickly: *во весь ..., во все ..., во всю ...* 'in full ..., in all ...'

Loudly: *во весь ..., во всю ..., все ...* 'in full ..., in all ...'

If you are at a loss — choose words from our creeping line prompts: *нос* 'nose', *глаз* 'eye', *голос* 'voice', *дух* 'spirit', *сила* 'strength', *мощь* 'power' (we used *мочь* 'might' above), *горло* 'throat', *лопатки* 'shoulder blades', *глотка* 'pharynx', *палец* 'finger'.

This is what we should get: *во весь дух, во все лопатки, во всю мощь, во весь голос, во всю глотку, во всю силу, во все горло.* Have you noticed that all these words are connected with a person, and not with the name of the square?

— Most likely, our phraseological unit is associated with a person, — says Valery Mikhailovich. — Looking at the phraseological unit, you can easily guess his name [IESC. P. 8—12].

After deriving the final phraseological formula (*run, scream*) *ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ* (*strength, power, might*) = *very quickly*, *very loudly*, readers find out the identity of the mysterious Ivan, recalling Russian folk tales and «The Little Humpbacked Horse» by P.P. Ershov, this leads them to the correct conclusion about the motivation of the phraseological unit.

Thus, the lexicographic representation of the structural-semantic method of modeling, built on the principles of accessibility and scientific certainty, makes the child feel like a researcher and forever fall in love with Russian phraseology.

Conclusion

Structural-semantic modeling has been and remains an effective method of studying linguistic imagery and phraseme-formation mechanisms.

Received more than 40 years ago, scientific justification and methodological algorithmization in the works on Slavic phraseology by V.M. Mokienko, the method of structural-semantic modeling is currently used in relation to various, including new types of phraseological units of different languages, it covers the material of different historical and social layers of the language. The method is actively used by its founder and new generations of researchers — followers and numerous students of V.M. Mokienko in line with his scientific school under his leadership and in original independent research.

A promising direction in the application of the structural-semantic modeling method is modern phraseme-formation, where this method can be useful in determining the productivity of traditional structural-semantic models, revealing the facts of modeling in the field of phraseological transformations, and in the formation of new phraseological units. The expansion of the range of application of the method can be observed in the field of comparative historical linguistics, where structural and semantic modeling allows you to reconstruct phraseology on the proto-languages level.

The educational representation of the structural-semantic modeling method is not limited to elective university courses in phraseology and etymology. Innovative educational phraseography has become an innovative direction that implements the linguodidactic potential of the method. Mastering the fundamentals of structural-semantic modeling at an accessible level, readers of interactive entertaining dictionaries become participants in historical and etymological searches, learn the laws of phraseme-formation processes and the interaction of language and culture.

The concept of lexicographic representation of structural-semantic models in the academic phraseological dictionary, developed by V.M. Mokienko and being currently implemented in large-scale dictionary projects, sets directions for optimizing the macrostructure of the dictionary and improving parameterization of the material on the level of the dictionary microstructure. A promising embodiment of the method of structural-semantic modeling in academic lexicography is the creation of the Big Phraseme-Forming Dictionary of the Russian Language.

Dictionaries

BDRS: Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2013). *Big Dictionary of Russian Sayings.* Moscow: OLMA Media. (In Russ.).

IESC: Rogalyova, E.I. & Nikitina, T.G. (2018). *Phraseological dictionary. Interesting etymological stories for children*. Moscow: VAKO. (In Russ.).

KCYC: Nikitina, T.G. (2013). Concepts of Youth Culture. Thematic slang dictionary. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russ.).

PRD: Pskov Regional Dictionary of Historical Data (1967—2016). Vol. 1—26. Jleningrad; St. Petersburg. (In Russ.).

DRFD: Dictionary of Russian Folk Dialects (1965—2016). F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov (Eds.). Moscow: Vol. 1—49. Jleningrad; St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).

FPD: Rogalyova, E.I. & Nikitina, T.G. (2018). *We know a thing or two. Funny Phraseological Dictionary*. Moscow: Meshcheryakova Publishing House. (In Russ.).

References

1. Tret'yakova, I.Yu. (2009). The aspects of modern phraseology modeling. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, *15*(4), 200—203. (In Russ.).
2. Molchkova, L.V. (2013). Modelled Nature and Idiomaticity of Phraseological Units, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, *10*, 63—67. (In Russ.).
3. Fedulenkova, T.N. & Glebova, D.A. (2019). Features of Phraseological Units of the Model V + (d) + N + Prep + θ with the Verb of Possession In: V*estnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, *2*, 227—231. (In Russ.).
4. Dobrovol'skij, D. & Piirainen, E. (2017). Construction patterns idiomatic and their cognitive foundations. *Yearbook of Phraseology*, *8*(1), 31—58. DOI: 10.1515/phras-2017-0004.
5. Lomakina, O.V., & Mokienko, V.M. (2018). Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*, *4*, 303—317. DOI: 10.17223/18572685/54/18. (In Russ.).
6. Dalmas, M., & Dobrovol'skij, D. (2016). Idiome und ihre kommunikative Leistung: Zur Theorie der informationstrukturellen Gestaltung von Äußerungen. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik, 44*(2), 257—285. DOI: 10.1515/zgl-2016-0012. (In Germ.).
7. Mitkov, R. (2016). Computational Phraseology light: automatic translation of multiword expressions without translation resources, *Yearbook of Phraseology,* 7(1), 149—166. DOI 10.1515/phras-2016-0008.
8. Velichko, A.V. (2016). Phraseologized sentences: models and their variability. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 7*(2), 75—78. (In Russ.).
9. Melikyan, V., Melikyan, A., & Dzyubenko, A. (2017). Syntactic phraseological units. Syntactic phraseology. Phraseological subsystem of language. *Zeitschrift für Slawistik, 62*(1), 23—47. DOI: 10.1515/slaw-2017-0002.
10. Mellado Blanco, C. (2019). Phrasem-Konstruktionen kontrastiv Deutsch-Spanisch: ein korpusbasiertes Beschreibungsmodell anhand ironischer Vergleiche. *Yearbook of Phraseology*, *10*(1), 65—88. DOI: 10.1515/phras-2019-0005. (In Germ.).
11. Hrisztova-Gotthardt, H. (2016). Kein Sprichwort ohne Strukturformel? Vorgeprägte syntaktische Schemata in aktuell gebräuchlischen bulgarischen Sprichwörter. *Yearbook of Phraseology*, *7*(1), 81—98. DOI: 10.1515/phras-2016-0005. (In Germ.).
12. Iomdin, L.L. (2017). Between the Syntactic Idiom and Syntactic Construction. Complicated Cases of Microsyntactic Ambiguity. *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii*, *86*(2—3), 230—243. (In Russ.).
13. Mel'čuk, I. (2015). Clichés, an Understudied Subclass of Phrasemes. *Yearbook of Phraseology*, *6*, 55—86. DOI: 10.1515/phras-2015-0005.
14. Kulyushin, A.Yu., & Pawlik, P. (2016). Russian and Polish idioms included in the semantic model "Poverty-Wealth" conceptual scope of "Material relations": linguistic experiment In: *Aksiologiya slavyanskoi kul'tury*. Nizhny Novgorod: NGPU. pp. 6—9. (In Russ.).

15. Mehmet, Y. (2017). Semantic models and varieties of phraseological units in kyrgyz and turkish languages. *Izvestiya VUZov Kyrgyzstana, 7*, 220—221. (In Russ.).
16. Filonenko, T.M. (2016). Motivational models of phraseological units, figuratively expressing syncretic meaning in the Russian language. *Sovremennye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk*, *2*, 98—101. (In Russ.).
17. Mokienko, V.M. (1980). *Slavic phraseology*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
18. Dyachkova, I.Y. (2010). Motivational and structural-semantic models of phraseological units with anthroponymic component. *Vestnik of Moscow State Linguistic University Humanitarian Sciences*, *600*, 66—74. (In Russ.).
19. Fokina, A.A. (2015). Structural-semantic models of phraseological units with a component *head*, characterizing interpersonal relations (based on the material of the Mari, Russian and English languages) In *Problemy mariiskoi i sravnitel'noi filologii.* Ioshkar-Ola: Publ. Mari state University. pp. 64—68. (In Russ.).
20. Shvelidze, N.B. (2018). Phraseological models of verbal phraseological units with the meaning of "working". *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta, 1*, 42—45. (In Russ.).
21. Kozlova, R.M. (2012). Structural-semantic models of Russian phraseological units of the ideographic field «A person's abilities». *Sbornik nauchnykh trudov Instituta gumanitarnogo obrazovaniya i informatsionnykh tekhnologii, 15*, 323—333. (In Russ.).
22. Nikolaeva, E.K., & Seliverstova, E.I. (2016). The idea of sound sleep in Slavic languages (based on stable comparisons). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, *61*(2), 325—343. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.6. (In Russ.).
23. Kuznetsova, I. (2018). Stable comparisons about the similarity and difference of realities. *Językoznawstwo*, *1*, 99—107. (In Russ.).
24. Walter, H., & Mokienko, V.M. (2019). Proto-Slavic Phraseology: Myth or Reality? *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics), 70*(1), 5—32. DOI: 10.2478/jazcas-2019-0038. (In Russ.).
25. Mokienko, V.M., & Nikitina, T.G. (2017). Hungarian-Slavic phraseological Parallels (diachronic aspect). *Studia Slavica Academiae Scientiarum*, *2*, 247—275. DO:I 10.1556/060.2017.62.2.1. (In Russ.).
26. Mokienko, V.M. (2016). Collocations — theory and lexicographic practice (about the concept of P. Durćo). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, *2*, 363—372. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.8. (In Russ.).
27. Mokienko, V.M. (2018). Structural-semantic model in the «Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects» In *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)*. Saint Petersburg: Publ. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 305—312. DOI: 10.30842/265861502018725. (In Russ.).
28. Mokienko, V.M. (2012). Principles of Larins lexicography in the three-volume Big Dictionary of Proverbs, Sayings and Similes of the Russian language. *Russian Journal of Lexicography, 1*, 70—84. (In Russ.).
29. Rogaleva, E.I. (2016). Phraseographical projects of Pskov Experimental Laboratory of educational Lexicography as a means of social and cultural adaptation of foreign learners. *Didactic philology*, *3*, 86—102. (In Russ.).
30. Rogaleva, E.I. (2018). Etymological configurations in phraseological dictionaries for children In *Life in phraseology-phraseology in life. Collection of scientific articles to the anniversary of Professor A.M. Melerovich*. I.Yu. Tret'yakova (Ed.). Kostroma: Publ. Kostroma state University. pp. 268—276. (In Russ.).

Information about the author:
Tatiana G. Nikitina, Doctor of Philology, Professor of Department of theory and methods of primary and preschool education of the Pskov state University; *Research interests:* Russian language, phraseology, paremiology, youth slang, lexicography, phraseography, Hungarian language, comparative study, methods of teaching Russian as a foreign language; *e-mail*: cambala2007@yandex.ru.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 198–212
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212
UDK 811.161.1'37:81'44:398.91

Research article / Научная статья

Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages

Elena I. Seliverstova

Saint Petersburg State University
University Embank., 7/9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034
selena754@inbox.ru

The relevance of this article is due to the contradiction between the typical position of linguoculturologists, who use proverbs in their studies to illustrate the idea of the national specific mental representations of the world, reflected in the language, on the one hand, and the undeniable similarity in the verbal, logical and semantic structures of the proverbs that we observe when comparing the proverbial material of completely different languages — related and not related: English, German, Russian, Czech, Bulgarian, Chinese, Turkish, Armenian, etc. The object of analysis is composed of proverbs as units by means of which the speakers express their attitude to the world in a figurative form and manifest themselves as carriers of a certain culture. This rapprochement is carried out in several directions. We note the undoubted similarity (1) in the field of thematic areas, chosen to state the results of observation and conclusions, which generalize the experience gained and derive pragmatic meaning from it; (2) at the level of proverbial condensates (mental constructs, ideas) that briefly convey the contents of the proverb — such as "A wife and a husband are different", "A child inherits the properties of parents", "A little bad thing spoils a big good", etc.; (3) at the level of generalized concepts — the signs of them are especially actively reflected in proverbs: the image of gold in its various interpretations is universal — as a standard of a high degree of any characteristic, as a way of solving many life difficulties, etc.; (4) at the level of components that verbalize concepts, become sustainable elements of proverbs, can be opposed or compared. Binomial pairs form the logical and semantic structure of proverbs ("friend" — "alien", "smart" — "stupid", "head" — "legs"), move from one unit to another and some of them can have different verbal implementations ("predator" — "victim": *wolf — lamb/sheep/cow*). This analysis allows us to talk about coincidences not only in assessing the importance of individual objects and phenomena, in thoughts about them and associations, in the spectrum of identifiable signs, in verbalization techniques used for matching generalized ideas, and — at last — about a certain reduction in the pathos of the statement about the national specificity of the proverbial space of the particular language.

Key words: proverb, different languages, thematic sphere, concept, proverbial condensate, binomial pair, similarity

Article history:
Received: 25.01.2020
Accepted: 01.02.2020

© Селиверстова Е.И., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

For citation:
Seliverstova, E.I. (2020). Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 11*(2), 198—212. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212

УДК 811.161.1'37:81'44:398.91

Уровни проявления типологического сходства в пословицах различных языков

Е.И. Селиверстова

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034
selena754@inbox.ru

Актуальность данной статьи обусловлена противоречием между типичной позицией лингвокультурологов, использующих в своих исследованиях пословицы для иллюстрации идеи национальной специфичности ментальных представлений о мире, отражающихся в языке, с одной стороны, и неоспоримым сходством в вербальной, логической и семантической структурах пословиц, которое мы наблюдаем при сравнении пословичного материала разных языков — родственных и отнюдь не родственных: английского, немецкого, русского, чешского, болгарского, китайского, турецкого, армянского и др. Объект анализа составляют пословицы как единицы, посредством которых говорящие выражают в яркой образной форме свое отношение к миру и проявляют себя как носители определенной культуры. Это сближение осуществляется в нескольких направлениях. Мы отмечаем несомненное сходство (1) в области тематических сфер, избираемых для констатации результатов наблюдения и выводов, которые обобщают полученный опыт и выводят из него прагматический смысл; (2) на уровне пословичных конденсатов (ментальных конструктов, идей), кратко передающих содержание пословицы — таких, как "Муж и жена различаются", "Ребенок наследует свойства родителей", "Маленькое плохое портит большое хорошее" и др.; (3) на уровне обобщенных концептов, признаки которых особенно активно отражаются пословицами: универсальным является образ золота в разных его трактовках — как эталона высокой степени проявления какого-либо признака, как способа решения многих жизненных затруднений и т.д.; (4) на уровне компонентов, которые вербализуют концепты, становятся устойчивыми элементами пословиц, могут сравниваться или противопоставляться. Биномы формируют логическую и семантическую структуру пословиц (свой — чужой, умный — глупый, голова — ноги и т.д.), переходят из одной единицы в другую и могут иметь различные вербальные воплощения (волк — ягненок/ овца/ баран). Это позволяет нам говорить о совпадениях не только в оценке важности отдельных предметов и явлений, в мыслях о них и ассоциациях, в спектре выявляемых признаков, в приемах вербализации совпадающих обобщенных представлений, но и — в конечном итоге — о некотором снижении пафоса утверждения о национальной специфичности пословичного фонда отдельного языка.

Ключевые слова: пословица, различные языки, тематическая сфера, концепт, пословичный конденсат, биномиальная пара, сходство

История статьи:
Дата поступления: 25.01.2020
Дата приема в печать: 01.02.2020

Для цитирования:
Селиверстова Е.И. Уровни проявления типологического сходства в пословицах различных языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 198—212. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212

The reports of national uniqueness of proverbs have been greatly exaggerated

Introduction

In any language there are expressions — idioms, clichéd phrases, proverbs, sayings, quotes — which are frequently repeated and known to all native speakers of the language. They reflect the national spirit and ethnically specific image of the world [1. P. 95—96; 2. P. 214—215]. Nowadays phraseology and paremiology are usually considered as a treasury of national color of any literary language. This idea can be traced back to the XIX century when active searches for evidence of national identity of the people were conducted [3. P. 8].

In the XX century the Polish linguist Anna Wierzbicka made an attempt to reveal the unique traits of national mentality by interpretation of language units, including idioms and proverbs [4]. Her enthusiasm became an impulse for an active search for national specificity, for "a linquistic image of the world".

Based on this position, it is easy to see in Russian expression *как Мамай прошел* (liter. "as if Mamay has passed; something looks like ruins after Mamay's campaign"), a reminder about historical event — the invasion of khan Mamay and the Golden Horde to Russia in XIII-XIV centuries which led to devastation of Russian lands. This idiom is used in the meaning of 'big disorder, something upside-down, in a mess'. This historical precedent is reflected in English expression *Scratch a Russian and you find Tatar* which reminds of the Tartar Mongol Yoke in Russia.

The Russian idiom *остаться у разбитого корыта* ("to be left with the broken wash-tub" — 'to be left with nothing, to lose everything'; 'to be back where one started') may seem meaningless to a person who does not know Alexander Pushkin's fairy tale about a greedy old woman who asked a magic Goldfish to fulfill her three desires. Having asked too much, the old woman lost everything she received and turned poor again. Thanks to this story, this expression characterizes a situation when all the plans and hopes are crushed and life returns to the initial state.

Now there are numerous works of modern linguists, specialists in folklore, cognitive scientists in which one finds an explanation to such language units from the point of view of their connection to historical events, ethnographic facts, cultural codes and literary contexts hidden in such expressions. Similar facts of the language, which is "an organ of original thinking and perception" (V. von Humboldt) for representatives of each ethnic group, allow us to understand how mental and linguistic division of reality correlate and how, under the influence of certain factors, "the processes of categorization and conceptualization of ideas about the world" are reflected in the linguistic picture of the world [5. P. 98].

In the framework of the cognitive approach to the language and its units, phraseology is considered as a field of linguistics, in which in the closest way "the language, culture, history and world picture of a particular ethnic group are intertwined" [6. P. 139], and, therefore, phraseological units act as signs of ethnomarked information, manifested in the figurative and expressive-evaluative perception of objects of the world.

A quantum of nationally-labeled information is contained in the Russian proverb *Чем лаптю кланяться, так уж поклонюсь сапогу* ("I'll better bow to a boot, than to a bast shoe"), which expresses contempt towards the lower class inhabitants of a village. The meaning of the expression becomes clear, if the speaker knows the different symbolical value of the bast shoe and the boot in the folklore. These items and the words designating them became signs of a social status. *Bast shoe* ('the cheapest, manually made footwear used by peasants') costs close to nothing, and that is why this word is associated with a negative meaning 'An ignorant, uncivilized, backward person'; rich people wore boots. The shoe motif also became the basis of other proverbs about equality and inequality — not necessarily in social context, it can be used to express various human qualities: *Лапоть сапогу не товарищ* ("The bast sandal is not a friend of the boot")*; Лапоть знай лаптя, сапог сапога* ("Let the bast shoe befriend its own kind, and so the boot") [7. P. 56]. The contemptuous look upon the countrymen who usually wore bast shoes was also reflected in the phraseological unit *не лаптем щи хлебать* ("One doesn't eat soup with a bast sandal"), i.e. 'someone has reached notable success; he is able to do something well and he's proud'.

Proverbs from this point of view are especially interesting, because, on the one hand, they contain the images which are associated with cultural and national standards, stereotypes, codes and mythemes and express the mentality which is specific for a certain lingvocultural community [8. P. 175]. On the other hand, the units (elements) of proverbial wisdom are a feature of the special conceptual thinking of native speakers, because they represent real judgments and are the seeds of modernized meanings that are important for speakers.

For example, the image of a person who is praying in front of an image of God down on one's knees is universal, but it is in Russian culture that the lack of a sense of proportion and a reasonable attitude to this action, which leads to a broken head, is regarded as a sign of stupidity. The proverb *Заставь дурака Богу молиться, он и лоб разобьет* ("Make the fool pray to God, and he will smash his forehead") is used as an expression of frustration from a spoiled case, discontent, distrust of the performer. It characterizes someone's exaggerated and unsuccessful attempt to do something.

The study of cultural phenomena reflected in the language, carried out mainly on the material of two languages — Russian against the material of French [9], Japanese [10], Czech [11], Udmurt [12], Chuvach [13], Chinese [14], or more comparable languages [15, 16], is usually accompanied by a significant emphasis on the national identity of the studied cultures, which is manifested, inter alia, in phraseological and proverbial units.

P.M. Eismont, analyzing the mental images of the hare and the rabbit among Russians and English and comparing them, notes both the richness of the cultural-associative background that was formed among the native speakers of two languages, and its specificity, which is determined to a large extent by the influence of phraseological units, proverbs, precedents texts, ceremonies, etc., as well as by differences in units verbalizing this background [17. P. 47—49].

Meanwhile, upon closer examination of the paremias and their features in different languages — both typologically close and absolutely completely unrelated in their

origin, it becomes obvious that, in addition to the differences, a significant number of common points are observed in the paremiology of different ethnic groups.

Materials and methods

The number of multilingual dictionaries has significantly grown up during the recent years. Among the comprehensive collections of XX—XXI centuries in this field are to be mentioned the collections of J. Gluski (1971 [18]), M. Kuusi (1985 [19]), Sprichwörter (1990 [20]), G. Paczolay (2002 [21]), etc. Back at the beginning of the XXI century, W. Mieder noted that the extant bibliographies of proverb collections have registered over 20,000 volumes with about 200 new publications each year [22. P. XII]. The numerous proverb collections make it possible to study proverbs on a comparative basis.

In this paper, we use the data from the following dictionaries: L. Trup [23], V. Vinogradova, D. Grechushnikova [24], J. Bachmannová, V. Suksov [25], J. Gluski, as well as the "Great Dictionary of Russian Proverbs" [26], "Chinese phraseological dictionary" [27], "Dictionary of People's Proverbs and Sayings of the East" [28], "Dictionary of Turkish Proverbs" [29], "Armenian folklore" [30].

In this paper, we rely on theoretical studies which have been undertaken by Matti Kuusi, Peter Gzhibek, Wolfgang Mieder, Kazys Grigas, Arvo Krikmann, etc., who tried to find answers to the questions connected with the similarity and the differences in the nature and functioning of proverbs in different languages became the real base for the comparative researches of proverbs.

We consider, after A. Dundes, that the proverb is "a traditional saying that sums up a situation, passes judgment on a past matter, or recommends a course of action for the future. <…> Proverbs consist of at least one topic and one comment about that topic" (compare: *Money talks*) [31]. This definition can be clarified by the following details: this anonymous expression has a sentence structure, some attributes of a genre (a model, a form, a rhythm, a rhyme) and contains moral teaching or an insight from life, a rule which expresses a timeless modality [32. P. 22—24].

Research results

Let's move on to the analysis of different languages in order to show that the proverbial fund of the language, uniting the whole society and adopted by it, is in any respects in contact with proverbial funds belonging to other peoples and cultures.[1]

Carefully regarding the proverbs in various languages one can see that the reports of national uniqueness of proverbs have been exaggerated.

I. First of all, one can find ***expressions which are not connected with the national identity, but appeared on the all-European cultural and philosophical basis and have a common origin*** — mythology, the Bible, fiction, etc.

[1] For reasons of economy, we will use abbreviations instead of the full names of the languages: Rus. — Russian, En. — English, D. — Deutsch, Fr. — French, Cz. — Czech, Turk. — Turkish, Chin. — Chinese, Armen. — Armenian, etc.

For example, the Russian expression *Не рой другому яму, сам в нее упадешь* (Eng. *He who digs a pit for others falls in himself*), originating from the Bible, has equivalents in the majority of the European languages (more than 20 languages):

D. *Wer andern eine Grube gräbt, fällt selbst hinein;* Fr. *Qui conduit dans le fossé, tombe le premier;* Sp. *Quien hace un hoyo para otro, el sae en el hoyo;* Lat. *In fovean cecidit, quam fecerat ipse;* Cz. *Kdo jinému jámu kopá, sám do ní padá;* Turk. *El için kuyu bazan kendi düşer içine;* Bulg. *Който копае гроб другиму, сам пада в него*, etc.

Another expression which became an ideological slogan in the Soviet Russia also originates from the Bible: *Кто не работает, тот не ест* (Eng. *He that will not work shall not eat*). This was paradoxical for a country which dissociated itself from religion. Compare equivalents: D. *Wer nicht arbeitet, soll auchht essen;* Fr. *Celui qui ne veut pas travailler ne doit pas manger;* Cz. *Kdo nepracuje, ten nejí;* Turk. *Çalışmayan aç kalır;* Eng. *If one doesn't work, doesn't eat;* Chin. 不勞動者，不得食, etc.

II. However, in different languages we often find ***proverbs which are not based on genetic commonness or language contacts***, and which, however, have much in common in their meaning, structure and vocabulary. This can be explained by the common features of the human nature and intellectual activity and common observations of the environment.

The degree of typological similarity of proverbs is usually detected in three levels, — thematic, semantic and conceptual. But a wide proverbial sphere is built not only by the proverbs themselves, which enter into various relations with each other, but also by many so-called "fragments" of a different scale (or constituent parts) of the proverbs — on the one hand, more fractional (typical components, structural models, cliched formulas) and, on the other, — more generalized, "superproverbial" ideas ("mental condensates").

Let us mention here successively some points (elements) that demonstrate typological similarities in the proverbs of various European languages.

A. For example, traditionally compared are related expressions — ***proverbs*** about family, work, friendship, drunkenness, etc., ***united by one topic***. Here one can hardly find any essential differences: after all, in each language there are expressions about money, age, happiness, love, illnesses, etc., because these are basic, universal, vital things. To verify that, it is enough to look at thematic headings in proverbial dictionaries of different languages and in multilingual dictionaries. In a six-lingual dictionary by J. Gluski, which contains over 1100 proverbial phrases in each of the six languages, the whole corpus is divided into 48 topical sections: Truth—Lie, Business—Trade, Knowledge—Experience, Time—Weather, Happiness and Misfortune, Borrowing—Debts, etc. [18, P. XXXVIII]. In the dictionary "Proverbs of the Russian People" published by a famous Russian lexicographer V.I. Dal [33], one finds almost the same division of proverbs. Subjects like the relationship between friends and spouses, the attitude to one's own property and someone else's, wealth, vengeance, are very widely presented in proverbs of many languages. Although any subject can be reflected in proverbs of various languages and cultures with different degree of occurrence and directions of specification.

Many proverbs reflect the complex relations between the daughter-in-law and the mother-in-law (D. *Des Mannes Mutter, der Frauen Teufel* "The husband's mother is the wife's devil"; Eng. *The mother-in-law remembers not that she was a daughter-*

in-law). But in Russian and Chinese languages one can find a full proverbial encyclopedia revealing different aspects of these relations: Rus. *Блудливая свекровь и невестке не верит* (“The lascivious mother-in-law doesn’t trust the daughter-in-law”), *Свекровь кошку бьет, а невестке наветки дает* (“Mother-in-law tips off the daughter-in-law by beating a cat”), *Сноха за порог, свекровь за пирог* (“Mother-in-law starts eating a pie only after daughter-in-law leaves”), etc.

Chin. 媳婦踏著婆鞋印。(“The daughter-in-law steps on a trace from a boot of the mother-in-law”), 婆婆打媳天下有。(“The mother-in-law beats the daughter-in-law, it is a usual situation”), 一個媳婦十個婆婆。 (“For one daughter-in-law <it is possible to give> ten mothers-in-law”), etc. [34].

B. *Similarities* and distinctions between proverbs can be discovered ***at the level of concepts*** denoted in them. A complex of proverbs reveals the ideas that the native speakers have about realities which exist in their environment — both material and mental. The image of gold should be recognized as universal, it has become a benchmark of priceless quality, a powerful "instrument" that helps to achieve a lot, opens up wide possibilities for a person: Rus. *Золотой молоток железные ворота прокует* (“A gold hummer can open an iron gate”); Eng. *A golden key will open every lock*; Cz. *Na zlatou udici snadno ryby lapati* (“Easy to fish with a gold fishing rod”); *Dobrá žena je lepší nad zlatý sloup* (“A good wife is better than a golden pillar”); Arm. “Education is like a gold bracelet on a hand”, etc.

The German scientist Harry Walter notes the universality of concepts *Soul* and *Heart* for different nations of the world [35. P. 15].

There is a more prosaic example. The pig, according to proverbs, appears in many languages as an unworthy, gluttonous, lazy, fat, dangerous, noisy animal**.** But the association of the pig with dirt and danger, which exists in Russian (*Свинья грязи найдет* — liter. “The pig will always find dirt”; *Наряди свинью хоть в серьги, а она все в навоз пойдет* — “If you dress a pig in earrings, she will still go to manure”), is absent, for example, in Chinese.

On the other hand, one would find images of tiger and elephant in the languages spoken by people, who can observe these animals in nature, live close to them. As a rule one can hardly come across an image of tiger in Russian proverbs, whereas in the imagery of Asian proverbs it is quite rampant: Korean: “Whether the dog or the monk — to a hungry tiger it’s all the same”; Bengal. “In water there is a crocodile, ashore — a tiger”; Indones. “He who looks like a tiger, is a little mouse in his soul”. This image is also widely represented in Chinese language: “Two tigers don’t live in one wood”; “If you want to touch the bum of a tiger, it is necessary to understand his temper before”, etc.

III. The share of uniquely national elements in the proverbial corpus of a certain language becomes less significant, if, while comparing different languages, one takes into consideration special features of proverbs as such. Here are these features.

1. If in our mind we exclude the “decoration” element from a proverb (i.e. its metaphoric qualities, lexical redundancy, rhythm, rhyme, etc.), the pure essence of the expression may be revealed as a predicative structure consisting of two or three components and expressing the summarized main idea of the proverb. The term “proverb” can hardly be applied to such a structure, because these expressions lack

the necessary proverbial markers. However, it can be called a ***"proverbial condensate"*** or ***"proverbial idea"***.

For example: "An experienced person is reliable", "An old person can be wrong", "Work can be delayed", "Things that have been said can't be taken back", "A wife and a husband are identical", "You can't cure a fool", "A quiet (reserved) person could be dangerous", "Something big is better than small", etc. These structures produce such new concepts as *logema* (← logic, logical) and *cognitema* (← cognitive, cognition), which denote proverbial ideas and their fragments [see: 36. P. 57—60].

In the light of the data contained in dictionaries it becomes obvious that many ideas have no uniquely national coloration at all: they are international. The generalized idea "The child is similar to the parent" ("The descendant is similar to the ancestor") is present in proverbs of almost all languages. The idea of similarity can be expressed as follows:

— via images of an apple and an apple-tree (or fruit and tree)[2]: Rus. *Яблоко от яблоньки недалеко падает* (liter. "The apple doesn't fall far from the apple-tree"); D. *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm;* Cz. *Nepadne jablko daleko od stromu;* Bulg. *Ябълката не пада далеч от дънера си;* Fr. *Tel arbre, tel fruit;* Eng. *As the tree so the fruit; Like tree, like fruit*;

— via images of animals and their babies: Rus. *Не родится от свиньи бобренок, всегда — поросенок* ("The pig can't give birth to a baby-beaver, always to a baby-pig"); Vietn. "If father is lion, his son is a young lion"; Armen. "A donkey will grow from a baby-donkey"; Chin. 虎父無犬子 "The tigress can't give birth to a mongrel";

— without the use of figurative elements: Rus. *Какова мать, такова и дочь* ("The daughter is just like her mother"); Eng. *Like mother, like daughter;* Indones. "A speckled father has a speckled son"; Azerbajd. "The descendant is just like the ancestor"; Chin. 有其父 必有其子 ("Like father like son").

The proverbial idea "The one who has been frightened earlier, now is careful" reveals nearly universal notion of caution based on experience. Various types of great and small dangers are depicted in proverbs: Rus. *Обжегшись на молоке, на воду дуем* ("The one who was burned by *milk*, now blows on *water*"); Korean "The one who got frightened by a *tiger*, now is afraid of a *cat*"; Turk. "The one who was burned by *milk*, now blows on *yogurt*"; Bulg. "The one who was bitten by a *snake*, now is afraid of a *lizard*"; Chin. "The *snake* bites you once, and ten years you are still afraid of a *string*"; Cz. "The scalded *rooster* even escapes from a *rain*"; Armen. "Who was bitten by a motley *snake*, he is afraid of a motley *rope*".

In multilingual dictionaries the proverbs are united by the following principle: (a) at first — thematically (the last examples are connected with the topic "Care, Distrustfulness, Foresight"), and (b) then — according to the way the idea is expressed "The one, who has negative experience, is careful".

[2] The expression, probably, goes back to the Bible, where there is a quote about the compliance of different trees and fruits.

Through the example of proverbs with the meaning “Everyone praises his own property” we will trace the convergence of the expressions from various languages which have different figurative meanings:

	Every	**X**	**praises**	**His/its <own>**	**Y**
Eng.	Every	cook	praises	his own	broth
Rus.	Every	wood-cock	praises	its	bog
Sp.	Every	potter	praises	his	pot
Cz.	Every	bird	praises	its own	feathers
It.	Everyone		praises	his	profession
D.	Everyone		praises		himself

2. Secondly, proverbs in various languages often reveal ***similarity at the level of the opposed generalized concepts*** which form the logical structure of proverbs and their meaning. In proverbs the notions “strong” — “weak”, “small” — “big”, “beautiful” — “ugly”, “predator” — “victim”, “work” — “payment”, “stupid” — “clever”, “one” — “two”, etc., are opposed or connected to each other, but can have different verbal implementations.

In every language the proverbial idea “Something small can spoil something big” has several figurative implementations, in which pairs of opposed generalized concepts could easily be found: “small ←→ big” and “valuable ←→ bad, disgusting” that form the meaning of a proverb [37. P. 109—116]. For example: Rus. *Ложка дегтя портит бочку меда* (“A spoon of tar spoils a barrel of honey”); Eng. *One drop of poison infects the whole tun of wine;* Sp. “A small amount of bile does bitter a lot of honey”; It. “One drop of a wormwood spoils a vase of honey”; Cz. “A small amount of bile spoils a whole goose”.

The proverbial condensate “One of many spoils <all> the others” which is expressed, in particular, via images of apples or sheep, is a variant of the idea described above:

(1) Eng. *The rotten apple injures its neighbours;* It. *Una mela Marcia ne guasta cento* (“One apple spoils one hundred”);

(2) Rus. *Одна паршивая овца все стадо портит* (“One nasty sheep spoils the whole herd”); Eng. *One scabbed sheep will mar a whole flock;* D. *Ein räudiges Schaf steckt die ganze Herde an;* It. *Una pecora marcia ne guasta un branco;* Sp. *Oveja infestada infesta a la manada* (“An infected sheep infects the herd”);

Turk. *Bir kötünün yedi mahalleye zararı vardır* (“One bad lot ruins a whole street”); Armen. “One mouse spoils seven tuns with wine”.

If we compare the proverbs of different languages that contain the following ***pairs of components*** *— a wolf — a sheep, a bear — a cow, a fox — a chicken, a cat — a mouse*, it becomes clear that they are connected with the identical relations “predator—victim” [see: 38. P. 183—184]. Proverbs about the *wolf* and the *sheep* we find in Russian, Czech, Armenian, Chinese and other languages: Rus. *Отольются волку овечьи слезки* (“The wolf will be responsible for the sheep’s tears”); Armen. “You can’t trust a lamb to a wolf”; Chin. “The hungry wolf is not punished, the herd of sheep is not calm”.

Almost all European languages have proverbs about cats and mice: Rus. *Кот из дому — мыши в пляс* ("If the cat leaves the house, the mice dance"); Fr. *Absent le chat, les souris dansent;* Eng. *When the cat's away, the mice will play;* Sp. *Vanse los gatos, y entiéndense los ratos;* D. *Ist die Katz aus dem Haus, rührt sich die Maus*, etc.

3. ***Similarities of concept's verbal envelopes and their combinations*** in proverbs of various languages are quite noticeable. On one hand, they reveal the real connections between objects and phenomena (*leg* and *hand, wolf — teeth, cow — milk, war — peace, mouse — bread, husband — wife, smoke — fire, work — money, horse — bridle*). On the other hand, they also reveal the associations which man forms through comparison, search for similarity and understanding of observed objects and their role in life. This allows us to talk about typical proverbial "binomials" [see: 39].

The head, as a part of the body or as a metaphorical "tool" for thought generation, can be associated, as the proverbs show, with various things: *the head — cap, beard, brains, language, hair, neck, back, tail,* etc. Compare, for example, in English: A big *head* and little *wit*; One *head* and *ears* in debt; When the *head* ached, all the *body* is the worse; Better be the *head* of a dog, than the *tail* of a lion; Keen *eyes* are small gain in the *head* without *brain*; The *head* grey and no *brains* yet.

One will find expressions which mention *head* and *feet* in many languages:

Eng. *Little wit in the head makes much work for the feet*; It. *Chi non ha testa ha gambe* ("The one who has no head, has got feet"); Cz. *Kdo nemá v hlavě, musí mít v nohou* ("The one who has no <brain> in the head, has to work with the feet"); Turk. *Akılsız başın cezasını ayaklar çeker* ("Dough head makes legs get tired"); Rus. *Дурная голова ногам покоя не дает* ("The bad head doesn't allow the feet to have a rest"); *Где мужчина ногою, там женщина не доправит и головою* ("Where a man's foot can help, a woman's head won't be enough"), etc.

The association of the *woman* with the *devil*, though very peculiar, is also present in several languages: It. *La donna unata prima del diavolo* ("The woman was born before the devil"); Eng. *Where the devil can't come, he will send a woman;* D. *Wo der Teufel nicht hin mag, da schickt er ein altes Weib* ("Where the devil doesn't want to go, he sends an old woman"); Rus. *Баба да бес — один в них вес* ("The woman and the devil have an equal weight"); Cz. *Kam čert nemůže, tam strčí ženskou* ("Where the devil can't not come, he will send a woman"); Turk. *Erkeğin Şeytanı kadın*. ("It's a woman who is a man's devil"); Port. *O que o diabo não pode, consegue-o a mulher* ("If the devil cannot do it, the woman will master").

Conclusion

Thus, we can sum up some results. From the foregoing, the denial of the national originality of the certain people's proverbs does not at all follow as a conclusion. Undoubted differences in the perception of the world and its reflection in the proverbial arrays of different languages are found:

• in the nominative density of units expressing the same idea in each of the compared languages; "A way of transmitting thoughts (ideas) in a word" [40. P. 328] and the nature of the used language means — figurative, on the one hand, and devoid of metaphors and analogies on the other;

• in the spectrum of vectors of comprehension by speakers different languages of any phenomenon of reality, subject, act; not only in Chinese, but also in many other cultures, for example, there is no idea of snow as cheap, countless and abundant and the possibility of selling it to someone as evidence of the seller's fantastic enterprise;

• in axiological assessments given in proverbs by representatives of different cultures and constituting the "foundation of any ethnic culture" [41. P. 205]; porridge, for example, seems to be worthy food for the Russians, Koreans consider porridge to be secondary in comparison with rice, which is not porridge for them; for Germans porridge is the food of the poor, an indicator of social status.

This kind of data on proverbs in various languages certainly reflects the ethnically marked features of the national linguistic images of the world. But, perhaps, even to a greater degree, these data demonstrate perception of reality phenomena, mental constructs and metaphoric vision of the world common for the speakers of various languages and different ethnic groups.

The typological commonness and similarity of proverbs of different peoples are manifested, in particular, in the proverbial binomials, which allow to see the «association space» of the proverbial components in the paremiological sphere, and thus a peculiar way a thought is reflected in proverbs, the rules by which a proverb "manages" the knowledge of the world.

The units we've named "condensates", i.e. proverbial ideas, binomials, i.e. typical pairs of opposed logical generalized concepts, and their verbal embodiments, associations and representations reflected in proverbs — can become, just like the full proverbs, material for dictionaries of a special type that displays the ways of creating a proverbial expression.

References

1. Eismann, W. (1995). Pragmatics and cultural specificity as a problem of the equivalence of phraseologisms In *From the one-word metaphor to the sentence metaphor*. Bochum. (In Germ.).
2. Teliya, V.N. (1996). Russian phraseology. Semantic, pragmatic and cultural aspects. Moscow. (In Russ.).
3. Mokienko, V.M. (2013). Cognitive in diachronic and diachronic in cognitive In *Cognitive factors of the interaction of phraseology with related disciplines*. Belgorod. pp. 8—14. (In Russ.).
4. Wierzbicka, Anna. (1991). Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. Berlin — New York: Mouton de Gruyter.
5. Yurina, E.A. & Baldova, A.V. (2017). Food metafor in conceptualization, categorization and verbalization about the world. *Tomsk State University Journal of Philology*, 48, 98—115. Doi: 10.17223/19986645/48/7. (In Russ.).
6. Soboleva, N.P. (2017). Linguoculturological aspects of the contextual use of phraseological units in advertising slogans. *Tomsk State University Journal of Philology*, 45, 139–149. Doi: 10.17223/19986645/45/10. (In Russ.).
7. Bierich, Alexander (1995). Metonymy in modern Russian: Semantic and grammatical aspects. München: Verlag Otto Sagner. (In Russ.).
8. Daun, Åke. (2004). *Swedish Mentality*. University Park: Penn State University Press.
9. Dombrovskaya, M.V. (2006). Comparison of the Russian concept "rain" and the French concept "pluie" (based on an associative experiment). *Linguistica Juvenis. Language and Culture, 7*, 91—106. (In Russ.).
10. Nedosugova, A.B. (2014). The concept "Strength of mind" in the Japanese and Russian phraseology, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 5*(3), 55—60. (In Russ.).

11. Seliverstova, E.I. (2019). Your own eye is a diamond, and someone else's glass: trust and mistrust among Russians and Czechs (on the example of proverbs). In *Linguocultural studies. Logical language analysis. The concept of faith in different languages and cultures*. Moscow: "Gnozis". pp. 281—291. (In Russ.).
12. Zvereva, T.P. (1999). On the specifics of the national-linguistic picture of the world of Russians and Udmurts (according to phraseology) In *Vinogradov's readings. Cognitive and cultural approaches to linguistic semantics*. Moscow. pp. 20—21. (In Russ.).
13. Kuznetsova, I.V. & Lukina, M.R. (2016). Russian and Chuvash comparisons in a comparative aspect In *Comparative units in the phraseology system*. St. Petersburg–Greifswald. pp. 190—197. (In Russ.).
14. Yuan', Liin. (2016). Stereotypical idea of a guest in Russian proverbs (against the backdrop of Chinese). *Izvestia Volgograd State Pedagogical University*, 1, 148—152. (In Russ.).
15. Paizbekova, A.D. (2015). Representation of the peculiarities of national-cultural specifities of "TIME" concept in Russian, English and Kazakh proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 6*(2), 100—109. (In Russ.).
16. Bredis, M.A. (2019). *Man and Money: Essays on Russian and other Proverbs*. S. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. (In Russ.).
17. Eismont, P.M. (2016). The mental image of "Rabbit" in the naïve linguistic world view. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 3(35),* 41—51. Doi: 10,17072/2037-6681-2016-3-41-51. (In Russ.).
18. Gluski, Jerzy (1971). *Proverbs. A comparative book of English, French, German, Italian, Spanish and Russian proverbs with a Latin appendix*. Amsterdam-London-New York: Elsevier publishing company.
19. Kuusi, Matti. (1985). *Proverbia septentrionalia. 900 Balto-Finnic proverb types with Russian, Baltic, German and Scandinavian parallels*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
20. Sprichwörter — proverbs — poslovicy (in acht Sprachen — Deutsch, Englisch, Russisch, Polnisch, Tschechisch, Französisch, Spanisch und Latein) (1990). 2. Aufl. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag. (In Germ.).
21. Paczolay, G. (2002). *European proverbs in 55 languages with Eequivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese*. Hobard, Tasmania: De Proverbio.com.
22. Mieder, Wolfgang. (2004). *Proverb: A handbook. "Greenwood Folklore handbooks".* Westport, Connecticut, London: Greenwood Press.
23. Trup, L. (1993). Proverbs and sayings (in four languages — Spanish, Slovak, Czech and Latin). Bratislava: SOFA. (In Slovak.).
24. Vinogradova, V., Grechushnikova, D., Zelinsky, V., Kuchera, L., Sartre, S. and others. (2012). *Multilingual dictionary of modern phraseology*, D. Puccio (Ed.). Moscow: Flinta. (In Russ.).
25. Bachmannová, Jarmila & Suksov, Valentin. (2007). *As it is said elsewhere. Czech proverbs and their other-language analogies*. Praha: EG Universum. (In Czech).
26. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *Great Dictionary of Russian Proverbs*. Moscow: Olma media group. (In Russ.).
27. **新**华 **成**语 词典. **北京**: **商**务印书馆. (2015). [Sinhua phraseological dictionary; Chinese]. Beijing: Business edit. (In Chin.).
28. Permyakov, G.L. (2001). *Dictionary of people's proverbs and sayings of the East. A systematic collection of sayings of two hundred peoples*. Moscow: Labirint. (In Russ.).
29. Yurtbaşı, Metin. (2012). *Dictionary of Turkish proverbs*. Istanbul: Excellence publishing. (In Turk.).
30. Armenian folklore. (1979). Karapetyan, G.O.(Ed.). Moscow: Publishing house of oriental literature "Nauka". (In Russ.).
31. Dundes, A. (1975). *On the structure of the proverb*. *Proverbium,* 25, 961—973.
32. Zanglinger, V. (2007). Definition of a proverb as a paremiological problem. *Russian studies in Bulgaria*, 1—2, 5—29. (In Russ.).
33. Dal', V.I. (2004). *Proverbs of the Russian People*. In two vols. Moscow. (In Russ.).

34. 王怡君 (Wang Yi-chun). (2005). Woman and man in the mirror of Russian and Chinese proverbs [dissertation]. Taipei: Chinese culture university. (In Russ.).
35. Walter, H. (2013). The German heart and the Russian soul: are two things compatible? In *Cognitive factors of the interaction of phraseology with related disciplines*. Belgorod. pp. 14—20. (In Russ.).
36. Ivanova, E.V. (2002). *Proverbial pictures of the world (based on English and Russian proverbs).* St. Petersburg: Filol. faculty of St. Petersburg State University. (In Russ.).
37. Permyakov, G.L. (1988). *Fundamentals of structural paremiology.* Moscow: The Public house of oriental literature. (In Russ.).
38. Seliverstova, E.I. (2009). The experience of identifying the proverbial binomial and the problem of variation. *Russian language in scientific coverage*, 1, 182—200. (In Russ.).
39. Seliverstova, E.I. (2017). *The space of the Russian proverb. Stability and variability.* Moscow: Flinta. (In Russ.).
40. Niewiara, A. (2017). Phraseological Constructions and Mental Visual Representations. Experimental Research on the Stereotypes of Nations In *World in Pictures and in Phraseology*. Praha: Charles University. pp. 311—329. (In Pol.)
41. Mamontov, A.S., Cjedjendorzhijn, J. & Boguslavskaya, V.V. (2019). A value system through the perspective of culturally oriented lexicography (on the example of Russian-Mongolian comparisons). *Russian Journal of Linguistics, 23*(1), 200—222. Doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-200-222. (In Russ.).

Библиографический список

1. *Eismann W.* Pragmatik und kulturelle Spezifik als Problem der Aequivalenz von Phraseologismen // Von der Einwortmetapher zur Satzmetapher / Hrsg. S. Baur, Ch. Chlosta. Bochum: Universitaetsverlag Brockmayer, 1995. P. 95—120.
2. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. Москва: Школа. Языки русской культуры, 1996.
3. *Мокиенко В.М.* Когнитивное в диахроническом и диахроническое в когнитивном // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: Сб. научных трудов. Белгород, 2013.
4. *Wierzbicka A.* Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1991.
5. *Юрина Е.А.*, *Балдова А.В.* Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2017. no 48. С. 98—115. Doi: 10.17223/19986645/48/7.
6. *Соболева Н.П.* Лингвокультурологические аспекты контекстуального использования фразеологизмов в рекламных слоганах // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2017. no 45. С. 139—149. Doi: 10.17223/19986645/45/10.
7. *Бирих А.* Метонимия в современном русском языке: Семантический и грамматический аспекты). München: Verlag Otto Sagner, 1995.
8. *Daun, Åke.* Swedish Mentality. Transl. by J. Teeland. University Park: Pennsylvania State University Press, *2004.*
9. *Домбровская М.В.* Сопоставление русского концепта «дождь» и французского концепта «pluie» (на материале ассоциативного эксперимента) // Linguistica Juvenis. Язык и культура: Сб. научных трудов молодых ученых. Вып. 7. Екатеринбург, 2006. С. 56—62.
10. *Недосугова А.Б.* Понятие «сила духа» в японской и русской фразеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. no 5(3). С. 55—60.
11. *Селиверстова Е.И.* Свой глаз — алмаз, а чужой стекло: доверие и недоверие у русских и чехов (на примере паремики) // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис. 2019. С. 281—291.

12. *Зверева Т.Р.* К специфике национально-языковой картины мира русских и удмуртов (по данным фразеологии) // Виноградовские чтения. Когнитивный и культурологический подходы к языковой семантике. М., 1999. С. 20—21.
13. *Кузнецова И.В.* Русские и чувашские устойчивые сравнения в сопоставительном аспекте / И.В. Кузнецова, М.Р. Лукина // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. СПб — Грайфсвальд, 2016. С. 190—197.
14. *Юань Лиин.* Стереотипное представление о госте в русских пословицах (на фоне китайских) // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2016. no 1. С. 148–152.
15. *Пайзебекова А.Д.* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. no 6(2). С. 100—109.
16. *Бредис М.А.* Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019.
17. *Эйсмонт П.М.* Об образе зайца в наивной языковой картине мира // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. no 3(35). С. 41—51. Doi: 10,17072/2037-6681-2016-3-41-51.
18. *Gluski Jerzy.* Proverbs. A Comparative Book of English, French, German, Italian, Spanish and Russian Proverbs with a Latin Appendix. Amsterdam—London—New York: Elsevier publishing company, 1971.
19. *Kuusi Matti.* Proverbia septentrionalia. 900 Balto-Finnic Proverb Types with Russian, Baltic, German and Scandinavian Parallels. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1985.
20. Sprichwörter — proverbs — poslovicy (in acht Sprachen — Deutsch, Englisch, Russisch, Polnisch, Tschechisch, Französisch, Spanisch und Latein). 2. Aufl. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1990.
21. *Paczolay G.* European proverbs in 55 languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese. Hobard, Tasmania: De Proverbio.com, 2002.
22. *Mieder W.* Proverb: A handbook. "Greenwood Folklore handbooks". Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 2004.
23. *Trup L.* Príslovia a porekadla (v štyroch jazykoch — španielčina, slovenčina, čeština, latinčina). Bratislava: SOFA, 1993.
24. *Виноградова В., Гречушникова Д., Зелинский В., Кучера Л., Сартре* С. и др. Многоязычный словарь современной фразеологии. М.: Флинта, 2012.
25. *Bachmannová J., Suksov V.* Jak se to řekne jinde. Česká přísloví a jejich jinojazné protějšky. Praha: EG Universum, 2007.
26. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2010.
27. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015 年. Синхуаский фразеологический словарь. Пекин: Бизнес-изд-во, 2015.
28. *Пермяков Г.Л.* Пословиц и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Издательство «Лабиринт», 2001.
29. *Yurtbaşı, Metin.* Sınıflandırılmış Atasözleri Sözlüğü. İstanbul: Excellence Publishing, 2012.
30. Армянский фольклор. Сост. и пер. с армянского Г.О. Карапетяна. М.: Гл. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1979.
31. *Dundes A.* On the Structure of the Proverb // Proverbium. 1975. no 25. P. 961—973.
32. *Занглингер В.* Определение пословицы как паремиологическая проблема // Болгарская русистика. 2007. no 1—2. С. 5—29.
33. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 2004.
34. 王怡君 *Wang Yi-chun.* Женщина и мужчина в зеркале русских и китайских пословиц (диссертация). Taipei: Chinese Culture University, 2005.
35. Walter, Harry. "Немецкое сердце и русская душа: две вещи совместные?" // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: Сб. научных трудов. Белгород, 2013. С. 14—20.

36. *Иванова Е.В.* Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). Санкт-Петербург: Филол. фак-т СПбГУ, 2002.
37. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988.
38. *Селиверстова Е.И.* Опыт выявления пословичного бинома и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении. 2009. no 1. С. 182—200.
39. *Селиверстова Е.И.* Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. М.: Флинта: Наука, 2017.
40. *Niewiara A.* Frazeologizmy a mentalne reprezentacje wizualne (badania eksperimentalne stereotypów narodów) // Svět v obrazech a ve frazeologii. Praha: Univerzita Karlova, 2017. S. 311–329.
41. *Мамонтов А.С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская М.М.* Система ценностей в аспекте национально-ориентированной лексикографии (на примере русско-монгольских сопоставлений) // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. Vol. 23. no 1. 200—222. Doi: 10.22263/2312-9182-2019-23-1-200-222.

Information about the author:
Elena I. Seliverstova, Doctor of Philology, Professor, Professor and acting head of Russian Language Department for Humanitarian and Natural Faculties; St. Petersburg State University. Interests: Russian and Slavic phraseology and paremiology, lexicology, linguocultural studies, text linguistics, comparative studies, translation and interpretation studies; culture of Russian speech; e-mail: selena754@inbox.ru; ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2020-0061; ResearcherID: N-2892-2013; SPIN-code: 2032-2115.

Сведения об авторе:
*Селиверстова Елена Ивановна***,** доктор филологических наук, профессор, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета; *научные интересы*: русская и славянская фразеология и паремиология, лексикология, лингвокультурология, лингвистика текста, компаративные исследования и проблемы перевода, культура русской речи; *e-mail:* selena754@inbox.ru; ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2020-0061; ResearcherID: N-2892-2013; SPIN-code: 2032-2115.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 213–232
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232
УДК 811.161.1'373:398.91

Научная статья / Research article

Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц

Н.Н. Семененко

Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
м-н Солнечный, 18, Старый Оскол, Белгородская область, Российская Федерация, 309502
nsemenenko@yandex.ru

Статья посвящена анализу проблемы определения фактора ценности в семантической структуре паремий применительно к задаче когнитивно-прагматического моделирования семантики пословиц. Актуальность обращения к ценностному компоненту паремической семантики обусловлена ставшим уже традиционным для антропоцентрически ориентированной лингвистики подходом к решению проблем семантики знаков косвенно-производной номинации в системе «Язык — текст — дискурс». Паремия рассматривается как синкретичный знак, совмещающий свойства текстемы (языкового знака) и высказывания (дискурсивной единицы), многим особенностям своей речевой реализации обязана именно сочетанию свойств мини-текста со «свернутой» смысловой структурой и единицы дискурса, способствующей смыслообразованию в его пространстве. В ходе определения сущности подхода к описанию проблемы уточняется лингвофилософский и лингвокультурологический статус ценности, а также предлагается авторская концепция определения когнитивно-прагматического статуса ценности как лингвоментальной единицы, выделяемой в когнитивном основании значения народного афоризма и реализуемой в прагматическом компоненте паремического значения. Описание ценностной паремической репрезентации проводится в русле когнитивно-прагматического подхода к разграничению ценностного и оценочного в смысловом содержании пословиц. Обоснованная в исследовании модель описания аксиологической акцентуализации паремической семантики иллюстрируется на материале тематических групп паремий и в ходе описания дискурсивного потенциала пословиц, включенных в контекст. Актуальность проведенного исследования обусловлена рассмотрением паремической семантики как области лингвосинергийного взаимодействия ценности и оценки, выраженных в семантической структуре пословиц.

Ключевые слова: паремия, аксиолингвистика, когнитивно-дискурсивное моделирование, концепт, ценность, оценка

История статьи:
Дата поступления: 23.02.2020
Дата приема в печать: 10.03.2020

© Семененко Н.Н., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Для цитирования:
Семененко Н.Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 213—232. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232

UDK 811.161.1’373:398.91

Axiology Proverbs in the Focus of the Problem of Cognitive-Discursive Modeling of the Semantics of Russian Proverbs

Natalia N. Semenenko

Starooskolsky branch of Belgorod state national research University
18, Solnechnyi, Stary Oskol, Belgorod region, Russian Federation, 309502
nsemenenko@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the problem of determining the value factor in the semantic structure of proverbs in relation to the problem of cognitive-pragmatic modeling of proverbial semantics. The relevance of the appeal to the value component of paremic semantics is due to the approach to solving the problems of semantics of signs of indirect-derived nomination in the system “Language — text — discourse”, which has already become traditional for anthropocentric linguistics. Paremia is considered as a syncretic sign that combines the properties of a texteme (a language sign) and a statement (a discursive unit). Many features of it’s speech implementation are due to the combination of the properties of a mini-text with a “folded” semantic structure and a discourse unit that contributes to the formation of meaning in it’s space. In the course of determining the essence of the approach to the description of the problem specified linguophilosophical cultural status values, and proposes the author's concept define cognitive-pragmatic status values as linguaitaliana units allocated in the cognitive basis of the values of folk aphorism and implemented in a pragmatic component paramedische values. The description of axiological paremic representation is carried out in line with the cognitive-pragmatic approach to the distinction between axiological and evaluative in the semantic content of proverbs. Grounded in the study of the model description of the axiological accentually pareticheski semantics is illustrated by a thematic group of proverbs and in describing the discursive potential of the proverbs included in the context. The relevance of the study is due to the consideration of paremic semantics as a field of linguosinergic interaction of value and evaluation, expressed in the semantic structure of proverbs.

Keywords: paremia, axiolinguistic, cognitive-discursive modeling, concept, value, estimation

Article history:
Received: 23.02.2020
Accepted: 10.03.2020

For citation:
Semenenko, N.N. (2020). Axiology Proverbs in the Focus of the Problem of Cognitive-Discursive Modeling of the Semantics of Russian Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 11*(2), 213—232. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232

Введение

Фактор ценности как значимого для современного гуманитарного знания понятия актуализирован в связи с выделением аксиолингвистических исследований в особую научную область и по причине актуальности задач новой смежной лингвистической дисциплины для антропоцентрической парадигмы современной лингвистики в целом. Аксиолингвистика — это современное научное направление, объект которого имеет выраженный лингвофилософский характер и трактуется в абстрагировании от уже достаточно традиционного подхода к нему как к «определенным образом пре-структурированному и постоянно структурируемому “дому бытия” человека в координатах “картины мира”, предполагая подход к языку как к «пространству энергейного… пересечения множества модусов переживания бытия человеком в его воздействующем диалоге с открывающимся познанию и освоению миром и самим собой в процессах жизни — выживания, вовлеченности, самовыражения, самоидентификации, попытках гармонизации, единения с этим миром и другими, подобными себе» [1. С. 3].

Лингвоаксиологические исследования охватывают достаточно широкий круг проблем, связанных с выявлением языковых механизмов формирования и выражения ценностей (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, А.А. Ивин, В.В. Квашнина, Н.Б. Корина, Л.В. Коцюбинская, О.А. Кузина, С.Г. Павлов, Е.Ф. Серебренникова, В.А. Сидоров, О.Я. Сулейманова и др.).

Современная аксиолингвистика в ходе решения ряда базовых проблем, в том числе (1) проблемы разработки общей теории аксиосферы; (2) вопросов описания фундаментальных категорий ценности и оценочности с последовательным разграничением ценностного и оценочного компонентов значения; (3) проблемы амбивалентности оценки и поливалентности ценностных репрезентаций; (4) задач по определению семантического и семиологического статуса ценности и т.д., особое внимание обращает на паремии как афоризмы фольклорного происхождения, характеризующиеся рядом когнитивно-прагматических функций, обуславливающих их исключительную силу убеждения.

Различным аспектам ценностной ориентации паремической семантики посвящены исследования таких современных паремиологов, как Л.К. Байрамова, А.В. Батулина, Г.Т. Безкоровайная, В.И. Ершов, А.В. Ломакина, А.С. Макарова, В.М. Мокиенко, Н.Ю. Нелюбова, Е.Ю. Танасейчук, В.И. Хильтбруннер.

Как отмечают современные исследователи, пословичный фонд, несмотря на архаичность лежащих в его основе образов и представлений, может помочь выявить картину в том числе современных национальных ценностных приоритетов… Аккумулируя представления об искомом характере отношений, пословицы остаются одним из важнейших критериев оценки. В силу востребованности содержащихся в них ценностных ориентиров пословицы вовлекают новые поколения носителей языка в «строительство» межличностных отношений [15. С. 226]. Соответственно, со временем дидактика пословиц не ослабевает в своем воздействии на адресата и является универсальным инструментом трансляции значимых для социума ценностей.

Именно статус аксиоматического текста, который в модально усиленной форме выражает стереотипное для национальной культуры мнение, позволяет

большинству паремиологов выделять в качестве ведущей когнитивно-прагматической функции пословиц функцию дидактическую. При этом важно отметить, что паремическая дидактика выходит за пределы собственно передачи опыта в его информативной составляющей и мыслится скорее как психосоциальное и лингвоментальное моделирование языковой личности, цель которого — реализация продуктивной для этнокультуры модели стереотипной интерпретации и оценки реалий и систем культуры.

При подобном подходе на передний план рассмотрения выходит стереотипная мораль, транслируемая пословицей и в ходе когнитивно-прагматического описания раскрывающая определенные стереотипы в синергийном взаимодействии ценности и оценки в смысловом пространстве афористического значения.

Методология исследования

Методы проведенного исследования представляют собой комбинацию традиционного описательно-аналитического метода и методики когнитивно-дискурсивного моделирования сферы паремической семантики. Синкретичная природа паремий, равно как и их статус текстов культуры, репрезентирующих стереотипные формулы народного мировоззрения (в особенности в оценке традиционных сторон культуры), способствуют выделению исследовательского подхода к моделированию паремической семантики с учетом многоуровневости системы ее параметров и с применением методики когнитивно-дискурсивного моделирования, учитывающего такие когнитивно-дискурсивные факторы, как (1) активная когнитивная интеграция в основании значения народного афоризма, обусловленная интенциональным воздействием дискурса и (2) собственно дискурсивно выраженный прагматический смысл высказывания, порождаемый субъективным авторским коммуникативом текста, с одной стороны, и общеязыковым афористическим значением паремии как носителем этнокультурно-стереотипной оценки, с другой стороны.

Подобная методологическая акцентуализация свойств объекта исследования вполне согласуется с общими задачами современной аксиологической лингвистики, которая занимается моделированием и описанием неявных семантических механизмов, выполняющих роль «связующего звена между лексико-семантической оценочной системой и социальным опытом национально-культурного сообщества» [16. С. 22].

Применяемый в ходе когнитивно-дискурсивного моделирования ценностной составляющей паремической семантики метод основан на концепции когнитивно-дискурсивного смыслообразования Н. Ф. Алефиренко, который обосновывает синергетическую функцию «смыслопорождающего концепта» как некоей «подвижной» когнитивной единицы, продолжающей свою когнитивную деятельность и по завершении процесса знакообразования — при взаимодействии с топиками и условиями конкретного дискурса, в котором используется ее языковой «носитель» [17]. Верификация материалов исследования проводилась по «Большому словарю русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой и сборнику «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля.

Дидактическая функция пословиц в свете задач определения аксиологического статуса паремического текста

Дидактика пословиц — одна из их базовых функций, выделяющих данный вид паремических единиц в пространстве народной афористики. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «издавна через фраземику и паремику проецируются важнейшие свойства человека на среду его обитания» [17. С. 11], соответственно, паремический аспект языковой картины мира — это не просто свод назидательных изречений, а результат самопроекции человека на реальный и вымышленный пласты бытия, облеченный в отточенную афористическую форму, которая (в случае именно с пословицами) должна производить эффект авторитетного совета, регламентации, поучения. Но с учетом миромоделирующей функции пословицы эта дидактика не «внешняя» по отношению к ситуации, а порожденная глубинным осмыслением ситуации именно в ходе самопроекции человека на окружающие его реалии. Потому и кажется возможным говорить о безусловном наличии в семантической структуре пословичного изречения важной ценностной составляющей — результата соотнесения сущности ситуации с жизненными стереотипами и ценностными ориентирами, актуальными для национальной культуры.

Следует отметить и то, что дидактика пословиц весьма разнообразна, что обусловлено, в первую очередь, структурно-семантическим типом паремии. Например, *Не клей держит, а фуганок* — пословица с афористическим значением, обобщенность которого проявляется большей частью в формально-грамматическом русле: наблюдается типическая для пословиц безотносительность хронотопа текста пословицы (время — ‘всегда’, ‘пространство’ — везде, ‘объект/субъект’ — любой), синтаксическая структура высказывания соответствует его основной модальной функции — трансляции аксиомы. Вместе с тем мы не наблюдаем переосмысления денотатов лексических компонентов пословицы, что позволяет отнести ее к числу «необразных» по классификации Г.Л. Пермякова. Таким образом, выраженные условия для реализации дидактической функции позволяют передать четкое указание на приоритет профессиональных действий, пословица выступает как своеобразная «профессиональная» мудрость, сохраняя при этом все ведущие параметры народного афоризма. Аналогичную картину мы наблюдаем в следующих пословицах:

Живи с разумом, так и лекарок не надо;

Говори, да не проговаривайся;

Без толку молитесь, без меры согрешаете;

Живут же люди неправдой, так и нам не лопнуть стать;

Чего не поищешь, того не сыщешь (не найдешь);

Не дай бог с дураком ни найти, ни потерять;

Потерял — не сказывай, нашел — не показывай и др. Дидактика указанных пословиц характеризуется (1) однозначностью прагматической рекомендации, нацеленной на определенное действие/поступок/состояние; (2) выраженной связью с определенной сферой культуры человека (бытовой, профессиональной, ре-

лигиозной и т. д.); (3) категоричностью в оценке ценностной составляющей семантики высказывания.

Как мы видим, на дидактику пословицы существенно влияет степень обобщенности значения, напрямую связанная с образным статусом паремического текста. Например, рассмотрим формирование «подтекстовой» семантики в паремиях, обобщенное значение которых характеризуется (1) поликонцептуальностью когнитивного основания и (2) потенциальной готовностью к соотнесению с самым широким спектром жизненных ситуаций, достаточно далеко выходящих за предметно-ситуативный круг, очерченный в денотативном плане пословиц, а также (3) возможностями переосмысления, результат которого представлен в ***подтексте пословицы*** как в ***результате метафорического переосмысления сущности денотатов, образующих композицию паремического текста***:

— *Часто кадят — не успеешь кланяться* — расширение денотативного пространства при условии доминирования в значении сем ‘создают условия’ и ‘благодарить’, соответственно, прагматическая рекомендация ‘не обращать внимания на излишнее усердие людей, если оно требует от тебя слишком большой и неоправданной отдачи’ может распространяться на самый широкий спектр жизненных ситуаций, будучи устойчиво связанной при этом с ценностью «Адекватная благодарность».

— *Либо коня хорошего держать, либо плеть* — расширение денотативного пространства при условии доминирования в значении сем ‘исполнитель’ и ‘орудие манипуляции’ — прагматическая рекомендация в данном случае обусловлена преимущественно логической пропозицией высказывания, которая «проявляет» смысл ‘выбирай одно из двух’ практически независимо от конкретного денотативного наполнения модели и, тем более, независимо от референтной семантики, реализуемой в дискурсе. Поэтому, несмотря на возможно широкий спектр вербализуемых посредством паремии предметных ценностей культуры, будет последовательно реализована и ценность «Умение совершать выбор».

— *Из больших хором не знаем куда попадем* — в данном примере расширение денотативного пространства происходит при условии доминирования в значении пословицы сем ‘комфортное место’ и ‘некомфортное место’, что делает «подтекстовую» трактовку *хором* достаточно широкой; ценность «Дальновидность» при этом, в зависимости от дискурсивной реализации пословицы, будет вступать во взаимодействие с различными ценностно-оценочными доминантами: от ‘условий жизни/работы/отдыха…’, до ‘судьбы/событий/людского окружения…’.

Таким образом, в целом паремическая дидактика заключается в формировании стереотипных оценок, суждений и алгоритмов осознания действительности, осуществляемом в процессе (1) восприятия заложенных в семантику пословицы закономерностей осознания окружающего мира, (2) уяснения взаимоотношений и соотношения отдельных ценностных доминант культуры и (3) обучения применению в речи формул модальности, оценочности и эмотивности как факторов репрезентации ценности культуры через их приложение к собственно языковой семантике паремии со всеми нюансами ее выражения. Понимание ценности при

этом носит выраженный культурологический характер и может быть определено как обобщенный образ значимого для национального сообщества артефакта, концепта, идеи, ритуала и других элементов материальной и духовной культуры.

Выступая в качестве проводников указанных элементов, пословицы не просто метко характеризуют ситуацию, связанную с осмыслением той или иной ценности, а моделируют сферу культуры в соответствии с множеством оценок и полифонией мнений, наличествующих в ее традиционной сфере. Получается, что пословица как носитель ценностного содержания выступает в качестве не номинативного, а интерпретирующего средства языка. Соответственно, и само ценностное содержание носит выраженный оценочный характер и воспринимается изначально обусловленным конкретной дискурсивной привязкой, которая имеется непосредственно в речевой коммуникации или предполагается при осмыслении семантики пословицы применительно к гипотетической ситуации общения.

Указанная сложность однозначного прочтения и толкования мнения, выраженного в пословице, в случае отсутствия выраженного контекста ситуации общения и собственно речевого контекста не только вызывает разночтения в отнесении пословиц к той или иной тематической группе [21. С. 25], но и порождает дискуссию при определении рекомендуемой в паремии позиции относительно той или иной ценности культуры. Например, *Мать высоко замахивается, да не больно бьет* — пословица с конкретной семантикой (афористическое значение характеризуется денотативной обусловленностью), традиционно относимая к тематическим группам «Семья — Родня», «Мать — Отец» по принципу «ключевого слова». В силу достаточной референтности денотата ‘мать’ «вывести» данную пословицу за пределы дискурса о матери крайне сложно, — разве что за счет метафорического переноса ‘мать — начальница’ или ‘мать — учительница’, и то гипотетически… Вместе с тем, «Мать» — далеко не единственная ценность, вербализованная в семантическом пространстве паремии: на уровне логической пропозиции мы наблюдаем репрезентацию ценности «Истинные намерения», а на уровне подтекста — ценности «Любовь». Собственно, данные ценности при определенном исследовательском ракурсе также могут стать основанием для группировки паремий.

Паремическая ценность как объект лингвокультурологического описания

Проблема выявления ценностной составляющей паремической семантики во многих лингвокультурологических исследованиях фактически сопряжена с попыткой раскодировки ее этнокультурной значимости и нередко смешивается с понятием этнокультурной специфики. Причина подобных исследовательских погрешностей кроется, скорее всего, в безусловном признании пословицы своеобразным «рупором народного мнения», который реализует функцию аккумуляции и ретрансляции норм общественной морали. Действительно, этнокультурная специфика паремии — важный аспект рассмотрения ее как текста культуры, особенно, если речь идет о выявлении таких компонентов паремий, которые «запечатлевают национальное своеобразие, «культурную память» и

могут не иметь прямых аналогов в другом языке», «этнолингвомаркеров», как их определяют О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко [22. С. 121]. Но если не ставить пред собой задачи выявления собственно этнокультурной специфики ценностного содержания пословиц, то на передний план выходит их функция стереотипизации события. В силу органической близости событийной основы пословицы и традиционных представлений носителей языка об обыденных сферах их цитирования паремии не просто внедряют в сознание каждого нового поколения стереотипные представления о важных для культуры аспектах морали и нравственности, но и убеждают нас в практической значимости той или иной ценности, в комплексе раскрывая ее утилитарную, с одной стороны, и философскую либо религиозную сущность — с другой. Например,

Не надейся на счастье: не кипи коня хромого! — «Счастье/Удача»;

Не все лови, что плывет! Не все уди, что клюет! — «Счастье в руки идет». Вместе с тем,

Удача нахрап любит — «Желанное счастье»;

Попытка не пытка, коль спрос не беда — «Халява». При этом не все зависит от желания и расторопности человека:

Счастье не батрак: за вихор не притянешь — «Удача». Да и не всем «Счастье/удача» суждены:

Не наше счастье, чтоб найти, а наше, чтоб потерять — «Рок/Судьба»;

Деньги идут к богатому, а злыдни к убогому — «Несправедливая судьба» и т.д. Более того, счастье — не самоцель и не обязательное состояние для человека:

Не все коту масленица, будет и великий пост — «Счастье/Изобилие»;

Не выросла та яблонька, чтоб на нее птица не садилась — «Счастье/Дар божий». В конце концов, всё в руках «Судьбы» и «Бога»:

Кто ныне мал — завтра велик, в ныне велик — завтра мал — «Справедливость»;

И почище нас, да слезой умываются — «Равенство».

Описанный фактор влияния мнения, выраженного в пословице, на формулировки ценностных доминант культуры можно определить как прагматический, в то время как уместно выделить и сугубо лингвокогнитивные факторы паремической семантики, которые способствуют восприятию пословичной морали как безусловно верной. Во-первых, в реальном дискурсе пословица представляет собой речевую реализацию пословицы как текстемы. Под паремической текстемой в данном случае понимается инвариантная модель текста пословицы, план содержания которой представляет собой унифицированное — отвлеченное от дискурсивно обусловленных смыслов — афористическое значение. Благодаря яркой внутренней форме, которая, как правило, характеризует пословицу, ее обобщенное афористическое значение имеет структуру не столько высказывания как коммуникативно-речевого события, сколько убеждения как некоего идейно-мировоззренческого «манифеста», благодаря чему паремическое значение реализует достаточно широкую смысловую палитру и без внешнего дискурса. Тем более что любой подход к интерпретации смыслового пространства текста отдельно от его интертекстовой сущности обусловлен классической лингвистической традицией [23. С. 27; 24. С. 41].

Вследствие реализации перечисленных свойств семантики пословица с опорой на свое обобщенное значение репрезентирует ту или иную ценность как некий «идейно-мировоззренческий» конгломерат, формирующийся непосредственно в ее текстовом пространстве как следствие когнитивной интеграции концептов культуры. Например, *В лесу люди лесеют, а в людях людеют* — афористическое значение ‘человеческие качества приобретаются как наглядный опыт, перенимаются от окружающих людей’ реализовано с опорой на внутреннюю форму высказывания, формирующую образ ‘человеческих качеств как прямого следствия человеческого общения’ с помощью окказионального словообразования (*лесеют*, *людеют*); ценностная составляющая паремического значения при этом обусловлена как морфемной тавтологией (*люди людеют*), актуализирующей значимость семантического компонента ‘человечность’, так и лингвокогнитивной пропозицией — собственно когнитивным основанием паремического значения, представленным как интеграция следующих концептов: «Человек» + «Общество» + «Традиция». Отмеченная концептуальная модель реализуется под воздействием смыслового вектора, когнитивным «толчком» для которого является гештальт «Озверение человека», вербализованный в его энантиосемичной вариации «Очеловечивание потерявшего человечность» с использованием композиционно-грамматического параллелизма (*в лесу лесеют… в людях людеют*). Репрезентированная ценность «Человечность» при этом подразумевается как некий логический вывод из осмысления лингвистической головоломки окказионального словообразования — получается, что законы природы формируют мораль животного мира, а человеческие законы (суть мораль) формируют духовную сущность человека. Интересно, что сам факт разграничения ‘человеческого и животного‘ в пословице выражен имплицитно, на уровне подтекста, а *лесеющие в лесу люди*, по сути, — аллюзия к *звереющим людям*. Таким образом, ценность, репрезентированная в данной пословице, по своему смысловому наполнению существенно отличается от понятия, закрепленного за лексемой *человечность*, которую мы используем в качестве имени соответствующего концепта, подразумевая следующее содержание, сформированное пословичной текстемой, — ‘свойство, формируемое только в сообществе под действием его законов и традиций’.

Ценность и оценка как дискурсивно обусловленные факторы семантизации пословицы

Как мы видим в вышеизложенных примерах, ценностная составляющая вполне отчетливо прочитывается при рассмотрении семантики пословицы даже без привлечения внешнего по отношению к ее тексту дискурса. При этом открытым остается вопрос о соотношении ценностного содержания и коннотативного компонента паремической семантики. Действительно, оценочная семантика паремий как фактор семантизации ценностного содержания — явление дискурсивно обусловленное, находящееся в прямой зависимости от дискурсивной интенции как важнейшего когнитивно-дискурсивного фактора, корректирующего прагматические условия смыслообразования. Потому говорить о со-

отношении ценности и оценки в паремической семантике мы можем только на основании анализа дискурсивного бытования паремии. Тем более что «паремиологический дискурс может исследоваться и как результат, и как процесс коммуникации» [25. С. 231], соответственно, репрезентация ценности посредством пословицы есть ни что иное, как апелляция к определенной аксиологической «базе» дискурса, а продуцируемая паремией оценка — это своеобразный инструмент «обратной связи» дискурсивной интенции с семантикой пословицы. Например, пословица *За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое* в контексте произведения А.Ф. Суздальцева интерпретируется в условиях прямой мотивации внутренней формой. В ходе авторских размышлений значение пословицы, обрастая референциальными признаками, порождает прагматически обусловленный оценочный смысл ‘эмиграция счастья не приносит’, а счастье на Родине оценивается как ‘выстраданное’ и ‘нерадостное’:

...Пусть в стране той сытное житье,
Что в ней делать с русскою душою?
За морем веселье — да чужое,
А у нас и горе — да свое.
Мне твоя чужбина не нужна.
Каждому дарованы Всевышним
Мать одна и родина одна.
Воздухом ли,
родиной ли дышим?
Выстрадал за сотни лет народ
Поговорку о чужом веселье...
Я хочу, чтобы из года в год
Те же звезды надо мной висели.
Чтобы, как река, заря текла
И алела над моей Россией.
Не было и нет ее красивей,
Жаль, не часто радостной была.

Следует отметить, что у приведенной выше пословицы отмечена четкая и лишь частично переосмысленная по типу фразеологизации значения одного из компонентов текста пословицы (*за морем* как ‘на чужбине’) внутренняя форма. Пословицы же с более выраженной метафоризацией образующих паремическое высказывание лексических компонентов характеризуются заметными дискурсивными смысловыми приращениями. Например, пословица *Всяк кулик свое болото хвалит* в контексте диалога персонажей художественного произведения О. Смирнова «Взрослые дети» обретает несколько иное значение: *Ты, Иван Григорьевич, вижу, неплохой человек... И специальность у тебя хорошая, благородная. Хирург! Но, — Полуянов поднял узловатый, слабо гнущийся палец, — скажу тебе: с шахтером не сравнишься! Иван Григорьевич с улыбкой развел руками, а Феоктистов сказал: — Чего, Дмитрий, расхваливаешься? Ты прямо по пословице: всяк кулик свое болото хвалит*.

Афористическое обобщенное значение ‘каждый человек хвалит место своего рождения другим людям’ под влиянием прагматического фона дискурса обретает референциальные признаки ‘профессионал’, ‘специалист’, отчего смысловое контекстуальное приращение и прочитывается как ‘человек ставит свою профессию выше других в общей профессиональной иерархии’. Следует отметить, что смысловой переход «Родина» — «Профессия», родившийся в условиях контекста произведения, иного свойства, чем метафорический перенос в его традиционном понимании. Это переосмысление, происходящее под направленным влиянием дискурсивной интенции — исходной прагматической потребности дискурсивной среды, использующей прецедентный потенциал народного афоризма. В ходе данного переосмысления формируется оценочный смысл, — ‘хвастаться профессией нехорошо’, — весьма далекий от исходной ценности «Родина».

Как мы видим из приведенных примеров, модели ценностной репрезентации посредством паремии зависят от характера реализации ее многоуровневой семантической структуры в условиях доминирования той или иной дискурсивной интенции, а ценностное моделирование есть не что иное, как процесс кристаллизации содержания ценностного концепта в условиях мотивированности афористического значения исходной внутренней формой высказывания и актуализации обобщенного значения паремии под влиянием дискурсивной интенции. Уникальность же паремии как текста культуры при этом заключается не только в ее способности сохранять и транслировать этнокультурные стереотипы в качестве доминант культурной памяти, но и в функции порождения ценностных смыслов в условиях дискурса различной функционально-стилевой окрашенности и коммуникативной организации.

Лингвокогнитивный статус паремической ценности

Еще одной проблемной зоной ценностной паремической репрезентации является неоднозначность подхода к стратификации ценностей, репрезентированных паремиями. Большей частью классификация ценностей основана на их тематической отнесенности. Примером тому являются исследования Луизы Каримовны Байрамовой, которая выделяет более десяти групп ценностей в соответствии с денотативной сферой их характеристики [26. С. 3]. Вместе с тем для характеристики ценностной составляющей паремической семантики важно учитывать сложные интегративные процессы, протекающие в том числе в аксиосфере конкретной паремии и национального паремического пространства в целом. При этом кажется весьма продуктивным подход к ценности, объективируемой паремией, как к когнитивной единице особого рода, тем более что современный лингвокогнитивный подход в решении спорных вопросов лингвосемиотического статуса допускает весьма широкое толкование когнитивной единицы [27. С. 12].

Соответственно, в качестве соответствующего целям реализации задач когнитивно-дискурсивного моделирования ценностного аспекта паремической семантики мы предлагаем подход к определению ценности, объективируемой в языке посредством единиц косвенно-производной номинации (в том числе па-

ремий), как фреймовой структуры, образуемой в ходе когнитивной интеграции текстопорождающих концептов и слотов фреймов в основании паремического значения. С учетом особенностей механизма когнитивной интеграции и степени участия в нем параметров «прагматического фона» (стереотипная установка и прагматическая рекомендация) предлагается выделение следующих групп ценностей как фреймовых структур.

1. Безусловные (репрезентируемые как конгломераты концептов с соответствующими денотатами, традиционно получившие высокую оценку в обществе) — «Труд/Созидание» — *Кто от своего труда питается, тот каждый день причащается*; «Семья/Поддержка» — *Вся семья вместе, так и душа на месте*; «Здоровье/Удача» — *Главное — здоровье, а дела как погода: то ведро, то ненастье* и т.д.

2. «Прагматические ориентиры» (стереотипы, следование которым приводит к достижению безусловных ценностей) — «Дружба/Верность» — *Добрый друг лучше ста родственников*; «Любовь/Преданность» — *Любовь и малое принимает за великое*; «Выручка/Жертвенность» — *Другого выручишь — себя выучишь* и т. д.

3. «Стереотипы действия» (стереотипы, осознание которых способствует успешной жизни и для выделения которых не требуется согласия всех членов социума, причем само их выделение возможно при осмыслении ключевых мировоззренческих установок этнокультуры, репрезентируемых в афористической форме) — «Вера в чудо/Реальность» — *Не родит верба груши*; «Зависть как двигатель прогресса/Гордость» — *Лучше быть у других в зависти, нежели в жалости*; «Наивность/Познание» — *Пытливому наивность простительна* и т. д.

Представленный список не является законченным, поскольку при обозначенном подходе он может быть расширен в соответствии с комплексом исследовательских задач, взятых на вооружение в конкретном случае.

Предлагаемый подход к стратификации ценностей основан на понимании ценности как специфической фреймовой конфигурации, что согласуется с той частью теории фрейма, в рамках которой фреймовая структура признается основным способом представленности «признаков, ценностей, структурных инвариантов» [28. С. 23], то есть определяется не только как разновидность когнитивной единицы, а как способ, механизм категоризации действительности. Соответственно, ценность рассматривается нами в ряду речемыслительных элементов, «структурирующихся фреймами и когнитивными моделями» [29. С. 27].

В соответствии с изложенным пониманием фреймовой природы ценности исследуемый ценностно-репрезентативный потенциал пословиц обусловлен тем, что данная разновидность паремий репрезентирует ценности в их содержательном аспекте и, что особо важно, с дополнительной оценкой, в которой выражено отношение к данной ценности, уже собственно приводящее нас к рекомендации, выраженной в паремии. Например, *Новая ложка — с полочки на полочку, а состареется — по подлавочью поваляется*: репрезентированные ценности «Новый/Молодой» в аспекте оценки ‘дорог, потому бережется и демонстрируется’, и «Уважение» в аспекте оценки ‘неуважительно по отношению

к старшим’. Когнитивное основание пословицы — поликонцептуальное образование, вследствие чего в ее тексте репрезентируется более чем одна ценность, причем, как видно из рассмотренного примера, с оценками различной полярности: ‘молодой/новый — это хорошо, но не уважать старое/долго прослужившее — плохо’.

Поликонцептуальность текста пословицы вполне согласуется с композиционностью ее семантической структуры и выявляется при анализе пропозиционной основы высказывания, основанном на принципе его дискурсивной детерминации как обусловленности интенциями говорящего. Собственно дискурсивная интенция и позволяет реализовываться смысловой полифонии пословицы даже при рассмотрении ее значения вне дискурса. Например, *Бараньего лба и обухом не перешибешь*: композиционность семантики данной пословицы обусловлена ее свойствами «свернутого» текста, в котором сохранены событийные актанты — *не перешибешь* (предикативная доминанта) и *бараний лоб* (объектно-номинативная доминанта).

Соответственно, концептуальная основа данного текста формируется с учетом, как минимум, двух пропозитивных топиков: характеристики лица, на которое направлено действие (механизм концептуализации основан на кристаллизации содержательных признаков ‘упрямство’, ‘врожденный/исконный’, ‘не поддающийся влиянию’, ‘не слышащий доводов разума’ и т.д.: концепт «Неуправляемое своеволие») и характеристики действия (содержательные признаки ‘сопротивление чьей-то воле’, ‘чужое мнение’, ‘перевоспитание’, ‘воздействие’ и т.д.: концепт «Невозможность переубеждения»). Нельзя сбрасывать со счетов и пропозицию *обухом не перешибешь*, на основе которой в концептуальное основание значения интегрируется фрейм «Судьба» в части слота с собственно ценностным содержанием — «Иерархия силы».

Интересный ценностный ракурс возникает при сопоставлении данной пословицы с более частотной в современной речевой практике паремией *Плетью обуха не перешибешь*. В данной пословице пропозиция *обуха не перешибешь* вряд ли может быть выделена — более адекватным выглядит следующее пропозиционное членение: *плетью обуха* (‘слабым сильное’) и *плетью не перешибешь* (‘напрасное усилие’). При кажущейся сходной выделенности доминантной ценности «Иерархия силы» в первой пословице стереотипичным посылом является убежденность в неравнозначности ‘силы духа/характера’ и ‘физической силы’, в то время как во второй пословице стереотипична убежденность в ‘бесполезности сопротивления слабого’.

Соответственно, в выражении ментального стереотипа как транслируемого пословицей образца оценки ситуации ценность «Иерархия силы», сохраняя свою безусловную содержательную монолитность, задает фокус различным прагматическим рекомендациям. Данное явление, на наш взгляд, свидетельствует не столько о поликонцептуальности как об источнике смысловой полифонии, возникающей при использовании пословиц в речи, сколько о вполне самостоятельном когнитивном статусе паремической ценности как некоей когнитивной единицы интегративного характера, содержательно определяемой фреймом пословицы. Соответственно, репрезентированная паремией ценность в

качестве когнитивной единицы может рассматриваться не только в одном ряду с такими лингвоментальными образованиями, как концепт, фрейм, сценарий и т. д., но и в комплексном анализе элементов собственно национальной культуры, к числу которых относится стереотип.

Данная когнитивная функция ценности, вне сомнения, не может оставаться в стороне при определении приоритетов современного лингвокогнитивного подхода к моделированию паремической семантики. Тем не менее, при всей продуктивности последнего, остается актуальным ряд вопросов методологического характера, затрудняющих выделение и параметризацию когнитивных единиц и связанных, в том числе, с определенной терминологической тавтологией в аспекте номинации когнитем. В современных лингвокогнитивных исследованиях когнитемы (в нашем понимании — лингвоментальные единицы, актуализирующиеся в соответствии с доминантами этноязыкового сознания и структурирующиеся непосредственно в процессе вербализации), которые характеризуются выраженным аксиологическим содержанием, в ходе анализа получают различные терминологические обозначения: «концепт», «ценностный концепт», «ценность», «фрейм», «фразеологический концепт», «лингвокультурный концепт» и т. д. — выбор термина обусловливается, как правило, задачами и материалом анализа. Нас же заинтересовал тот аспект лингвокогнитивного моделирования паремической семантики, при котором ценность рассматривается не как особый вид концепта, а с позиции признания ее самостоятельного когнитивного статуса — статуса когнитивной единицы с более «подвижной» структурой, нежели у фрейма (с его логически трактуемыми связками между слотами), и с условной трактовкой содержания (в отличие от концепта, который объективно осмысливается носителями языка).

Данная позиция обусловлена вовсе не стремлением оспорить статус универсального когнитивного термина, уже достаточно давно присвоенный «концепту», а попыткой осмыслить саму природу ценности — понятия столь часто упоминаемого, сколь и до сих пор недостаточно описанного. Эта недостаточность выражается и в явной взаимоопределяемости категорий «ценность» и «оценка», что приводит к весьма неоднозначному их разграничению, и в реальной сложности построения оппозиций «национальные ценности» и «общечеловеческие ценности» (слишком много совпадений и субъективных факторов), и в неясности механизма присвоения той или иной лингвоментальной категории статуса ценности в условиях субъективности, условности и противоречивости в оценке культурно значимых фактов и явлений.

Лингвопрагматическая сущность ценности

В поиске объективного содержания категории «ценность», отличающего ее от других когнитивных и лингвокогнитивных единиц, на наш взгляд, определяющим может стать прагматический фактор. Действительно, у ценности нет исходной объективности хотя бы потому, что сам факт ее значимости устанавливается в условиях определенных этнокультурных, социальных и исторических реалий, равно как и при доминировании некоей мировоззренческой пози-

ции с одновременным «оппозиционным» по отношению к ней фоном. Например, *Дешева рыбка — горька уха*, но *Дорого, да любо — дешево — да грубо*. Вообще ценность «Дорогостоящий» — одна из самых противоречивых в оценке, а в антитезе «Дорого — Дешево» взаимоотрицание сопровождается и взаимозаменой: *Дорогое лежит, а дешевое бежит* — ‘дешевое, доступное ценится людьми выше дорогого — того, что для немногих’, хотя все знают, что *Дешево хорошо не бывает*, тем более что *То и дешево, чего не надо, а что нужно, то дорого*.

Все отмеченные сложности в случае с паремической семантикой оборачиваются, как ни странно, «функциональными плюсами» — паремии, в отличие от любых искусственно созданных афоризмов лозунговой природы, имеют исключительную силу убеждения, причина которой не в реализации средств агрессивного вербального воздействия, а в выраженности в паремическом значении глубинной сущности компромиссной народной морали. Ведь для пословиц, как правило, нет однозначного толкования, которое ограничивало бы их использование тем или иным контекстом, — даже при максимально прозрачно выраженной внутренней форме пословица реализует объемное представление о жизни как явлении, нуждающемся в многополярной оценке. Соответственно, ценность для пословицы — объект когнитивно-прагматического моделирования, то внутреннее содержание морали, которое и нужно пронести через века, сохранить в условиях меняющихся мировоззренческих установок, а затем, в зависимости от потребностей культуры, провозгласить как ценностный ориентир в культурной деятельности. Отсюда и невозможность однозначной оценки для ценностей и «антиценностей», и склонность к компромиссу в самых, казалось бы, принципиальных вопросах культуры, и высокая степень толерантности в догматичных на первый взгляд высказываниях.

Например, *Дитя не плачет — мать не разумеет* — в данной пословице афористическое значение ‘о проблемах самочувствия маленького ребенка невозможно догадаться, пока он не заплачет’, актуализированное прозрачной внутренней формой, реализуется в обобщенном (свободном от денотативной привязки) значении ‘понимание не наступает, если нет взаимодействия’. И в подобном семантическом ракурсе пословица может включаться в обсуждение самого широкого круга ситуаций. Так, в статье, размещенной на информационно-аналитическом портале «Республика», говорится: «*Созданное в Казахстане полтора месяца назад госагентство по защите прав потребителей все еще не имеет руководителя, а потребительская грамотность для большинства казахстанцев по-прежнему остается чем-то далеким. Тем временем не умеющие отстаивать свои права потребители не только сами становятся жертвами, но и подвергают опасности жизнь и здоровье родных и близких. Об этом и многом другом рассказала глава национальной лиги потребителей Казахстана, депутат мажилиса Светлана Романовская…. Все говорят, что надо улучшать качество жизни, но и здесь от нас, граждан, многое зависит. Говорят, мол, дитя не плачет — мать не разумеет. До тех пор, пока мы не начнем отстаивать свои права, менять жизнь к лучшему, ничего не изменится*». В приведенном контексте обобщенное значение пословицы реализуется в прагмати-

чески обусловленном смысле ‘не начнем озвучивать проблемы — не наступит улучшение жизни’.

В контексте художественного текста данная пословица обретает несколько иное звучание: «*Ты попробуй [просить денег] — без просьбы нельзя же: дитя не плачет, мать не разумеет... Ну-ка попробуй*» (Мельников-Печерский «В лесах»). В данном контексте посредством текста пословицы реализован прагматически обусловленный смысл ‘переступи через гордость — попроси’. Или «*А там, в управлении, откуда им знать — готов Щукотько к перевозке или не готов? Дитя не плачет, мать не разумеет... Теперь он шумел, торопил, сам к баржам ездил, но все напрасно: суда стоят, и нет им ходу по такой малой воде*» (В. Колыхалов «Дикие побеги» — смысл высказывания может быть интерпретирован следующим образом: ‘дело само с места не сдвинется — действуй’).

Таким образом, в ходе моделирования прагматического смысла высказывания обнаруживается, что при всем разнообразии дискурсивной интенции, которая способствует реализации обобщенного значения пословицы в конкретном смысловом ракурсе, незыблемой остается стереотипная оценка ценности «Демонстрация потребностей другим людям с надеждой на понимание и помощь». Данная ценность находится в русле исконной традиции русской толерантности как открытости к другим, подразумевающей, в свою очередь, готовность к восприятию потребностей других людей.

Таким образом, ценностная составляющая паремической семантики — это важнейший ориентир для раскодировки ее этнокультурной значимости, поскольку, выступая в качестве традиционного ретранслятора норм и основ общественной морали, народные афоризмы не просто внедряют в сознание каждого нового поколения стереотипные представления о важных для культуры нравственных доминантах, но и позволяют удостовериться в практической значимости той или иной ценности, раскрывая ее утилитарную, философскую, религиозную и иные составляющие в пространстве паремического дискурса. При этом алгоритм ценностной репрезентации посредством паремии обусловлен многоуровневостью ее смысловой организации и тесной связью между внутренней формой высказывания, афористическим значением и дискурсивной актуализацией значения в определенном смысловом ракурсе, который непосредственно зависит от прагматической функции паремии, реализуемой в каждом конкретном речевом акте.

Заключение

Рассмотренный комплекс проблемных вопросов описания ценностного аспекта семантики пословиц, вне сомнения, не исчерпывает весь спектр проблем исследования ценностно-смыслового пространства паремиологии. Важным кажется акцент на необходимость выделения исследований аксиосферы паремий из уже основательно разработанного русла сопоставительных исследований, цель которых заключается в выявлении национально специфических явлений и тенденций в семантике знаков косвенно-производной номинации, — выделения с последующей существенной теоретической проработкой аспектов лингвосе-

мозиса паремий как дискурсивных знаков, реализующих множество потенций, связанных с моделированием и репрезентацией аксиосферы культуры.

Помимо рассмотренных в статье аспектов когнитивно-дискурсивного моделирования ценностной составляющей семантики паремий, в числе актуальных вопросов видятся и (1) разработка репрезентативного терминологического аппарата, который позволил бы избегать научной тавтологии и смешения задач различных направлений современной лингвистики, и (2) уточнение лингвокогнитивного и лингвопрагматического статуса ценности применительно к семантике других паремических жанров (поговорок, устойчивых сравнений, примет, загадок и др.), а также ряд вопросов методологического характера, решение которых позволило бы более последовательно разграничивать и интерпретировать категории языка, сознания и лингвокультуры.

В целом же проблема ценностной репрезентации в пространстве паремической семантики видится актуальной как в русле развития тенденций постмодернизма в современной лингвистике, так и в части решения задач классической семантики и лингвосемиотики.

Библиографический список

1. Серебренникова Е.Ф. Введение / Лингвистика и аксиология: этномемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. Москва: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 3—6.
2. Сидоров В.А. Аксиология журналистики: опыт становления дисциплины. СПб., 2009.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УССР, 2002.
5. Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы // Философский журнал. 2010. no 1(4). С. 66—78.
6. Квашина В.В. Проблемы аксиологии в современном языкознании // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. no 2. С. 181—189.
7. Корина Н.Б. и колл. Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. Nitra: UKF. 2014. С. 6—103.
8. Коцюбинская Л.В., Кузина О.А. К вопросу об аксиологии в лингвистике // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. no 1(7). С. 59—66.
9. Павлов С.Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-аксиологический аспект // Вестник Минского университета. 2013. no 2. С. 56—58.
10. Сулейманова Я.О. Ценностная картина мира русской культуры в паремиологическом контексте (на материале пословиц с компонентами-наименованиями природных стихий) // Universum: филология и искусствоведение. 2017. no 6(40). Режим доступа: http: 7universum.com/ru/archive/item/4930 (дата обращения: 10.01.20).
11. Байрамова Л.К. Пословицы в «Аксиологическом фразеоогическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. no 77. С. 10—11.
12. Батулина А.В. Представление ценностной картины мира русского народа в пословицах, поговорках и пословично-поговорочных выражениях // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2007. no 44. С. 59—61.
13. Безкоровайная Г.Т., Ломакина О.В., Макарова А.С. Лингвокультурологический потенциал фразеосимвола: общее и национально-специфическое (на материале фразеологизмов с компонентом-символом Меч / Sword / le Glaive в русском, английском и французском языках) / Филология и культура. 2017. № 4(50). С. 6—10.
14. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков / Русин. 2016. no 3(45). С. 119—128.

15. Нелюбова Н.Ю., Хильтбруннер В.И., Ершов В.И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. no 1. С. 223—243. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243.
16. Танасейчук Е.Ю. Принципы описания фразеологии в целях выделения системы культурных ценностей (на примере пословиц китайского, английского и русского языков) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. no 7. С. 57—60.
17. Болотина М.А, Шабашева Е.А. Когнитивный аспект оценочной семантики фразеологических единиц с цветообозначениями // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. no 2. С. 21—28.
18. Алефиренко Н.Ф. Смысл как лингвофилософский феномен // Вестник ТомГУ. Сер. Филология. 2013. no 21. С. 5—14.
19. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». 2010.
20. Даль В.И. Пословицы русского народа. Москва: Эксмо-НННН. 2005.
21. Алефиренко Н.Ф. Ценностно-смысловая парадигма слова / Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире: Сб. науч. труд. Ун-т Кирилла и Мефодия в Трнаве. Брно. 2014. no 21. С. 6—17.
22. Алефиренко Н.Ф. Идиоматический «камертон» когнитивно-прагматического регистра в языковой картине мира // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: Сб. науч. трудов по итогам 4-й Международной научной конференции по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26—27 марта 2019 года), Белгород: ООО «Эпицентр». 2019. С. 9—15.
23. Семененко Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика: Монография. Старый Оскол: РОСА, 2011.
24. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков). Русин. 2018. no 4(54). С. 303—317.
25. Sokolová J. Tri aspekty verbálneho textu. Nitra: UKF, 2012.
26. Галло Я. К проблеме лингвосемантической специфики интертекстуальности // Opera Slavica: Slavistické rozhledy, roč. 22. 2012, suppl. S. 29—35.
27. Ковшова М.Л. Личное имя в русском паремиологическом дискурсе: опыт дискурсивного анализа // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 227—240.
28. Байрамова Л.К. Бедность как антиценность и ценность …. — Богатство как ценность и антиценность во фразеологической парадигме русского, татарского, английского, немецкого, французского языков. Казань Центр инновационных технологий, 2014.
29. Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б.: Проблемы когнитивной лингвистики. Nitra: UKF, 2011.
30. Barsalou L.W. Frames, Concepts and conceptual fields // Frames, Fields and contrasts. Hillsdale: Lawrence Erlbaum associates publishers, 1992. pp. 21—73.
31. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

References

1. Serebrennikov, E.F. (2011). Introduction In *Linguistics and axiology: value entomemiometria meanings: collective monograph*. Moscow: THESAURUS. pp. 3—6. (In Russ.).
2. Sidorov, V.A. (2009). *Axiology of journalism: experience of formation of the discipline*. St. Petersburg. (In Russ.).
3. Arutyunova, N.D. (1988). *Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Wolf, E.M. (2002). Functional semantics of evaluation. Moscow: Editorial of the USSR. (In Russ.).

5. Ivin, A.A. (2010). Modern Axiology: Some Urgent Problems. *Philosophy Journal*, *1*(4), 66—78. (In Russ.).
6. Kvashina, V.V. (2013). Problems of axiology in modern linguistics. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, *2*, 181—189. (In Russ.).
7. Corina, N.B. and all (2014). *Language worldview and cognitive language priorities*. Nitra: UKF. 2014.
8. Kotsyubinskaya, L.V. & Kuzina, O.A. (2015). On the question of axiology in linguistics. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University, 1*(7), 59—66. (In Russ.).
9. Pavlov, S.G. (2013). Linguistic-Axiological model of man: scientific-axiological aspect, *Bulletin of the Minsk University*. *Meganewton*, 2, 56—58. (In Russ.).
10. Suleymanova, Y.O. (2017). Value picture of the world of Russian culture in the paremiological context (by the material of Proverbs with components-names of natural elements). *Universum: Philology and art history*, 6(40). URL: http: 7universum.com/ru/archive/item/4930 (accessed: 10.01.20).
11. Bayramova, L.K. (2014). Proverbs in the "Axiological phraseological dictionary of the Russian language: dictionary of values and anti-values". *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University, 77*, 10—11. (In Russ.).
12. Betulina, A.V. (2007). Representation of the value picture of the world Russian people in proverbs, sayings and proverbs-sayings expressions. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*, *44*, 59—61. (In Russ.).
13. Bezkorovaynaya, G.T., Lomakina, O.V. & Makarova, A.S. (2017). Linguistic and Cultural Potential of Phraseology: Common and Nationally Specific Features (Based on the Phraseologisms with the Symbolic Component *Меч / Sword / Le Glaive* In Russian, English and French). *Philology and culture, 4*(50), 6—10.
14. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian language. *Rusin, 3*(45), 119—128.
15. Nelyubova, N., Hiltbrunner, V.& Ershov, V. (2019). The Reflection of the Hierarchy of Values in the Proverbial Fund of the Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics, 23*(1), 223—243. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243.
16. Tanaseychuk, E.Y. (2008). Principles of phraseology description aimed at defining cultural values (based on Chinese, English and Russian Proverbs). *Vestnik of Pomor University. Series "Humanitarian and Social Sciences", 7*, 57—60. (In Russ.).
17. Bolotin, M.A. & Shabashev, E.A. (2013). Cognitive aspect of value meaning in colour idioms, *IKBFU's Vestnik. Ser. Philology, Pedagogy, and Psychology, 2*, 2—28. (In Russ.).
18. Alefirenko, N.F. (2013). Sense as linguistic philosophic phenomenon, *Tomsk State University Journal of Philology, 21*, 5–14. (In Russ.).
19. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *Large dictionary of Russian Proverbs*. Moscow: ZAO "OLMA Media Group". (In Russ.).
20. Dahl, V.I. (2005). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: Eksmo-NNN. (In Russ.).
21. Alefirenko, N.F. (2014). Value-semantic paradigm of the word In *The Main trends in the development of Russian and other Slavic languages in the modern word: proceedings*. University of Cyril and Methodius in Trnava. Brno. no 21. P. 6—17.
22. Alefirenko, N.F. (2019). Idiomatic "tuning fork" of the cognitive-pragmatic register in the language picture of the world In *Phraseology in the language picture of the world: cognitive-pragmatic registers: Sat.science.proceedings of the 4th International scientific conference on cognitive phraseology (Belgorod, March 26—27, 2019).* Belgorod: LLC "Epicenter". pp. 9—15.
23. Semenenko, N.N. (2011). *Russian paremia: functions, semantics, pragmatics*: Monograph. Stary Oskol. (In Russ.).
24. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Value constants of Rusin paremiology (compared with Ukrainian and Russian languages). *Rusin, 4*(54), 303—317. (In Russ.).
25. Sokolová, J. (2012). *Tri aspekty verbálneho textu*. Nitra: UKF. (In Slovak).

26. Gallo, Ya. (2012). Linguisitically To the problem of the specificity of intertextuality. *Opera Slavica: Slavistické rozhledy is*, roč. 22, Supplement 1, 29—35. (In Russ.).
27. Kovshova, M.L. (2018). *Personal name in Russian paremiological discourse: the experience of discursive analysis* In *Polyparadigmatic contexts of phraseology in the XXI century*: Materials international. science. conf. Tula: TPPO. pp. 227—240. (In Russ.).
28. Bayramova, L.K. (2014). *Poverty as an anti-value and value .... — Wealth as a value and anti-value in the phraseological paradigm of Russian, Tatar, English, German, French languages. Kazan, Center of innovative technologies*. (In Russ.).
29. Alefirenko, N.F. & Corina, N.B. (2011). *Cognitive linguistics problems*. Nitra: UKF. (In Russ.).
30. Barsalou, L.W. (1992). Frames, Concepts and conceptual fields In *Frames, Fields and contrasts*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum associates publishers. pp. 21—73.
31. Fauconnier, G. (1994). *Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Сведения об авторе:
Семененко Наталия Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Старооскольский филиал; *e-mail:* nsemenenko@yandex,ru.

Information about the author:
Natalia N. Semenenko, Professor of the Department of Philology of the Starooskolsky branch of the Belgorod state national research University, Stary Oskol; *e-mail:* nsemenenko@yandex.ru.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 233—249
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-233-249
УДК 811.161.1'373

Научная статья / Research article

Прилагательное «сакральный» в метаязыке лингвистики: функционально-семантическое исследование

О.В. Шкуран

Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко
ул. Оборонная, 2, Луганск, Украина, 91016
oksana.shkuran@mail.ru

Статья посвящена междисциплинарному подходу в исследовании семантики прилагательного «сакральный», индоевропейский корень которого был положен в основу латинской лексемы *saker*, изначально иллюстрирующей разнополюсное понимание — от божественного до демонического, от возвышенного до обмирщвленного. Особенное внимание уделяется дефинициям прилагательного в толковых, этимологических словарях XIX—XX ст., в мифологических представлениях, в фольклорных текстах, в календарной, семейной и др. обрядности, во фразеологии, паремиологии и т.д. В исторической ретроспективе анализ изменений в семантике прилагательного «сакральный» выявил дохристианский, христианский, секуляризированный этапы лексико-семантических вариаций. Комплексное исследование подтверждает трансформацию не только мировоззренческих систем, но и языковых средств, способствующих формированию в сознании русского человека метапредставления о прилагательном «сакральный» с целью выявления культурологической доминанты и активного поиска в восстановлении его семантического ядра.

Ключевые слова: металингвистика, сакральный, святой, священный, секуляризация, лексико-семантические вариации

История статьи:
Дата поступления: 25.01.2020
Дата приема в печать: 01.02.2020

Для цитирования:
Шкуран О.В. Прилагательное «сакральный» в метаязыке лингвистики: функционально-семантическое исследование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 233—249. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-233-249

© Шкуран О.В., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

UDK 811.161.1'373

The Adjective "Sacred" in Metalinguistics of the Language: Functional-semantic Research

Oksana V. Shkuran

Lugansk Taras Shevchenko National University
St. Oboronnaya, 2, Lugansk, Ukraine, 91016
oksana.shkuran@mail.ru

The article is devoted to an interdisciplinary approach to the study of the semantics of the adjective "sacred", the Indo-European root of which was the basis of the Latin token saker, initially illustrating a multi-pole understanding — from the divine to the demonic, from the sublime to the secularized. Particular attention is paid to the definitions of the adjective in the explanatory, etymological dictionaries of the XIX—XX centuries, in mythological representations, in folklore texts, in calendar, family and other rituals, in phraseology, paremiology, etc. In a historical retrospective, an analysis of changes in the semantics of the adjective "sacred" revealed the pre-Christian, Christian, secularized stages of lexical-semantic variations. A comprehensive study confirms the transformation of not only worldview systems, but also language tools that contribute to the formation in the minds of Russian people of the meta-idea of the adjective "sacred" in order to identify the cultural dominance and actively search and restore its semantic core.

Key words: metalinguistics, sacred, holy, secularization, lexical-semantic variations

Article history:
Received: 25.01.2020
Accepted: 01.02.2020

For citation:
Shkuran, O.V. (2020). The Adjective "Sacred" in Metalinguistics of the Language: Functional-semantic Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 233—249. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-233-249

Введение и постановка проблемы

Одним из центральных понятий архаической картины мира и важным термином в христианском богословии являлось прилагательное «сакральный». Его популярность и сейчас настолько поразительна, что создается впечатление: «сакральный» широко употребим и применим в границах отечественной философской, религиоведческой, культурологической и теперь уже лингвистической мысли. После периода «массового атеизма» светская материалистическая мысль, по словам А.В. Медведева (1999), использовала термины «сакральное», «священное», «святое» на интуитивно-смысловом уровне, «и этого было достаточно, теперь же видимо, настало время осмысления» [1. С. 13]. Ведь не секрет, что в различных контекстах прилагательное «сакральный» используется для подчеркивания значимости, ценности, напр.: *сакральный ужас, сакральный перфоманс*, *сакральный защитник, сакральный и инфернальный, сакральный сад* и др. [2].

В данной статье рассматривается семантическая динамика прилагательного «сакральный», поскольку ценностный компонент и сакральная коннотация создают новый смысловой комплекс метаязыка лингвистики. В функционально-семиотическом исследовании прилагательного «сакральный» отражаются духовно-нравственные и этические ориентиры. Анализ изменений в семантике прилагательного «сакральный» в исторической ретроспективе позволяет выявить аспекты функционально-семантического изучения в диахроническом и синхроническом аспектах, воспроизвести трансформацию мировоззренческих систем прошлого, совершить попытку расшифровки культурного кода нации. А вторичное представление метаязыка лингвистики поможет выявить культурологическую доминанту прилагательного «сакральный» посредством использования знаний междисциплинарных уровней гуманитарной науки.

Цель статьи — выявить комплексное системное представление этимологических, структурно-семантических, когнитивных, прагмалингвистических свойств прилагательного «сакральный», проявляющихся в закономерностях его функционирования; определить основные тенденции рассмотрения и понимания данного термина метаязыка лингвистики в связи с мировоззренческими переменами в сознании нации.

В соответствии с целями данной работы применялись следующие методы: функционально-семантический метод, описательный метод синхронного лексикологического анализа материала, метод дефиниционного и сопоставительного анализа, контекстуальный анализ и др.

К вопросу об этимологическом анализе прилагательного «сакральный»

В процессе освоения новой проблематики целесообразно обратиться к этимологическим, основательным энциклопедическим словарям, к просветительско-философским исследованиям за последние два столетия. Источником происхождения прилагательного «сакральный» признан латинский язык и форма слов *saker (sakra),* которые «происходят от индоевропейского корня *sak*, что позволяет понять, какой изначальный смысл вложен в индоевропейское видение мира — соответствие космосу, фундаментальная структура вещей, существующая реальность» [3. С. 205]. Понятие святости, по словам В.Н. Топорова, гораздо древнее мировых религий, его аналоги встречаются в праславянском, балтийском, иранском языках [4. С. 8—10], поэтому современный термин «сакральный» соединяет в себе «святое» с индоевропейской традицией интерпретации сакрального, что дает возможность ощутить новую языковую реальность. «Латинско-русский словарь» И.Х. Дворецкого (1976) расширяет семантическое поле адъектива «сакральный» следующими дефинициями: ‘посвященный, предназначенный, священный, святой, внушающий благовестное уважение, великий, обреченный подземным богам, то есть преданный проклятию, проклятый, магический, таинственный’ [5. С. 891].

В словарной статье представлены два разнополюсных понимания — приближенный к божественному и далекий от него. В латинском языке словообра-

зовательное гнездо включает ряд лексем, которые расширяют семантическое поле данной лексемы и способствуют словообразовательной потенции: *sakro* ‘освящать, объявлять неприкосновенным; священным, нерушимым; посвящать, увековечивать; обессмертить’; *sacrum* ‘священный предмет, священная утварь; священное творение; священнодействие, богослужение; жертвоприношение’; *sakerdos* ‘жрец, жрица’; *sakerdotalis* ‘духовенство, епископская кафедра’; *sakerdotium* ‘первосвященник’; *sakrarium* ‘помещение для хранения священной утвари’; *sakratio* ‘посвящение’; *sakrator* ‘освятивший’; *sakrafer* ‘везущий священные предметы’; *sakrificalis* ‘‘жертвенный’; *sakrilegus* ‘осквернитель святыни, нечестивец, негодяй’ и др. [5. С. 891—892]. Мы видим, что лексема *saker* называла в Древнем Риме то, что принадлежало богам или богу; а *sanctus* — обозначала обратное действие, влекущее за собой санкции. Отсюда следует, что прилагательное «святой» имеет более раннее происхождение, чем «сакральный»; латинизм «сакральный» становится многозначным, обретает опозиционную оценочность (сакральный — десакральный).

Современные тексты различного направления используют прилагательное «сакральный» от возвышенного поэтического текста до серьезно научных дискурсов для подчеркивания особой значимости и ценности чего-либо, но в значительной степени в русском языке между понятиями «сакральный», «святой», «священный» ставится знак тождественности. Подтверждением этого является тот научный факт, что в толковых словарях русского языка XIX — нач. XX ст. отсутствует прилагательное «сакральный». В «Словаре церковнославянского и русского языка», составленного Вторым отделением Императорской Академии наук (1847), представлена лексема «святой» следующими дефинициями: 1) всесовершенно чистый, непорочный, напр. *Святая Троица*; 2) ведущий к святости, непорочности; 3) живущий по заповедям Божьим, праведный. Употребляется в сочетании *святой отец, Святой Дух, Святая вера, Святая Церковь* и др. От прилагательного «святой» образован семантический ряд религиозно-богослужебного содержания *святейший, священнический, священноблаженный, священнодиаконский, священнодейственный, священнодействительный, священнопобедный, священнословный, священноявленный* и др. [6. С. 109—111].

В «Полном церковнославянском словаре» (составитель Г. Дьяченко, 1899) лексема «святой» расширяет семантическое поле прилагательного «сакральный» пятью дефинициями: 1) То же, что и избранный, верующий; так называются христиане в отличие от иудеев и язычников; 2) всесовершенный, праведный, живущий по правилам, предписанным верою; угодник Божий, наслаждающийся вечным блаженством; 3) светлый, незапятнанный, сияющий, почтенный; 4) все, посвященное Богу; 5) имя Господнее. В словарной статье лексема «святой» проиллюстрирована и в других славянских языках, подтверждая родственность происхождения *свет, цвет, свят* в значении «блеск». Прилагательное «святой» употребляется в словосочетании *Святой Израиль* (называя Иисуса Христа), *святые врата* (Царские двери или ограда монастыря или храма, над которым размещена надвратная икона особо чтимого святого или праздника).

Лексема «священный» входит в состав сложных слов, в образовании которых положены греческие традиции словообразования: *священноблаженный* (ублажаемый церковью, святитель); *священнограбитель* (расхититель церковных вещей), *священнодейственник* (совершающий священное служение); *Священное Писание* (книги Ветхого и Нового Завета); *священноиноки* (монашествующие священники); *священноисповедник* (претерпевший мучения за вероисповедание); *священнолепно* (достойно святыни, священно); *священномученик* (святые мученики, имеющие священнический сан и пострадавшие за Христа); *священнородный* (рожденный от священника) и др. [7. С. 584—586].

Чуть позже в «Этимологическом словаре русского языка» под ред. А. Преображенского (1910—1914) словарная статья к лексеме «святой» наполняется производными словами религиозного содержания — *святейший*, *святочный, святоша* (ханжа, лицемер), *освящать* (благословлять), *посвятить* (рукоположить в священный сан), *святилище* (священное место), *священный* (хлеб), *священник, преосвященный* (титул архиерея), *преосвященство, высокопреосвященство* (архиепископ, митрополит), *святотатство* (кража церковного имущества), *священновоин, Святая-святых* (неприкосновенное, чистое) и др. [8. С. 266].

Словарная статья, посвященная лексеме «святой», в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. Срезневского (1912) представляет в количественном отношении более обширный материал и демонстрирует семь лексико-семантических вариантов: 1) всесовершенный, исполненный святости; 2) чистый, непорочный, праведный; 3) освященный; 4) относящийся к учению православной церкви; 5) ведущий к святости, освящающий; 6) священный (имеющий отношение к церковным праздникам и предметам, относящимся к религии и богослужению); 7) титул высших чинов духовенства [9. С. 308—309]. Во всех значениях прилагательное выражает сакральную коннотацию.

Как видим, широта использования лексемы «святой» («священный») свидетельствует о том, что данный термин в русском языке перешел из области онтологии в область междисциплинарного изучения, стал определяющим ценностным и этичным ориентиром для общественной жизни и отдельных людей. Ф.И. Буслаев в магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянские языки. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию» пишет: «Чтобы определить степень влияния христианства на славянский язык, следовало сначала рассмотреть оный вне христианства, показав в нем следы язычества, и потом уже обозначить, что внесено в него христианством. В заключение работы автор приходит к выводу: «Славянский язык задолго до Кирилла и Мефодия подвергся влиянию христианских идей» [10. С. 210].

В традиционной культуре аналогами сакрального в славянских языках, по словам Н.И. Толстого, являются различные дериваты *svet-: рус. ‘святой’, укр. ‘святий’, бел. ‘святы’, болг. ‘свет’, серб. ‘свет’, пол. ‘święty’; чеш. ‘svatý’ и др.

В славянской культуре прилагательное «сакральный» представляет сложное понятие, поскольку соединяет дохристианское представление с развившимися новыми идеями и основополагающие христианские ценности — это и свя-

той (как прилагательное и субстантивированное имя существительное), и священный, и сокровенный.

Дохристианские представления о сакральном у славян соотносились с общей идеей роста, силы, жизни, здоровья, изобилия божественных производительных сил, которыми были наделены флора и фауна, стихии пространства, общественные объединения и др. [11. С. 535]. Сакральное находит свое отражение в мифологических представлениях, в фольклорных текстах, в календарной, семейной и др. обрядности, во фразеологии, паремиологии и т. д. При исследовании магично-мифологичного мировоззрения реликтовых этносов польско-английский этнограф Б.К. Малиновский (1884—1942) в работах «Магия, наука и религия», «Миф в примитивной психологии» определил место сакрального в жизни человека примитивной культуры. Ученый разграничивал понятия «религия» и «магия», исследуя предназначение обрядов и ритуалов: одни организовываются с определенной целью, а другие церемонии являются самоцелью (например, ритуал после родов, сакральный ритуал принятия пищи как причащение): в религиозных обрядах отсутствовала нацеленность на последующее событие. Переломными жизненными моментами человека и ядром бесчисленных верований и обрядов автор считал зачатие, беременность, роды, наступление половой зрелости, бракосочетание и смерть. В примитивных обществах традиции считаются высшей ценностью, строго придерживаются порядка их соблюдения, полученных от предшествующих поколений. Сакральность религиозных ритуалов народов «призвана запечатлеть эту власть и ценность в умах каждого поколения и в то же время служат исключительно эффективным средством передачи новым поколениям духовного наследия племени, обеспечения непрерывности традиций и поддержания племенного единства и племенной солидарности» [12. С.16].

Таким образом, дохристианский период понимания прилагательного «сакральный» представлен синонимическим рядом — ‘архаичный’, ‘традиционный’, ‘ритуальный’, ‘божественный’ (в языческом понимании связан с несколькими богами), ‘священный или тотемный’ (в значении ‘олицетворяющий образ животного, растения, минерала’).

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных (1999), по сравнению с более ранними изданиями толковых словарей, семантическое поле лексемы «святой» представлено гораздо уже, в словарной статье не приводятся примеры употребления в речи или литературных произведениях: 1) ‘являющийся предметом религиозного почитания и преклонения, божественный’; 2) ‘глубоко чтимый, заветный, дорогой’ [13. С. 149]. Результат столетнего забвения православных ценностей привел к состоянию неопределенности по отношению к национальному идеалу личности, аксиологически неясной ситуации в смысловом поле национальной культуры. Место смыслового ядра прилагательного «святой», принадлежащего первоначально семе «Бог», по словам С.Н. Селезневой, занимала сема «нравственность». Сакральная коннотация лексемы «святой» лишилась всякой связи с традиционной религиозной константой и наполнилась мирским содержанием.

В толковом словаре под ред. Г.Н. Скляревской (1998) внесены новые или забытые, смысловые оттенки двух лексем-омонимов, *святой*[1]*: 1) исходящий от Бога, связанный с Богом; близкий к Богу; 2) освященный, священный; предназначенный для служения Богу; 3) наделенный Божественной благодатью; являющийся источником божественной силы; святой*[2]*: 1) тот, кто провел жизнь в служении Богу и/или пострадал за веру и после смерти признан церковью образцом добродетели и покровителем верующих, наделенных даром чудотворения и осуществляющим связь между Богом и людьми* [14. С. 569—570]. Речевые примеры представлены контекстами высокого стиля, изобилуют компонентами религиозной лексики, тексты принадлежат как религиозным источникам, так и общественно-политическим изданиям. Достаточно многочисленная группа однокоренных лексем-прилагательных и существительных — *Святки, Святцы* (‘церковный календарь с указанием праздников и дней памяти святых; месяцеслов’, *святочный, святейший, священный* (‘обладающий святостью, божественной благодатью’) и др. Здесь мы видим полное соответствие лексическому значению исходному понятию, изложенному в словарях XIX — нач. XX ст.

Устойчивость сакрального в архетипическом сознании русского человека

Образ сакрального формируется и через устойчивые единицы, отражающие сферу вымышленного, нереального, архетипического сознания. По нашему мнению, к таким языковым единицам можно отнести паремии, идиомы, афоризмы и др., которые представляют собой «целостные и структурированные представления о позитивном отношении народной культуры к традиционной религии» [3. С. 205]. Поскольку прилагательное «сакральный» входит в сферу научного описания, в традиционной культуре используется тождественное прилагательное «святой».

Фразеологизмы *святая истина; святая простота; Святая Русь; Родина Святая; Святая Святых;* паремии *Свято место пусто не бывает; Святые денежки умолять* [15. С. 373, 388], *Свят муж: только пеленой обтереть да в рай пустить* (о фарисеях); *святым духом знать (*сверхъестественным способом, по наитию) [16. С. 783], зафиксированные в словарях М. Михельсона «Ходячие и меткие слова» (1896), «Русская мысль и речь: свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (1912), проясняют структурные изменения в семантике компонента «святой» в связи с мировоззренческими эволюциями в русском общественном сознании. В данных лексикографических изданиях автор только приводит примеры употребления устойчивых единиц без объяснения семантики, демонстрируя легкую иронию. Фразеологизм *святая простота* в значении ‘бесхитростный, простой человек’ буквально переведен с латинского языка *o sancta simplicitas,* о котором пишет Туранийский Руфин (IV в.), утверждая его происхождение на Первом Никейском соборе в 325 г. Паремия *свято место пусто не бывает* означает, что никакое хорошее место не может пустовать. Учитывая, что святым оно может быть только рядом с Богом, устойчивое выражение иллюстрирует употребление сакрального компонента и позитивное отношение к

нему. Современные трансформации усугубили долю сарказма и профанизировали сакральный смысл, напр.: *«Свято место пусто не бывает», — сказал Володя Семенов и продолжил искать клад под церковью; Свято место пусто не бывает; Уходит молодость — неутешительный прогноз… И тут же зрелость этот стульчик занимает, — А чуть попозже придет и старческий склероз; Свято место долго пусто не бывает; Свято место пусто не бывает: когда уходит любовь, на ее место приходит пофигизм; Свято место пусто не бывает, особенно когда нагрето и у интернета* и др. Видимо, по словам О.В. Ломакиной, в «качестве ключевых слов могут выступать сверхсловные единицы, которые становятся содержательными доминантами текста и представляют собой своего рода метатекст» [17. С. 115]. По всей видимости, прилагательное «святой» является таковой доминантой с ироничным оттенком.

В Словаре В.И. Даля в словарной статье к прилагательному «святой» проиллюстрировано как религиозное, так и народное понимание. С одной стороны, внутреннее содержание лексемы наполнено стремлением и осознанием идеала: *Что Бог дал, свято!* а, с другой стороны, — труднодостижимостью заданного образца: *Бес не ест, не пьет, а свят не живет* (о посте); *Не знаешь, какому святому молиться; Поди ко святым! Голый — что святой: беды не боится.* Даль приводит примеры фразеологических выражений с сакральной семантикой: *святая Отчизна, святой долг, святое слово, святой угол, святая правда, свят день, святой дождь, святая вода, святое дерево* и др., определяя культурные доминанты простого русского человека [18. С. 93—96].

В «Большом словаре русских поговорок» (2007) В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной в поговорках лексемы объединяются на основании следующих признаков: грамматически — значением лица (Бога), семантически — общей гиперсемой «святой», являющейся выражением понятия о сакральном, синтагматически — устойчивой сочетаемостью с данным прилагательным, напр.: *куда святая выведет* ‘беспечно, не задумываясь о будущем’*, пора под святые положить* ‘о слабом, близком к смерти человеку’, *не в святых и жить* ‘выражение утешения, успокоения’*; не знаешь, какому святому молиться* ‘о большом количестве начальников’*; молоть не ту святую* ‘говорить чепуху, вздор’; *быть под святым* ‘быть при смерти, быть близким к смерти’; *лежать под святыми* ‘1) быть при смерти; 2) умереть, скончаться’; *встать из-под святых* ‘выжить, будучи тяжело больным’*; наобум святых* ‘неточно, наугад’*; хоть святых выноси* ‘о чем-либо нестерпимом, невыносимом’; *у всех святых на Кулижках* ‘нигде’ и т.д. [19. С. 601]. В перечисленных паремиях ключевое слово «святой» является «обозначением традиционного национального идеала, входящего в семантическое ядро русской культуры» [20. С. 3], однако смысловая доминанта переносится на периферийную зону значения. В результате такого сдвига сакральное единство формы и содержания способствует семантической десакрализации.

С принятием христианства старая идея сакрального была переориентирована с материального и физического на идеальное, духовное; с конкретного и зримого на абстрактное и незримое. Прилагательное «сакральный» приобрело

понимание святости — сопричастности человека с Богом и преображения духовного и телесного под воздействием Божьей благодати.

Т.Е. Владимирова в публикациях «Сакральная память слова» (2016), «Сакральный код евразийских народов. О тотеме-первопредке» (2017), «Дохристианские верования восточных славян» (2018), «Русская филология и духовный потенциал языка» (2016) называет филологию службой понимания, поскольку она является надежным хранителем духовной культуры человечества, «вместе с энергийной природой языческого мировосприятия человек унаследовал сакральные установки и потребность в ориентации на должное поведение, а с принятием православия — на духовное саморазвитие» [21. С. 127]. По словам автора, долговременный языческий уклад со свойственным ему «духом раздора» создавал экзистенциальный напряженный модус бытия, а христианская ступень духовной культуры открыла путь к личностному совершенствованию.

Г.А. Толстова в исследовании «Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой» представила сакральную лексику языковой личности Агафьи Лыковой, проживающей в микросоциуме христиан старообрядческой веры в условиях ограниченной речевой практики. Респондент пользовалась церковнославянской графикой, сохраняла лексику старообрядческой рукописной литературы, цитировала Священное Писание, использовала лексемы, отражающие сакральную вероисповедную сферу (правило, братия, дело, поделом и др.). Автор работы собрала словарь лексической системы Агафьи Лыковой, состоящей из четырех компонентов, один из которых — сакрально-богослужебный. Такой сакральный пласт лексики свидетельствует о глубинном библейском миропонимании и сохранении семейных традиций [22].

О.В. Гневэк в работе «Изменение семантики лексемы Бог (по материалам современных фразеологических словарей, а также собраний русских пословиц и антипословиц)» в фонде фразеологических единиц и пословиц русского языка представила различные коннотативные оттенки концепта «Бог» и отметила десакрализацию (профанизацию) понимания сакрального понятия. Ученый отмечает, что не всегда в сознании носителей языка срабатывают «ментальные ограничители», накладывающие запрет на фривольное отношение к божественной сущности. Созданные трансформы пословиц и поговорок в устной речи отражают двоякую ситуацию: во-первых, быть оригинальной языковой личностью в обществе становится популярным; а во-вторых, у языковой игры должен быть предел [23].

Н.П. Дронова в публикациях «Рождество в языковой немецкой картине мира: лингвокультурологический аспект», «Языковые средства вербализации «сакральности» в немецком языке» рассматривает сакрализацию как акт наделения явлений свойством святости, религиозной исключительности, сверхценности, подтверждая идею П. Тиллиха, который пишет об экзистенциальной концепции религии с отсутствием четкой границы между сакральным и секулярным: «религиозное и секулярное — области нераздельные и располагаются одна в одной» [24. С. 265]. Сценарий ритуализированной деятельности, по мнению Н.П. Дроновой, включает ядерные элементы, базирующиеся на архаических и христианских

представлениях о действительности, а сложная структура лингвокультурологического поля праздника представляет значительный пласт ментальной информации, содержащей историческую и социокультурную информацию о развитии этноса.

И.А. Королева в исследовании «Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте» дифференцирует понятия сакральной и богослужебной лексики, называя их единицами языка, связанными с религиозным культом и ритуалом, являющимися священными для носителя языка и представленными в словарях. Автор иерархически выстраивает связь лексем, начиная с более высокого уровня — сакрального (обладающие высшим совершенством и сверхъестественной силой), а затем богослужебного (связанными с церковными обрядами) [25. С. 12].

Представители уральской лингвистической школы (Н.И. Коновалова 2007, Н.А. Воробьева 2007, Т.Н. Бурмистрова 2008 и др.) рассматривают прилагательное «сакральный» в широком смысле и проводят исследования диалектных текстов, содержащих в себе сакральную информацию пралогической, языческой, дохристианской картины мира [26. С. 6]. Можно согласиться с различием отдельного пласта сакрально-богослужебной лексики и фразеологии, а также связанной с живой духовной культурой народа, а именно различные фольклорные жанры. По словам Н.А. Воробьевой, «сакральный — это производитель сакрального действия, обозначение сверхъестественного персонажа» [27. С. 25]. Ученые выбирают предметом исследования устойчивые единицы с сакральной семантикой из диалектных текстов, но исследуемый материал, на наш взгляд, не дифференцирован на компоненты с ложной сакрализацией (напр. приговоры, заговоры и т.д.).

Общее и специфическое в концептуализации сакральных образов в идиоматике русского и польского языков, характеризующих с точки зрения православного и католического вероисповедания, выявлены К.Д. Наумовым в научном труде «Концептуализация мира на основе сакральных образов (на примере русской и польской идиоматики)» (2013). Ядро макрополя сакральных образов, по мнению ученого, полно и последовательно представлено фразеосемантическим полем (ФСП) «Христианство» — номинация божественных сил и духа, христианские догматы, сакральные тексты. Околоядерная зона представлена ФСП «Славянское язычество», а затем сакральными античными системами. Автор для компонентного анализа использует большой практический материал, но четкого разграничения между истинными и ложными сакрализаторами не представляет [28].

Осуществляя лингвистический анализ лексико-фразеологических единиц со значением темпоральности в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон», исследователи А.А. Охалина, С.М. Белякова (2013) называет сакральными хронологию православных праздников и события определяет не конкретными датами, а религиозными праздниками, постом или мясоедом. Как видим, герои романа сочетают в образе жизни традиционное представление о темпоральности, устанавливая сакральное и профанное время, историческое и возрастное, личное и природное время. Языковая репрезентация времени зависит от этнокультурных,

религиозных, мифологических представлений как вторичного феномена политемпоральности [29].

Для обозначения сакральных лексических единиц Т.В. Кузьмина в научном труде «Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка: с привлечением единиц из болгарского языка» (2011) обобщила и выделила следующие дефиниции: мифологемы, сакрально-религиозная, сакрально-богослужебная, старообрядческая конфессиональная, религиозная, церковно-религиозная лексика и лексика православной веры. Ученая делает акцент на дохристианской картине мира, поэтому прилагательное «сакральное», по словам исследователя, называет сверхъестественное явление, вызванное потусторонней, в том числе и божественной силой. В работе выделены тематические группы: «Человек духовный» (крещение, венчание, душа, ангел), «Предметный мир человека» (дверь, колодец, веник, стол, зоонимы, мед). Хотя в классификации лексических единиц отсутствует оппозиция сакрального и десакрального, Т.В. Кузьмина приходит к выводу о том, что в семантической структуре языковых единиц присутствует оппозиция *добро — зло, свет — тьма* и др. [30].

Проблеме семантико-стилистических эволюций группы слов с лексемой «святой» посвящено исследование С.Н. Селезневой «Динамика группы слов с гиперсемой “святой”: по данным русской лексикографии» (2013), в котором возвращены утраченные социумом смыслы данной гиперсемы как фактора преодоления экзистенциального вакуума в национальной культуре русского народа. Секуляризация мировоззрения, по словам ученой, порождает переосмысление сакральных смыслов и внутренней потенции к обмирщвлению ключевых слов языка. Эволюция семантических смыслов проиллюстрирована двумя смысловыми уровнями — уровнем «первоначально заданного смысла» (определение В.В. Колесова), что, по всей вероятности, и содержит сакральный смысл, и вторым уровнем — уровнем человеческого постижения, воплощенного в разнообразии лексико-семантических вариантов, оттенков, коннотаций. На наш взгляд, С.Н. Селезневой предложена интересная модель описания семантико-стилистической динамики: установление первоначальной семантики этимона на основании этимологических словарей, исследование лексикографических данных в диахронии, обзор современных средств массовой информации. Именно они формируют параллельное обмирщвление единиц с сакральной семантикой [20].

Таким образом, прилагательное «сакральный» приобретает новое понимание — ‘сверхъестественный’, ‘божественный’, ‘богослужебный’, ‘духовный’.

Данный термин становится предметом исследования не только современных лингвистов, но и *литературоведов* (Шабловская Л.А. Функционирование отвлеченных существительных в Тетраевангелии: словообразовательный, семантический и концептуальный аспекты, 2005; Кургузова Н.В. Мифопоэтический аспект пространственно-временной системы русской свадебной лирики: песни и причитания, 2007;), *историков* (Польская С.А. Сакральность королевской власти во Франции середины VIII—XV вв., церемониальный и символический аспекты проблемы, 1999; Шевченко И.Ю. Архаические мифологемы социального бытия и социального порядка, 2011), *социологов* (Михайлов Д.Н.

Проблема сакрализации власти в социально-философском дискурсе, 2007), *культурологов* (Чершинцева М.А. Феномен тайнописи в культуре и его специфическое проявление в творчестве И.С. Баха, 2010; Попова Л.Д. Сакральные основания культуры русского города, 2010; Иванова В.Я. Мандорла и горалествица как формы выражения смыслов в русской православной культуре, 2014), *философов* (Мелютина М.Н. Священный хронотроп культурного ландшафта Русского Севера: по материалам Кенозерского национального парка, 2011; Белолюбская С.В. Православные христианские храмы на территории Якутии: нач. XVIII — нач. XXI вв.;), *юристов* (Кофанов Л.Л. Возникновение и развитие римского права, 2001), политологов (Дамирчиев Э.И. Империя как политический феномен: теоретико-методологические аспекты исследования, 2010); *географов* (Сакральная география Русского Севера: религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры, 1993; Теребихин Н.М. Сакральная география и иеротопия Русского Севера, 2016; Сакральная география Таджикистана, 2019) и др.

Заключение

Таким образом, обобщение названных работ отечественных ученых позволил выявить семантическое поле родового понятия «сакральный»: *духовный, идеальный, знающий, иррациональный, культовый, культурно-архетипический, маргинальный, мистический, открывающий, сакрально-властный, сакрально-погребальный, сакрально-правовой, сакраментальный, святой, священный, сокрытый, сокровенный, трансцедентальный, царский, энергийный* и др. Но чаще всего «сакральный» отождествляется с лексемами «святой», «священный».

По данным НКРЯ, констатируется активное бытование вышеназваных прилагательных, употребление которых в контексте расширяет семантическое поле каждого. Мы выбрали несколько примеров из основного и газетного корпуса и проиллюстрировали различные словоупотребления и смыслы, представив в табл. 1:

Таблица 1 / Table 1

Примеры словоупотребления прилагательных «сакральный», «священный», «святой» в НКРЯ / Usage examples adjectives “Sacred”, “Holy” in the National Corps of the Russian language

Сакральный (-ое, -ая)	*Священный*	*Святой (-ая)*
Статус власти	трепет	апостол
Искусство	город	Русь
Перфоманс	договор	Георгий
Государственная награда	союз	источник, вода
Смысл	престол	Троица
Погребальный обряд	огонь	Князь
Благовоние	камень	Отчизна
Календарь	символ	подвиг
Тотем	долг	любовь
Инфернал	образ	Дух
Потенциал	день	человек

Как видим, прилагательное «сакральный» удерживает статус родового понятия и имеет достаточно широкое семантическое поле, объединяя три смысловых варианта: 1) ритуальный; 2) мирской, 3) ложно сакральный, напр.: *Пределом этого расхождения, эмпирически возможно чисто случайного, но несомненно символического, стало аутодафе еретических сочинений — своего рода* ***сакральный*** *перформанс* (Павел Кузнецов. Русский Феникс, или Что такое философия в России // «Звезда», 2001); *Снятие швов для людей неискушенных имеет* ***сакральный*** *смысл* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013); *Наконец, тут рассказано о ритуальном курении у народов Центральной Америки — у которых люди Старого Света и заимствовали табак, — не обратив, правда, что совсем удивительно, ни малейшего внимания на его* ***сакральный*** *потенциал* (Ольга Гертман. В логике фармакона // «Знание-сила», 2013); *Так что сейчас майдан — это своего рода название традиционной для украинцев политической борьбы. Более того, для украинских патриотов слово «майдан» приобрело некий* ***сакральный*** *смысл* (Александра Лябина. Новый русско-украинский словарь: 10 неологизмов пост-майдана // Комсомольская правда, 2014.07.21) и др. [2].

Прилагательное «священный» употребляется с именами существительными либо с конкретным значением (предмет-тотем), либо с абстрактным (трепет, долг), поэтому объединяет три смысловых понятия: 1) божественный; 2) ритуальный; 3) мирской: *Во-первых, осторожнее обращаться со словом* ***«священный»,*** *а во-вторых, остерегаться прилагать священные слова к слишком уж земным и обыденным реалиям* [Борис Межуев. Пусть имя «Сталинград» останется священным // Известия, 2014.06.09]; ***Священный*** *долг каждого гражданина заявить об этом компетентным органам* (Александр Гришин. Андрей Кураев попросил денег у читателей своего ЖЖ // Комсомольская правда, 2014.02.15); *Стоит отметить, крещенский обряд все больше напоминает не* ***священный*** *ритуал, а массовые народные гуляния повышенной опасности. Полицейские будут следить за общественным порядком во время празднования Крещения Господня и стараться не допускать нарушений* (Анастасия Новикова. Верующие готовятся отметить Крещение Господне // Комсомольская правда, 2014.01.18) и др. [2].

Прилагательное «святой» чаще употребляется со значением ‘идеал личности’, но «мировоззренческая неопределенность» отражает и лексико-семантические изменения с иронической коннотацией: ***Святой*** *апостол Андрей соединил юг и север того огромного пространства, которое позже стало Святой Русью* (Елена Чинкова. Украинцы поставили на Валааме памятник покровителю Руси // Комсомольская правда, 2014.07.11); *Дело в том, что с каких-то пор зритель вдруг стал искать* ***Святой*** *Грааль западных сериалов — лучшее шоу, которое непременно надо смотреть* (Александр Павлов. Сериалы в борьбе за «железный трон» // Известия, 2014.06.23) и др. [2].

Таким образом, мы проиллюстрировали семантическую динамику прилагательного «сакральный» и убедились в том, что первоначальный смысл, зафиксированный в первых лексикографических источниках, либо утрачивается, либо трансформируется, демонстрируя частные закономерности семантической се-

куляризации, напрямую зависящую от механизмов взаимосвязи языка с духовно-нравственными и этическими ориентирами. Анализ изменений в семантике прилагательного «сакральный» в исторической ретроспективе выявил широкий пласт лексико-семантических вариаций, который можно разделить на несколько этапов: 1) дохристианский; 2) христианский; 3) секуляризированный. Дохристианский этап представлен понятийным рядом — ‘архаичный’, ‘традиционный’, ‘ритуальный’, ‘божественный’, ‘священный или тотемный’; христианский представлен как религиозной, так и народной смысловой доминантой, отождествлен с прилагательными «святой», «священный». По словам Н. Толстого, «понятие “сакральный” является результатом сложного соединения дохристианского представления с развившимися на его основе новыми значениями, привнесенными христианскими ценностями» [11. С. 534]. Секуляризированный этап способствует формированию широкого семантического пространства и представляет различные словарные дефиниции с отсутствием важнейшей семы исследуемого прилагательного — «божественный». «Сакральный» является членом оппозиции «сакральный» — «профанный», коррелирующий другие оппозиции *чистый — нечистый, белый — черный, свет — тьма, верх — низ, центр — периферия* и др. Стилистическая высота прилагательного «сакральный» в современном контексте чаще становится средством создания торжественности с мирским содержанием, средством иронично-шутливого эффекта. Вторичное представление метаязыка лингвистики подталкивает к выявлению культурологической доминанты прилагательного «сакральный» и к активному поиску и восстановлению его семантического ядра.

Библиографический список

1. *Медведев А.В.* Сакральное как причастность к абсолютному / Рос. филос. о-во; Межвуз. центр проблем непрерыв. гуманитар, образования при Урал. гос. ун-те им. А.М. Горького. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. (Сер. «Филос. образование» / Ред. совет: В.В. Ким (предс.) и др.; Вып. 13).
2. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 15.10.2019).
3. *Шкуран О.В.* Сакрально-прагматическая константа в паремии *Не в деньгах [только] счастье //* Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2019. no 3(103). С. 204—211.
4. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси. М.: «Гнозис»; Школа «Языки русской культуры», 1995.
5. *Дворецкий И.Х.* Латино-русский словарь. Изд. 2-е переработанное и доп. М.: Русский язык, 1976.
6. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1847.
7. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славѧнскій словарь (со внесеніемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выраженій). М.: Типография «Вильде», 1899 (репринтное, отсканированное издание).
8. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д.Совко, 1910—1914.
9. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ: изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Санктъ Петербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1912.

10. *Буслаев Ф.И.* О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. М.: Унив. тип., 1848.
11. Славянские древности: Этнологический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 4. 2009.
12. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998.
13. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1999.
14. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Скляревской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998.
15. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2-х т. / М.И. Михельсон. М.: ТЕРРА, 1997.
16. *Михельсон М.И.* Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: ТЕРРА, 1997.
17. *Ломакина О.В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В.М. Мокиенко. М.: Изд-во РУДН, 2018.
18. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: репринтное воспроизведение издания 1903—1900 гг., осуществленных под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1—4. М. Прогресс, Универс, 1994.
19. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских пословиц. ОЛМА Медиа Групп, 2010.
20. *Селезнева С.Н.* Динамика «сакрального» и «мирского» в истории слова «праведник» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. no 4 (22). С. 319—324.
21. *Владимирова Т.Е.* Сакральная память слова // Журнальный клуб Интелрос Метафизика. 2016. no 4(22). С. 98—110.
22. *Толстова Г.А.* Культура языковой личности: Религиозная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой // Русский язык и культура речи: сборник материалов семинара-конференции. Красноярск, 14—16 марта 2006. Красноярск, 2006. С. 246—256.
23. *Гневэк О.В.* Изменение семантики лексемы Бог (по материалам современных фразеологических словарей, а также собраний русских пословиц и антипословиц) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. no 2 (24). С. 56—61.
24. *Дронова Н.П.* Языковые средства вербализации «сакральности» в немецком языке // Когнитивные исследования языка. Проблемы языкового сознания: материалы Международной конференции 15—17 сентября 2011 г. Вып. VIII. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 402—404.
25. *Королева И. А.* Изучение сакрально-богослужебной лексики в молодежной аудитории // Вестник СНО 15. Волгоград: Перемена. 2002. С. 126—134.
26. *Коновалова Н.И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен: Монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2007.
27. *Воробьева Н.А.* Сакральная фразеология и ее представление в современном русском сознании // Вестник ЧГПУ. Челябинский пед. ун-т. Челябинск, 2007. Вып. 1. С. 191—201.
28. *Наумов К. Д.* Сакральные представления как источник русской и польской идиоматики // Язык и ментальность: сб. научн. ст. СПб.: СПбГУ. 2010. С. 293—298.
29. *Охалина А.А.*, *Белякова С.М.* Сакральное и профанное время в романе М. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Тюменского государственного университета. Филология. 2012. no 1. С. 170—176.
30. *Кузьмина Т.В.* Сакральное значение слова *ангел* // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы IX Международной конференции. Владимир, 22—24 сентября 2011. Владимир. С. 254—259.

References

1. Medvedev, A.V. (1999). Sacred as involvement in the absolute In Russian philosophical society; Inter-university the center of problems is continuous humanitarian education in the Ural Institute of Humanities named after A. M. Gorky. (Philosophical Education, Issue 13, V.V. Kim (ed.)). Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. (In Russ.).
2. The National Corps of the Russian language [Electronic resource]. URL: http://ruscorpora.ru/ (accessed: 10/15/2019). (In Russ.).
3. Shkuran, O.V. (2019). Sacred-pragmatic constant in paremia *Ne v den''gakh [tol'ko] schast'ye*. *Bulletin of the Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*, 3 (103), 204—211. (In Russ.).
4. Toporov, V.N. (1995). *Holiness and saints in Russian spiritual culture*. Vol. 1. The first century of Christianity in Russia. Moscow: Gnosis; School "Languages of Russian Culture. (In Russ.).
5. Dvoretskiy, I.Kh. (1976). *Latin-Russian dictionary*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
6. Dictionary of Church Slavonic and Russian (1847). Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg. (In Russ.).
7. Dyachenko, G. (1899). *Complete Church Slavonic Dictionary (with the introduction of the most important ancient Russian words and phrases into it)*. Moscow: Typography "Wilde" (reprint, scanned edition). (In Russ.).
8. Preobrazhensky, A.G. (1910—1914). Etymological dictionary of the Russian language. Moscow: Typography of G. Lissner and D. Sovko. (In Russ.).
9. Sreznevsky, I.I. (1912). Materials for the dictionary of the ancient Russian language on written memorials: the publication of the Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
10. Buslaev, F.I. (1848). On the influence of Christianity on the Slavic language. An experience in the history of language according to the Ostromirov Gospel, written for a master's degree by candidate F. Buslaev. Moscow: Univ. typ. (In Russ.).
11. Slavic antiquities: Ethnological dictionary (2009) / ed. N. I. Tolstoy. Moscow: Intern. Relations, 1995. Vol. 4.
12. Malinovsky, B. (1998). Magic, science and religion. Moscow: Refl beech.
13. Chernykh, P.Ya. (1999). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
14. Explanatory dictionary of the Russian language of the late twentieth century. Language changes. G.N. Sklyarevskaya (Ed.). Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies (1998). St. Petersburg: Typography "Folio Press". (In Russ.).
15. Mikhelson, M.I. (1997). *Russian thought and speech: Own and foreign: The experience of Russian phraseology: A collection of figurative words and allegories: in 2 volumes*. Moscow: TERRA. (In Russ.).
16. Mikhelson, M.I. (1997). Walking and apt words: A collection of Russian and foreign quotes, proverbs, sayings, proverbs and single words (allegories). Moscow: TERRA.
17. Lomakina, O.V. (2018). Phraseology in the text: functioning and idiostyle [monograph]. V.M. Mokienko (Ed.). Moscow: RUDN. (In Russ.).
18. Dal, V.I. (1994). *The explanatory Dictionary of the living Great Russian Language: Reprint Reproduction of the 1903—1900*. I.A. Baudouin de Courtenay (Ed.). Vol. 1—4. Moscow: Progress, Univers. (In Russ.).
19. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2010). *A large dictionary of Russian proverbs*. St. Petersburg: OLMA Media Group. (In Russ.).
20. Selezneva, S.N. (2012). The dynamics of "sacred" and "worldly" in the history of the word "righteous". *Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev*, 4 (22), 319—324. (In Russ.).
21. Vladimirova, T.E. (2016). Sacred memory of a word. *Journal club Intelros Metaphysics*, 4 (22), 98—110. (In Russ.).

22. Tolstova, G.A. (2006). Culture of a linguistic personality: Religious vocabulary in written speech by Agafya Lykova In *Russian language and culture of speech*: a collection of materials from a seminar-conference. 2006. March, 14—16. Krasnoyarsk. pp. 246—256. (In Russ.).
23. Gnevek, O.V. (2009). Changes in the semantics of the token of God (based on materials of modern phraseological dictionaries, as well as collections of Russian proverbs and antisayings). *Problems of History, Philology, Culture*, 2 (24), 56—61. (In Russ.).
24. Dronova, N.P. (2011). Linguistic means of verbalization of "sacredness" in German In *Cognitive studies of the language. Problems of language consciousness: proceedings of the International Conference, September, 15—17. Iis. 8.* Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House named after G. R. Derzhavin. pp. 402—404. (In Russ.).
25. Koroleva, I.A. (2002). The study of sacred and liturgical vocabulary in a youth audience. *Bulletin of the Student scientific society*, 15, 126—134. (In Russ.).
26. Konovalova, N.I. (2007). Sacred text as a linguocultural phenomenon: [Monograph]. Ekaterinburg: GOU VPO"Ural State Pedagogical University". (In Russ.).
27. Vorobyova, N.A. (2007). Sacred phraseology and its presentation in modern Russian consciousness. *Bulletin of ChSPU*, 1, 191—201. (In Russ.).
28. Naumov, K.D. (2010). Sacred representations as a source of Russian and Polish idioms In *Language and Mentality*: collection. scientific art. SPb: SPbSU. pp. 293—298. (In Russ.).
29. Okhalina, A.A. & Belyakova, S.M. (2012). Sacral and profane time in M. Sholokhov's novel "Quiet Don". *Bulletin of the Tyumen State University. Philology,* 1, 170—176. (In Russ.).
30. Kuzmina, T.V. (2011). The sacred meaning of the word angel In *Language categories and units: syntagmatic aspect.* Materials of the IX International Conference. Vladimir. September, 22—24. Vladimir. pp. 254—259. (In Russ.).

Сведения об авторе:
Шкуран Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и издательского дела Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. *Сфера научных интересов:* филология, славянская фразеология, фразеография, лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, сакральная лингвистика. Автор более 80 научных публикаций; *e-mail:* oksana.shkuran@mail.ru.

Information about the author:
Shkuran Oksana Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Ukrainian Philology and Publishing, Lugansk Taras Shevchenko National University. *Research interests:* philology, Slavic phraseology, phraseography, linguistic cultural studies, ethnolinguistics, cognitive linguistics, sacral linguistics. Author of more than 80 scientific publications; *e-mail:*oksana.shkuran@mail.ru.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 250—264
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264
УДК [811.512.154:811.161.1]'373:81'27

Научная статья / Research article

Символика мыши в славянской и китайской лингвокультурах

В.И. Коваль

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
ул. Советская, д. 104, Гомель, Республика Беларусь 246017
vlad-kov@mail.ru

В статье в сопоставительном аспекте описываются основные символические значения зоонима *мышь* в славянской и китайской лингвокультурах. Исследование символики животных в русской (шире — славянской) и китайской культурных традициях относится к числу актуальных направлений современной лингвистики, имеющей, с одной стороны, ярко выраженную антропоцентрическую направленность, а с другой — характеризующейся заметным возрастанием интереса к китайскому языку и культуре Китая в разных странах мира. Обращение к исследованию сложной и неоднозначной символики мыши вполне своевременно и с учетом приуроченности 2020-го года к году Белой Крысы/Мыши. *Цель исследования* заключается в выявлении сходных и специфических для каждой культуры особенностей восприятия и характеристики мыши как животного, оказывающего значительное влияние на повседневную жизнь человека. К задачам работы относится установление источников возникновения негативно коннотированного образа мыши в культуре, определение амбивалентного характера обрядов, обычаев и ритуальных действий, объектом которых являются мыши, а также раскрытие содержания обычая «Мышиная свадьба» в китайской и южнославянской традициях. Анализ фактического материала (устойчивых словосочетаний, фольклорных текстов, этнокультурных записей, традиционных рисунков) показал, с одной стороны, преимущественно негативную символику мыши в славянской духовной культуре, а с другой — восприятие мыши как животного, приносящего материальный достаток и благополучие, в традиционной картине мира китайцев. Вместе с тем установлено, что как славяне, так и китайцы используют ряд магических приемов, направленных на борьбу с мышами, наносящими немалый ущерб крестьянскому хозяйству. Значимым для лингвокультурологического анализа образа мыши является обращение к восточным фольклорным текстам, а также к традиционным лубочным картинкам китайцев и русских, по-разному отражающих символику мышей и их отношение к главному врагу — кошке.

Ключевые слова: мышь, символика, китайская традиционная культура, славянская культурная традиция, фразеология, сказка, лубочная картинка, обряд

История статьи:
Дата поступления: 20.02.2020
Дата приема в печать: 01.03.2020

© Коваль В.И., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Для цитирования:
Коваль В.И. Символика мыши в славянской и китайской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 250—264. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264

UDK [811.512.154:811.161.1]'373:81'27

Symbol of Mouse in Slavonic and Chinese Linguocultures

Vladimir I. Koval

Gomel State University named after Francis Skorina
St. Sovetskaya, 104, Gomel, Republic of Belarus, 246017
vlad-kov@mail.ru

The article describes in comparative aspect the main symbolic meanings of the zoononym mouse in Slavic and Chinese linguocultures. The study of animal symbolism in Russian (wider — Slavic) and Chinese cultural traditions is one of the current trends in modern linguistics, which, on the one hand, has a pronounced anthropocentric orientation, and on the other, is characterized by a noticeable increase in interest in the Chinese language and culture of China in different countries of the world. Turning to the study of complex and ambiguous symbolism of the mouse is quite timely and taking into account the confinement of 2020 to the year of the White Rat / Mouse. *The purpose of the study* is to identify similar and specific for each culture features of perception and characteristics of the mouse as an animal, which has a significant impact on everyday life. The tasks of the work include identifying the sources of the appearance of a negatively connotated mouse image in culture, determining the ambivalent nature of rituals, customs and ritual actions, the object of which are mice, as well as revealing the contents of the "Mouse Wedding" custom in Chinese and South Slavic traditions. The analysis of the actual material (stable phrases, folklore texts, ethnocultural records, traditional drawings) showed, on the one hand, the mostly negative symbolism of the mouse in the Slavic spiritual culture, and on the other, the perception of the mouse as an animal, bringing material wealth and prosperity, in the traditional picture of the world the Chinese. At the same time, it was established that both the Slavs and the Chinese use a number of magic tricks aimed at fighting mice that cause considerable damage to the peasant economy. Significant for the linguoculturological analysis of the mouse image is the appeal to oriental folklore texts, as well as to traditional popular prints of Chinese and Russians, reflecting differently the symbolism of mice and their relation to the main enemy — the cat.

Key words: mouse, symbolism, Chinese traditional culture, Slavic cultural tradition, phraseology, fairy tale, popular print, rite

Article history:
Received: 20.02.2020
Accepted: 01.03.2020

For citation:
Koval, V.I. (2020). Symbol of Mouse in Slavonic and Chinese Linguocultures. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 250—264. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264

Введение

Зоонимическая лексика является традиционным объектом исследования лингвистов в различных аспектах (в том числе — и в сопоставительном), однако, несмотря на значительное количество работ в этой сфере, ряд вопросов, относящихся прежде всего к рассмотрению данного вида номинаций на широком этнокультурном фоне, остается нерешенным. Цель данной статьи заключается в выявлении сходных и специфических для славянской и китайской культуры особенностей восприятия и характеристики мыши как животного, оказывающего значительное влияние на повседневную жизнь человека.

В традиционной культуре славянских народов слово *мышь* ‘небольшой грызун, обычно серого цвета, с острой мордочкой и длинным голым хвостом, приносящий вред в хозяйстве’ устойчиво ассоциируется с комплексом негативных представлений, которые обусловлены хтонической и демонической природой этого животного, а также его ритуальной «нечистотой» и вредоносностью.

Отношением к мышам как к «потусторонним» существам объясняется их табуизация. О.Н. Трубачев трактовал праславянскую номинацию **mysь* как «табуистическое название с исходным значением ‘серая’» [1. С. 28; 2. С. 65]. Сравн. белорусское поверье, связанное с повседневным запретом на упоминание о мышах за едой [3. С. 408]. К указанным представлениям может быть отнесен и диалектный фразеологизм *мышиный огонь*, употребляющийся для обозначения светящихся гнилушек [4. С. 70], воспринимаемых людьми как нечто необъяснимое и таинственное.

В китайском языке толкование зоонима *мышь* включает как нейтральные признаки, описывающие внешний вид и физиологические особенности животного (‘представитель млекопитающих, передние резцы которого растут до конца жизни’; ‘часто грызет вещи и стирает резцы’, ‘быстро размножается’, ‘имеет очень много разновидностей’), так и негативные характеристики, указывающие на вредоносность мышей: ‘является разносчиком заболеваний’, ‘наносит вред земледелию и лесоводству’, ‘портит еду, запасы и постройки’) [5].

1. Негативные коннотации образа мыши в культуре

Причиной массовой музофобии (боязни мышей) считается, с одной стороны, генетическая память современных людей об условиях жизни предков, живших в непосредственной близости с вредоносными грызунами, а с другой — страх перед чем-то неизведанным, таинственным, потусторонним, а значит — потенциально опасным.

Характеризуя образ мыши в связи с культом бога Аполлона в одной из его ипостасей — Аполлона-Сминфея (Аполлона Мишиного), Максимилиан Волошин обращал внимание на ощущение страха, охватывающего людей при виде мыши, и видел причину этого состояния не во внешности животного, а в его быстрых, неуловимых, «мелькающих» движениях, ассоциирующихся с быстротечностью времени: «Страх мышей представляет одну из удивительнейших загадок человеческой души. Этот ужас реально связывает нашу душу с какими-то

древними и темными счетами, память о которых сохранилась лишь в виде почти стертого, пойти потерявшего смысл символа. Трудно определить и выяснить характер этого ужаса мыши: он не основан ни на чем реальном, ни на чем разумном. В нем нет ни сознания опасности, ни отвращения к безобразию формы. Мышь не безобразна, не во внешности ее лежит источник ужаса. Те, кто подвержены этому страху, не успевают различить ее наружности. Они скорее склонны определять это ощущение ужаса мелькающим движением ее, быстрым ускользанием» [6. С. 99]. Высказанная М. Волошиным мысль развивается в ряде других исследований ([7. С. 585; 8. С. 171; 9. С. 90]).

П. Баренбойм в работе, посвященной описанию изваянной Микеланджело статуи Лоренцо Медичи — его «духовного отца», обращает внимание на малозначащую, на первый взгляд, деталь — помещенную под левым локтем статуи Лоренцо шкатулку, на крышке которой изображена голова мыши. По мнению исследователя, эта деталь, отражающая влияние восточной культуры на творчество великого итальянского скульптора, далеко не случайна, поскольку представляет «мышь как символ всепожирающего Времени» [10. С. 8].

Вполне закономерно поэтому, что образ мыши наделяется глубинной негативной символикой в текстах художественной литературы. Так, в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» «мышь появляется как нечто презренное и скверное, более того, в лихорадочном состоянии героя как некий символ болезни, чумы или галлюцинации. Раскольников сам себя позиционирует как мышь. Он не видит себя презренным, скверным — он чувствует себя жертвой».

Более глубоким «дьявольский» образ мыши предстает в одном из эпизодов романа Достоевского «Бесы», где речь идет о кощунственном событии — ограблении иконы Богородицы и надругательстве над святыней: «И вот икона была в одну ночь ограблена, стекло киота выбито, решетка изломана и из венца и ризы было вынуто несколько камней и жемчужин. Но главное в том, что кроме кражи совершено было бессмысленное, глумительное кощунство: за разбитым стеклом иконы нашли, говорят, утром живую мышь». В этом случае мышь становится «бесовским оружием», и здесь уже уместно говорить «об образе мыши как о помощнике злых, дьявольских сил, действующих против Бога» [11. С. 118—119].

Далеко не безобидна роль мыши и в широко известном фольклорном тексте — сказке «Курочка Ряба» с учетом того, что в архаичных сказочных текстах, включенных в сборник А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (№№ 70 и 71), после разбивания мышкой яйца происходят потрясающие воображение события, развивающиеся по сценарию «апокалипсиса», поскольку рушится (и в переносном, и в буквальном смысле слова) не только материальный микромир, но и представлявшиеся нерушимыми духовно-религиозные устои: (1) *Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась; просвирня все просвиры изломала и побросала, дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола, а поп побежал, все книги изорвал*; (2) *Об этом яичке старой стал плакать, баба рыдать, вереи — хохотать, курицы летать, ворота скрипеть. Сор под порогом закурился, двери по-*

бутусились, тын рассыпался. Поповы дочери шли с водою, ушат приломали; попадья квашню месила — все тесто по полу разметала. Поп стал книгу рвать — всю по полу разметал! [12. С. 83—84]. При этом важно учитывать, что мышь разбивает яйцо — универсальный символ мироздания, снесенное, однако, не обычной, а *рябой* курицей, устойчиво осмысляющейся в сфере традиционной культуры как воплощение нечистой силы, а значит — несчастья, беды, разрушения. Таким образом, «ключом» к пониманию данной сказки можно считать эпитет *ряба*, то есть *рябая*, *пестрая*. Снесенное рябой (негативно маркированной, т.е. ассоциирующейся с несчастьем, болезнью и смертью) курицей яйцо содержит соответственно огромную негативную (деструктивную, разрушительную) энергию, которая высвобождается после разбивания яйца мышью — животным, также наделяемым связью с нечистой силой [13. С. 43—58].

В немецкой сказке, записанной в начале XIX века на острове Рюген, отражен мотив превращения в мышей дочерей, проклятых матерью: «Мать проклинает семь дочерей за нарушение ими запрета в Великую пятницу, дочери оборачиваются в мышей и бросаются в воду; мать с горя превращается в камень, вокруг которого ночью танцуют и поют дочери-мыши» [14. С. 190].

2. Символика мыши в традиционной культуре славян

Символика мышей в славянской народной традиции исчерпывающе описана в фундаментальной монографии А.В. Гуры [3. С. 403—416], насыщенной богатейшим этнокультурным материалом. Так, согласно украинским верованиям, в купальскую ночь ведьма в облике мыши отбирает молоко у чужих коров. По белорусскому поверью, мышь, оказавшаяся в выкопанной могиле, означает, что покойник был колдуном и что злой дух в облике мыши вышел, чтобы забрать его душу. Болгары считают, что мыши произошли от дьявола, лопнувшего в церкви от запаха ладана. Широко известна легенда о том, что во время всемирного потопа мышь прогрызла дыру в Ноевом ковчеге, которую заткнула своим хвостом кошка. Русские полагают, что тот, кому мыши погрызут одежду или обувь, вскоре умрет; у белорусов приметой смерти является шуршащая под кроватью мышь [3. С. 403—405]. Обилие мышей на полях, как считают поляки, может служить предвестием иноземного нашествия; у болгар появление множества мышей предвещает неурожай и голод, войну, эпидемию или морозную зиму. На Севере России мышь воспринимается как плохая примета при отправлении в дорогу. У болгар мышь, перебежавшая человеку дорогу или пробежавшая у него под ногами, сулит ему неудачу или беду. Поляки считают, что мышь, пробежавшая в церкви во время венчания, сулит новобрачным несчастливую жизнь в браке [3. С. 414].

Традиционной культуре южных славян известны «мышиные дни», или «мышиные праздники» — один или два-три дня осенне-зимнего периода, в течение которых проводились обряды для защиты домов и амбаров от мышей (болг. *Миши празници*, *Мишовден, Мишовина*; серб. *Мишји дан*, макед. *Мишовден* и др.). В «мышиные дни» принято было задабривать грызунов, готовя для них угощение: в Болгарии женщины варят кукурузу и разбрасывают ее по дому,

«чтобы мыши были сыты и не причиняли вреда»; выпекают пресный хлеб, который разламывают на множество кусочков и кладут во все углы дома и дворовых помещений, «чтобы мыши поели в канун праздника и были милостивы к людям»; затыкают мышиные норы камешками и присыпают их пеплом, после чего выпекают для мышей маленькие лепешечки, намазывают их медом и кладут рядом с заделанными отверстиями [15. С. 346]; на Андреев день (13. XII) мышам оставляют в амбаре горсть сваренных зерен, чтобы летом они не вредили посевам [3. С. 412]. По поверью западных украинцев, мышиная нора «является местом обитания домашнего духа “хованца”», прислуживающего хозяину дома» [3. С. 403]. При окончании жатвы в Польше оставляют мышам последний пучок несжатых колосьев, полагая, что в этом случае они не будут наведываться в овин. Белорусы в день Рождества и в течение всего святочного периода называют мышей не иначе, как *панночками*, *паненками*, *паненачками* [3. С. 408—409].

Вместе с тем в славянской традиционной культуре предпринимались магические действия, направленные на борьбу с мышами. Так, украинские крестьяне «при перевозке первых снопов с поля в овин читали специальную молитву от мышей». В Болгарии совершаемые женщинами магические действия сопровождались ритуальным диалогом. Например, одна женщина во всех четырех углах дома изготавливает из земли кресты, а другая женщина спрашивает: «Что ты лепишь, баба?» — «Залепляю мышам глаза» — «Лепи, чтобы залепить их». В другом случае женщину, которая засовывала головешку в мышиную нору, спрашивали: «Что втыкаешь, баба?». Первая отвечала: «Втыкаю в норы мышам, чтобы у них сгорели глаза и они ничего не ели» [3. С. 409—411].

3. Символика мыши в китайской культурной традиции

В китайском языке (как и в русском) встречаются немногочисленные устойчивые словосочетания с компонентом *мышь*, дающие оценку различным негативным качествам людей. Сравн.: кит. 胆小如鼠 *dǎn xiǎo rú shǔ* (букв.: становится маленьким, как мышь) ‘малодушный, робкий, трусливый человек’ и рус. *сидеть как мышь* ‘затаиться, бояться’; кит. 鼠窃狗偷 *shǔ qiè gǒu tōu* (букв.: мыши украли собаку) ‘нечестный, нечистый на руку человек’ и рус. *мышиная возня* ‘мелкие интриги, недостойные дела’; кит. 城狐社鼠 *chéng hú shè shǔ* (букв.: город лис, общество мышей) ‘высшая коррумпированная власть’ и др. [16. С. 337]. Для борьбы с мышами китайцы предпринимали некоторые магические действия: мышиную норку заделывали и читали заклинания против мышей, желая, чтобы «из десятка мышей девять ослепли, а десятая попала в лапы коту» [17].

В целом же в традиционных воззрениях китайцев мышь воспринимается как «одно из самых почитаемых животных лунного китайского календаря», статус которого непререкаем: «Это связано с буддийской легендой, рассказывающей о том, что, когда Будда позвал всех зверей на празднование Нового Года и, соответственно, на прослушивание праздничной проповеди, именно Мышь явилась к нему самой первой (всего пришли двенадцать животных, которые и

стали знаками китайского календаря). Согласно другому варианту этой легенды Будда созывал животных проститься с ним перед его уходом в нирвану, и снова Мышь пришла первой. Таким образом, Мышь открывает новый двенадцатилетний цикл восточного (китайского) календаря» [16. С. 336].

Неслучайно поэтому китайская мифология наделяет мышь сверхъестественными магическими способностями и внешностью. Так, в одной из китайских легенд рассказывается о мыши *му* и птице *му*, живших как супруги на горе Няошутун-сюэшань. «Эта птица и мышь вместе выкопали на горе нору, в которой они жили в полном согласии: птица выходила наружу искать пищу, а мышь в норе ведала домашним хозяйством, как будто это были любящие супруги. Когда у них родилась дочь, они вместе кормили ее, и так продолжалось до тех пор, пока детеныш не стал взрослым» [18. С. 40]. В другой легенде описываются росшие на горах горящие деревья, которые освещали негасимым пламенем стоявший на вершине священной горы Куньлунь величественный дворец императора Хуан ди. «В этом большом пламени, — говорится в легенде, — жила мышь величиной более быка, а весом в тысячу цзиней, и каждая шерстинка длиною в два чи на ее шкуре была тонка, как шелковая нить. У этой мыши, жившей среди огня, тело было красное, а когда она выходила из пламени, то становилась белой, как снег. Как только она отделялась от огня, она немедленно обливала себя водой и умирала, и тогда ее шерсть стригли, пряли нить и ткали материю, а потом шили из нее одежду. Ее никогда не надо было стирать, а если она пачкалась, то нужно было бросить ее в огонь, и она становилась чистой, как новая, и люди ее называли *хохуань-бу* ‘ткань, которую стирают в огне’» [18. С. 43].

Представления о реальной жизнеспособности и большой плодовитости мышей послужили основой популярного свадебного обычая китайцев: родственники новобрачных «вырезают из бумаги пару мышей и наклеивают их на стену в спальне супругов — хозяев дома, с тем, чтобы способствовать быстрому увеличению семьи [19. С. 39].

С исключительно положительной символикой мышей связано и позитивное восприятие китайцами летучих мышей на новогодних благопожелательных картинках *няньхуа*: на рисунках нередко изображались вылетающие из шкатулки пять летучих мышей, что «прочитывалось» людьми как пожелание счастья, поскольку в китайском языке понятия «летучая мышь» и «счастье» передаются разными, но совпадающими по звучанию иероглифами — (fu) [20. С. 84]. Цифра *пять* в данном случае так же глубоко закономерна, так как счастье в сознании китайцев понимается как «расчлененное понятие», состоящее из «пяти счастий» — долголетия, богатства, здоровья, добродетели и естественной смерти [21. С. 175].

В традиционной китайской живописи нередко встречаются изображения мышей, питающихся различными плодами (рис. 1). Особенно же показательна для иллюстрации китайской культурной традиции следующая картина: мыши приносят к наполненной зерном корзине, на которой изображен иероглиф 福 (fú) ‘счастье’, слитки золота, являющегося одним из воплощений счастья (рис. 2) [22].

Рис. 1 / Fig. 1

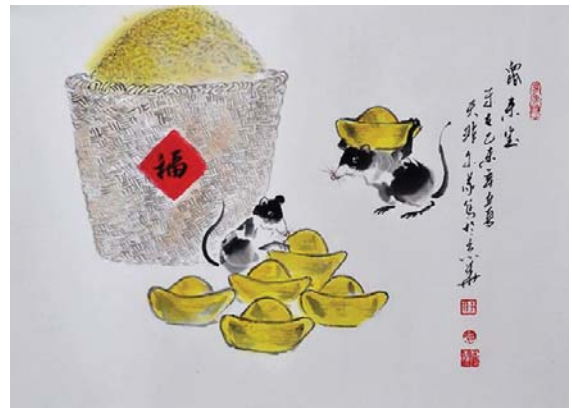


Рис. 2 / Fig. 2

Одним из обычаев Нового года в Китае, который приурочивался к завершению новогоднего цикла — Празднику фонарей, была 老鼠婚礼 *lǎoshǔ hūnlǐ* — мышиная свадьба: «Мышь представала в народном сознании столь могущественным существом, что ее старались задобрить, и она была одним из популярных божеств богатства». Обычно в день мышиной свадьбы китайцы рано гасили огни и ложились спать, чтобы не мешать мышам и не возбуждать их гнев. У мышиной норки при этом раскладывали угощение для ее обитателей: рассыпали зерно, клали фрукты и земляные орешки. В некоторых провинциях дети ударяли по крышке котла и другим металлическим предметам, создавая своего рода звуковое оформление свадьбы. В Маньчжурии мышь чествовали дважды в течение первого месяца года: 5-го числа отмечали день ее рождения, а 27-го — день ее свадьбы. В обоих случаях зажигали на ночь фонари, жгли сосновые ветви и ставили у мышиной норки выпеченную из муки плошку с горящим маслом [17]. В этот вечер «ужинают слепленными из теста мышиными лапками, чтобы этим ускорить свадебный процесс, и хвостами скорпиона, чтобы защитить мышей от его укуса, и в темноте же жарят соевые бобы». На юге Китая «люди обычно готовят конфеты из кунжута и кукурузных зерен и с наступлением ночи дети кладут их в местах, где часто замечали мышей, и громко бьют в кастрюли и сковородки, приветствуя невесту-мышь [19. С. 38].

4. Китайские лубочные картинки «мышиная свадьба» и их русские параллели

Особый интерес представляют традиционные китайские лубочные картинки с изображением мышиной свадьбы. Одна из таких картинок (рис. 3) разделена на два уровня: на нижнем представлены нарядная мышь-невеста, которую несут в паланкине четверо слуг, и мышь-жених, сидящий верхом на лошади и оглядывающийся на невесту, а также сопровождающие «новобрачных» их ближайшие родственники со свадебным знаменем, транспарантами и праздничны-

ми фонарями; в верхнем уровне картинки две мыши играют в трубы и еще две мыши подносят сидящему в правом верхнем углу огромному коту угощение, чтобы его задобрить и вызвать его расположение к молодым. Лубок имеет не только шуточно-развлекательный, но и назидательный характер: «Кот как бдительный страж присутствует на мышиной свадьбе, принимает дары, а потом бросается на гостей и съедает и жениха, и невесту» [23. С. 66].

Определенной аналогией китайского лубка «Мышиная свадьба» является известная русская лубочная картина «Мыши кота погребают» (рис. 4), хотя ее общая направленность совершенно иная: мыши, притворяясь скорбящими, безмерно радуются «смерти» кота, который в момент его погребения оживает и съедает мышей, участвовавших в его «похоронах». Текстовым воплощением русской лубочной картины является сказка В.А. Жуковского «Как мыши кота хоронили». Главный герой сказки — «хитрый котище Федот Мурлыка» — ловко обманывает всех своих врагов во главе с Царицей Прасковьей и крысой Онуфрием Премудрым: притворившись мертвым (повешенным) и дождавшись, когда на его поминки соберутся все обитатели подполья, Мурлыка «оживает» и уничтожает множество мышей: «Вдруг наш покойник очнулся. Мы — бежать… Куда там! Пошла ужасная травля. Двадцать нас осталось на месте, а раненых втрое более было» [24].

В отличие от китайского лубка изображения мышей, число которых в разных вариантах русской картинки колеблется от 21 до 66, сопровождаются забавными надписями, изобилующими разговорно-сниженной лексикой: *Знатныя подпольныя мыши крыночныя блудницы напоследок коту послужили на чухонския дроги, связав лапы, положили, хотят печаль утолить, а кота в говенной яме утопить*; *На дрогах сидит кучер из навозныя кучи; Искусная мышка из Немецкой лавки, взявши свирель в лапки, умильно играет, кота проклинает*; *Деревенская мышь Сарпа в свирелку играет, а ладу не знает*; *Мышь из Рязани в синем сарафане, идучи так горько плачет, а сама в присядку скачет*; *Мышь несет скляницу вина, а другая закуску полтора блина*; *Мышь заткнула за пояс тряпицу, а сама поигрывает в скрипицу*; *Мышь пищит, пироги тащит*; *Мышь Барабошка несет рогожку*; *Мышь с Арбата очень горбата, велит собрать тарелки и подносить горелки*; *Мышонок ушибено рыло несет жареной рыбы*; *Мышь палена несет ядро калено пиво разогревать*; *Мышь идет невесела объелась киселя* и др. [25].

Приведенные сведения указывают на пародийно-шуточное содержание русского лубка: сопровождающие «похоронную процессию» мыши выражают скорбь лишь внешне; внутренне же они, естественно, торжествуют, участвуя в погребении своего извечного врага. Закономерно поэтому, что в словаре М.И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» (СПб, 1896) устойчивое словосочетание *Мыши кота погребают* трактуется как ‘плач ханжи; притворная печаль’ [26. С. 218]. Названная паремия, опирающаяся на популярный сюжет и устойчивую культурную традицию, продолжает активное функционирование в текстах разного типа [27; 28. С. 198—200]. См. подробнее: [29. С. 194—196].

Рис. 3/ Fig. 3

Рис. 4 / Fig. 4

Между китайской и русской забавными «мышиными» народными картинками имеется все же определенное сходство, заключающееся в том, что главными их «героями» являются мыши и коты, участвующие в ритуальных процессиях, и в том, что кот в обеих картинках представлен как хитрец и обманщик: «Он прикинулся мертвым или притворился добрым стражем на свадьбе — итог его действий один: он пользуется доверчивостью мышей, чтобы наброситься на них и пожрать их» [23. С. 67]. Сравн. в связи со сказанным китайский фразеологизм 猫苦耗子 *māo kǔ hào zi* (букв.: кот оплакивает мышь) ‘о неискреннем, фальшивом сопереживании неудаче, несчастью’ [30. С. 34].

5. Восточные сказочные тексты на тему мышиной свадьбы и южнославянский обряд «мышиная свадьба»

Китайская народная картинка «Мышиная свадьба» (как и русский лубок «Мыши кота погребают») имеет соответствующее текстовое выражение. Так, в тайваньской сказке «Мышиная женитьба» рассказывается о мыши-отце, который решил найти для своей красавицы-дочери не простого, а выдающегося жениха. Вначале он подумал, что самым подходящим женихом для дочери может быть Солнце, но Солнце сказало, что Туча, затмевающая солнечные лучи, значительно сильнее его; Туча, в свою очередь, признала преимущество Ветра, а тот заявил, что не может, несмотря на всю свою огромную силу, сдвинуть с места Гору. Однако и Гора отказалась назвать себя самой сильной: «Я не могу двигаться, а мыши с легкостью прокапывают во мне норы, поэтому я думаю, что мыши самые выдающиеся». После этого мышь-отец понял, что на роль зятя для его дочери лучше всего подходит простая мышь [31].

По сходному сюжету разворачиваются события в бирманской сказке «Как мышке жениха искали»: сначала в поисках самого сильно жениха родители невесты обратились к Ветру, но тот сказал, что сильнее его Камень (*С утра до вечера дую я на него, а с места так и не сдвинул*), Камень заявил, что сильнее его Буйвол (*Каждый день точит он об меня рога, и я ничего не могу с ним поделать*), Буйвол заметил, что сильнее его Кнут (*Я всегда его слушаюсь*), а Кнут переадресовал родителей мышки к «какому-то сильному зверю, который живет в углу» (*Каждую ночь он грызет меня, и я ничего не могу с ним поделать*). В углу хлева обнаружили норку, в которой жил молодой мышонок, согласившийся жениться на красавице-мышке [32].

Японская сказка «Мышиная свадьба» повествует о главе мышиного семейства, который также желает выдать свою дочь за самого сильного. Он встречается и разговаривает с Солнцем, Облаками, Ветром и большой Стеной, но в конце концов понимает, что для его дочери лучше всего будет выйти замуж за представителя своего мышиного рода [33].

В осетинской народной сказке мышь-жених решил жениться на дочери того, кто сильнее всех, и последовательно обращается к Месяцу, Солнцу, Туче, Ветру, Быкам, Плугу, Корню и наконец убеждается, что маленькая мышь может легко перегрызть толстый корень [34].

Таким образом, словосочетание *мышиная свадьба*, служащее для названия сказочного сюжета, становится устойчивым оборотом и приобретает переносное значение ‘равный брак’.

В славянской культурной традиции обряд «Мышиная свадьба» проводился не для задабривания мышей, а для изгнания их из села. У болгар две женщины ловили пару мышей (самца и самку), наряжали их как молодоженов (обычно надевали «невесте» фату), связывали их и сажали в тыкву или в корзину. Участвовавшие в обряде крестьяне изображали сватов, священника, свадебных ку́ма и куму́ и обходили село с парой мышей, а за селом бросали их с высокого холма, оставляли в лесной чаще или топили в месте слияния двух рек. При этом желали им пожениться в другом селе и больше не возвращаться. После этого устраивали пирушку с песнями и плясками, как на настоящей свадьбе [3. С. 413].

Заключение

Таким образом, сопоставительное описание символики мыши в славянской и китайской лингвокультурах позволило выявить как принципиальное отличие в представлениях об этих животных у носителей этих культур, так и сходство или близость традиционных верований, относящихся к мыши, у славян и китайцев. Установлены глубинные мифологические представления о мыши, сформировавшие безотчетный, подсознательный страх людей при ее восприятии (мышь как таинственное, хтоническое животное, как воплощение «того света»; как символ быстротекущего «ускользающего» времени). Из этой «точки отсчета» проистекает двойственное отношение к мыши в традиционной духовной культуре славян: с одной стороны — как к вредителю, наносящему немалый хозяйственный ущерб, а с другой — как к животному, которое необходимо задобрить, приурочив этот ритуал к «мышиным дням». В традиционной картине мира китайцев, вовсе не лишенной прагматического, «приземленного» восприятия вредоносных грызунов, мыши наделяются множеством позитивных качеств существ, оказывающих влияние на детородие, материальный достаток и благополучие человека, что, в частности, отражено и в китайском изобразительном искусстве. Важным источником выявления этнокультурной символики мыши в славянской и китайской традициях являются народные лубочные картинки, отражающие (хотя и в комической форме) устойчивые представления носителей этих культур о мышах.

Библиографический список

1. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. в 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987.
2. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Выпуск 21. Под ред. акад. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1994.
3. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 19: Мутаситься—Накучить. Л.: Наука, Ленинг. отд-ние, 1983.
5. Китайский толковый словарь. Режим доступа: https://www.zdic.net/hans/%E9%BC%A0 (дата обращения: 10.01.2020).
6. *Волошин М.* Аполлон и мышь // Лики творчества. Л.: Наука, 1989. С. 96—111.
7. *Бонецкая Н.К.* Аполлон Мышиный // Бонецкая Н.К. Дух Серебряного века (феноменология эпохи). М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 580—591.
8. *Бужор Е.С.* Онтология творчества Максимилиана Волошина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. 2012. no 4. С. 170—176.
9. *Гудимова С.А.* Аполлон-Сминфей (Мышиный) // Вестник культурологи. 2019. no 2 (89). С. 83—91.
10. *Баренбойм Петр.* Восточное влияние на Микеланджело: в чем мог ошибиться великий Панофский. М.: ЛУМ, 2017.
11. *Хусяинова Г.И.* Многозначность образа мыши в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» // Филологические науки. 2012. Вып 5. С. 118—121.
12. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В трех томах. Т. 1. Издание подготовили Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1984.
13. *Коваль В.И.* Текст и язык: поиски истоков: монография. Минск: РИВШ, 2012.
14. *Топоров В.Н.* Мышь // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. Энциклопедия, 1988. С. 190—191.
15. *Плотникова А.А.* «Мышиные дни» // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 346—347.
16. *Суван-оол Е.С., Лебедева И.О.* Образ мыши как отражение характерных черт облика и характера человека в русской и китайской культуре (на материале фразеологизмов русского и китайского языка) // Молодой ученый. 2012. no 12. С. 336—339.
17. Традиционные развлечения в китайский Новый год. Режим доступа: https://magazeta.com/cny-customs-6/ (дата обращения: 10.02.2020).
18. *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М.*:* Наука*,* 1965.
19. *Сомкина Н.А.* Традиции зооморфной символики в обрядовой стороне повседневных верований (старый Китай и современность) // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2010. no 1. С. 30—46.
20. *Фу Сяося.* Тайна и символика китайского благопожелательного рисунка *// Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2010. no 16 (197). Вып. 17. С. 83—90.*
21. *Ли Цианьхуа, Смирнов И.Б.* Концепт «счастье» в китайских пословицах и поговорках // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия Филология. 2013. no 3. С. 175—185.
22. Образ мыши в китайской живописи. Режим доступа: http://dveimperii.ru/articles/myshi-v-kitajskoj-zhivopisi (дата обращения: 01.02.2020).
23. *Алексеева М.А.* Гравюра на дереве «Мыши кота на погост волокут» — памятник русского народного творчества конца XVII — начала XVIII в. // Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. С. 45—79.

24. Как мыши кота хоронили. Сочинение В. Жуковского. Рисунки Г. Нарбут. Режим доступа: http://www.raruss.ru/childrens-books/3721-narbut-zhukovsky-cat-mouthes.html (дата обращения: 25.01.2020).
25. Как мыши кота хоронили. Режим доступа: http://commons.wikimedia.org/wiki (дата обращения: 15.02.2020).
26. *Михельсон М.И.* Ходячие и меткие слова. Второе пересмотренное и значительно пополненное издание. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1896.
27. *Андреев О.* Как мыши кота хоронили: Стих. Режим доступа: https://rustih.ru/oleg-andreev-kak-myshi-kota-xoronili (дата обращения: 17.01.2020).
28. *Лепешинский П.Н.* На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Попутные впечатления участника революционной борьбы. Петербург: Государственное издательство, 1922.
29. *Коваль В.И.* Паремия *Мыши кота погребают*: происхождение и функционирование // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей / Гл. ред. Е.В. Ничипорчик. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 194—198.
30. *Бунакова Р.Ю.* Образ кошки в китайской литературной традиции (на материале романа Лао Шэ «Записки о кошачьем городе») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. no 5 (23). часть 1. С. 33—38.
31. Тайваньские рассказы. Мышиная женитьба. Режим доступа: https:////bkrs.info/wiki/page/ (дата обращения: 28.01.2020).
32. Как мышке жениха искали (Бирманская сказка). Режим доступа: http://www.planetaskazok.ru/drugnarodskz/kak-mishke-jeniha-iskali (дата обращения: 15.01.2020).
33. Нэдзуми. Мышиная свадьба. Режим доступа: https://www.liveinternet.ru/users/2988966/post121673936/ (дата обращения: 15.01.2020)
34. Мышиная свадьба. Осетинская сказка. Режим доступа: http://mirckazok.ru/view_post.php?id=2421 (дата обращения: 14.01.2020).

References

1. Fasmer, M. (1987). Etymological Dictionary of the Russian Language. in 4 vols. Vol. 3. O.N. Trubachev (ed., trasl.). Moscow. (In Russ.).
2. Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund. (1994). Issue 21. O.N. Trubachev (ed.). Moscow. (In Russ.).
3. Gura, A.V. (1997). *The symbolism of animals in the Slavic folk tradition.* Moskow. (In Russ.).
4. Dictionary of Russian folk dialects (1983). Vol. 19. Leningrad. (In Russ.). (In Russ.).
5. Chinese explanatory dictionary. URL: https://www.zdic.net/hans/%E9%BC%A0 (accessed: 01/10/2020). (In Chinese).
6. Voloshin, M. (1989). Apollo and mouse In *Faces of creativity*. Leningrad. pp. 96—111. (In Russ.).
7. Boneckaya, N.K. (2016). Apollo Mouse In *Spirit of the Silver Age (phenomenology of the era)*. Moscow, St. Petersburg. pp. 580—591. (In Russ.).
8. Buzhor, E.S. (2012). Ontology of Maximilian Voloshin. Bulletin of RUDN University. Philosophy Series. 4. pp. 170—176. (In Russ.).
9. Gudimova, S.A. (2019). Apollon-Sminfey (Mouse) In *Bulletin of culturologists*. 2 (89). pp. 83—91. (In Russ.).
10. Barenboim, Peter (2017). *Eastern influence on Michelangelo: what could have been the mistake of the great Panofsky*. Moscow. (In Russ.).
11. Khusyainova, G.I. (2012). The ambiguity of the mouse image in the novel by F. M. Dostoevsky “Notes from the Underground” In *Philological Sciences*. 5. pp. 118—121. (In Russ.).

12. Folk Russian fairy tales A.N. Afanasyev (1984). In three volumes. T. 1. The publication was prepared by L.G. Barag, N.V. Novikov. Moscow. (In Russ.).
13. Koval, V.I. (2012). Text and language: the search for sources: Monograph. Minsk. (In Russ.).
14. Toporov, V.N. (1988). Mouse In *Myths of the peoples of the world*. Vol. 2. Moscow. pp. 190—191. (In Russ.).
15. Plotnikova, A.A. (2004). "Mouse days" In *Slavic antiquities.* Ethnolinguistic Dictionary. Vol. 3. Moscow. pp. 346—347. (In Russ.).
16. Suvan-ool, E.S. & Lebedeva, I.O. (2012). The image of a mouse as a reflection of the characteristic features of the appearance and character of a person in Russian and Chinese culture (based on phraseological units of the Russian and Chinese languages).*Young Scientist,* 12, 336—339. (In Russ.).
17. Traditional entertainment in the Chinese New Year. URL: https://magazeta.com/cny-customs-6/ (accessed: 02/10/2020). (In Russ.).
18. Yuan, Ke. (1965). Myths of ancient China. Moscow. (In Russ.).
19. Somkina, N.A. (2010). Traditions of zoomorphic symbolism in the ritual side of everyday beliefs (old China and modernity). *Vestnik of Saint Petersburg University, Series 13, 1*, 30—46. (In Russ.).
20. Fu, Xiaosia. (2010). The mystery and symbolism of the Chinese benevolent drawing. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, Philosophy. Sociology. Culturology*, *16* (197), 17, 83—90. (In Russ.).
21. Li, Qianhua & Smirnov, I.B. (2013). The concept of "happiness" in Chinese proverbs and sayings, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 3*, 175—185. (In Russ.).
22. The image of a mouse in Chinese painting. URL: http://dveimperii.ru/articles/myshi-v-kitajskoj-zhivopisi (accessed: 02/01/2020). (In Russ.).
23. Alekseeva, M.A. (1983). Wood engraving "Cat mice dragging a cat to the graveyard" — a monument of Russian folk art of the late XVII—early XVIII centuries In *Russian literature of the XVIII—early XIX century in the socio-cultural context*. Leningrad. pp. 45—79. (In Russ.).
24. How the cat's mice were buried. Composition by V. Zhukovsky. Drawings by G. Narbut. URL: http://www.raruss.ru/childrens-books/3721-narbut-zhukovsky-cat-mouthes.html. (accessed: 01/25/2020). (In Russ.).
25. How the cat's mice were buried. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki (accessed: 02.15.2020). (In Russ.).
26. Mikhelson, M.I. (1896). *Walking and apt words*. The second revised and significantly enlarged edition. St. Petersburg. (In Russ.).
27. Andreev, O. *How cat mice were buried*: Verse. URL: https://rustih.ru/oleg-andreev-kak-myshi-kota-xoronili (accessed: 01/17/2020). (In Russ.).
28. Lepeshinsky, P.N. (1922). *At the turn (from the end of the 80s to 1905). A passing impression of a participant in the revolutionary struggle.* Petersburg. (In Russ.).
29. Koval, V.I. (2019). Paremia *Cat mice are buried*: origin and functioning In *Slavic linguocultures in the spatial and temporal continuum*: collection of scientific articles, E.V. Nichiporchik (Ed.). Gomel. pp. 194—198. (In Russ.).
30. Bunakova, R.Yu. (2013). The image of a cat in the Chinese literary tradition (based on Lao She's novel Notes on a Cat's Town), Philological Sciences. *Questions of theory and practice, 5* (23-1), 33—38. (In Russ.).
31. Taiwanese stories. Mouse marriage. URL: //bkrs.info/wiki/page/ (accessed: 01/28/2020). (In Russ.).
32. How to look for the groom's mouse (Burmese tale). URL: http://www.planetaskazok.ru/drugnarodskz/kak-mishke-jeniha-iskali (accessed: 01/15/2020). (In Russ.).
33. Nezumi. Mouse wedding. URL: https://www.liveinternet.ru/users/2988966/post121673936/ (accessed: 01/15/2020). (In Russ.).

34. A mouse wedding. Ossetian tale. URL: http://mirckazok.ru/view_post.php?id=2421 (accessed: 01/14/2020). (In Russ.).

Сведения об авторе:
Коваль Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; *Научные интересы*: русская и сопоставительная лексикология и фразеология, этнолингвистика, гендерная лингвистика; *e-mail:* vlad-kov@mail.ru.

Information about the author:
Vladimir I. Koval. Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics; Gomel State University named after Francis Skorina; *Research interests*: Russian and comparative lexicology and phraseology, ethnolinguistics, gender linguistics; *e-mail:* vlad-kov@mail.ru.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 265–284
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

Паремии в языке и тексте
Paroemiae in Language and Text

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284
УДК 81’373:398.91

Научная статья / Research article

Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал

М.А. Бредис[1], М.С. Димогло[2], О.В. Ломакина[3]

[1,3]Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация, 117198

[2,3]Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, д. 23Б, Москва, Российская Федерация, 115184
[1]bredis-ma@rudn.ru; [3]lomakina-ov@rudn.ru

Статья посвящена рассмотрению паремийного текста в современной лингвистической парадигме: представлены подходы к изучению, показан текстообразующий и лингвокультурологический потенциал отдельных единиц. В качестве основного метода в этой работе использовался метод прямого наблюдения с последующим применением описательно-аналитического, сравнительно-сопоставительного, контекстуального и лингвокультурологического методов. Материалом для исследования послужили примеры из лексикографических источников и иллюстрации из Интернета. В статье дан обзор основных аспектов изучения паремий. Паремии рассматриваются как фольклорный жанр, представлен тематико-идеографический принцип классификации паремий, обоснованы лингвокультурологический и переводоведческий аспекты, показаны особенности историко-этимологического дискурсивного (функционального) анализа. Сравнительно-сопоставительный лингвокультурологический анализ признается авторами статьи как интегративный аспект описания паремиологического материала. Проанализированы текстообразующий и лингвокультурологический потенциал паремиологии разных языков. В качестве примеров реализации текстообразующего потенциала паремий изучено функционирование пословицы *Не рой другому яму — сам в нее попадешь (упадешь)* в качестве вербальной части русских и литовских демотиваторов. В статье дается лингвокультурологический анализ паремий с компонентом-топонимом в разных языках. Несмотря на обилие различных топонимов, характерных для разных стран, в этих пословицах преобладает интернациональный компонент, связанный с универсальными законами человеческого мышления, что позволяет находить их семантические эквива-

© Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

ленты в самых разных языках. Актуальность данного исследования заключается в том, что паремии рассмотрены в различных аспектах с позиции современной гуманитаристики. С развитием социальных коммуникаций в современном обществе укрепляется межкультурная связь, требующая лингвокультурологического комментария.

Ключевые слова: паремия, пословица, функциональный потенциал, демотиватор, лингвокультурологический потенциал, топоним

Благодарность:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00305.

История статьи:
Дата поступления: 01.02.2020
Дата приема в печать: 10.02.2020

Для цитирования:
Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 265—284. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284

UDK 81’373:398.91

Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential

M.A. Bredis[1], M.S. Dimoglo[2], O.V. Lomakina[3]

[1,3]Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN)
6, Miklukho MaclayStr., Moskow, Russian Federation, 117198

[2,3]St. Tikhon’s Orthodox University
23B, Novokuznetskaya Str., Moskow, Russian Federation,109451
[1]bredis-ma@rudn.ru; [3]lomakina-ov@rudn.ru

The article deals with the consideration of the paremic text in the modern linguistic paradigm: approaches to the researches are presented, the text-forming and linguocultural potential of individual units is shown. The direct observation method was used as the main method in this work, followed by the use of descriptive-analytical, comparative, contextual and linguistic and cultural methods. The Study is based on examples from lexicographic sources and illustrations from the Internet. The article provides an overview of the main aspects of the paremiological studies. Paremias are considered as a folklore genre, the thematic and ideographic principle of classifying paremias is presented, the aspects of cultural linguistics (linguoculturological) and translation studies are substantiated, and peculiarities of historical and etymological discursive (functional) analysis are shown. Comparative linguistic and cultural analysis is recognized by the authors of the paper as an integrative aspect of the paremiological material description. The article analyzes the text-forming and linguoculturological potential of the paremiology in different languages. As an example of the realization of the text-forming potential of paremias, the functioning of the proverb *Не рой другому яму — сам в нее попадешь (упадешь) (He who digs a pit for others may fall himself therein)* is studied as the verbal part of the Russian and

Lithuanian demotivators. The paper provides a linguistic and cultural analysis of paremias with a toponymical component in different languages. Despite the abundance of various toponyms, which are characteristic for different countries, in these proverbs are dominated the international component, which is associated with the universal laws of human thinking, which makes it possible to find their semantic equivalents in various languages. The relevance of this study lies in the fact that paremias are considered in various aspects from the standpoint of modern humanistic education. With the development of social communications in modern society, an intercultural connection is being strengthened, requiring linguocultural commentary.

Keywords: paremia, proverb, functional potential, demotivator, linguocultural potential, toponym

Acknowledgment:
The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-012-00305.

Article history:
Received: 01.02.2020
Accepted: 10.02.2020

For citation:
Bredis, M.A., Dimoglo, M.S. & Lomakina, O.V. (2020). Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 265—284. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284

Введение

«Признание единой, общей природы, сути всех фразеологических средств способствует более последовательному изучению» фразеологических единиц разных уровней [1. С. 63]. Интерес к паремиологическому фонду языков в целом и пословице как самому употребляемому классу паремий возрос в последние годы, что связано с рядом факторов: широким использованием в текстах различной жанрово-стилистической направленности, увеличением прагматической нагрузки паремий в тексте, в т.ч. интернет-языке, рассмотрением паремий в новых аспектах (лингвокультурологическом, лингвоаксиологическом, лингвокогнитивном, линговокультурографическом и др.) [см., например: 2, 3, 4, 5], более детальном исследовании различных жанров паремий: примет, загадок и под. [6]. Паремии становятся предметом разноаспектного анализа, что находит отражение как в монографических [7, 8, 9], так и лексикографических трудах [см. обзор: 10].

В ряде современных исследований [11, 12 и др.] термин *паремия* используется как родовое наименование для обозначения различных классов народных афоризмов, прежде всего пословиц, поговорок, загадок и примет, а также присловий, прибауток и под. Из всего класса паремий наиболее употребительным в различных типах дискурса, а также наиболее изученным является пословица, поэтому и в данной статье в качестве иллюстративного материала будут приводиться в основном пословицы.

Ведущая роль в выделении паремиологии как раздела лингвистики принадлежит известному фразеологу, паремиологу, крылатологу Валерию Михайловичу Мокиенко [см.: 13, 14, 15, 16, 17 и др.], который отмечает, что с укреплением фразеологии как лингвистической дисциплины исследователей стали интересовать и «чисто языковые особенности фразеологизмов и паремий, их

употребление в художественной речи, взаимодействие с фольклорным фондом других народов, проблемы перевода на другие языки» [18. С. 33].

Основным методом данного исследования является описательно-аналитический метод, предполагающий непосредственное наблюдение анализируемых явлений; а также метод контекстуального анализа; сравнительно-сопоставительный и лингвокультурологический методы. При отборе паремиологического материала использовался прием сплошной выборки из лексикографических источников; иллюстративные примеры заимствовались из сетевых источников (http://www.yandex.ru).

Цель данной статьи — представить основные аспекты изучения паремий, показать текстообразующий и лингвокультурологический потенциал паремий.

1. Основные аспекты изучения паремий: обзор

Паремии как фольклорный жанр

Изначально все малые паремиологические жанры (пословица, загадка, примета и пр.) рассматривались как произведения фольклора (В.П. Аникин, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня). Ф.И. Буслаев изучал, как славянская мифология отражается в пословицах. Ученого интересовал круг тем, которые затрагивались в русских пословицах, а также вопросы происхождения пословиц, их связи с другими жанрами: «иные пословицы не что иное, как резкие выражения, удержавшиеся в памяти народа из эпической басни», другие пословицы он считал «целою баснею в малом объеме» [19. С. 91]. А.А. Потебня, объясняя сущность пословиц, обнаружил их связь с баснями: «Басня и другие поэтические произведения разъясняют нам …частный случай, сводят множество разнообразных черт, заключенных в нем, к небольшому количеству. То же самое, только в большей мере, то есть с большей краткостью делает пословица» [20. С. 519].

В.П. Аникин определяет пословицу как «краткое, ритмически организованное, устойчивое в речи, образное изречение народа», обладающее «способностью к многозначному употреблению по принципу аналогии». «Предмет высказывания рассматривается в свете общепризнанной истины, выраженной пословицей. Отсюда ее идейно-эмоциональная характерность. Композиционное членение суждения в пословице, часто подкрепляемое ритмом, рифмой, ассонансами, аллитерациями, совпадает с синтаксическим» [21. С. 412].

Тематико-идеографический принцип

Тематика пословиц довольна разнообразна, однако репертуар ориентирован на человека как центр мироздания, связанные с миром человека ценности. В основе тематико-идеографического аспекта — объединение паремий по принципу семантической общности. По тематическому принципу осуществляется расположение паремиологического материала в ряде словарей (например: [22]), существуют и отдельные исследования, основывающиеся на тематическом принципе анализа [23, 24]. Согласимся с мнением ряда паремиологов (Л.Б. Савенкова, Н.Н. Семененко), что недостатком данного принципа анализа является наличие

«субъективности отнесения пословицы к конкретной теме» [25. С. 46], а также влияния контекста, в котором употребляется паремия, на ее значение [26. С. 25].

Историко-этимологический анализ

Историко-этимологический анализ, обоснованный в работах В.М. Мокиенко и представителей его школы, ставит целью поиск универсального и национально-специфического. Этапы этого анализа включают следующее: 1) фиксация всех вариантов и их лингвогеографическое описание в пределах одного языка; 2) сопоставление собранного материала с языковыми фактами родственных языков для определения генетических или типологических истоков; 3) сопоставление результатов исследования с хронологической регистрацией конкретных единиц в конкретных языках и диалектах; 4) изучение лингвистических фактов с учетом культурологических, этнографических, мифологических данных для расшифровки фразеологического этимона; 5) сравнение лингвистической интерпретации с экстралингвистической и выявление на основе собранного материала исходного образа — этимона [27. С. 103]. Историко-этимологический анализ позволяет показать национальную специфику рассматриваемой паремии и дать информацию об исконности паремии в родном для нее языке.

Лингвокультурологический аспект

В.Н. Телия, основоположник лингвокультурологического направления изучения фразеологических ресурсов языка, рассматривает пословицу как некий национальный «код», или язык обыденной культуры, который формировался столетиями и передавался из поколения в поколение, отражая все установки жизненной позиции и философии народа определенной культуры [28. С. 214]. М.Л. Ковшова отмечает, что лингвокультурологический подход связан с этнолингвистическим анализом [6. С. 5], разработанным Н.И. Толстым. В основе лингвокультурологического метода находится положение, «что в языковых знаках хранится и транслируется культурная информация — объясняющая прошлое и прогнозирующая будущее» [6. С. 14]. Лингвокультурологический комментарий, сопровождающий лексикографическое описание паремий, позволяет избежать ошибок при толковании соответствующей единицы [29: 23].

Переводоведческий аспект

Паремии, будучи национально маркированными единицами, нередко вызывают трудности при переводе. Переводоведческий аспект помогает решению различных проблем, которые возникают в художественной практике и теории перевода. Данный аспект связан с контрастивным методом, однако важным и отличительным является ряд факторов: компетенция переводчика, знание паремиологического фонда языков, понимание замысла писателя — автора художественного произведения. Кроме того, перевод паремий «требует от переводчика хорошего знания культуры и национальной специфики языка, сохранения функциональных доминант, эмоционально-экспрессивного фона, особенностей стилистики» [30. С. 12]. Переводческий аспект дает возможность изучить приемы и способы передачи пословиц с одного языка на другой.

Дискурсивный (функциональный) анализ

Дискурсивный анализ представляет собой рассмотрение особенностей функционирования паремий в текстах, относящихся к определенному дискурсу, для выявления «их роли в процессе когниции и в процессе коммуникации» [31. С. 6]. Анализ функционирования паремий в контексте фиксирует метаязыковую информацию, что позволяет установить становление терминологического аппарата паремиологии (подробнее: [9. С. 44—48]), а также охарактеризовать паремиологический концентр определенного временного отрезка [32. С. 82].

Прагматический фактор влияет на появление трансформированных пословиц — антипословиц (В. Мидер). Пословичные трансформы создаются по моделям (формулам), свойственным традиционным паремиям, и прототип сразу узнается носителями языка. Эффект узнавания, возможность сравнения с традиционной пословицей являются главными условиями популярности антипословицы [29. С. 99].

Сравнительно-сопоставительный лингвокультурологический анализ как интегративный аспект описания паремий

Традиционно цель контрастивного анализа состояла в сопоставлении двух или более языков для выявления их сходства или различия, которые касаются всех уровней структуры языка. Однако с появлением сопоставительной лингвокультурологии, «целью которой является сопоставительное изучение языков народов мира сквозь призму их культур, когда выявляется универсальный характер национального языкового сознания разных народов, с одной стороны, и этническое своеобразие вербального выражения их картин мира, с другой» [33. С. 6], интересы ученых трансформировались. Сопоставительный лингвокультурологический анализ фразеологических ресурсов языка заключается в выявлении «особенностей мировидения и означивания того или иного фрагмента картины мира» [6. С. 16]. Таким образом, исследователи, привлекая паремиологический материал двух и более языков, стремятся не просто доказать уникальность того или иного языка, выраженную в различных жанрах паремий, а представить семантическую общность при мнимой различности, показывая точки соприкосновения языков и культур.

2. Текстообразующий потенциал паремий: анализ вербальной части русских и литовских демотиваторов

В отличие от крылатых единиц (подробнее: [34]), другие разряды фразеологических единиц — идиомы и пословицы — нечасто выполняют текстообразующую функцию в различных интернет-жанрах: в интернет-мемах и его формах — демотиваторах, комиксах, плакатах, карикатурах. Поскольку для демотиваторов, в отличие от других форм мемов, характерна трехкомпонентная структура: 1) изображение; 2) слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом; 3) пояснительная надпись, набранная мелким шрифтом — характеристика его вербального компонента представляется наиболее интересной [35. С. 260].

На наш взгляд, одной из перспектив исследования интернет-мемов является анализ вербальной части, выраженной одним из разрядов фразеологических

средств, в частности паремией, в сравнительно-сопоставительном аспекте. Согласимся с мнением Р.Х. Хайруллиной, отмечающей, что необходимость «сопоставления языков и культур, в том числе и в научном освещении, обусловлена общественным развитием — усилением международных контактов, активизацией межкультурной коммуникации в разных сферах жизни людей, формированием единого информационного пространства посредством интернет-коммуникаций» [33. С. 12].

Приведем примеры демотиваторов на русском и литовском языках с одинаковой пословицей в качестве слогана.

В представленных ниже примерах в качестве слогана употребляется трансформ русской пословицы *Не рой другому яму — сам в нее попадешь (упадешь)* [36. С. 1017] и литовской *Nekask doubės kitam, pats įkrisi* (рус. Не рой другому яму, сам упадешь) [37. С. 141]:

Рис. 1, 2

Рис. 2, 3

Рис. 5, 6, 7

Как видно из иллюстративного материала (Рис. 1—6), как в русских и литовских примерах представлен трансформ пословицы: происходит усечение компонентного состава КЕ за счет сокращения второй части пословицы, это отражает стремление говорящего и пишущего к краткости изложения в рамках жанра и в целом характерно для пословичного фонда. Лишь рис. 1 не включает комментария, а пословица в имплицированном виде становится объяснением изображения, что позволяет говорить о примитивной буквализации — представлении мотивирующей основы единицы. Чаще всего наблюдаются комплексные преобразования пословицы (Рис. 2—6): креативность автора демотиватора проявляется в создании антипословицы по модели общеизвестной, где комментарий представляет собой завершение пословицы с соответствии с задачей демотиватора. Например, в русских демотиваторах *Не рой другому яму! На свою сил не хватит (рис. 2); Не рой другому яму — используй ту, которую он вырыл для тебя; Не рой другому яму (—)*[1] *пусть сам роет*; в литовских демотиваторах *Nekask dobės kitam, nes pačiam koją traktorius nuneš* (Рус. Не рой другому яму, а том самому трактор ногу унесет); *Nekask kitam duobės, lai pats išsikasa* (Рус. Не рой другому яму, пусть сам выкопает) в комментариях обыгрывается первая часть пословицы, при этом комментарий совпадает. Слоган *Тебе роют яму?* (Рис. 7) представляет собой полную деформацию анализируемой пословицы. Парцеллирование конструкции в этом примере (*Тебе роют яму? Не мешай — закончат, сделаешь бассейн*) позволяет говорить о появлении не антипословицы, а афоризма — «краткого изречения в форме законченного высказывания, в котором выражена обобщенная мысль» [38. С. 4].

Представленный материал доказал, что популярность определенной пословицы объясняется ее семантическим наполнением, которое имеет интернациональный характер. Благодаря когнитивному основанию создается и комментарий демотиватора. Таким образом, можно говорить о текстообразующем начале паремии в одном из интернет-жанров и создании новых антипословиц в рамках вербальной части демотиватора.

3. Лингвокультурологический потенциал паремий: анализ пословиц с компонентом-топонимом в различных языках

Анализ этнолингвомаркеров — компонентов фразеологизмов и паремий (имен собственных, названий артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа, этнонимов — названия народов и племен), отражающих национальное своеобразие, «культурную память» и зачастую не имеющих прямых аналогов в другом языке, позволяет раскрыть этноспецифичность языкового знака [39], а также доказать универсальный характер мирового паремиологического фонда. Подбор фразеологических/паремиологических эквивалентов способствует выявлению системы национального мировидения. Согласно тео-

[1] Примеры доказывают, что «для современных демотиваторов считается нормой отсутствие знаков препинания, которое наблюдается в части комментария» [35. С. 262].

рии Э.М. Солодухо, семантическая эквивалентность соотносимых единиц определяется совпадением их содержательной стороны [40. С. 19]. По мнению В. Хлебды, «теоретически, или потенциально, любая пословица любого языка должна иметь в любом языке свой эквивалент — необязательно образный, а смысловой (логический)» [41. С. 96].

По данным О.П. Альдингер, в пословичном фонде русского языка среди имен собственных топонимы занимают второе место после антропонимов [42]. «Ценность пословиц с компонентами-топонимами обусловлена тем, что топонимы представляют собой не только географические реалии, но и явления культуры, отраженные в языке» [43. С. 119].

Рассмотрим две группы паремий, включающих топонимы и объединенных семантически, а также приведем примеры паремиологических серий с одинаковыми топонимами.

Первую группу составляют паремии с географическими названиями, которые связаны с торговлей и экономикой и имеют семантику «Не стоит выполнять лишнее, делать бесполезную работу»: русск. *В Тулу со своим самоваром не ездят* [36. С. 917]; англ. *To send coals to Newcastle* (*Возить уголь в Ньюкасл*) [44. С. 104], фин. *Ei kanneta lunta Lappiin* (*Не носите снег в Лапландию*) [45. С. 160]. Правда, финская пословица помечена в словаре как малоупотребительная.

Во многих европейских языках имеет хождение пословица с данной семантикой, которая восходит к древнегреческому выражению *κομίζω γλαύκας εἰς Ἀθήνας* (*Носить сов в Афины*). Автором крылатого выражения, превратившегося в пословицу, считается греческий драматург Аристофан. В своей знаменитой комедии «Птицы», впервые поставленной в 414 г. до н.э., Аристофан вложил в уста своего героя афинянина Эвельпида слова: «Да кто ж в Афины со своей идет совой!». Такой переход был «возможен в процессе частого употребления, которое приводит к потере связи с авторским контекстом или определенной исторической эпохой» [9. С. 51—52].

Известен латинский перевод этого выражения *Ululam Athenas ferre*, неоднократно встречающийся в письмах Цицерона. Так, в письме, написанном брату Квинту Туллию Цицерону в Британию (54 г.), Марк Туллий писал: «По твоей просьбе, охотно помогу тебе, чем хочешь, и пришлю тебе стихи, которых ты просишь, то есть сову в Афины» [46]. Автор письма считал, что Квинт Тулий может сам написать хорошие стихи, и посылать их ему — напрасный труд.

Эта пословица используется в английском, немецком, французском и ряде других языков: нем. *Eulen nach Athen tragen*; англ. *To carry owls to Athens*, франц. *Apporter des chouettes à Athènes, польск. Nosić sowy do Aten.*

В Древней Греции пословица *Носить сов в Афины* означала излишнее, бесполезное действие, так как подразумевалось, что в Афинах дополнительных сов не требуется, а также нет недостатка в деньгах. Казалось бы, при чем здесь деньги, когда речь идет о совах? Здесь необходим лингвокультурологический комментарий, который прояснит значение паремии. Знаменитые «афинские совы», монеты (тетрадрахмы) с изображением богини Афины на одной стороне и совы — на другой чеканились в Афинах в большом количестве из серебра (весом примерно 16,4 г) в течение нескольких столетий. Специалисты относят по-

явление этих монет в Афинах приблизительно к 510 г. до н.э. На аверсе «афинской совы» изображался профиль богини Афины, покровительницы города, в военном шлеме. На реверсе монеты помещалось изображение совы, вернее, домового сыча, оливковой ветви и месяца. Справа чеканились три греческие буквы: альфа, фита и эпсилон (АΘЕ), т.е. Афины, что свидетельствовало о происхождении тетрадрахмы. Оливковая ветвь символизировала основу процветания Афин — экспорт оливкового масла. Монета была достаточно дорогой и использовалась в крупных торговых операциях, международной торговле. Этой монетой также финансировались военные действия. Около трехсот лет «афинская сова» служила первой известной международной валютой, так как принималась в разных уголках Ойкумены [47].

Воинственность Афины на монетном профиле подчеркивал боевой шлем, а ее мудрость символизировало изображение совы. Ведь сова способна хорошо видеть в ночное время. Эта птица связывалась с богиней Афиной, которая имела постоянный эпитет γλαυκῶπις (*совоокая*) [48. С. 534]. В этом, вероятно, отразились отголоски более древнего культа совы, распространенного в данном регионе, который позднее превратился в культ Афины, богини-воительницы, покровительницы афинян, даровавшей им священное дерево — маслину, богини мудрости и разума.

Кроме того, в районе афинского акрополя действительно водилось множество сов. Они жили в тихих уголках и в представлении людей символизировали знания и мудрость. Таким образом, лингвокультурологические изыскания показывают, что возникновению популярной европейской пословицы способствовали обилие сов и богатство Афин, основной монетой которых были «совы» [49. С. 70].

В Греции существовали и другие варианты, выражающие семантику паремии *Носить сов в Афины*, например: *Носить рыбу в Геллеспонт*, *Возить зерно (крокодилов) в Египет*, *Возить шафран в Киликию* [50. С. 40]. Известно, что Геллеспонт, называемый в наши дни Дарданеллами, является морским проливом, в котором, соответственно, водится рыба. Египет, богатый зерном и крокодилами, в них не нуждался, как и Киликия, богатая шафраном, так же не нуждалась в дополнительном шафране. Древние греки совершали дальние путешествия в Киликию, на побережье Малой Азии, где, как они считали, можно было приобрести лучший в мире шафран.

У немцев подобную семантику выражают пословицы *Bier nach München (Dortmund) tragen* (*Возить пиво в Мюнхен (Дортмунд),* речь идет о всемирно известных центрах пивоварения). Кроме того, немцы не рекомендуют носить воду в Рейн, Эльбу или Дунай (*Wasser in den Rhein (Elbe, Donau) tragen*). Англичане не советуют носить воду в Темзу [50. С. 40].

Вторая группа паремий, содержащих топоним, используется в качестве цели и выражает семантику «Спрос укажет (Спрашивая, найдешь)». В русском языке бытуют пословицы, в которых города Киев и Москва выступают в роли такой цели: рус. *Язык до Киева доведет*; *Язык до Москвы знает* [36. С. 1013]. В древности Киев был столицей Русского государства, популярен перифраз «мать

городов русских». Этот образ столицы известен из «Повести временных лет», где описывается, как князь Олег в 882 году «сел княжить в Киеве» и сказал: «се буди мт҃и градомъ рускими» («Да будет это мать городам русским»). Позднее государственный центр Руси был перенесен в Москву, ставшую со временем столицей огромной страны. Смысл пословицы в том, что до нужной и важной цели (столицы), хотя и далеко, можно добраться, спрашивая дорогу у людей. Значит, надо спрашивать, и тебе ответят. Белорусский вариант этой пословицы также использует топоним Киев: *Язык да Кіева давядзе*, *Язык Кіева дапытаецца* [51. С. 237]. Этот же топоним используется в польском варианте *Język i do Kijowa dopyta* [52. С. 358]. Данная семантика без упоминания топонимов содержится в польской пословице *Koniec języka za przewodnika* (*Конец языка за проводника*) [53. С. 349]. Другие польские пословицы предлагают спрашивать дорогу до древней польской столицы — Кракова: *Język i do Krakowa dopyta* (*Язык и до Кракова доспрашивает*), или до Рима — столицы всего западного христианского мира — *Język i do Rzymu doprowadzi* (*Язык и до Рима доведет*) [53. С. 259]. Французы и немцы такой достойной целью считают Рим: фр. *Qui langue a, à Rome va* (*У кого есть язык, добирается до Рима*); нем. *Mit Fragen kommt man nach Rom* (*С расспросами добираются до Рима*) [54. С. 355]. Еще один немецкий вариант использует образ языка (Zunge, в том числе и анатомический): *Mit einer Zunge kann man sich nach Rom fragen* (*При помощи языка можно до Рима доспрашиваться*) [52. С. 358].

Финская пословица с той же семантикой *Ei kysyvä tieltä eksy* (*Не спрашивая, можно заблудиться*) не содержит топонимических названий. Однако в финских пословичных словарях зафиксирована еще одна паремия, помеченная как редко употребляющаяся и возникшая предположительно в качестве контактной параллели под влиянием русской пословицы: *Kieli vie Kiovaan ja tuo sieltä takaisin* (*Язык до Киева доводит и возвращает оттуда назад*) [45. С. 224].

О популярности пословицы с топонимом *Киев* в русском и белорусском языках свидетельствуют пословичные трансформы (антипословицы) и различные варианты обыгрывания исходной пословицы. В трансформах может не использоваться топоним, но эффект комического достигается тем, что всем известна первоначальная пословица. Например: рус. *Язык до фингала доведет*.

И.Я. Лепешев отмечает, что в основе белорусской пословицы *Язык да Кіева давядзе* лежит аллегория, так как речь здесь идет вовсе не о Киеве. «Смысл пословицы — ‘спрашивая, все найдешь’. Когда в близком соседстве с пословицей оказывается слово *Киев*, то в результате происходит столкновение противоположных ассоциаций, создается каламбур» [55. С. 161]. И.Я. Лепешев приводит примеры, как эта пословица дважды обыгрывается в повести Р. Нехая «Туман над степью», причем в обоих случаях обыгрывается компонент *язык*:

1. *— Дзядзечка, я не тутэйшая. Як мне да Кіева дайсці? — Праўду кажуць, што* ***язык да Кіева давядзе****. Табе як найпрасцей ці мо бітым шляхам?*
(— Дядечка, я не здешняя. Как мне до Киева дойти? — Правду говорят, что ***язык до Киева доведет****. Тебе как проще, или изъезженной дорогой?*
2. *Так! Нам сапраўды відаць Кіеў. Блішчаць на сонцы макаўкі Пячэрскай лаўры... Некалі казалі, што* ***язык да Кіева давядзе****. Мы ж дайшлі без*

языка, сваімі патаемнымі сцежкамі. Там нас хаваў і абараняў лес, а тут трэба выйсці на голае месца, дзе мы, як белая варона, адусюль будзем бачны. Тут ніякі язык не дапаможа. Лепш быць зусім без языка. Гестапа не жартуе...

(*Да! Нам и вправду видно Киев. Блестят на солнце маковки Печерской лавры… Некогда говорили, что* ***язык до Киева доведет****. Мы же дошли без языка, своими тайными тропами. Там нас прятал и защищал лес, а тут нужно выйти на голое место, где мы, как белая ворона, отовсюду будем видны. Тут никакой язык не поможет. Лучше бы совсем без языка. Гестапо не шутит…*) [55. С. 161] (перевод Михаила Бредиса).

На Востоке всеми почитаемым религиозным центром является Мекка. Именно этот священный город служит главной целью расспросов в таджикских паремиях: тадж. *Пурсида-пурсида Маккаро ефтаанд* (*Расспросами, расспросами Мекку разыскали*) [56. С. 276]. Мекка находится очень далеко, из Таджикистана в древности добраться до святынь этого города было непросто, однако и это аллегория. Смысл пословицы в том, что, расспрашивая людей, человек способен дойти до цели. В плане роли этого топонима для жизни народов мусульманского Востока Мекка подобна Риму (Киеву, Кракову и пр.) для европейцев. В течение веков это священный центр массового паломничества, ежегодно привлекающий огромное множество верующих. Образ Мекки используется в таджикской пословице с несколько иной семантикой «Свой своего найдет»: *Хоҷи хоҷиро аз Макка меебад* (*Хаджи другого хаджи и в Мекке найдет*) [56. С. 194]. Также в таджикских вариантах русской пословицы о языке и Киеве фигурирует и топоним Хорасан. Речь идет о древней исторической области Персии, которая славилась своими коврами, производством шафрана и барбариса. Хотя, конечно, семантика пословицы в том, что спрашивающий найдет то, что ему нужно. Надо спрашивать дорогу, язык и в Хорасан может довести: *Пурсон-пурсон Хуросон* (*С расспросами можно до Хорасана добраться*) [56. С. 276].

В таджикских пословицах употребляются образы и других знаменитых в мусульманском мире городов — Медины и Багдада (например, *Влюбленному и Багдад не далек*), однако в связи с рассматриваемой семантикой мы пословиц именно с этими топонимами не обнаружили. Необходимо отметить, что Багдад, основанный в 762 г., прославленный центр мировой и исламской культуры, в течение многих столетий бывший столицей обширного арабского халифата, встречается в пословицах разных народов Востока. Так, в исследовании М.В. Порхомовского, посвященном анализу турецких пословиц, отмечается, что по количеству упоминаний в турецких паремиях Багдад с большим отрывом опережает другие города (Мекку, Стамбул и др.) [57. С. 94]. Например, *Balım olsun, sinek Bağdat'tan gelir* (*Пусть у меня будет мед, а муха и из Багдада прилетит*) [57. С. 160]. Также мы видим название Багдада в персидских паремиях *Из Багдада я приехал, а по-арабски ты говоришь* и *Нас двое: я здесь, да халиф в Багдаде* [58. С. 289]. В первом случае обыкновенно так отзываются о человеке, который берется рассуждать о каких-то вещах, в которых не очень разбирается. Вторая пословица с иронией характеризует зазнавшегося, спесивого человека.

В персидских пословицах встречаются также названия городов Самарканд и Бухара: *В Самарканде кошка с хвостом, а в Бухаре осел с копытами* [58. С. 199]. Значение этой пословицы — *Открыл Америку, эка невидаль! Об этом известно всем.* Как говорят иранцы, когда все знают, а кто-то нет: *Только Ходжа Хафиз Ширази не знает* (*об этом*) [58. С. 255], по-европейски *Это секрет Полишинеля*. Персидский поэт Хафиз (ок. 1315—1389) жил и творил в Ширазе, но широко известна его газель, в которой упоминаются именно Самарканд и Бухара: *Be xāl-e hendu-yaš baxšam Samarqand-o Boxārā-rā* (*За родинку ее индийскую я отдам Самарканд и Бухару*).

Для Востока эти два города в Средние века имели особое значение. Самарканд — блистательная столица огромной империи Тамерлана — представлялся символом и средоточием мирских богатств и могущества. В то же время Бухара в представлении людей была символом духовной жизни и торговым городом, крупным религиозным и культурным центром, среднеазиатской Меккой. В Бухаре работал знаменитый имам Аль-Бухари (810—870), собиратель и исследователь хадисов (преданий о словах и деяниях Пророка Мухаммада). Таким образом, выражение «отдать (подарить) Самарканд и Бухару» можно понимать как «отдать все богатства этого мира». Встречаются в персидских пословицах и другие, менее известные, топонимы, например: *В Куме супа не достал, в Кашане — каши*. Это аналог русской паремии: *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*.

Пословицы с использованием топонимов, как правило, являются если не этнически, то культурно маркированными. В них мы видим национально значимые топонимы, вызывающие в сознании носителей языка определенные ассоциации. Названия городов в сознании людей тесно связаны с историей народов. Некоторые топонимы как знаки культуры присущи пословицам не одного, а нескольких народов (например, Рим или Мекка). Для адекватного понимания пословиц с топонимами человек должен обладать определенной лингвокультурологической компетенцией. Сопоставительный лингвокультурологический анализ групп пословиц, в которых упоминаются названия городов и другие географические названия, демонстрирует значительное семантическое сходство между пословицами рассматриваемых языков. Иногда эти пословицы имеют не только смысловое, но и структурное сходство, подобно математическим формулам, куда вставляются топонимы, выступающие в роли этнолингвомаркеров. Это позволяет утверждать, что топонимы относятся к национальному компоненту пословиц. Разумеется, при этом в зависимости от языка используются разные средства образности и топонимы, в чем и состоит национальная специфика пословиц. Большая часть подобных пословиц фиксировалась в основном в XIX — начале XX века.

Группы пословиц с топонимами составляют важный культурологический пласт, так как топонимы обозначают уникальные географические объекты и символизируют для носителей языка определенные характерные черты. Однако несмотря на обилие различных топонимов, характерных для разных стран, мы видим в этих пословицах преобладание интернационального компонента, свя-

занного с универсальными законами человеческого мышления, что позволяет находить их семантические эквиваленты в самых разных языках.

Заключение

Изучение паремий в современной лингвистике опирается на принципы, ставшие уже классическими, так и на относительно новые. Сравнительно-сопоставительный лингвокультурологический анализ, сочетая черты контрастивного и лингвокультурологического методов, является интегративным и позволяет получить важные сведения о взаимодействии языка и культуры.

Демотиваторы являются продуктивным интернет-жанром для исследования текстообразующего потенциала паремий. Представленный материала продемонстрировал, что комментарий к слогану, выраженному пословицей, не отличается в разных языках. Перспективным является рассмотрение функционирования одних и тех же пословиц в вербальной части демотиваторов разных языков для доказательства наличия семантического конденсата (Е.И. Селиверстова).

Сравнительно-сопоставительный лингвокультурологический анализ паремий с компонентом-топонимом показал, что семантика, заложенная в одних пословицах, находит свое отражение и в паремиях других языков. Паремиологический материал доказал мысль о наличии семантических эквивалентов в разных, даже неродственных, языках, несмотря на наличие характерных для каждой страны топонимов как знаков культуры, выступающих в качестве этнолингвомаркеров.

Библиографический список

1. *Величко А.В.* Фразеологические единицы разных уровней языка. Универсальное и специфическое // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 62—77.
2. *Бредис М.А.* Лингвокультурологическая парадигма денежных отношений в паремиях (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков) // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О.В. Ломакиной. М.: Ленанд, 2015. С. 191—213.
3. *Нелюбова Н.Ю.* Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 1. С. 324—337.
4. *Бочина Т.Г.* Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01. Казань: Казан. гос. ун-т, 2003.
5. *Зиновьева Е.И., Маточкина А.Е.* Лингвокультурографический аспект изучения русских паремий (на материале пословиц с компонентом вода) // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 2017. no 28. С. 29—34.
6. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. Монография. М.: Ленанд, 2019.
7. Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения: колл. монография / под ред. Т.Г. Никитиной. Псков.: ПГПУ, 2008.
8. Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. М.: Ленанд, 2015.

9. Паремиология без границ: монография / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020.
10. *Ломакина О.В.* О современном лексикографическом описании русских пословиц // Русский язык в школе. 2011. no 5. С. 10 —110.
11. *Семененко Н.Н.* Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2011.
12. *Ломакина О.В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В.М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018.
13. *Мокиенко В.М.* Проблемы славянской паремиологии (лингвистические аспекты) // Славянская фразеология и паремиология в XX веке: сборник научных статей / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. Минск: Зсицер Колас, 2010. С. 167—188.
14. *Мокиенко В.М.* Неологизация архаизма: Визга много, а шерсти мало // Мир русского слова. 2013. no 3. С. 11—18.
15. *Мокиенко В.М.* Параметры славянской паремиографии // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. no 77. С. 31—34.
16. *Мокиенко В.М.* Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. М.: Ленанд, 2015. С. 4—25.
17. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. 2019. Серия 19. no 3. С. 34—43.
18. *Мокиенко В.М.* Пословица и поговорка: от терминологического плюрализма к унификации // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): материалы Междунар. научн. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2011. С. 33—41.
19. *Буслаев Ф.И.* Русский быт и пословицы // Исторические очерки. СПб, 1861. Т. 1. Русская народная поэзия.
20. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. Ред. коллегия: М.Ф. Овсянников (пред.) и др. Сост., вступит. статья и примеч. И.В. Иваньо и А.И. Колодиной. М.: Искусство, 1976.
21. *Аникин В.П.* Пословица // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 20.
22. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.
23. *Нелюбова Н.Ю.* Представление ценностей в пословицах франкоязычных стран (на материале пословиц Мартиники) // Вестник РТСУ. Филологические науки. Вестник университета. 2019. no 1 (65). С. 198—208.
24. *Нелюбова Н.Ю., Чертилин О.В., Ершов В.И.* Общие и уникальные черты в тематике французских, русских и английских пословиц как отражение ценностных ориентиров // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 28–31 окт. 2019 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А.Горобец, Э.А. Исламовой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. Т. 2. С. 194—198.
25. *Савенкова Л.Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002.
26. *Семененко Н.Н.* Тематический принцип паремиографии в свете современной лингвокогнитивистики // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН / Под ред. М.Г. Абрамзона. Вып. 2 (24). М. — Магнитогорск — Новосибирск: Изд-во ООО «Аналитик»; тип. МГПК, 2009. С. 23—27.
27. *Мокиенко В.М.* Историческая фразеология славянских языков // Теорија дијахронијске лингвистике. Белград, 2010. С. 103—129.

28. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
29. *Бредис М.А.* Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб: Петербургское Востоковедение, 2019.
30. *Колошиц А.Г.* Способы перевода паремиологических единиц на русский язык (на материале русской художественной прозы) // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов IX Международной науч.-практ. конф. (Минск, 25 ноября 2015 г.) / отв. ред. Н.Н. Нижнева: в 6-ти ч. Минск: БГУ, 2015. Ч. 4. С. 7—13.
31. *Константинова А.А.* Англо-американские паремии в медиадискурсе: когнитивно-дискурсивный анализ. Тула : Изд-во ТулГУ, 2012.
32. *Комова Д.Д., Ломакина О.В.* Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. no 3(103). Ч. 1. С. 78—86.
33. *Хайруллина Р.Х.* Сопоставительная лингвокультурология. Уфа: Мир печати, 2014.
34. *Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю.* Текст художественной литературы как основа для Интернет-мема: из опыта анализа современных рецепций // Вестник Томского государственного университета. 2018. no 437. С. 36—44. DOI: 10.17223/15617793/437/5.
35. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. no 2. С. 256—272. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272.
36. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц / под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
37. Lietuvių patarlės ir priežodžiai / Parinko ir sudarė Pranas Sasnauskas; illustr. Alfreda Steponavičienė. Kaunas:Vaiga, 2001.
38. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016.
39. *Ломакина О.В.* Паремии в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. no 6. С. 217—221.
40. *Солодухо Э.М.* Проблемы интернационализации фразеологии. Казань: Изд-во Каз. Ун-та, 1982. 168 с.
41. *Хлебда В.* О чем думает русский индюк, или Об эквивалентах пословиц в двуязычном словаре // Przegląd Rusycystyczny. Katowice, 2008. no 4 (124). С. 90—104.
42. *Альдингер О.П.* Фразеономастическая картина мира в «Пословицах русского народа В.И. Даля»: Автореф. дис. ... канд. филол. Наук. Смоленск, 2006.
43. *Бредис М.А., Ломакина О.В.* Топоним как компонент пословицы: к проблеме семантической эквивалентности (на материале русских, латышских, литовских, польских, немецких, французских, английских, финских и таджикских паремий) // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). 2018. no 4. С. 118—129.
44. The Wordsworth Dictionary of Proverbs / Apperson G.L. (ed.). Wordsworth Editions Limited. 1993 and 2006.
45. *Храмцова О.А.* Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги. СПб.: КАРО, 2011.
46. *Цицерон*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1345960144 (дата обращения: 15.12.2019).
47. *Coinshome.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.coinshome.net/ru/articles/coin_tetradrachm (дата обращения: 03.01.2020).
48. Словарь античности. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989.
49. *Mieder W.* «Neues von Sisyphus»: Sprichwörtliche Mythen der Antike in moderner Literatur, Medien und Karikaturen. Wien: Praesens Verlag, 2013.
50. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. СПб: Нева, 2005.
51. *Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А.* Слоўнік беларускіх прыказак: Даведнік. Мн.: БелЭн, 1996.

52. *Walter, H., Mokienko, V., Komarowska, E., Kusal, K.* Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald-Szczecin, 2014.
53. *Stypuła R.* Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974.
54. *Arthaber A.* Dizionario comparato die proverbi e modi proverbiali: italiani, latini, francesi, spagnoli, tedeschi, inglesi e greci antichi con relativi indici sistematico-alphabetici. Milano: Ulrico Hoepli Editore, 1989.
55. *Лепешаў І.Я.* Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства : дапам. Гродна:ГрДУ, 2006.
56. *Калонтаров Я.И.* Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. Душанбе: Ирфон, 1965.
57. *Порхомовский М.В.* Турецкие пословицы в языке и речи. М.: Языки славянской культуры, 2014.
58. *Короглы Х.Г.* Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. На перс. и рус. яз. Сост., пер., введ. Х. Короглы. М.: Наука, 1973.

References

1. Velichko, A.V. (2016). Phaseplogical units of different language levels Universal and specific features In *Language, consciousness, communication: collection of articles*. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov (eds.). Moscow. pp. 62—77. (In Russ.)
2. Bredis, M.A. (2015). Linguoculturological paradigm of monetary relations in paroemias (based on Russian, Latvian, Lithuanian, German and English languages) In *Paremiology in discourse: General and applied issues of paroemiology. Proverb in discourse and in text. Proverb and language picture of the world*. O.V. Lomakina (ed.), Moscow. pp. 191—213. (In Russ.).
3. Nelyubova, N.Yu. (2019). Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 10* (1), 324—337. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335. (In Russ.).
4. Bochina, T.G. (2003). Contrast as a linguocognitive principle of a Russian proverb [dissertation]. Kazan. (In Russ.).
5. Zinovieva, E.I. & Matochkina, A.E. (2017). Linguocultural aspect of the study of Russian paroemias (based on proverbs with the water- component) // Russian as a foreign language and its teaching methodology, 28. 29—34 (In Russ.).
6. Kovshova, M.L. (2019). *The Analysis of Idioms, Riddles and Proverbs from the Perspective of Language and Culture Studies. Anthropomonical Culture Code*. Moscow: Lenand. (In Russ.).
7. Russian paroemias: new forms, new meanings, new aspects of study (2008). T.G. Nikitina (ed.): Coll. Monograph. Pskov: PSPU. (In Russ.).
8. Paroemiology in Discourse: General and Applied Issues of Paremiology. Proverb in discourse and in text. Proverb and language picture of the world (2015). O.V. Lomakina (ed.). Moscow: Lenand. (In Russ.).
9. Paroemiology without borders: monograph (2020). E.N. Antonova, M.A. Bredis, T.E. Vladimirova, L.N. Gishkaeva, E.E. Ivanov, E.I. Zinoviev, D.D. Komova, O.V. Lomakina, A.S. Makarova, V.M. Mokienko, N.Yu. Nelyubova, E.K. Nikolaeva, E.I. Seliverstova, N.N. Semenenko, F.G. Fatkullina, R.Kh. Khairullina, Cao C., Bredis M.A., Lomakina O.V. (eds.). Moscow: RUDN. (In Russ.).
10. Lomakina, O.V. (2011). About modern lexicographical description of Russian Proverbs. *Russian language at school*, 5, 107—110. (In Russ.).
11. Semenenko, N.N. (2011). *Russian paroemia: functions, semantics, pragmatics.* Belgorod: Publishing House of Belgorod University. (In Russ.).
12. Lomakina, O.V. (2018). *Phraseology in the text: functioning and idiostyle.* Monograph. V.M. Mokienko (ed.). Moscow: RUDN. (In Russ.).

13. Mokienko, V.M. (2010). Problems of Slavic paroemiology (linguistic aspects) In *Slavic phraseology and paroemiology in the twentieth century: a collection of scientific articles*. E.E. Ivanova, V.M. Mokienko (eds.). Minsk: Zsitser Kolas. pp. 167—188. (In Russ.)
14. Mokienko, V.M. (2013). Neologization of archaism: There is a lot of squeal, but little wool. *World of the Russian word, 3,* 11—18. (In Russ.)
15. Mokienko, V.M. (2014). Parameters of Slavic paroemiography. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University, 77*, 31—34. (In Russ.).
16. Mokienko, V.M. (2015). Aspects of the study of Slavic paremiology In *Paremiology in discourse. General and applied issues of paremiology. The proverb in discourse and in text. The proverb and language picture of the world*, O.V. Lomakina (Ed.). Moscow: Lenand. pp. 4—25. (In Russ.)
17. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). The proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 3, 34—43. (In Russ.).
18. Mokienko, V.M. (2011). Proverb and saying: from terminological pluralism to unification In *Literary and dialect phraseology: history and development (Fifth Zhukovsky readings): materials of the International scientific symposium on the occasion of the 90th birthday of Vlas Platonovich Zhukov.* Veliky Novgorod: Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. pp. 33—41. (In Russ.).
19. Buslaev, F.I. (1861). Russian life and proverbs In *Historical essays. Russian folk poetry.* Vol. 1. St. Petersburg. (In Russ.).
20. Potebnya, A.A. (1976). *Aesthetics and poetics.* M.F. Ovsyannikov (previous) and others (ed.). Comp., Will enter. article and note. I.V. Ivanyo and A.I. Kolodina. Moscow: Art. (In Russ.).
21. Anikin, V.P. (1975). Proverb In *Great Soviet Encyclopedia*. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
22. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2011). *In Folk wisdom.* Moscow: ZAO "OLMA Media Group". (In Russ.).
23. Nelyubova, N.Yu. (2019). Representation of values in proverbs of francophone countries (based on proverbs from Martinique). *Bulletin of RTSU. Philological sciences University Bulletin, 1* (65), 198—208. (In Russ.)
24. Nelyubova, N.Yu., Chertilin, O.V. & Ershov, V.I. (2019). General and unique features in the themes of French, Russian and English proverbs as a reflection of value orientations In I*.A. Baudouin de Courtenay and World Linguistics: Int. Conf* .: VII Baudouin Readings (Kazan. Fede. Un., October 28-31, 2019): tr. and mater.: in 2 t. Galiullina K.R., Gorobets E.A., Islamova E.A. (ed.). Kazan: Publishing House of Kazan University. pp. 194—198. (In Russ.).
25. Savenkova, L.B. (2002). *Russian paroemiology: semantic and linguocultural aspects.* Rostov-on-Don: Publishing house of the Rostov University. (In Russ.)
26. Semenenko, N.N. (2009). The thematic principle of paroemiography in the light of modern linguistic cognitive science. Problems of history, philology, culture: scientific RAS Journal. Abramzon M.G. (ed). 2 (24). Moscow — Magnitogorsk — Novosibirsk: Publishing house of LLC Analitik; a type. MHPK. pp. 23—27. (In Russ.).
27. Mokienko, V.M. (2010). Historical phraseology of Slavic languages In *Theory of diachronic linguistics*. Belgrade. pp. 103—129. (In Russ.).
28. Telia, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects.* Moscow. (In Russ.).
29. Bredis, M.A. (2019). *Man and money: Essays on Russian proverbs and more.* St Petersburg. (In Russ.).
30. Koloshits, A.G. (2015). Methods of translating paroemiological units into Russian (based on Russian fiction) In *Ideas. Search. Decisions: a collection of articles and abstracts of the IX International scientific-practical. conf.* (Minsk, November 25, 2015), 6 (4). N.N. Nizhneva (ed.). Minsk: BSU. pp. 7—13. (In Russ.).

31. Konstantinova, A.A. (2012). *Anglo-American paroemias in the media discourse: cognitive-discursive analysis.* Tula: TulSU. (In Russ.).
32. Komova, D.D. & Lomakina, O.V. (2019). Vocabulary and discursive directions of reconstruction of the parameological picture of the world: interpretation (on the material of the Russian language). *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovleva, 1* (3), 78—86. (In Russ.)
33. Khayrullina, R.Kh. (2014). *Comparative linguoculturology.* Ufa: World of the Press. (In Russ.).
34. Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2018). The text of fiction as the basis for the Internet meme: from the experience of analyzing modern receptions. *Bulletin of Tomsk State University, 437,* 36—44. doi: 10.17223 / 15617793/437/5. (In Russ.).
35. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Catch phrases in the modern cultural context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 256—272. doi: 10.22363 / 2313-2299-2019-10-2-256-272. (In Russ.).
36. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *A large dictionary of Russian proverbs.* Moscow. (In Russ.).
37. Lithuanian Proverbs and Proverbs (2001). Compiled and composed by Pranas Sasnauskas; illustr. Alfreda Steponavičienė. Kaunas: Vaiga. (In Lithuan.)
38. Ivanov, E.E. (2016). *Linguistics of aphorism.* Mogilev: Mogilev State University named after A.A. Kuleshov. (In Russ.)
39. Lomakina, O.V. (2010). Paroemia in the texts of L.N. Tolstoy: linguocultural commentary. *Bulletin of the Oryol State University. Series: New Humanitarian Studies, 6*, 217—221. (In Russ.).
40. Soloduho, E.M. (1982). *Problems of the internationalization of phraseology*. Kazan: Publishing house of Kazan University. (In Russ.).
41. Khlebda, V. (2008). What is the Russian turkey thinking about, or On the equivalents of proverbs in a bilingual dictionary. *Russian Review. Katowice*, *4* (124), 90—104. (In Russ.).
42. Aldinger, O.P.(2006). Phraseonomic picture of the world in "Proverbs of the Russian people by V.I. Dal" [dissertation] Smolensk. (In Russ.).
43. Bredis, M.A. & Lomakina, O.V. (2018). Toponym as a component of the proverb: to the problem of semantic equivalence (based on Russian, Latvian, Lithuanian, Polish, German, French, English, Finnish and Tajik paroemias). *Bulletin of University (Russian—Tajik (Slavic) University), 4*, 118—129. (In Russ.).
44. The Wordsworth Dictionary of Proverbs (1993 and 2006). G.L. Apperson (ed.). Wordsworth Editions Limited.
45. Khramtsova, O.A. (2011) *Finnish proverbs and sayings and their Russian counterparts. Russian proverbs and sayings and their Finnish counterparts.* St. Petersburg: KARO.240. (In Russ.).
46. Cicero [Electronic resource]. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1345960144 www.coinshome.net/en/articles/coin_tetradrachm (accessed: 15.12.19).
47. Coinshome [Electronic resource]. URL: https: //www.coinshome.net/en/articles/coin_ tetradrachm (accessed: January 03. 2020).
48. Dictionary of antiquity (1989). Translation from German. Moscow: Progress. (In Russ.).
49. Mieder, W. (2013). *News from Sisyphus: proverbial myths of antiquity in modern literature, media and caricatures.* Vienna: Praesens Verlag. (In German).
50. Walter H. & Mokienko, V.M. (2005). *Antiproverbs Russian people*. St. Petersburg: Neva. (In Russ.).
51. Lepeshev, I.E & Yakaltsevich, M.A. (1996). *Dictionary of the Belarusian proverbs: directories.* Minsk: BelEn.. (In Belarusian).
52. Walter, H., Mokienko, V.M, Komarowska, E. & Kusal, K. (2014). *Russian-German-Polish dictionary of active proverbs (with foreign language parallels and historical and cultural commentaries).* Greifswald-Szczecin. (In Russian, in German, in Polish).
53. Stypuła, R. (1974). *Dictionary of Russian-Polish and Polish-Russian proverbs.* Warsaw: Wiedza Powszechna. 560. (In Polish).

54. Arthaber, A. (1989). *Comparative dictionary of proverbs and proverbial ways: Italian, Latin, French, Spanish, German, English and ancient Greeks with relative systematic-alphabetical indexes.* Milan: Ulrico Hoepli Editore. (In Italian).
55. Lepeshev, I.E. (2006). *Paroemiyalogiya as a separate branch of linguistics*. Grodno: GrSU. (In Belarusian).
56. Kalontarov, Ya.I. (1965). *Tajik proverbs and sayings in analogy with Russian.* Dushanbe: Irfon. (In Russ.).
57. Porkhomovsky, M.V. (2014). *Turkish proverbs in language and speech.* Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
58. Korogly, H.G. (1973). *Persian proverbs, sayings and catchwords in Persian and Russian*. Moscow: Nauka.

Сведения об авторах:
Бредис Михаил Алексеевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail:* bredis-ma@rudn.ru.

Димогло Марианна Семеновна, аспирант кафедры общего языкознания и славистики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; *e-mail:* gargalik0894@mail.ru.

Ломакина Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и славистики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail:* lomakina-ov@rudn.ru.

Information about the authors:
Mikhail A. Bredis, Ph.D. of Philological Sciences, Assistant Professor, Department of Foreign Languages at the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN); *e-mail:* bredis-ma@rudn.ru.

Marianna S. Dimoglo, Post-graduate student, Department of General Linguistics and Slavic Studies, Faculty of Philology, St. Tikhon's Orthodox University (Russia); *e-mail:* gargalik0894@mail.ru.

Olga V. Lomakina, Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics and Slavic Studies, Faculty of Philology, St. Tikhon's Orthodox University (Russia); Professor, Department of Foreign Languages at the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN); *e-mail:* lomakina-ov@rudn.ru.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 285–300
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-285-300
УДК 811.161.1'373:81'282

Научная статья / Research article

Особенности фразеологического состава пермских старообрядческих говоров

И.А. Подюков

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН
ул. Ленина, 13А, Пермь, Российская Федерация, 614990
podjukov@yandex.ru

В статье, обращенной к анализу словаря народной религиозной речи, рассматриваются особенности зафиксированных в устном общении старообрядцев Пермского края устойчивых сочетаний и выражений, их тематическое расслоение, образность и символизм. Исследованы фразеологические номинации форм обрядовой практики старообрядцев (названия способов моления, видов религиозных текстов, праздников, именования атрибутов религиозной обрядности, обрядовой одежды, этикетные формулы пищевых и поведенческих запретов). Цель описания старообрядческой фразеологии — выявление ее связи с категориями и атрибутикой старой веры, характеристика современного состояния. Установлено, что значительная часть старообрядческой фразеологии наделена экзистенциальной семантикой и отражает свойственное старообрядческой культуре доминирование религиозного начала в обыденной жизни. По фразеологическим фактам отмечены специфические черты обрядовой (похоронной и свадебной) традиции старообрядческих согласий. Делается вывод о том, что исследуемый пласт фразеологии своим содержанием и способами выражения отличается от устойчивых составных названий народного православия. В нем закреплены фразеологизмы, которые формулируют идеологические убеждения ее носителей, раскрывают ключевые догматы веры (Бог, грех, спасение). Они могут быть рассмотрены как средство идентификации конфессиональной группы, как источник сведений о духовном опыте носителей традиции и о специфике жизненного уклада старообрядцев. Установлено, что функционирование фразеологизмов отличает вариативность, которая во многом обусловлена устностью бытования этой формы культуры, наличием в крае разных старообрядческих толков. Современное состояние старообрядческой народной фразеологии, ее вариативность во многом объясняется отсутствием у многих согласий разработанной догматики и жесткой канонической нормы, свидетельствует о постепенном разрушении традиции.

Ключевые слова: религиозная фразеология, фразеологическая семантика, особенности образности, региональная специфика

Благодарность:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (научный проект 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

© Подюков И.А., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

История статьи:
Дата поступления: 23.02.2020
Дата приема в печать: 10.03.2020

Для цитирования:
Подюков И.А. Особенности фразеологического состава пермских старообрядческих говоров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 285—300. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-285-300

UDK 811.161.1'373:81'282

Peculiarities of the Phraseological Content of Perm Old Believer Dialects

Ivan A. Podyukov

Perm Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
13A, Lenin str., Perm, Russian Federation, 191186
podjukov@yandex.ru

The article devoted to the underinvestigated problem of folk religious speech is addressed to the peculiarities of set expressions and word-combinations, their thematic stratification, figurativeness and symbolism recorded in the verbal communication of Old Believers of Perm Krai. Phraseological nominations of different forms of Old Believer ritual practice (names of prayer modes, kinds of religious texts, holidays, naming of attributes of religious ritualism, ritual clothes, etiquette formulae of food and behavioural prohibitions) are investigated. The aim of the description of the Old Believer phraseology is discovering its connection with categories and attributes of old Belief, its modern state characteristics. It has been stated that the significant part of Old Belief phraseology is imparted by the existential semantics and reflects dominating of the religious basis in everyday life typical of Old Believer culture. With the help of phraseological facts there have been noted specific features of sacral (wedding and funeral) tradition of Old Believer consents. The conclusion is drawn that the phraseological layer in question in content and ways of expression differs from the set component nominations of folk Orthodoxy. It has fixed phraseological units that discover the main faith dogmata (God, sin, salvation) and formulate ideological convictions of its followers. Phraseological units of Old Believer dialects can be considered to be the means of identification of a confessional group, as a source of knowledge about the clergy experience of tradition bearers and about the peculiarities of way of life of Old Believers. It has been stated that the functioning of phraseological units is characterized by the variety that is mainly determined by the oral being of this form of culture, by the presence of different Old Believer dissents in Perm Krai. The modern state of folk Old Believer phraseology is explained by the fact that many consents don't have any worked out dogmatics and a rigid canonical form, it indicates gradual abolishing of tradition.

Key words: religious phraseology, phraseological semantics, peculiarities of figurativeness, regional specificity

Acknowledgment:
The research is supported by the Russian Scientific Foundation, grant No 19-18-00117 "Traditional Culture of the Russians in the Areas of Active Inter-ethnic Contacts of the Urals and the Volga River Region".

Article history:
Received: 23.02.2020
Accepted: 10.03.2020

For citation:
Podyukov, I.A. (2020). Peculiarities of the Phraseological Content of Perm Old Believer Dialects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 11*(2), 285—300. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-285-300

1. Введение

Сравнительно новый объект исследования в современной русистике — лексика веры. Слова с религиозными значениями и смыслами еще недавно находились в пассивном бытовании, но, постепенно возвращаясь в широкое употребление, они формируют новую лексико-фразеологическую подсистему общенационального языка. Исследуются функции, тематический состав православной лексики, протекающие в ней семантические процессы [1; 2], христианская лексика рассматривается с точки зрения функционально-стилистических разрядов [3]. Предпринимаются попытки реконструкции на лексическом материале религиозной языковой картины мира [4], анализ функционально-семантических особенностей сакральной лексики, ее функционирования в современной речи [5].

Один из разрабатываемых аспектов исследования лексики веры — ее функционирование в народной речи и диалектах. На материале названий событий православного календаря, персонажей народной христианской веры, лексики, отражающей христианскую мораль, исследуются способы трансформации церковнославянизмов в диалектных условиях, дается идеографическое описание диалектной лексики веры [6]. По языковым фактам реконструируются отдельные аспекты наивно-религиозной картины мира [7. С. 12], рассматриваются концепты, составляющие диалектную языковую картину мира и отражающие в христианских формах морально-этические ценности русского народа [8]. При этом фразеология, представляющая круг религиозных представлений, церковный уклад, религиозный мира человека, остается мало исследованной. Однако именно она отражает «наиболее значимое, животрепещущее для человека», «фиксирует фрагменты… повседневного религиозного сознания», «кодирует религиозные представления» [9. С. 47].

В нашей статье рассматриваются состав, происхождение и семантические особенности религиозной фразеологии, бытующей в старообрядческих говорах Пермского края (в основном по диалектным сведениям конца XX — нач. XXI вв., которые были собраны в местах проживания старообрядцев). Обращение к этому участку русской народной фразеологии неслучайно: Прикамье считается одним из регионов России, в котором представлены основные старообрядческие согласия (белокриницкое, часовенное, поморское, странническое). Дисперсно расселенные по территории края, старообрядческие общины в наши дни постепенно утрачивают религиозную активность, отказываются от строгих правил и замкнутости, хотя отдельные их представители еще продолжают вести традиционный образ жизни, отличаются знанием книжной традиции. Сказывается на особенностях старообрядческой речи тот факт, что для мировоззрения и культуры старообрядцев характерны традиционализм, следование выработанным

правилам и нормам поведения, консерватизм как в бытовом укладе, так и в отношении к языку.

Народная религиозная фразеология изучена пока недостаточно; слабо отражена она и в существующих словарях старообрядческой речи. Так, в Материалах для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики [10] она представлена редкими примерами (диалектное название используемого в каждении чабреца **Божая травка**, поста с крайне ограниченным питанием **сухой пост**, название последнего дня Пасхи **проводное воскресенье**). Незначителен по объему фразеологический материал Словаря говора староверов Эстонии [11]: фразеологизмы **грехи сдавать** ‘исповедаться’, **класть начал** ‘читать начало молитвы’, **кисель-разгонщик** ‘последнее блюдо на поминках’. Также крайне мало устойчивых оборотов с семантикой религиозности в «Словаре говоров старообрядцев (семейских)» [12]: **спать под Богом** ‘спокойно’, **уйти домой** ‘умереть’, **пирог с молитвой** ‘поминальный пирог без начинки’, **Сердитая Богородица** ‘праздник Казанской Божьей матери’.

2. Анализ тематических групп старообрядческой фразеологии

Тематически религиозные фразеологизмы народной речи достаточно разнообразны: включают устойчивые обороты образного и экспрессивного характера, формулы бытового и обрядового этикета, выражения назидательного обобщающего характера а также наименования предметов и действий, составляющих основу материальной и духовной культуры старообрядчества.

2.1. Общие особенности диалектной религиозной фразеологии

Во фразеологических материалах отражаются особенности бытового уклада и внутренняя религиозная жизнь старообрядцев. Примером может служить выражение **старообрядная казарма** шутливо-иронически о большом семействе (*У-у, у нас детей-то было — целый притон, старообрядная казарма, беда людно жили*. Губдор, Чердынский район). Во фразеологизме отмечена патриархальная традиция совместного проживания родителей и женатых сыновей со своими семьями (в этих так называемых «сложных» семьях могло жить несколько поколений, нередко общим числом больше двадцати человек [13. С. 164]). Старообрядческие семьи были в основном многодетными (*Аборты не делали: грех большой*. Григорьевское, Нытвенский район), кроме того, старообрядцы часто брали к себе в семью одиноких и старых. Фразеологизм **к шепетне прибивать** имеет идеологический смысл — используется в говорах в значении ‘насильно обращать в православие’ (*Стары-те люди сказывали, что станут де нас к шепетне прибивать, по-новому молиться*». Сергеева, Юрлинский район). В него включено пренебрежительное обозначение православного троеперстного крестного знамения сложенными вместе большим, указательным и средним пальцами (*шепетня* от *шепеть* ‘щепоть’). Фразеология старообрядческой речи

в своих основаниях нередко обращается к книжным источникам. Оценка современности **мамонный век** выражает неприятие старообрядцами земных благ (*Теперь люди от веры отошли, идет век мамонный. Это деньги, власть. И вот сейчас этому дьяволу народ служит*. Лысьва). Основой выражения является взятое из евангелических текстов обозначение богатства *мамона*. Олицетворяющее грех стяжательства, нарицательное слово в Библейских писаниях встречается как имя демона-искусителя *Мамон* (Евангелие от Луки, 16:9).

Тематически фразеология старообрядческой речи обращена прежде всего к формам отправления религиозного культа и к наиболее значимым событиям человеческой жизни (брак, смерть). Фразеологизм **Богу гореть** характеризует особый духовный настрой молящегося: *У католиков, у них же беседочки сделаны, сижа молятся. Дак как гореть Богу, отдавать веру, чувства сидя-то? Стоя надо, только стоя*! (Лысьва). *Гореть* здесь — не только ‘быть взволнованным, охваченным сильным чувством, ощущать особое возбуждение’. Слово *Бог* в форме дательного падежа, обозначающего лицо, к которому направлено действие, сочетается с нетранзитивным глаголом, использованным в своем основном значении ‘порождать и поддерживать собою огонь’. Моление как предстояние Богу, встреча с ним в выражении уподоблены символическому акту очищения огнем. Выражение **Келейное правило — понедельничать** (Лысьва) представляет характерное для старообрядчества добровольное усиление еженедельного поста говением по понедельникам (помимо обязательных среды и пятницы). Наложение на себя обязанности проводить без пищи дополнительные сутки в неделю продиктовано желанием верующего достичь еще большей чувствительности к духовной жизни.

Особенности свадебного обряда (во многих согласиях оформленного в прошлом как специфическое богослужение) иллюстрирует выражение **брак сводить** («*У нас не брачат, а брак сводят. Старушка была, брак нам сводила. Очень помню, благословили нас зеркалом. Поставили нас, зеркало показывают, спрашивают:* «*Кого в зеркале видишь*»? *Он назовет, звеличат меня. И мама благословила меня и надела на меня платок, подвязала под чушечку*», Филатово, Ильинский район). Брак у старообрядцев-беспоповцев в прошлом не предполагал государственной регистрации; в отличие от *брачить* ‘заключать брак’, сведéние брака понимается как сближение, знакомление молодых (ср. близкое к *сводить* общеупотребительное *сводничать* ‘устраивать любовную связь’).

Характерная для старообрядцев эсхатологическая идея, мысль о конечности существования мира и человека находит отражение во фразеологизмах с мортальной семантикой. Выражение **горькая чара** представляет смерть (*Вышли годы, осталась моя последняя чара горькая, самая горькая чара*. Кын, Лысьвенский район). С ним соотносится частый в рассказах об умирании образ: умирающий испивает невидимую горькую чару, и на его лице отражается нестерпимая горечь напитка. Этот же образ лежит в основе фразеологизма **выпить свою чару** ‘окончить жизнь, испытав все трудности’ (*Умереть бы скорее уж, одинова чару-то выпить, а так-ту, как счас, жить тяжело*. Лубянка, Усольский район). Выражения, вероятно, восходят к библейскому сюжету «мо-

ление о чаше» Иисуса Христа в Гефсиманском саду (*Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня*…, Евангелие от Марка, 14:35—36).

Умереть в старообрядческом истолковании — это не просто отправиться к Богу, а высокое **преставиться ко Господу**. Акт умирания характеризует оборот **смерть вести** (*Любому человеку покайся, смерть вести —– нужда великая. А без нужды дак кто будет каяться*? Унь, Шалинский район Свердловской области). Фразеологизм представляет того, кто умирает, не как пассивно подчиняющегося воле свыше, а как направляющего процесс перехода в иной мир, что связано с внутренней готовностью его к смерти, со спокойным к ней отношением; с необходимостью исповедаться и причаститься. Отношение к смерти отражено и в обозначении брошенной на могилу крупы **птичкино поминанье** (*Мы на кладбище ничего не носим, никакую еду, кроме крупы. Птичкино поминанье. Посыпают могилы: «Помяните, птички*». Усть-Уролка, Чердынский район). Распространенную в крае традицию устраивать в поминальные дни обеды на могилах старообрядцы осуждают, считают язычеством, но принимают древнее обрядовое кормление птиц, связанное с отождествлением их с душами умерших.

Менталитет и религиозное сознание носителей веры наиболее ярко выражают пословично-поговорочные выражения, которые нередко заключают в себе определения смысла жизни и смерти, греха, веры, труда. Так, пословица **Воля человека портит, а неволя красит** утверждает значение для истинно верующего послушания как избавления от страстей. Признание смертной природы человека, понимание смерти как ценности, придающей смысл жизни, содержит высказывание **Смерть-то не за горами — за долами стоит**. В его состав включено народно-поэтическое сочетание **за горами, за долами** ‘очень далеко’. Включенное в выражение указание на крайние точки земного пространства (верх и низ, *гора* и *долина*) подчеркивает масштабность потустороннего мира, представляет его существование как реальность; так идея **ограниченности человеческой жизни дополняется мыслью о** смирении перед смертью. Замечание долго спящему **Хватит спать, пора на тот свет запасать** содержит оценку труда как средства спасения души. Пословица **Не бойся смерти, бойся грехов** выражает осознание носителями веры греховности земного бытия и человека, понимание греха как свидетельства неготовности человека к вечной жизни. На греховную природу человека указывает поговорка **Одни грехи смываешь, другие собираешь** (Сыпучая, Красновишерский район), пословица **Умрем — меньше грешим**.

2.2. Особенности старообрядческого речевого этикета

Большая группа фразеологизированных этикетных форм выражает систему ценностей, правил, обычаев, норм, которая обеспечивает стабильное и гармоничное существование согласия, «служит основой конфессиональной и культурной идентичности староверов» [14. С. 74]. Специфичны старообрядческие приветствия (**Здорово живите́**; в отличие от общенародного приветствия при любой встрече **Здорово живете**, оно говорится обычно при входе в дом). Вы-

ражение **Здравия желаю** известно как выражение благодарности (Григорьевское, Нытвенский район; в широком употреблении это форма приветствия в армии младшего по званию). Формула **Спаси Христос** используется при благодарении (*У нас, у староверов, спасибо не говорят — спаси Христос только. Спасибо-то дьяволу слова*. Щепа, Бардымский район). Старообрядческий запрет на слово *спасибо* объясняется тем, что в нем прочитывается недопустимое для верующего искажение слова *Бог*. Оберегoвый возглас **Чур мой, чур Боговой** (**Чур мой да Божий**) используется для защиты от нечистой силы (*Первую ягоду найдешь, надо зачурить: «Чур моя, чур Богова*», Сейва, Гайнский район; «*Чур мой да Божий. Аминь. Аминь. Аминь», — вот хожу вокруг гроба да гражу крестом, беси-то не подойдут*. Бырма, Кунгурский район). В выражении размещением в одном ряду *мой* и *Богов* обозначен «союз» говорящего с высшей силой (в приведенных контекстах она привлекается для отведения бесов, для освящения «первинок», которые в народной культуре считаются опасными, как и все первое, начальное).

Особенно активны в старообрядческой речи запретительные формулы (они полно исследованы на пермском материале, см.: [15]). Серия прескриптивных высказываний связана с неприятием старообрядцами привозного, так называемого «фамильного» чая (**Кто пьет чай, тот спасения не чай, Чай от Бога отчаивает, Кто пьет чай, тот отчаянный человек**). Устойчивы запреты на применение в пищу зайчатины (**Если ешь, говорят, зайку — ешь и лайку; Что исть зайку, то и лайку; Что лайко, что зайко; Заячки у лешего прислужнички**). Также осуждают старообрядцы спиртное (поэтому в пермских говорах нехмельное питье называют *кержацким*). Нередко, впрочем, говорят о разрешенной по староверческим обычаям одной рюмке, называя ее (**одна**) **единая чара (чарка)** (*Если выпить одну единую чару, то это не грех, а вторая идет на гулянье, третья на блуд.* Горбуново, Пермский район; *Пить немножко-то можно, не до блаженья. Для веселья одну чарку, кости чтобы раскрепостились*. Осинцево, Кишертский район). Еще один запрет отражен в характеристике **скоблено рыло, резаный ус** о бреющемся человеке, не старовере. Брадобритие оценивалось старообрядцами как поругание образа Божия и считалось серьезным грехом (бреющий бороду по сути выражает недовольство внешним обликом, который Творец дал человеку). Этот смысл отражен во фразе **Без бороды в Царство небесное не пустят** (ср.: *У меня папа бороду не носит, но сейчас говорит: «Пора уже бороду отращивать, а то как без бороды хоронить будут*. Лысьва).

2.3. Составные термины старообрядческой культуры

Крупным разрядом диалектной старообрядческой фразеологии следует считать устойчивые сочетания терминологического характера. Отграничиваясь во многом от собственно фразеологизмов, они используются не как средство экспрессии, а для детализации и классификации понятий (в ряде случаев и в образно-символической форме).

Примечательная особенность старообрядческой речи Пермского края — разнообразие конфессионимов, названий согласий (объединений верующих, придерживающихся той или иной разновидности вероучительной и обрядовой практики). Их функционирование отражает сосуществование в одном и том же поселении поповских и беспоповских общин. Зародившиеся как беспоповские, отдельные согласия могут стать менее радикальными и уйти в поповство или, напротив, стать изолированной сектой; («в итоге исследователям довольно сложно провести четкую грань между двумя течениями в конкретном регионе и в определенный промежуток времени» [16. С. 89]). Названия согласий (внешние и внутренние) исследовал А.В. Черных, отметив разнообразие их мотивировок, показав слабую разграниченность внешних названий и самоназваний (см.: [17]). Очевидна также дублетность и вариативность конфессионимов — свидетельство разобщенности и закрытости старообрядческих сообществ, размывания границ конфессиональных групп, особенно заметное в последнее время. Так, беспоповское согласие **часовенная вера** нередко называется **стариковская вера**, **стариковское согласие** (*Вера здесь православная больше, есть еще стариковская. Те же молитвы молятся. Про их говорят, стариковские*. Калинино, Кунгурский район); **старинные люди** (*Вы в деревню сходите, там старинные люди живут, староверы, много что расскажут*. Бондюг, Чердынский район). Основное название *часовенные* связано с проведением богослужений в часовнях (в XVIII—XIX вв. носители веры «подписывались под часовню», то есть принимали регистрацию общин, следовательно, сотрудничали с властью, что у считалось грехом).

Отдельные конфессионимы используются в иных, чем на других территориях, значениях. Так, термины *часовенные* и *старики* называют в Прикамье один и тот же толк, тогда как на Алтае это два существующих отдельно согласия (здесь по своей обрядности к стариковщине близка нетовщина [18. С. 454]). **К чашенской (чашкинской) вере** (ее представители придерживаются «правила чашки», т.е. не пользуются чужой посудой) в Пермском крае в основном относят поморских, на Алтае так называют не только поморских, но и менее радикальных часовенных, стариковских [19. С. 171]. Проявлением локального переосмысления можно считать название согласия **Спасовская вера**. Считается, что собственно *спасовцев* в Прикамье нет (распространены в Нижегородской, Вологодской, Владимирской, Ульяновской, Ярославской, Костромской областях, в Сибири). Название толка мотивировано исключительным вниманием согласия к Спасу: спасовцы молятся Спасу (без свидетелей и посредников), каются перед иконой Спаса, используя при покаянии самоисповедь (**скитское покаяние**). В Прикамье к **Спасовской вере** причисляют, очевидно, часовенных и поморских, в чьей традиции принято освящать воду на Первый Спас (14 августа), праздник, который считается Исусовым: *Спасовская вера считатся великая. Они в Спас идут на источники, воду берут* (Кын, Лысьвенский район; судя по контексту, это внешнее название). Некоторые названия согласий, закрепляющие память об основах и приоритетах традиции, о наиболее ярких деталях об-

раза жизни носителей веры, дают представление об особенностях пермского старообрядчества, о его современном состоянии.

В целом совпадают с широко распространенными каноническими названиями хрононимы, которые могут использоваться и в книжной, и в упрощенной разговорной форме (праздник **Введение Богородицы во храм** / **Введеньё**, **Преображение Господне** / **Преображение**). Отмечаются отдельные случаи семантической специализации общеупотребительных названий событий календаря. Так, в широком употреблении название **Вселенские субботы** обозначает время перед Великим постом и перед Троицей, связанное с поминанием всех умерших крещеных христиан (слово *вселенские* подчеркивает масштабность, повсеместность проводимых панихид). В пермских говорах **Вселенские субботы** бытует как название времени поминовения умерших без покаяния, которых можно было поминать только на общей панихиде (*Староверы поминали только кто умер с покаянием, а без покаяния, дак его отпевали только во Вселенские субботы, перед Масленицей*. Б. Букор, Чайковский район). **Лазаревой субботой** называется праздник, совершаемый в субботу шестой недели Великого поста — без игр и развлечений. Используется в Прикамье и другое название праздника — **Вербная суббота** (в этот день, как и в **Вербное воскресенье** перед Пасхой, было принято ломать и приносить в дом веточки вербы; дети ломали их со словами «*Святой Лазарь за вербой лазал*», Искильда, Куединский район).

Основной способ общения с Богом у верующих — молитва. Читаемая утром или при недостатке времени, молитва **малый начал** самим названием говорит о том, что любое дело необходимо начинать с молитвы (*Встают, надо покласть начал. Бабушка: «Ты, Лепестинья работаешь, тебе некогда, дак давай я тебя научу класть небольшой начал, но клади каждый день.* Лек, Кишертский район). Моление может быть обозначено как стояние. Отправляемая стоя во время Великого поста самая большая в году служба **Мариино стояние** посвящена преподобной Марии Египетской, святой, которая после греховной молодости сорок семь лет провела в пустыне в подвиге покаяния (через покаяние из грешниц стала великой праведницей). Особо усердное моление в честь ее духовного перерождения, выраженная в стоянии устремленность молящегося к небесному подчеркивает особое значение раскаяния.

Фразеологизмы фиксируют внимание на правилах принесения молитвы. Сочетание **первым крестом молиться** характеризует моление того, кто полностью отказывается от смешения своей веры (*Есть кто первым крестом молятся, у них своя посуда, они даже с нами не едят. Первый крест — ни посуды, ни пищу, ни вместе креститься. На первый крест чтобы перейти, надо сорок лестовок Исусовой молитвы, пост выдержать*. Лысьва). Второй крест предназначен для мирян «*не в помешке»* (членов согласия, которые общаются с теми, кто вне согласия), третий — «для замирщённых», допустивших более близкое общение с православными. Финальное действие при перекрещивании в молении обозначает выражение **крест распускать** (*Крест надо распускать обязательно, конец, аминь тут значит. Ладонь откроешь, положишь. Никониане-то крестятся, руку-то машут, дьявол-то их там и имат. Если крестятся пра-*

вильно, ангел Господень стоит возле него, а второй неправильно крестится, до рамы не доносит, до плеча, бес-от его и гладит, по-нашему. Лысьва). Прижимание молящимся после перекрещивания раскрытой ладони к телу, очевидно, направлено на освящение внутренних чувств.

В устойчивых сочетаниях обозначены разные способы исполнения молитвенных жестов-поклонов, передающих значение смирения и покорности, укорения себя. **Малый земной поклон** применяется при соборной и домашней молитве, **большой** (**великий**) **земной поклон** (поклон в землю с касанием головой *подручника*) обязателен на любой службе (иногда его называют **всепетый**: «*Всепетые поклоны всегда в землю*», Кын, Лысьвенский район). Скорее всего, это название поклона связывает его с особым культом Богоматери (*всепетой*, т.е. всеми и повсюду прославляемой она называется, напр., в молебном каноне). Более прозрачно название **приходные поклоны**, обозначающее последовательность молитв, которыми старообрядцы начинают богослужение, обозначение **исходные** (земные) молитвы, которыми его заканчивают.

В условиях спада религиозной активности старообрядчества, сокращения числа согласий (особенно беспоповских), разрушения старообрядческой системы образования утрачивается духовное религиозное чтение и навыки осмысления древних книг; предписания вероучения все чаще мотивируются устными преданиями. Элементы старообрядческой книжной традиции восстанавливаются по закрепившимся в диалектной речи названиям книг, важнейших атрибутов веры. Одна из популярных в старообрядческой среде книг — **Лицевая** (**Лисовая, Лесовая**) **книга** рукописная книга с миниатюрами, повествующая о том свете, загробной жизни (*Есть лицевые книги, там рай, там все пишется. Страшно посмотреть эту книгу. Ну, конечно, мы рай запомнили, что дети там, яблочки и все детское. Вот во втором классе, или как вот, наверно, мы учились, там лицевые книги были такие у некоторых в деревне*. Мартьяново, Чайковский район; *Есть кака-то Лисовая книга, там сказано, что на том свете для грешника будет — у одного бок горит, другого распияют*. Рассоленки, Лысьвенский район; *У старушки книга была кака-то Лесовая, там показано, как за грехи-то мучать будут, и там все нарисовано и написано*. Лукинцы, Чайковский район). Название книги закрепилось за старинными иллюстрировано произвелениями о событиях от Сотворения мира и связано с древнерусским словом «лицо» ‘изображение, рисунок’. Название сборника житий святых **Четная книга**, вероятно, связано с книгой «Четная Минея» («Четьи-Минеи», исходно — «ежемесячные» чтения»), предназначенной для домашнего или келейного чтения (*А бы надо все как-то учить, «Четные книги» есть ведь. «Четные» — это где про все, про святых*. Кын, Лысьвенский район).

Одна из особо почитаемых в старообрядчестве книг — **Кириллова книга**, известная пророчествами о конце света (*Не лечит она, книга эта Кириллова, она только по молению*. Сыра, Суксунский район).

Фразеологические номинации применяются для обозначения других используемых старообрядцами текстов — молитв, притч. Название **Исусова** (**Исустова, Госпóдия**) **молитва** носит молитва-обращение к Исусу Христу («Господи, Исусе

Христе, помилуй мя»). В культуре старообрядцев она считается одной из самых «сильных» молитв (*Исустова молитва — мы не должны ее даже с уст спускать все время*. Пашево, Кишертский район; *Люди, особенно нашей веры, читают молитву Господию: «Господи Исусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного». Ты эту молитву выучи, она коротенькая*. Лысьва). Распространены и называемые *читкой* тексты для душеполезного чтения (Евангельские притчи, жития, видения, патерики типа «Григорьево видение», «Сон Богородицы», «Про Лазаря»). Названы эти тексты по содержанию, напр. читка про Лазаря: *Есть читка про Лазеря, как он лежал больной. Апостолы и зовут, чтобы излечил его Исус Христос. Он уж умер, но Исус Христос к нему зашел и его воскресил. И Лазерь оказался живым. Удивилися все в Египте, конечно, что такое получилось, что даже он мертвых воскрешает*. Бырма, Кунгурский район).

Обязательный атрибут старообрядца, его «оружие» при молении — лестовка, четки, которые помогают сосредоточиться на словах молитвы и знать точный счет чтений молитвы и поклонов (*Лестовка — Христова лесенка, она в рай ведет*. Г. Лысьва). Разновидностей старообрядческих четок несколько. Основными считаются **Исусова** и **Богородичная лестовка** (называется также **женская**: *В разных местах у Богородичной по-разному. Есть двенадцать, есть сорок, есть семнадцать рубежков, и по три. У разной молитвы разное количество поклонов*. Меча, Кишертский район, *Богородские лестовки — к 109 ступеням Исусовой лестовки прибавляется еще один отрезок в 40 ступенек, что означает 40 дён великого поста, и еще одна великая ступенька*). Известны лестовки **дорожная** (**походная**), **детская** (**половинная**, состоящая из 50 ступенек), **белая лестовка** (**лествица**) приготовленная для погребения (*Делают к смерти всю одежду белую, и лествицу белую погребальную, и подрушник*. Кын, Лысьвенский район). Может заменять белую лествицу **сороковая лестовка**: *Если лестовки нет, вяжут ниточку в сорок узелков. Сороковую. Кто умирает, сам должен*. Занино, Кишертский район.

Высокий статус в религиозной практике имеет **Великая** (**Большая**, **Богоявленская**) **вода**, ей называют воду, освященную накануне праздника Богоявления: *Восемнадцатого — большая вода. Большую нельзя долго, она недолго действует. Человек заболел, умирать собирается, тогда используют*. Антипина, Красновишерский район; *Великая вода по нашим понятиям священна. Ее только на смертном одре и вот побрызгать в гробу*. Лысьва. Исключительность воды подчеркивает запрет на ее случайное разливание: *Вот где канет эта Велика вода, надо даже выстрогать пол и в воду опустить*. Г. Добрянка. «Повседневной» считалась **Малая** (**Спасова**) **вода**, которая освящалась на Первый Спас (14 августа): *Спасова — ей в любое время пользоваться можно, вот я свечки соскала, освятила, вот освящаем дома*. Г. Лысьва; *Бывает Спасов день, берут воду, та проще вода, ту можно везде использовать. Прыснуть можно в огороде и в доме*. Г. Лысьва. В отдельных случаях **Спасовской** называлась вода, освящаемая, как и **Великая**, также в Крещенье, она использовалась для причащения при обычной исповеди (*Четыре раза в году причащают, положено каждый пост ходить на исповедь. На исповедь ходим, Малой водой причаща-*

ем, по ложечке, помаленьку. Калинино, Кунгурский район). Отличия в статусе Великой и Малой воды по-разному проявляются в разных старообрядческих согласиях (см. об этом подробно [20]).

Составные номинации одежды чаще касаются обрядовой одежды и содержат элементы, указывающие на ее сакральный смысл. Название надеваемой на умершую грубой рубахи из домотканого холста **деревянная рубаха** не только подчеркивает жесткость ткани, но и, возможно, воспроизводит архаичную тему посмертного перехода души человека в дерево (близки к названию общеупотребительные шутливые характеристики гроба *деревянное пальто*/ *тулуп*/ *костюм*). Название такой длинной рубахи белого цвета **проводная** указывает на использование ее в проводах умершего и на способность «провести» его на тот свет (ср. у амурских старообрядцев *пропустуха* о похоронной сорочке, от *пропустить* ‘дать возможность пройти’).

Моленная одежда обязательно включает сарафан — архаичное и простое по исполнению платье без рукавов. Для моления используют **дубовый сарафан**, т.е. *дубас* (крашеный *дубом*, корой ивы): *Дубовый сарафан молиться, дубленник. Длинные сарафаны и с длинными рукавами, короткие недопустимы, нельзя с короткими рукавами молиться*. *Темный платок. Сарафан тоже темный — дубовый*. *Шея закрыта.* Калинино, Кунгурский район. Особый статус имеет **замоленный сарафан**, в котором давно и много молились (*Говорят, замоленный сарафан моль не ест. Его храню*. Фоки, Чайковский район). Как похоронная одежда использовался **глухой дубас** — косоклинный сарафан темного цвета туникообразного кроя без разреза и застежки на груди (архаичной технологии изготовления: прямые боковые вставки пришивались вручную нитками без узлов [21. С. 158]).

Одежда покойного принципиально отлична от одежды живых — шитьем, цветом, длиной. В старообрядческой традиции принято надевать на умершего **три одежды**: рубашка, сарафан и *чуни* (тапочки из веревки, пермское), три головных убора — *чехлушка* (тип повойника) и два платка («*Непременно три покрова должно быть*», см.: [22]. Обрядовый термин **три одежи/ подола** отражает особое почитание умершего (*Если венчанная, обязательно надо три одежи или, как говорили, три подола: нижнюю рубаху, юбку и верхнее платье*. Ильята, Кишертский район).

Несколько одежд (*подолов*) раньше надевали те, кто хотел показать свое богатство, затем три одежды (одну на другую) стали надевать в ритуальных целях (в том числе в день первого выгона скота, в первый выход на покос); надевание их умершей понимается как оказание почести. Известно, что число три характеризуется как священное, обращено к божественному и используется для представления идеальной структуры (с началом, концом, серединой [23. С. 23]).

Обязательная для старообрядца деталь в одежде — пояс, который никогда не снимается (его магически-охранительную функцию может выполнять также нить с завязанными узлами). В традиции старообрядцев выделяют **нижний** (исподний) **пояс**, надеваемый на голое тело, и **верхний пояс**. Название **пояс с молитвой** для верхнего плетеного или витого пояса (обычно черного или белого

цвета) мотивировано нанесением на него текста молитвы (обычно ткутся или вышиваются слова из «Исусовой молитвы», молитвы «Да воскреснет Бог…», из 90-го псалма «Живый в помощи Вышняго…» и др.). Называют защитный пояс также **намоленный** (*Все мы носим на теле хотя бы ниточку, сорок раз прочитай Господню молитву, сорок узелков сделай — вот и пояс намоленный*. Альняш, Чайковский район). Несколько иной способ изготовления намоленного пояса от векшиц и колдунов, от болезней — чтение на него сорока молитв: *Сорок раз молитвы Богородице, сорок раз Миколе, сорок раз Исусову молитву. Один раз прочитаешь, и узел завяжешь, так на три нитки, потом их сплетешь в косичку и носишь как пояс*. Бормист, Чайковский район. Название **божественный пояс** также указывает на наделение пояса благодатной силой, укрепляющей в борьбе с невидимыми врагами (*Бывает божественный пояс, его от колдунов носят, в ем молитвы*. Амбор, Чердынский район).

3. Заключение

Результаты анализа показывают сохранение в старообрядческой среде Прикамья значительного пласта специфических фразеологизмов религиозной тематики. Их культурная насыщенность, заложенные в них мировоззренческие смыслы характеризуют старообрядчество как особую лингвокультурную общность. Фразеологизмы в наглядной, образной форме раскрывают ключевые догматы старой веры, выражают идеологические убеждения ее носителей. В них фиксируются образы, восходящие к книжным источникам, активно используется отвлеченная и символически переосмысленная лексика. Внутренняя форма многих выражений свидетельствует о специфике жизненного уклада старообрядцев, поэтому фразеологизмы могут быть рассмотрены как источник сведений о культурном опыте носителей традиции, особенностях их повседневной жизни и обрядовых практик, в ряде случаев выступают средством идентификации конфессиональной группы. Функционирование фразеологизмов отличает вариативность, которая во многом обусловлена устностью бытования этой формы культуры, наличием в крае разных старообрядческих толков а также отсутствием у многих согласий разработанной догматики и жесткой канонической нормы. В ситуации, когда конфессиональная жизнь старообрядческих согласий в крае постепенно угасает, фразеологизмы остаются свидетельствами духовного опыта прошлых поколений.

Библиографический список

1. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия. М.: Гранд, 1998.
2. *Бугаева И.В*. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Автореф. дис. доктора филол. наук. М., 2010.
3. *Дубровина С.Ю*. Организация православной лексики русского языка по функционально-стилистическим разрядам // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009. no 1. С. 34—55.
4. *Михайлова Ю.Н*. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка). АКД. Екатеринбург: УрГУ, 2004.

5. *Добычина О.А*. Сакральная семантика языковых единиц в современном социокультурном контексте. Екатеринбург: УрГПУ, 2017.
6. *Дубровина С.Ю*. Состав и системная адаптация лексики православия в русских диалектах (на материале тамбовских говоров). Тамбов, 2012.
7. *Дубровина С.Ю*. Организация православной лексики русского языка по функционально-стилистическим разрядам // Вестник Москвоского университета. Серия 9: Филология. 2009. no 1. С. 34—55.
8. *Драчева Ю.Н., Кирилова Е.А*. К вопросу об изучении языка православия в современной деревне // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа). 2018. С. 183—186.
9. *Григорьева Л.Л*. Религиозная картина мира и ее отражение во фразеологии // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. no 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 45—48.
10. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Под ред. М.Ф. Семеновой. Латвийский государственный университет им. Петра Стучки. Ученые записки. Т. 51. Филологические науки. Вып.8 А. Рига, 1963.
11. *Паликова О.Н., Ровнова О.* Г.Словарь говора староверов Эстонии. Тарту, 2008.
12. *Юмсунова Т.Б., Майоров А.П., Дарбанова Н.А.* [и др.]. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск: Изд-во СО РАН 1999.
13. *Ульянова Е.А*. Численность и структура старообрядческих семей Екатеринбургского уезда (По данным исповедной росписи 1838 г.) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. Вып. 6. С. 156—174.
14. *Иванова Н.В*. Запреты и предписания староверов Латгалии // Научный диалог. 2014. no 4 (28): Филология. С. 74—87.
15. *Свалова Е.Н*. Запреты и предписания в речевой культуре пермского старообрядчества // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Том 11. Вып. 3. С. 71—79. Doi: 10.17072/2073-66812019-3-71-79.
16. *Бежан Е.М*. Классификация старообрядческих согласий и сектантских общин, их развитие и распространение на территории Западной Сибири в первой половине XIX в. // Вестник Омского ун-та. История и археология. 2007. no 3. С. 87—95.
17. *Черных А.В*. Старообрядческие согласия в народной терминологии русского населения Пермского края // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. no 2. С. 85—110. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.016.
18. *Куприянова И.В.* Беспоповские старообрядческие конфессии Алтая на рубеже XIX—XX вв. // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, АлтГПУ. 2013. no 6 (43). С. 452—456.
19. *Рыговский Д.С.* «Чистое», «мирское» и «поганое»: старообрядческая концептуализация ритуальной чистоты // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. Изд-во: Международная общественная организация «Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах СЭФЕР». М. 2018. no 1. С. 167—186.
20. *Черных А.В.* «Святая вода» в старообрядческих традициях пермского Прикамья // MAGISTRA VITAE: Электронный журнал по историческим наукам и археологии. Издательство: Челябинский государственный университет (Челябинск). 2008. no 5 (106). С. 88—92.
21. На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII—XX вв. М.: Наука, 1989.
22. *Данилко Е.С.* «Смерть ближе рубашки»: похоронная обрядность старообрядцев-часовенных // Новые исследования Тувы. 2019. no 1. Режим доступа: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/829 (дата обращения: 20.01.20).
23. *Топоров В.Н.* О числовых моделях в архаических текстах // Структура текстаю М., 1980. С. 3—58.

References

1. Mechkovskaya, N.B. (1998). *Language and Religion*. Moscow: Grand. (In Russ.).
2. Bugaeva, I.V. (2010). *The Language of the Orthodox Sphere: Modern State, Tendences of Development* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
3. Dubrovina, S.U. (2006). *Orthodox Lexis in the Dialects of the Rusian Language.* Tambov: DTSU Publ. (In Russ.).
4. Mikhaylova, Y.N. (2004). *Religious Orthodox Lexis and its Fate (according to the Data of Definition Dictionaries of the Russian Language)* [dissertation]. Ekaterinburg. (In Russ.).
5. Dobychina, O.A. (2017). *Sacral Semantics of Linguistic Units in the Modern Socio-Cultural Context*. Ekaterinburg: USPU Publ. (In Russ.).
6. Dubrovina, S.U. (2012). *Contents and System Adaptation of Orthodox Lexis in Russian Dialects (a Case Study of Tambov Dialects)*. Tambov. (In Russ.).
7. Dubrovina, S.U. (2009). Organization of Orthodox Lexis Of the Russian Language according to its Functional-Stylistic Classification, *Moscow University Philology Bulletin. Series 9,* 1, 34—55. (In Russ.).
8. Dracheva, I.N. & Kirilova, E.A. (2018). On the Problem of Studying the Language of Orthodoxy in a Modern Village, Dynamics of Language and Cultural Processes in Modern Russia. Ed. 6. Materials to the Vith Congress of ROPRYAL. Ufa. pp. 183—186. (In Russ.).
9. Grigoryeva, L.L. (2008). Religious World Picture and its Reflection in Phraseology, *Almanac of Modern Science and Education.* Tambov: Gramota, 8 (15) Part 2, 45—48. (In Russ.).
10. Materials for the Dictionary of Russian Old-Inhabitant Dialects of Baltics (1963), M.F. Semyonova (Ed.). Transactions. Vol. 51. Philological Sciences. Iss. 8A. Riga: University of Latvia, Publ. (In Russ.)
11. Palikova, O.N. & Rovnova, O.G. (2008). Dictionary of Estonian Old-Believers Dialect. Tartu. (In Russ.).
12. Yumsunova, T.B., Mayorov, A.P., Darbanova N.A. et al. (1999). Dictionary of the Dialects of Old Believers (Semeyskie) of Transbaikalia. Novosibirsk: Publishing House of Siberian Department of RAS. (In Russ.).
13. Ulyanova, E.A. (2006). The Number of Inhabitants and The Structure of Old Believer Families in Ekaterinburg uyezd (According to the Data from the Confessionary Lists of 1838), *Document. Archives. History. Modern Age,* Iss. 6. Ekaterinburg: URFU Publ. pp. 156—174. (In Russ.).
14. Ivanova, N.V. (2014). Prohibitions and Regulations of Latgalia Old Believers. *Scientific Dialogue, Philology, 4*(28), 74—87. (In Russ.).
15. Svalova, E.N. (2019). Everyday Prohibitions and Prescriptions in the Speech Culture of the Perm Old Believers, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 11*(3), 71—79. (In Russ.).
16. Bezhan, E.M. (2007). Clasification of Old Believers Consents and Sects, their Development and Expansion in West Siberia in the First Half of the 19th Century. *Herald of Omsk University. History and Archaeology*, *3*, 87—95. (In Russ.).
17. Chernykh, A.V. (2019). Names of Old-Believer Confessions in the Popular Terminology of the Perm Region, *Problems of Onomastics, 16*(2), 85—110. (In Russ.).
18. Kuprianova, I.V. (2013). Bespopovsky Old Believe Faiths of Altai at a Boundary of the XIX—XX Centuries. *The world of science, culture and education,* 6(43), 452—456. (In Russ.).
19. Rygovskiy, D. S. (2018). "Pure", "Profane" and "Filthy": Old Believers' Conceptualization of Ritual Purity. *Slavic Culture and Jewish Culture: Dialogue, Similarities and Differences,* 1. Moscow: International Social Organization «SEFER Centre for University Teaching of Jewish Civilization». no 1. pp. 167—186. (In Russ.).
20. Chernykh, A.V. (2008). «Holy Water» in Old Believer Traditions of Perm Prikamye, *MAGISTRA VITAE: Online Magazine on History and Archaeology,* 5 (106), 88—92. (In Russ.).

21. On the Ways from Perm Land to Siberia: Essays on the Ethnography of the North Ural Peasantry of the XVII—XXth Centuries. (1989). Moscow: Nauka. (In Russ.).
22. Danilko, E.S. (2019). «Death is Nearer than a Shirt»: Funeral Ritualism of Old Believers-Schismatic, *The New Research of Tuva,* 1 [Electronic resourse]. URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/829 (accessed: 20.01.20). (In Russ.).
23. Toporov, V.N. (1980). On Numeric Models in the Archaic Texts. Text Structure. Moscow. pp. 3—58. (In Russ.).

Сведения об авторе:
Подюков Иван Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН РФ; *сфера научных интересов*: русская фразеология, этнолингвистика, стилистика; *e-mail*: podjukov@yandex.ru; ORCID 0000-0002-1844-5038; eLibrary SPIN-код 8516-2258

Information about the author:
Podyukov Ivan Alekseevich, Doctor of Philology, Professor, a senior researcher of the History, Archaeology and Ethnography Department, Perm Federal Research Centre of the Ural Branch of the RAS. *Research interests* include Russian phraseology, ethnolinguistics and stylistics. The author of the series of dialectal and craft dictionaries, books about the problems of Russian folk phraseology; *e-mail*: podjukov@yandex.ru; ORCID 0000-0002-1844-5038; eLibrary SPIN-code 8516-2258

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 301–318
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-301-318
UDK [811.111:811.161.1]'373:398.91

Research article / Научная статья

The Implementation of the conception of *Friendship* on the Basis of Comparative Structural-semantic Analysis of English and Russian Proverbs

Tatiana G. Orlova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
orlova-tg@rudn.ru

The article is devoted to the study of the conception of friendship based on the results of comparative structural-semantic analysis of English and Russian proverbs about friendship. The study includes two complementary steps. The first step consists in formulating the main aspects of the conception of friendship. The second consists in comparing fragments of this proverbial field, which made it possible to explore the implementation of eight aspects of the conception of friendship on the material studied. The clarification of similarities and differences made it possible to identify the specific national and cultural characters of thinking and mentality of the two non-related peoples towards understanding of friendship. The relevance of the study is determined by the novelty of the proposed approach to the study of the conception of friendship based on the comparative structural and semantic analysis of proverbs of two linguistic-cultural ethnic groups, as well as the insufficient knowledge of proverbs expressing the concept of "friendship" from the point of view of identifying their figurative and motivational basis, figurative means (metaphor, metonymy, comparison, personification, gradation, hyperbole, irony, allegory, antithesis), semantics of lexical components, syntactic structures (repetitions, parallelism, ellipsis, compression), expressive means, as well as rhythmic organization. There were selected and systematized similar and unique meanings of English and Russian proverbs as a result of research on the material of these languages. The analysis of these meanings allowed us to explore conception of friendship, thereby providing the basis for deeper rethinking both the conception and the proverbial material. As the part of the study there were observed differences in understanding of a person, personal relationships with others, mutual help, etc. These differences are largely due to the different origins of English and Russian proverbs. Most of the English proverbs are short sayings, which were formed under the influence of Latin expressions and quotations from Bible. Most of the Russian proverbs are peasant by origin and therefore they are closely connected with a specific and imaginative perception of the world. Their expressiveness is much higher at the expense of using the means of oral folk creativity. This analysis made it possible to reveal the role of linguistic means in expressing the mentality of the representatives of both peoples.

Keywords: conception, English proverb, Russian proverb, friendship, comparative analysis, structural-semantic analysis, figurative structure, mentality

© Орлова Т.Г., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Acknowledgment:
The publication has been prepared with the support of the RUDN University Program “5-100”.

Article history:
Received: 10.01.2020
Accepted: 15.02.2020

For citation:
Orlova, T.G. (2020). The Implementation of the conception of *Friendship* on the Basis of Comparative Structural-semantic Analysis of English and Russian Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 301—318. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-301-318

УДК [811.111:811.161.1]’373:398.91

Реализация концепции дружбы на материале сопоставительного структурно-семантического анализа английских и русских пословиц

Т.Г. Орлова

Российский университет дружбы народов
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
orlova-tg@rudn.ru

Статья посвящена сопоставительному структурно-семантическому анализу концепции *дружба* на материале английских и русских пословиц о дружбе. Исследование включает в себя два взаимодополняющих этапа. Первый этап состоит в формулировании основных аспектов концепции дружбы. Второй этап состоит в сопоставлении фрагментов данного пословичного поля, что позволило проследить реализации восьми аспектов концепции дружбы на исследованном материале. Уточнение найденных сходств и различий дало возможность выявить своеобразие образного мышления и особенности национального характера двух неблизкородственных народов в отношении понимания дружбы. Актуальность исследования определяется новизной предложенного подхода к изучению концепции дружбы на материале сопоставительного структурно-семантического анализа пословиц двух лингвокультурных этносов, а также недостаточной изученностью пословиц, выражающих концепт «дружба» с точки зрения выявления их образно-мотивационной основы, художественных приемов (метафоры, метонимии, сравнения, олицетворения, градации, гиперболы, иронии, аллегории, антитезы), семантики лексических компонентов, синтаксических структур (повторы, параллелизм, эллипсис, компрессия), эмоционально-экспрессивных средств, а также ритмической организации. В результате исследования на материале указанных языков были отобраны и систематизированы сходные и уникальные значения английских и русских пословиц. Анализ этих значений позволил раскрыть концепцию дружбы, дав тем самым основу для более глубокого переосмысления как самой концепции, так и пословичного материала. В ходе анализа были прослежены отличия в представлении о человеке, его взаимоотношениях с другими людьми, о взаимопомощи и т.д. Эти отличия в большей мере обусловлены различным происхождением английских и русских пословиц. Так, большая часть английских пословиц представляет собой краткие изречения, которые сформировались под влиянием латинских выражений и библейских цитат. Русские пословицы в большей мере имеют крестьянское происхождение и потому тесно связаны с конкретно-образным мировосприятием. Их экспрессивность намного выше за счет использования средств устного народного творчества.

Данный анализ позволил определить роль языковых средств в выражении менталитета представителей двух народов.

Ключевые слова: концепция, английская пословица, русская пословица, дружба, сопоставительный анализ, структурно-семантический анализ, образная структура, менталитет

Благодарность:
Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

История статьи:
Дата поступления: 10.01.2020
Дата приема в печать: 15.02.2020

Для цитирования:
Орлова Т.Г. Реализация концепции дружбы на материале сопоставительного структурно-семантического анализа английских и русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 301—318. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-301-318

Introduction

The conception as an act of grasping, understanding and comprehending meanings during the discussion and the conflict of interpretations, as well as its result, presented in a variety of concepts [1], attracts a great interest in the humanities — in linguistics, it can be seen in the development of the linguo-cognitive approach and increased attention to comparative studies. According to a fair remark by A. Vezhbitskaya, "... linguistic data turn out to be critical in identifying fundamental models of thinking in various groups of people" [2. P. 54]. This premise explains the growing attention to the sociocultural potential of linguistic and speech units, when social phenomena are more fully revealed on the basis of linguistic patterns, and this aspect is defined as fundamental for humanitarian knowledge [3. P. 9]. In this regard, in modern linguistics the issue of the phraseological composition of the language as a means of interpreting the culture of peoples is becoming increasingly relevant, for which purpose "the human factor in the language vs the language factor in man is moving into the focus of attention of linguistic studies" [4. P. 9].

From these positions we must pay a special attention to such phenomena that avoid a strict definition and require a more flexible conceptual approach, for example, friendship [5. P. 1]. Friendship is an important phenomenon of human culture, a special kind of relationship between people; it is an "inexhaustible topic, the need for reflection on it arises constantly. Each new research can give a new point of view, a new look and the possibility of a new understanding" [6. P. 15—16]. The relevance of the study of the paremiological fund, among other matters, is associated with the relevance of the issue of national identity in the modern world [7]. The analysis of English and Russian proverbs about friendship, on the one hand, helps to explore more fully the phenomenon of friendship, on the other hand, helps to see the characteristics of perception and evaluation of its components and essential features by each peoples.

The article considers proverbs that compose the oldest fund of the phraseological system and reflect most vividly the national and cultural identity and mentality of

both peoples. Following E.V. Ivanova, who generalized the definitions of the proverb given by foreign scholars, we will adhere this definition of proverb: "A proverb is a saying that expresses folk wisdom, tested by the experience of previous generations <...> it has a didactic function, an impetus to follow certain moral standards" [8. P. 11]. A great contribution to the development and study of the theory of phraseology and proverbs was made by such linguists as V.V. Vinogradov, A.V. Kunin, G.L. Permyakov, V.P. Zhukov, N.D. Arutyunova, N.L. Kovshova, Y.I. Levin et al.

Comparative studies in linguistics have become increasingly important and, to a greater extent, the comparison of phraseological units. "It is the comparative aspect of the systematic study of phraseology that is of great interest both for the development of the general theory of phraseology and for the study of general and distinctive features of the languages studied" [9. P. 3]. A contrastive analysis of paroemias contributes to the comparative study of languages and helps to identify cross-language universals. "A comparative description of semantic fields (of paroemias — *T. Orlova*) makes it possible to identify ethnic logic that represents differences in mental patterns of the studied linguistic-cultural communities" [10. P. 15]. So, the main, distinctive idea of the article that supplements known approaches is elucidation of the conception of friendship by a comparison of the proverbs of the English and Russian languages about friendship. The purpose of the article, therefore, is to identify the semantic groups of English and Russian proverbs representing the phenomenon of friendship; to explore general and specific features of proverbs of compared languages, identify linguistic and extralinguistic factors that determine similarity and differences in relation to their figurative meaning and semantics; to formulate general aspects of the conception of friendship and to trace their representation on the material received.

Literature review

The views that are relevant to our study on the problem of friendship conceptualization take shape in the framework of the review in four aspects. It is general categorization of friendship as a phenomenon, including the identification of linguistic patterns; representation of this phenomenon, taking into account the consistency of the language; a variety of manifestations in the representation of a multifaceted phenomenon; and the representation of the phenomenon of friendship in a proverbial space.

The first aspect that realizes a modern view on the problem is the general categorization of friendship as a phenomenon. It is significant that both the practical and theoretical sides of the problem are revealed with the participation of linguistic material and / or with linguistic implications, as, for example, in the work of E.E. Smith [11] or theoretical treatment of A. Maslow [12], and the studying of anthropology of friendship begins with questions of etymology [13]. Judging by research practice, the main directions in the general categorization of friendship as a phenomenon are the identification of the types of subjects entering into these relations [14. P. 174], and the allocation of research space when internal (emotional and sensual) or external (socio-economic and political) aspects of friendships are focused on [15. P. 492]. The possible adjunction of friendship and existential loneliness, revealed in the latest philological studies [16. P. 225], also matters.

The second aspect of the review is the representation of the phenomenon of friendship, taking into account the systematic character of the language. We can see an example of this approach in the treatise that has become a classic of linguistics: Y.S. Stepanov, quoting M. Prishvin, draws attention to the etymological side of the linguistic system: "... In these words, Prishvin intuitively captures the etymology of the word friend: it is "the other self" [17. P. 582]. V.V. Dementiev considers the communicative dimension of the concept of "friendship" [18], and O.Y. Lukashkova analyzes the structure of the concepts "enemy" and "friend" through mutual comparison in the system of the language [19]. A linguistic-cultural dominant is noticeable in the study of the phenomenon in the language system. The work of M. Khizova shows an example of this approach with the indicative correlation of languages and cultures: "linguoculturology as one of the promising areas of sociocultural analytics" [20. P. 7] implicates the investigated problem in this aspect.

The third aspect of the categorization of the phenomenon naturally follows from the previous one. It is the variety of manifestations in the representation of a multifaceted phenomenon. A typical example is the work of Delaney T. and Madigan T., in which the authors investigated a wide range of modern types of friendship, from the so-called close friendship to virtual one [21]. For our study, however, the works covering various conceptual, emotional, communicative spheres are relevant [22]. As the review shows, it becomes possible to explain approximations of evaluative conceptualization of friendship in very different communicative practices on the basis of such an approach, and such a conceptualization is close to paroemias in the terms of linguistic essence.

The fourth aspect that is relevant for our view on the problem is exploration of the representation of the phenomenon of friendship in the proverbial space, that considers proverbial space as a sphere associated with the phenomenon of friendship by mutual cognitive basis [23. P. 7]. In a special linguistic study of the phenomenon of friendship in the Russian linguistic world-image A.D. Shmelev, among other things, relies on rich proverbial material [24]. The works based on the analysis of proverbs acquire a special character: for example, František Čermák conducts research on the material of proverbs of different languages using the international proverb dictionary [25]. This situation encourages to focus specifically on the identified aspect in the subsequent analysis, since the subject (groups of proverbs of certain languages) and the research method becomes critical for the result.

Materials and methods

Applied methods are contingent to the multidimensionality of the problem and complement each other. At the same time, our attention is focused on "systemology as a source and an integral part of the linguistic methodology" [26. P. 151]. The following main research methods were used in accordance to our goal: method of comparative phraseology, which was carried out in the structural-semantic and component aspects; descriptive method; functional stylistic analysis. Also we used principles of cognitive analysis, as well as elements of the method of hermeneutic interpretation. Cognitive analysis involved mainly compatible "methods of analysis of concepts and

methods of analysis of categories" [26. P. 465]. The methodology of comparative structural-semantic analysis is promising in the process of identifying peculiar facts of language and culture, as well as clarification of the specifics of thinking and world perception of various peoples. The effectiveness of this methodology has been confirmed in a variety of ways by lexicographical verification, including one made on the material of proverbs [27].

These characteristics require a closer look at the object of study, English and Russian proverbs correlated to the phenomenon of friendship. The source of empirical material was the dictionaries of proverbs of Russian and English languages [28—32]. The reference method in the work with the proverbial material was the continuous sampling method. For the study 44 English and 56 Russian proverbs were selected.

The unity of methods is implemented in a certain sequence. The observation is applied at the stage of primary studying the problem space and correlates with the postulates of the descriptive method. The key aspects of the concept of friendship are discovered through the use of the principles of systematic approach and dialectical method. The previously mentioned types of analysis are used in appropriate combination. They provide the basis for generalizations, including schematized ones, defined in the framework of the “modeling method” [26. P. 312].

Research results

The concept of friendship is revealed in eight main implementations, which were formulated in the process of initial analysis of the semantic content of proverbs. The study of friendship as a type of relationship is based on the consideration of the basic principles of human relationships. Along with the desire of people for unification, we observe a desire for individualization; this contradiction is removed directly in the phenomenon of friendship. Friendships are classified and divided into subgroups; of all the possible grounds for classification, we are interested in the most universal, associated with the concept of "real" friendship. This classification basis is interesting precisely because we reveal the implementation of this aspect of the conception on the proverbial material. The traits that distinguish a true friend and how a friend becomes real mark another aspect of the conception of friendship. The key, most valuable properties of friends, the position of friendship in the value hierarchy and the strength of friendly ties complete our circle of interests.

The first of eight implementations, representing a separate aspect of the concept of friendship on the considered material, points to cooperation and mutual aid as a characteristic feature of the human community. Since ancient times, it was difficult for a person alone to cope with harsh living conditions — it is easier to overcome difficulties together. Proverbs of this semantic group are widely represented both in English and Russian, they belong to the oldest paroemiological layer. These proverbs contain moral priorities and, therefore, are very important for determinating the characteristic features of the national-cultural identity of both peoples. This group contains the following English proverbs: *Two heads are better than one*; *Four eyes see more than two*; *A trouble shared is a trouble halved*; *One man, no man*, etymologically tracing its origin to the Latin expression *Unus vir nullus vir*; *There is safety in*

numbers; *In the multitude of councelors there is safety*, the proverb of biblical origin, which means that "collective responsibility is less dangerous than individual responsibility." The Russian proverbs of this group are: *Ум хорошо, а два лучше* 'One mind is good, but two are better'; *Одна голова хорошо, а две лучше* 'One head is good, but two are better'; *Одна головня и в печи гаснет, а две и в поле курятся* 'One firebrand goes out in the oven, and two burn in the field'; *Один в поле не воин* 'One cannot conquer alone'; *Артель воюет, а один горюет* 'The gang is fighting, and one is grieving'; *В единении — сила* 'There is strength in unity'; *С мира по нитке, голому — рубаха* 'A single thread from everyone, and there's a shirt for a naked one'.

The comparison shows that two English and two Russian proverbs are very expressive due to metaphorization, which is based on somatisms: in the English proverb, *four eyes — two eyes*, *two heads — one head*, in the Russian proverb *(один) ум — два (ума)* 'one mind — two minds', *одна голова — две (головы)* 'one head — two heads'. The last three English proverbs are maxims — short sayings, coming from the Latin expression, quotes from the Bible. They use more neutral vocabulary. Russian proverbs are expressive due to the fact that the generalized meaning in them is expressed in metaphorical and concretized forms, the lexical components of which are associated with peasant life: *головня* 'firebrand', *печь* 'oven', *поле* 'field', as well as folk-speaking vocabulary: *курятся* 'burn', *горюет* 'is grieving'. Russian proverb *В единении — сила* 'There is strength in unity' is equivalent to English proverbs, which are based on Latin sayings. In the Russian proverb *Один в поле не воин* 'One cannot conquer alone' reflects the historical realities of Russian life, when a Russian man had to fight a lot. The last Russian proverb *С мира по нитке, голому — рубаха* 'A single thread from everyone — and there's a shirt for a naked one' expresses the idea of mutual help. O.G. Dubrovskaya calls such proverbs "the proverbs of national linguistic mentality of the first type", the units of "unique cultural connotation" [33. P. 7]. They have no analogue in English and reflect the mentality of Russian people. "There is a generally accepted opinion about collectivism as a characteristic and most striking feature of the Russian archetype. <…> Sometimes this quality of Russians is also called "a sense of brotherhood." Russians themselves do not deny this value: "Good brotherhood is more valuable than wealth." Sometimes it causes outright envy and admiration among Europeans suffering from loneliness" [34. P. 155—156].

The regular nature of the discovered phenomenon, implementing the concept of friendship, is also supported by a systemic counterbalance, the semantic opposite. So, in the English language there is a proverb that points to the individualism of the British: *Every man for himself*. This proverb also has a unique cultural connotation and reflects the Englishman's mentality, his independence. The comparison of proverbs unique for each language allows us to draw a corresponding analogy with the forms of human sociality, represented, in particular, in the work of F. Tönnies with the concepts of "community" and "society": "Human wills relate in different ways to each other ... This relation itself and thus communication is understood either as real and organic life (this is the essence of community) or as an ideal and mechanical for-

mation (this is the concept of society)" [35. P. 9]. The aforementioned Russian proverb through the idea of mutual help in the situation, which is difficult for one person (*naked*), but not for all members of the community (which could be the situation of a battle with an enemy, for example) postulates rather high level of closeness within this community, in fact, their unity: the problem of one member becomes a common problem. The English proverb claims the absence of the necessary essential connection between people: each person must solve his own problems.

The second of the implementations, which points out an internal contradiction of the concept of friendship, is reflected in the following group of English proverbs with unique meaning. They are about the need to maintain a distance in friendship: *A hedge between keeps friendship green*; *Familiarity breeds contempt*. The first proverb is expressive due to the use of the colour epithet *green*, which rhymes with the word *between* — it contributes to its expressiveness and quick memorization. The second is an aphorism, a philosophical generalization. It contains neutral vocabulary and is devoid of expression. These proverbs have no analogues in the Russian language and reflect the mentality of the British, who believe that the closer you know a person, the more you see his or her flaws, and the initial admiration is often replaced by disappointment and neglect.

The third implementation, which directly reveals friendship as a complex entity, contains elements of integration of the first two groups, removing the contradiction found in the second one. It presents general characteristics of friendship as a type of closest non-related relationship between people, which is reflected in the corresponding groups of proverbs in both languages. The English proverbs of this group are: *The only unsinkable ship is friendship*; *A true friend is the best possession in the world*; *Friendship, like phosphorus, shines brightest when all around is dark*; *A faithful friend is a medicine of life*; *It is better to be in chains with friends, than to be in a garden with strangers*. These English proverbs correspond to Russian: *Дерево крепче корнями, а человек — друзьями* 'A tree is stronger in its roots, and a man is stronger in friends'; *Друг — ценный клад, недругу никто не рад* 'A friend is a valuable treasure, no one is happy with an enemy'; *Человек без друзей — что сокол без крыльев* 'A man without friends is like a falcon without wings'; *Человек без друга — что земля без воды* 'A man without a friend is like a land without water'; *Без друга на душе вьюга* 'There is a blizzard in the soul without a friend'; *Верный друг лучше сотни слуг* 'A faithful friend is better than hundreds of servants'; *Без друга в жизни туго* 'Without a friend life is tough'; *Друг за друга стой — выиграешь бой* 'Defend each other and win the battle'; *Сам погибай, а товарища выручай* 'Die yourself, but help your comrade'; *Врагу не кланяйся, а товарища выручай* 'Do not bow to the enemy, but help a comrade'; *Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает* 'There is no greater love than dying for each other'.

The value system of two peoples is revealed especially clearly through analyzing English and Russian proverbs of this group. This system is caused by various extralinguistic factors: the history, way of life, climate, etc. Comparisons and contradictions lay at the heart of their figurative structure. So, in English proverbs friendship is compared to an *unsinkable ship*, to *phosphorus that shines brightly in the dark*, to *the*

best acquisition, to *a cure for disease*. The last proverb has a unique meaning, revealing the mentality of the British, who are very wary of strangers and maintain a distance in communication. In Russian proverbs, friendship is compared to powerful roots of a tree, to *ценный клад* 'valuable treasure'; a friend is more important than money, more important than *сотни слуг* 'hundreds of servants.' Russian proverbs use the vocabulary related to nature: *земля без воды* 'land without water', *вьюга* 'blizzard', ornithonym *сокол* 'falcon' as well as vernacular words like *туго* 'tough'. The penultimate three proverbs are imperative sentences by its syntactic structure and contain a call to help out a comrade in a battle at the expense of one's life. The readiness of friends to die for each other is also proclaimed as the highest manifestation of friendship in the last proverb. Its rhythmic organization helps to deepen the semantic content. These proverbs have a unique meaning; they reflect the mentality of a Russian warrior man, for whom mutual help and self-sacrifice in a battle guarantee a victory.

Comparison of the proverbs of this group shows that English proverbs are more likely bookish in nature and use neutral vocabulary, while Russian ones are more closely related to folklore: they include vocabulary, relating to nature and peasant life; use folk poetry and rhyming words. Russian proverbs reflect the mentality of a person, coming from peasantry. Analyzing the semantic construction of phrases, we see that English proverbs represent a friend as a kind of acquisition, an addition to an independent, self-sufficient person: these are images of a friend and friendship as medicine, lamp in the dark, etc. In Russian proverbs a friend is considered a part of some unity without which a person is no longer complete. This idea is emphasized by comparisons of a person without friends to a bird without wings, to a tree without roots. A significant part of Russian proverbs of this group is built on a comparison with negative model. In English proverbs, on the contrary, we see comparisons with positive model: what is a life of a person with a friend like. This observation, made by comparing the material, shows us that the British tend to be individualists and have a firm understanding of privacy.

The fourth implementation is naturally connected to the previous ones, representing classification of friendship types. It includes the most important issue, in which each individual is personally interested: what kind of friendship will be the most lasting, which kind of friendship is considered "real". Aristotle in "Nicomachean Ethics" gives his classification of types of friendship: utilitarian (friendship for the sake of any benefit), hedonistic (friendship for the sake of pleasure) and perfect (based on internal virtue and the corresponding likeness of friends) [36. P. 222—223]. The first two types of friendship are imperfect and short-lived (disappear as soon as the basis for friendship disappears), the third type of friendship, based on internal qualities (virtues that are constant for Aristotle), is perfect both in essence and because of durability.

Temporary forms of friendship are reflected in both English and Russian proverbs. *When good cheer is lacking our friends will be packing*; *No longer pipe, no longer dance*; *He that has a full purse never wanted a friend; In time of prosperity friends will be plenty*. This English proverbs correspond to Russian ones: *В радости сыщут, в горе забудут* 'In joy they seek, in grief they forget'*; Хлеба нет, так и*

друзей не бывало ‘If there is no bread, then friends are gone’*; Есть брага да пирожки, так есть други и дружки* ‘If there is home brew and pies, so there are friends and pals’*; Плохой друг — что тень: в солнечный день не отвяжешься, а в ненастный не найдешь* ‘A bad friend is like a shadow: on a sunny day you can not get rid of him, but on a rainy day you cannot find him’*; У кого мошна полна, у того и друзей хватает* ‘He who has a full purse, has enough friends’.

The comparison of English and Russian proverbs of this group reveals subtle shades of meaning. The first parts of the English and Russian proverbs *He that has a full purse…* and *У кого мошна полна…* ‘He who has a full purse’ are very close in figurative meaning and lexical components. However, the second part of the proverbs expresses different meanings. In the English proverb one who has money *never wanted a friend*. The Russian proverb manifests another meaning: one who has money *(у того) друзей хватает* ‘he has enough friends’. The Russian proverb once again, albeit in an ironic way, emphasizes the need for friends in a person’s life (even if their presence here is determined by selfish interest), while in the English proverb availability of money overrides the very need for friends. British individualism is opposed to the collectivism of Russian people. Russian proverbs are more figurative and expressive due to the oppositions and lexical antonyms: *в радости — в горе* ‘in joy — in grief’, *в солнечный день — в ненастный день* ‘on a sunny day — on a rainy day’; due to expressive comparisons: *плохой друг — что тень* ‘a bad friend is like a shadow’; through the use of diminutive suffixes: *дружки* ‘pals’, *пирожки* ‘cakes’. In Russian proverbs human actions are compared to natural phenomena, which probably indicate the affinity of a Russian man to nature.

The true, reliable friendship is the treasure; its necessity is postulated by proverbs of both peoples. Assuming the possibility of a long-term, reliable friendship, it is necessary to determine the way to distinguish it from unreliable (fake) friendship. The answer to this question is given by proverbs, which say that "you can only understand who is your friend and who is your enemy when you face problems and difficulties". This group contains the following English proverbs: *A friend in need is a friend indeed*; *Calamity is man’s true touchstone*; *Prosperity makes friends and adversity tries them*; *Suffering for a friend doubleth friendship*; *In need one sees who his friend is*; *A friend is never known till a man have need*. They correspond to the following Russian proverbs: *Друзья познаются в беде* ‘Friends become known in trouble’*; Без беды друга не узнаешь* ‘You will not get to know your friend without trouble’*; Друг познается при рати да при беде* ‘A friend is known in a battle and in trouble’*; Конь узнается при горе, а друг при беде* ‘A horse is known upon the mountain, and a friend in trouble’*; Друг в беде — друг вдвойне* ‘A friend in need is twice a friend’*; Кто друга в беде покидает, тот сам в беду попадает* ‘Who leaves a friend in need, he himself gets into trouble’. We see that most of the English proverbs are more neutral in lexical components, more aphoristic, edificatory, less expressive except for the proverb *A friend in need is a friend indeed*, that stands apart with its expressiveness and deserves a special attention. In this proverb, we observe the so-called phenomenon of “paronymic attraction”, i.e. convergence of similarly sounding words, which leads to the effect of “false etymologization”: indeed <in deed [37. P. 84]. The

semantic volume of the proverb expands due to this fact. Most of the Russian proverbs of this group are also rather neutral lexically, but several of them are more dramatic: the one in which a friend is tested not only *в беде* 'in trouble', but also *в рати* (a lexical archaism that means 'battle'). The proverb with a zoonym *конь* 'horse' expands expressiveness due to expressive comparison.

The fifth implementation of the conception of friendship is closely related to the previous one. The essence of reliable true friendship is revealed in a group of proverbs about old and new friends. This group includes the following English proverbs: *Before you make a friend eat a bushel of salt with him*; *Old friends and old wine are best*; *Make new friends but keep the old for one is silver and the other is gold*; *Old tunes are sweetest, old friends are surest*; *Old friends are better than new ones*. A lot of synonymous Russian proverbs with the same meaning can be given: *Человека узнаешь, когда пуд соли с ним съешь* 'You will know a person when you eat a pood of salt with him'*; Человека узнаешь, когда из семи печек с ним щи похлебаешь* 'You will know a person when you eat cabbage soup out of seven stoves with him'*; Не узнавай друга в три дня, узнавай в три года* 'Do not get to know a friend in three days, get to know him in three years'*; Новых друзей наживай, а старых не забывай / не теряй* 'Make new friends, but don't forget / don't lose old friends'*; Вещь хороша пока нова, а друг — когда старый* 'The thing is good while it is new, and the friend is good when he is old'*; Старый друг лучше новых двух* 'An old friend is better than two new ones'*; Друг не испытанный, что орех неколотый* 'A friend not time-tested is like a nut not chopped'. The first English and the first Russian proverbs are partial equivalents, their figurative meaning coincides: "to experience friendship you need to eat a lot of salt" (pood / bushel of salt symbolizes a long period of time, spent together in various activities, especially in consentient labour). They are distinguished by its construction: in the English proverb, the main sentence is an imperative, and in the Russian one the sentence is indefinite-personal. According to E.V. Ivanova, "... motivation is more peculiar for the English proverbs; they encourage a person to take active actions or, on the contrary, prohibit them." [13. P. 190—191]. It is expressed by the greater frequency of using imperative sentences. The same meaning is conveyed by another Russian proverb *Человека узнаешь, когда из семи печек с ним щи похлебаешь*, which reflects characteristic household details of the life of Russian people (*печь* 'stove'), Russian food (*щи* 'cabbage soup'), contains a common word (*похлебаешь* 'eat'), which indicates its peasant origin. In the proverb *Друг не испытанный, что орех неколотый* 'A friend not time-tested is like a nut not chopped' we see an unexpected comparison. All these features along with rhythmic organization and rhyming words make Russian proverbs more expressive. The comparing of English and Russian proverbs of this group reveals subtle shades of meaning. So, in the English proverbs old friends are compared to *old wine*, to *gold* and *old melodies*; in the Russian ones this meaning is revealed through striking contrasts *новая вещь — старый друг* 'new thing — old friend' and comparisons *старый друг лучше новых двух* 'an old friend is better than two new ones'. The different lexical components of these proverbs indicates a different figurative thinking of the English and Russian peoples, however, the general meaning can be traced in both cases. We see that friendship is a result of coping with challenges together: either

overcoming troubles or hard work / travelling together. The evidence of this is a bushel or *пуд* ‘pood’ of salt. Both English and Russian proverbs appeal to time, matching friends according to the duration of friendship.

True friendship achieved with the help of hard work is not only valuable, but also a rare thing. The following group includes English and Russian proverbs that express folk wisdom: "You can be friends with many, but true friends should be few." So, the English proverb *Books and friends should be few but good* is unique by its figurative and motivational basis. It gains expressiveness due to the pictural comparison *friends — books*, which should be "few, but good." The English proverb *A friend to all is a friend to none* and the Russian one *Всем брат — никому не брат* ‘A brother to all is a brother to none’ are very close in meaning and by the construction. The difference is that English proverb uses the word *friend*, and the Russian one uses *брат* ‘brother’ instead, though the meaning of the latter is similar to “close friend”, not “close relative”. The studies of the British anthropologist, Robin Dunbar, conducted on extensive extralinguistic material, confirm our conclusion: the possible number of close friends is limited, the main factors of limitation are the time (that is needed to make friends and to communicate) and capabilities of the human brain [38].

The sixth implementation of the conception of friendship is close to the fifth one and thus is related to the others. At the same time, it reveals axiologically different aspects of the problem and thereby it strengthens the stability of the studied conception. True friendship is not limited to collaborative work and trials of life passed together.

The important group of proverbs conveys the peculiar meaning that “only friends can make a clear-eyed assessment of your behavior, indicate your strengths and weaknesses. It includes English proverbs: *The eye of a friend is a good mirror*; *A friend’s frown is better than foe’s smile*; *All are not friends that speak fair*; *Only your real friends tell you when your face is dirty*. They correspond to the following Russian proverbs: *Лучше горькая правда, чем лесть врага* ‘Bitter truth is better than adulation of an enemy’*; Не всяк друг, кто нас хвалит* ‘Not all are friends that praise us’*; Друг спорит, а враг поддакивает* ‘Friend argues, and enemy assents’*; Дружба крепка не лестью, а правдой и честью* ‘Friendship is strong not by flattery, but by truth and honour’*; Не та рука, что только гладит, а и та, что за вихор таскает* ‘Not that friendly hand that just strokes, but the one that drags a tuft’*; Не та собака кусает, что лает, а та, что молчит, да хвостом виляет* ‘Not that dog bites that barks, but that which is silent, but wags its tail’. Analyzing this group of proverbs, we see that both English and Russian proverbs provide their additional meaning. Their figurative and motivational basis and lexical components do not coincide completely. It is possible to consider counterparts: *All are not friends that speak fair* and *Не всяк друг, кто нас хвалит*. Two other English proverbs are based on double contraposition: *open enemy — false friend* and *friend’s frown — foe’s smile*. Russian proverb *Лучше горькая правда, чем лесть врага* is similar to the two aforementioned in its syntactic structure and is also based on double contraposition, but they are distinguished by lexical components. *Frown* and *smile* in English proverb figuratively denote arguing and assenting; this makes it close in its meaning to the other Russian proverb *Друг спорит, а враг поддакивает*, though they are distinguished by the syntactic structure. English proverb *The eye of a friend is a good mirror* does not have a direct Russian counterpart; the using of somatism *eye* increases its

expressiveness. Another English proverb is also quite expressive due to the use of the *face is dirty* metaphor, which reflects bad features of character. Two distinctive Russian proverbs of this group are identical by their syntactic structure and represent folk-colloquial construction of the sentence. In one of them the idea of an enemy is hidden behind the somatism *рука* 'hand' that *гладит* 'strokes', and the idea of a friend is hidden behind a *рука* 'hand' that *за чуб таскает* 'drags by a tuft'. In the second Russian proverb of the same type we see the allegory. The behavior and the traits of the animal are transferred to the person. These proverbs are associated with Russian folklore and have peasant origin.

The same group includes English and Russian proverbs that have the meaning "a good friend speaks good behind the scenes": *He is a good friend that speaks well of us behind our backs*. The Russian language also has a proverb that partially conveys this meaning: *Хороший друг в лицо ругает, а за глаза хвалит* 'A good friend scolds to one's face and praises behind the back'. Here is educative function of a true friend. A person, connected with him by mutual trust, will rather listen to his words and try to correct mistakes in some way. At the same time, "a friend is always the one who understands us, who sees us through our outer shell and acknowledges our innocence" [14. P. 97].

The seventh implementation of the conception of friendship is related to the previous ones. The following aspect of the conception generalizes the value of friendship. Both English and Russian proverbs manifest that friendship must be preserved and cherished, since it is not so easy to find a friend. This group includes an English proverb *Friendship is like money, easier made than kept* and corresponding Russian proverbs: *Нет друга — ищи, а нашел — береги* 'Seek for friend if you do not have one, and take care of him if you find him'*; На деньги друга не купишь* 'You can't buy a friend for money'; *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* 'Do not have a hundred rubles, but have a hundred friends'; *Дружба дороже денег* 'Friendship is more expensive than money'. The English example derives from a quotation, that makes it more aphoristic. It is an extended sentence by its structure. *Money* here acts as a model for the object of discussion (friendship). The corresponding Russian proverb also includes the word *money*, but it is used not in the comparison, but in the lexical contraposition: *friendship / friend* is more valuable than money. Other Russian proverb of the same meaning *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* is very expressive due to its structure (two imperative sentences in the form of the contraposition), due to detailed concept of "money" (*сто рублей* 'hundred rubles') and due to rhyming words (*рублей — друзей*). In English there is a proverb that expresses a similar meaning, but with significant clarification: *A friend in court is better than a penny in purse*. *A friend in court* here refers to a powerful friend. This proverb has no counterparts in the Russian language and reflects the mentality of an Englishman, for whom powerful friend is more valuable than money. This proverb characterizes the British as pragmatic people who appreciate not only the quality of friendship (true or not), but also traits of the friend himself.

The eighth implementation specifically represents the dynamics of friendship. The relevant aspects, correlated with all seven previous implementations, represent the concept of friendship in the scope of the "test to destruction". The following group includes proverbs about destruction and reconstruction of friendship: *Patched*

up friendship seldom becomes whole again; *Reconciled friendship is a wound ill salved*; *A broken friendship may be soldered, bur will never be sound*. English proverbs correspond to Russian ones: *Замиренный друг ненадежен* ‘A reconciled friend is unreliable’*; Дружба что стекло: сломаешь — не починишь* ‘Friendship is like glass: if you break it, you can’t fix it’; *Надсаженный конь, надломанный лук, да замиренный друг равно ненадежны* ‘An overstrained horse, a broken bow and a reconciled friend are equally unreliable’. Comparing proverbs we see that one English and two Russian proverbs contain a common lexical component *reconciled — замиренный*. These proverbs are expressive due to figurative comparisons: *reconciled friendship* is compared to a *wound ill salved* in English and *замиренный друг* ‘reconciled friend’ — to a *надломленный лук* ‘cracked bow’ and *надсаженный конь* ‘overstrained horse’ in Russian. Another vivid comparison *дружба* ‘friendship’ — *стекло* ‘glass’ is used in another Russian proverb. English proverbs use more neutral metaphors concerning friendship: *patched up*, *broken*. Both English and Russian units of this group contain specific metaphors and reveal the figurative thinking of both linguistic and cultural ethnic groups in different ways. Following on the analysis of this group of proverbs, we conclude that friendship seems to be a rather fragile, inflexible kind of relationship. Despite the fact that it is “forged” in consentient labour, in battles and troubles, it looses its value after destruction and can not be “repaired”. Let us return to Aristotle: if friendship has a constant, perfect foundation (i.e. is based on the virtue of friends and a mutual disinterested attitude towards each other), then it can end only after the death of friends. If it stopped earlier, therefore, its foundation was not perfect, because the attitude of one of the friends was not disinterested. Naturally, it is impossible to trust such a friend. If we assume the very possibility of developing a disinterested attitude to replace the former, self-serving one, then, probably, this could be resulted in a new friendship. The “glued together” old “friendship” is, in fact, a kind of relationship when both participants see the truth: that it is not true friendship or not a friendship at all, but for some (perhaps self-centered) reason they continue to communicate.

It is the disclosure of selfish motives that probably is the reason of the destruction of friendship. Following group of proverbs confirms this idea. It includes two English proverbs: *Lend your money and lose your friend*; *Short debt make long friend*. Corresponding Russian proverbs are: *Хочешь потерять друга — дай ему в долг* ‘If you want to lose a friend, grant him a loan’*; Дружба дружбой, а денежки врозь* ‘Friendship is friendship, but keep money apart’*; В долг давать — дружбу терять* ‘To grant a loan to friend is to lose friendship’*; Счет дружбе не помеха / Счет дружбы не портит* ‘Calculation is not a hindrance to friendship / Calculation doesn’t spoil friendship’. The proverbs *Lend your money and lose your friend* and *Хочешь потерять друга — дай ему в долг* are partial equivalents, they are slightly distinguished by grammatical structure and the word order. Other Russian proverbs convey similar meaning by more expressive syntactic and lexical means, using words with diminutive suffixes (*денежки* ‘money’), infinitive sentences (*В долг давать — дружбу терять* ‘To grant a loan to friend is to lose friendship’) and rhyming words (*давать* ‘to grant’ — *терять* ‘to lose’). Describing this aspect of the conception of friendship, one cannot but give another English proverb with a specific meaning: *Friends are all right when they don’t interfere with you career*. In Russian there is a proverb with the close

meaning: *Дружба дружбой, а служба службой* ‘Friendship is friendship, but duty is duty’. The comparison of these proverbs allows us to determine that they reflect the mentality of different classes. The English proverb is an aphorism, it contains a literary expression *interfere with one’s career*, which reflects the worldview of an urban dweller, bureaucrat or salaried employee. Russian proverb is more neutral lexically, its expressiveness arises due to syntactic parallelism and rhythmic organization.

Our conclusions are consistent with previously obtained generalizations that were made in our recent works [39].

Conclusion

The performed analysis is generally summarized in two interrelated directions. Firstly, according to the goal, a system of implementations of the conception of friendship is revealed. Complexity of friendship, the interdependence of its positive and opposing negative sides is revealed only through the mutual interaction of these implementations (emphasis on unity and opposing desire for individualization, fragility, etc.). Secondly, the system of similarities and differences for the corresponding semantic groups of Russian and English proverbs is revealed. Implementations of the conception of friendship on the phraseological material of both languages are similar in many respects, but they also have certain differences. Friendship appears to be a valuable, hard-to-reach, fragile phenomenon. The comparative structural and semantic analysis of the proverbs of both languages showed that among them we can distinguish proverbs that are equivalent in meaning, as well as counterparts that manifest peculiar features of national character and mentality. English proverbs have more didactic and edifying character; they often use imperative sentences and rather neutral vocabulary. In the English proverbs we also noted the desire for individualization as a key feature which determines the other features of the English. This observation is partially consistent with the conclusions of anthropologists (K. Fox calls this central characteristic quality of the British social dis-ease [40]). Both English and Russian proverbs use rhythmic structures and rhyming words that actualize their meaning and contribute to their memorization, but Russian proverbs use them more often. Russian proverbs are more expressive through the use of folk-colloquial vocabulary and diminutive suffixes. Also we observe a closer connection of the Russian proverbs with the conceptual sphere of peasant life. The similarities and differences of English and Russian proverbs characterize clearly the mentality of the both peoples.

The practical significance of the results is the possibility of developing a new type of dictionary on their basis: “Friendship: The experience of cognitive-contrast lexicography.” Thus the main directions for further research are the expansion of the theoretical foundations of cognitive lexicography and the addition of the conceptualization of friendship with data from languages other than Russian and English.

References

1. Neretina, S.S. & Ogurtsov, A.P. (2010). Conception In *New philosophical encyclopedia*. In 4 vols. Moscow: Thought. Vol. 2. pp. 308—309. (In Russ.).
2. Vezhbitskaya, A. (2001). *The juxtaposition of cultures through vocabulary and pragmatics*: Monograph. A.D. Shmelev (Transl.). Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).

3. Alefirenko, N.F. & Skokova, T.N. (2017). Sense as a problem of intercultural communication In *Linguistic aspects of intercultural communication*. Rostov n / Don; Taganrog: SFU. pp. 9—37. (In Russ.).
4. Telia, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic pragmatic and linguocultural aspects.* Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
5. Desai, A. & Killick, E. (2010). *The Ways of Friendship: Antropological Perspectives*. Berghahn: Berghahn Books.
6. Svare, H. (2010). *Philosophy of friendship*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.).
7. Aciobăniţei, M. (2012). Paremiological Aspects in the Construction of National Identity. *Procedia — Social and Behavioral Sciences,* 63, 276—282.
8. Ivanova, E.V. (2006). *The world in English and Russian proverbs*: Textbook. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russ.).
9. Arsentieva, E.F. (1989). *Comparative analysis of phraseological units*. Kazan: Publishing house of KazSU. (In Russ.).
10. Voropaeva, V.A. (2007). *Comparative characteristic of English, German and Russian paroemias and phraseological units expressing tolerance* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
11. Smith, E.E. (2019). *The power of meaning. Create a life that matters.* Moscow: AST. (In Russ.).
12. Maslow, A. (2018). *Motivation and personality.* Moscow, Saint Petersburg: Peter. (In Russ.).
13. Beer, B. & Gardner, D. (2015). Friendship In *Anthropology of International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd edition. Vol. 9. Oxford: Elsevier. pp. 425—431.
14. Alberoni, F. (1991). *Friendship and love*. Moscow: Progress. (In Russ.).
15. Bunnell, T., Yea, S., Peake, L., Skelton, T. & Smith, M. (2012). Geographies of Friendships. *Progress in Human Geography*, 36 (4), 490—507.
16. Avakimova, E.A. & Saychenko, V.V. (2019). The motivational range of "children's themes" in modern Russian literature In *Actual problems of modern philology: theory, practice, development prospects*. Krasnodar: KubSU. pp. 225—227. (In Russ.).
17. Stepanov, Y.S. (1997). *Constants Dictionary of Russian culture. Research experience*. Moscow: RAS; School "Languages of Russian Culture". (In Russ.).
18. Dementiev, V.V. (2007). Heart to heart conversation In *Anthology of speech genres: everyday communication*. Moscow: Labyrinth. pp. 231—245. (In Russ.).
19. Lukashkova, O.Y. (2003). The concept of "enemy" in modern Russian and American media In *Language and national consciousness*. Voronezh: Istoki. pp. 156—161. (In Russ.).
20. Khizova, M.A. (2005). *The concept of "friendship" in Russian and English linguistic cultures (based on Russian and English languages)* [dissertation]. Volgograd. (In Russ.).
21. Delaney, T. & Madigan, T. (2017). *Friendship and Happiness: And the Connection Between the Two.* McFarland.
22. Stinson, B. (2019). *Bro Code*. Moscow: EKSMO. (In Russ.).
23. Burmistrova, L.V. (2017). Semantic characteristics of comic proverb In *Language. Text. Discourse*. Stavropol: SKFU. pp. 313—319. (In Russ.).
24. Shmelev, A.D. (2004). Friendship in the Russian language world-image In *Sacred meanings. Word. Text. The culture.* Moscow: YASK. pp. 704—715. (In Russ.).
25. Čermák, F. (2018). Friends and friendship in proverbs. *Linguistica Brunensia*, 66(1), 73—85.
26. Komarova, Z.I. (2017). *Methodology, methods, technique and technology of scientific research in linguistics*. Moscow: Nauka; Flinta. (In Russ.).
27. Emirova, A.M. (2019). *Modern Crimean Tatar lexicography*. Simferopol: Nauchnyi mir. (In Russ.).
28. Dal, V.I. (2009). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: Russian language Media. (In Russ.).
29. Zhukov, V.P. (1990). *Dictionary of Russian proverbs and sayings*. Moscow. (In Russ.).
30. Dictionary common English proverbs (1990). M.V. Bukovskaya, S.I. Vyaltseva, Z.I. Dubyanskaya et al (eds.). Moscow: Russian language. (In Russ.).
31. Longman Contemporary English Dictionary (2001). Harlow (GB): Longman.
32. Smith, W.G. (2008). *The Oxford dictionary of English proverbs*. Oxford.
33. Dubrovskaya, O.G. (2002). *Russian and English proverbs as cultural units*. Tyumen. (In Russ.).

34. Sergeeva, A.V. (2006). *Russians: stereotypes of behavior, traditions, mentality.* Moscow: Flinta-Nauka. (In Russ.).
35. Tönnies, F. (2002). *Community and society*. Saint-Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.).
36. Aristotle (1983). *Works in four volumes*. Volume 4. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
37. Eliseeva, V.V. (1988). English paremias: some features of the content plan In *Semantics and pragmatics of language in the dialogue of cultures*. Samara. pp. 82—86. (In Russ.).
38. Dunbar, R.I.M. (2018). The Anatomy of Friendship. *Trends of Cognitive Sciences*, January 2018, 22(1), 32—51.
39. Orlova, T.G. (2018). Comparative structural and semantic analysis of English and Russian proverbs expressing the moral and ethical semantic dominant "teaching, knowledge, wisdom". *Historical and socio-educational thought*, 10(2—2), 148—156. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-148-156. (In Russ.).
40. Fox, K. (2014). *Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior*. Hodder.

Библиографический список

1. *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Концепция // Новая философская энциклопедия. В 4 тт. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 308—309.
2. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики: Монография / Пер. с англ. и предисл. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 272.
3. *Алефиренко Н.Ф., Скокова Т.Н.* Смысл как проблема межкультурной коммуникации // Лингвистические аспекты межкультурной коммуникации. Ростов н/Д; Таганрог: ЮФУ, 2017. С. 9—37.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
5. *Desai A., Killick E.* The Ways of Friendship: Antropological Perspectives. Berghahn: Berghahn Books, 2010.
6. *Сваре Х.* Философия дружбы. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
7. *Aciobăniţei M.* Paremiological Aspects in the Construction of National Identity // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 63. С. 276—282.
8. *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие. СПб: СПбГУ, 2006.
9. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань: Изд-во КазГУ, 1989.
10. *Воропаева В.А.* Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий и фразеологизмов, выражающих толерантность: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2007.
11. *Смит Э.Э.* Сила смысла. Создай жизнь, которая имеет значение. М.: АСТ, 2019.
12. *Маслоу А.* Мотивация и личность. М.; СПб.: Питер, 2018. С. 400.
13. *Beer B., Gardner D. Beer B., Gardner D.* Friendship, Anthropology of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2nd edition, Vol. 9. Oxford: Elsevier. С. 425—431.
14. *Альберони Ф.* Дружба и любовь. М.: Прогресс, 1991.
15. *Bunnell T., Yea S., Peake L., Skelton T., Smith M.* Geographies of Friendships // Progress in Human Geography. 2012. no 36 (4). С. 490—507.
16. *Авакимова Е.А., Сайченко В.В.* Мотивный диапазон «детской темы» в современной русской литературе // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. Краснодар: КубГУ, 2019. С. 225—227.
17. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: РАН; Школа «Языки русской культуры», 1997.
18. *Дементьев В.В.* Разговор по душам // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 231—245.
19. *Лукашкова О.Ю.* Концепт «враг» в современных российских и американских СМИ // Язык и национальное сознание. Воронеж: Истоки, 2003. С. 156—161.

20. *Хизова М.А.* Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. …канд.филол.наук. Волгоград, 2005.
21. *Delaney T., Madigan T.* Friendship and Happiness: And the Connection Between the Two. McFarland, 2017.
22. *Стинсон Б.* Кодекс братана. М.: ЭКСМО, 2019.
23. *Бурмистрова Л.В.* Семантические характеристики комических пословиц // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 313—319.
24. *Шмелев А.Д.* Дружба в русской языковой картине мира // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М.: ЯСК, 2004. С. 704—715.
25. *Čermák F.* Friends and friendship in proverbs // Linguistica Brunensia. 2018. Vol. 66. Iss. 1. С. 73—85.
26. *Комарова З.И.* Методология, методы, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: Наука; Флинта, 2017.
27. *Эмирова А.М.* Современная крымско-татарская лексикография. Симферополь: Науч. мир, 2019.
28. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Русский язык, Медиа, 2009.
29. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1990.
30. Словарь употребительных английских пословиц // М.В. Буковская, С.И. Вяльцева, З.И. Дубянская и др. М.: Русский язык, 1990.
31. Longman Contemporary English Dictionary. Harlow (GB): Longman, 2001.
32. *Smith W.G.* The Oxford dictionary of English proverbs. Oxford, 2008.
33. *Дубровская О.Г.* Русские и английские пословицы как культурологические единицы. Тюмень, 2002.
34. *Сергеева А.В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта. Наука, 2006.
35. *Теннис Ф.* Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002.
36. *Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Том 4. М.: Мысль, 1983.
37. *Елисеева В.В.* Английские паремии: некоторые особенности плана содержания // Семантика и прагматика языка в диалоге культур. Самара, 1988. С. 82—86.
38. *Dunbar R.I.M.* The Anatomy of Friendship // Trends of Cognitive Sciences. January 2018. Volume 22. Number 1. С. 32—51.
39. *Орлова Т.Г.* Сопоставительный структурно-семантический анализ английских и русских пословиц, выражающих морально-этическую смысловую доминанту «учение, знание, мудрость» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2—2. С. 148—156. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-148-156.
40. *Fox K.* Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder, 2014.

Information about the author:
Tatiana G. Orlova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *scientific interests*: comparative linguistics, phraseology, paroemiology, semantics; *e-mail*: orlova-tg@rudn.ru. Web of Science ResearcherID A-6149-2017. Scopus Author ID: 57201723102. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2777-3930

Сведения об авторе:
Орлова Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; научные интересы: сравнительное языкознание, паремиология, фразеология, семантика; *e-mail*: orlova-tg@rudn.ru. eLibrary SPIN-код: 6686-7256. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2777-3930

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 319–329
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-319-329
UDK 811.161.1'373:398.91

Research article / Научная статья

Phraseological Units with the Word "Bread" in Russian, French and Italian Linguocultures

Margarita E. Kaskova, Olga V. Ustinova, Elizaveta K. Bolshakova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
[1]deptphilology@gmail.com

Language is not only a means of communication between people, but also the cultural memory of the speakers of this language. We believe that in linguistic units there is cultural information that indicates the existence of a category that correlates language and culture, and makes it possible to describe their interaction. A way of verbalizing a culture using linguistic signs is called cultural connotation. Cultural categories are a kind of stereotypes, symbols, standards, mythologemes, archetypes, rituals and other signs of both national and universal culture. The linguistic picture of the world is one of the key concepts that characterize the peculiarity of the relationship between people and the world around them, because "captures a certain image of the world, which is never a mirror image of the world". The national specificity is revealed in phraseology most of all. It is the phraseological composition of the language that most fully reflects the features of speech behavior, the specificity of the national mentality, manifested through cultural codes. The phraseological image is essential in modeling the linguistic picture of the world of a particular people. In this article, the subject of research are Russian, French and Italian phraseological units with the word "bread" from the point of view of linguoculturology, which allows us to identify the national-cultural identity of the phraseological units under consideration. We believe that the internal form of the phraseological unit contains a certain cultural code, that is, with the help of phraseological units it is possible to characterize representatives of one or another nationality. The subject of this article is a comparative analysis of phraseological units that have the word "bread" as the main component. The object of research is the features of the use of this word as a fragment of the lexical and phraseological systems of the Russian, French and Italian languages. The article compares phraseological units with the "bread" component, which historically goes back to free phrases, analyzes the processes of rethinking both the whole expression and its components. Using the example of phraseological units, we will analize how the lexeme "bread" loses its literal meaning "food" and acquires a new content, introducing new meaning into the semantic structure of the phraseological phrase. The problem under study is very relevant, because it is caused by the growing interest in modern linguistics to study of the mechanisms of secondary nomination in different languages and the identification on the material of phraseological units of specific features of verbal thinking and perception of the surrounding reality by language groups.

Keywords: phraseological unit, lexeme "bread", phraseological combinations, cultural code, internal form, Russian culture, French culture, Italian culture

© Каскова М.Е., Устинова О.В., Большакова Е.К., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Article history:
Received: 01.12.2019
Accepted: 15.01.2020

For citation:
Kaskova, M.E., Ustinova, O.V. & Bolshakova, E.K. (2020). Phraseological Units with the Word "Bread" in Russian, French and Italian Linguocultures. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 319—329. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-319-329

УДК 811.161.1'373:398.91

Фразеологизмы со словом «хлеб» в русской, французской и итальянской лингвокультурах

М.Е. Каскова, О.В. Устинова, Е.К. Большакова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198
deptphilology@gmail.com

Язык является не только средством общения людей, но и культурной памятью носителей этого языка. Мы полагаем, что в языковых единицах присутствует культурная информация, которая говорит о существовании категории, коррелирующей с языком и культурой, и дает возможность описать их взаимодействие. Способ вербализации культуры с помощью языковых знаков называется культурной коннотацией. Культурные категории — это стереотипы, символы, эталоны, мифологемы, архетипы, ритуалы и другие знаки как национальной, так и общечеловеческой культуры. Языковая картина мира является одним из ключевых понятий, характеризующих особенность взаимоотношений людей с окружающим миром, поскольку запечатлевает в себе определенный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира. Наиболее ярко ее национальная специфика раскрывается во фразеологии. Именно фразеологический состав языка наиболее полно отражает особенности речевого поведения, специфику национального менталитета, проявляющуюся через культурные коды. Фразеологический образ имеет существенное значение в моделировании языковой картины мира определенного народа. В настоящей статье предметом исследования являются русские, французские и итальянские фразеологизмы со словом «хлеб» с точки зрения лингвокультурологии, что позволяет выявить национально-культурное своеобразие рассматриваемых фразеологических единиц. Мы считаем, что внутренняя форма фразеологической единицы содержит определенный код культуры, то есть при помощи фразеологизмов можно охарактеризовать представителей той или иной национальности. Предметом исследования настоящей статьи является сопоставительный анализ фразеологических единиц, имеющих в качестве основного компонента лексему «хлеб». Объектом исследования являются особенности употребления данной лексемы как фрагмента лексико-фразеологических систем русского, французского и итальянского языков. В статье сопоставляются фразеологизмы с компонентом «хлеб», исторически восходящие к свободным словосочетаниям, анализируются процессы переосмысления как целого выражения, так и его компонентов. На примере фразеологических единиц мы проследим, как лексема «хлеб» теряет свое буквальное значение «продукта питания» и приобретает новое содержание, внося в семантическую структуру фразеологического оборота новый смысл. Изучаемая проблема весьма актуальна, так как обусловлена возрастающим в современном языкознании интересом к исследованию механизмов вторичной номинации в разных языках и выявлению на материале фразеологизмов специфических особенностей вербального мышления и восприятия окружающей действительности языковыми коллективами.

Ключевые слова: фразеологическая единица, лексема «хлеб», фразеологические сочетания, культурный код, внутренняя форма, русская культура, французская культура, итальянская культура

История статьи:
Дата поступления: 01.12.2019
Дата приема в печать: 15.01.2020

Для цитирования:
Каскова М.Е., Устинова О.В., Большакова Е.К. Фразеологизмы со словом «хлеб» в русской, французской и итальянской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 319—329. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-319-329

Introduction

The linguistic picture of the world is one of the key concepts that characterize the peculiarity of relationships between people and the world around them, because "captures a certain image of the world, which is never a mirror image of the world" [1. P. 60]. Its national specificity is in the most cases revealed in phraseology. It is the phraseological composition of the language that most fully reflects the features of speech behavior, the specificity of the national mentality, manifested through cultural codes [2]. The phraseological image is of the great importance in modeling the linguistic picture of the world of a certain people speaking one or another language, since it allows to structure its fragments, associate them with the phenomena of surrounding reality, with a figurative perception of objects.

In language, as in a mirror, the mentality of the people, their spiritual needs and experiences are reflected. The whole structure of the language, including its word formation, category of gender, phonetic system, synonymy, is directly related to the mentality of the people — native speakers. But a particularly close relationship with mentality can be traced at the level of set expressions that has been living in a language without any changes for several centuries. So, in cognitive phraseology, the concept of a "phraseological picture of the world" appeared, which is a person's worldview, as a combination of universal and individual knowledge of the world, as a result of creative reflection in our minds of not only the real world, but also something conceivable, experienced by us, although not reflecting reality. On the one hand, this is some kind of ideal, mental formation — the sum of objective meanings and ideas about the real world, on the other hand, it is an indirectly derivative entity, objectified by phraseological meanings [3]. The richness of the language can be revealed through the study, comparison and analysis of stable phrases, phrases, well-aimed and winged words, that is, its phraseology. The study of idiom idioms opens up the world of culture of the country of the language being studied, the historical era of the development and formation of civilizations.

Phraseologisms with a gastronomic component are a kind of conceptual constant, since they exist in any language. National cuisine, its symbolism, terminology play an important role in comprehending and interpreting culture as a system in which the past, present and future coexist, leading an ongoing dialogue. In the intercultural aspect, this dialogue includes the borrowing of various products and national dishes from one people to another.

The phraseological composition of the language plays a special role in broadcasting the national cultural identity of the people and their identification. The

worldview and national character of the people are embodied, so the component "food" is reflected in the phraseology of any language. As the analysis of the language material shows, phraseological units with food code have a sharp form and a wide range of meanings and connotations.

Phraseological unit is "the common name for semantically related combinations of words and sentences, which, unlike syntactic structures are similar in form, are not produced in accordance with the general patterns of choice and combination of words in organizing a statement, but are reproduced in speech in a fixed ratio of the semantic structure and a certain lexical and grammatical composition" [4. P. 559].

For our study, we used the point of view of V.N. Telia, who noted that phraseological unit is a unit of cultural code that occupies an important place in the language system and reflects the cultural and national values of the linguistic community. The scientist also determined that the emergence of the additional meaning of the phraseological unit is due to the fact that it is interconnected with various life spheres — this is the result of the secondary nomination [5].

Now, let's consider Russian, French and Italian phraseological units with the semantic component "bread" through cultural codes and cultural connotation.

When analyzing French, Italian, and Russian phraseological units with the component "bread", common features were discovered.

The Russian word *хлеб*, French word *pain* and Italian word *pane* as the units of the cultural code are used in various phraseological combinations and are polysemantic. As in the Russian language, the word «хлеб», in the French and Italian the words «pain» and «pane» can have wider meaning, and exactly *«baked pastry, any bakery product»*, as well as wider metonymic meaning *«food in general»,* fixed in biblical tradition — *«хлеб наш насущный», «lepain quo ti dien» and «pane quo ti diano».* In this example, the component *«хлеб / pain/ pane»* has the meaning *«necessary for life, minimal means of existence».* In all three examples, the meaning of the main component is reinforced by its dependent component: *«насущный», «quo ti dien» и «quo ti diano»*. This phraseological unit dates back to the Gospel prayer: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь*. In this expression, *bread* symbolizes not only material and spiritual food, but also a source of strength that constantly nourishes our spiritual life.

The set-expressions in these cases do not have a pronounced emotional connotation, however, it becomes obvious that the presence of bread in the daily lives of people is very important. Figurative expressions of biblical origin, as a rule, lose their religious content and are perceived today as ordinary phraseological units.

In the French, Italian and Russian picture of the world, *bread* symbolizes a minimum of nutrition: *посадить на хлеб и воду, сидеть на воде и хлебе, перебиваться с хлеба на квас (русский); vivre au pain et à l'eau, mettre qn au pain et à l'eau, manger du pain sec, mendier son pain, chercher son pain, demander son pain (французский; guadagnarsi il pane (итальянский)* и другие.

In all linguistic cultures, *bread* symbolizes earnings, self-support: *зарабатывать на хлеб, есть свой хлеб, зарабатывать хлеб в поте лица (bibl.); gagner son pain, gagner son pain à la sueur de son front (fr.); guadagnarsi il pane (it.).*

In the figurative meaning of such expressions as *зарабатывать на хлеб (rus.), gagner son pain (fr.), guadagnarsi il pane (it.)* the component зарабатывать /gagner/

guadagnarsi correlates with the anthropic code of culture, the component *хлеб/ pain/ pane* correlates with the gastronomic code of culture and is reinterpreted as "earnings". In the figurative meaning of phraseological unit lies metonymy — a business that gets money. Bread is identified with earnings itself and symbolizes a means of human life.

In Russian, Italian and French, bread symbolizes loss of earnings: *хлеб отбить (отбивать) (rus.); pane di legne vin di nuvole (it.); enlever (ôter, retirer) le pain de la boucheh (fr.).*

In the figurative meaning of the following phraseological units *хлеб отбить у кого-либо (rus.), enlever le pain de la bouche* (fr.) the component отбить / enlever correlates with the promotional code of the culture, component bread / pain correlates with the gastronomic code of the culture and means "earnings". To take bread from someone means to deprive someone of earnings. This set-expression in the languages under analysis arose as a result of the metaphorical rethinking of the free phrase, in which "beat off" means "take away by force", and the word "bread" appears in the derived meaning "means of existace", earnings.

In all three linguocultures, bread symbolizes hospitality: *partager le pain et le sel de l'amitié (fr.); dimezzare il pane, smezzare il pane (it.); делить хлеб-соль (rus.).*

In the French, Italian and Russian phraseological units *делить хлеб-соль (rus.); partager le pain et le sel de l'amitié (fr.); dimezzare il pane / smezzare il pane (it.)* the component делить/partager/ *dimezzare* corresponds to the promotional code of the culture, the components salt / sel and bread / pain / pane correspond to the gastronomic code of the culture, which symbolize food in its totality, as something whole, valuable and necessary. In addition, salt and bread symbolize hospitality. According to M.L. Bucket, bread and salt in ancient times played a special role: bread expressed the desire for wealth and prosperity, and salt protected from hostile forces and influences. In the past, magical meaning was attributed to the bread-salt formula — the evil was averted due to these words [6. P. 281].

In French, Italian, and Russian linguistic cultures, bread can symbolize the needs of people who wanted only bread and circuses: *хлеба и зрелищ (rus.); pane e circense i! (it.); du pain et des jeux (fr.).*

The following expressions *хлеба и зрелищ; du pain et des jeux; pane e circense i!* means "the needs of ignorant people, eager only for food and base entertainment". This expression arose from the 7th satire of the Roman poet Juvenal. This was the cry of the Roman mob under the emperor Augustus: *panem et circenses* [7. P. 34]. In this expression, the word хлеб/ pain, corresponds to the gastronomic code of culture and symbolizes food, a component of the spectacle, jeux corresponds to the anthropic code and symbolizes base entertainment.

In Russian, French and Italian, there are a number of figurative expressions with this component, based on the archetype of bread as a symbol of life, wealth, abundance and material well-being. In Russian, French and Italian there are figurative expressions with the following figuratively-metaphorical meanings: earnings, livelihoods, for example, in French the expression is often used *gagners on pain* (lit. «зарабатывать хлеб») — *«зарабатывать на хлеб»; ne pas voler le pain qu'il mange* (lit. «не воровать хлеб, который ешь») — *«не есть зря хлеб».*

In all three linguistic cultures there is a group of phraseological units based on the semantics of criticism and condemnation. In French language *manger du pain des au tres,* in Italian language *mangier eil pane aufo* (lit. «есть чужой хлеб») — «*есть чужой хлеб»* — in both expressions, a clear reprehensible connotation is noticeable, as well as in the following phraseological units: *il pane deglialtri e` troppo salato»* (lit. «чужой хлеб слишком соленый») — *«чужой хлеб горек»* — it happens when a person lives in a strange house as a parasite or when he is simply forced to use the handouts of others. But, at the same time, in Italy and in Russia they say: *Il pane deglialtri è più buono — «чужой хлеб вкусен». Lavorare peruntozzo di pane* (lit. «работать за кусок хлеба») — «*работать за кусок хлеба»,* and the word "bread" in these expressions acts as a small income that is not neglected. *Vivered ipanduro* (lit. «жить на твердом хлебе») — «*сухой коркой питаться»* — «жить впроголодь» means to be need in something [8. P. 12].

Italian phraseological unit «*quando si ha fame il pane sa di carne»* (буквально «когда голодно, хлеб за мясо сойдет») has not got full analogues in the Russian language, but the proverb «голодному все вкусно» as close as possible to the exact meaning of the Italian idiom. The expression *chi ha i denti non ha il pane e chi ha il pane non ha i denti* (lit. «у кого есть зубы, у того нет хлеба, а у кого есть хлеб, у того нет зубов») has got sad context: those who has got aims, they do not have got the means to achieve them, while those who has got the means do not have any goals. An analogue of this expression in Russian without a food component «не по зубам» has the similar context to Italian phraseological unit «не делай того, на что у тебя нет денег или что у тебя не получится/что тебе не под силу».

The word "bread" also has a cultural-symbolic component of meaning, including ambivalent meanings:

1) vital value, source of vitality, which are evaluated positively: in Russian *хлеб — кормилец, хлеб — всему голова, хлеб-батюшка*; in Italian language, the same meaning belongs to the following idioms: *pane e` cibodasaggio* (lit. «хлеб — еда мудрецов») corresponds to the Russian meaning — *хлеб да вода — богатырская еда; rispettail pane chemangi* (lit. «уважай хлеб, который ты ешь»); *non c'è cibo da re più squisito del pane* (lit. нет более королевской еды, чем хлеб);

2) carnal, earthly principle, as opposed to spiritual, since in every culture there is a tradition — to refuse food as a symbol of earthly goods in favor of spiritual goods during fasting, active spiritual work: Russian figurative expression «*не хлебом единым жив человек»* corresponds French idioms in French language: *ne pas vivre seulement de pain* and in Italian language: *non si vive disolo pane (lit. «только на хлебе не проживешь»)*. This symbolic meaning is not associated with the negative connotation of value and is practically neutralized, since bread is an inexpensive meal.

3) a modest or poor life — *перебиваться с хлеба на воду, жить на хлебе и водеin French language à la faim tou test pain* (lit. «для голода — все является хлебом») — голод — лучший повар, или итальянские идиомы *mangiare pane e sputo* (lit. «есть хлеб и слюну») — «*сидеть на одном хлебе»*, that is, to live poorly — bread is considered a very satisfying product in both countries, so one can live on bread with water for a long time. *Vivere di pane e diac qua* (буквально «питаться хлебом и водой») — «*с хлеба на квас перебиваться»*;

4) difficult fate: *mangiare il pane pentito* (lit. «есть покаянный хлеб») — feel sorry for what has happened.

The mismatch in the components can be seen in the following Italian expression *rendere pane per focaccia* (lit. «отплатить хлебом за фокаччу»). In Russian, there are a number of expressions that convey this idea, for example, «*отплатить той же монетой», «воздать сторицей», «не остаться в долгу»*. However, the word «хлеб» is not included in the mentioned figurative expressions of the Russian language [9. P. 18; 10. P. 47]. Similar discrepancies in the components can be seen in the French language. The following expression should be noted here: *promettre plus de pain que de beurre* (lit. обещать больше хлеба, чем масла), which corresponds to the following Russian expressions *«кормить обещаниями, «кормить завтраками»*. Other words, *«обещать хлеб»* in the French figurative expression means the following: *«давать обещания, которые не будут исполнены»* [11. P. 89; 12. P. 92]. And it should be mentioned, in the Russian language, there is an expression *«хлебом не корми»*, and it means *«любой ценой, любыми средствами получить желаемое».*

There is a number of the phraseological units in both French and Italian languages, where the word «bread» actualizes the concept of death metaphorically: in French there is an expression *faire passer le goût du pain* (lit. *«передать вкус хлеба»,* and it means *«сживать со света»* or *perdre le goût du pain* (lit. *«потерять вкус хлеба»*), other words, *«потерять вкус к жизни, умереть»;* in the Italian language, the idiom *finire dimangiare il pane* (lit. «закончить/ перестать есть хлеб»), means *«отправиться на тот свет, умереть»;* or *morir ein unamadia di pane* (lit. *«умереть в ларе для хлеба»),* and it means *«умереть бессмысленной смертью, без пользы»* [13]. That is, in both French and Italian linguistic cultures, the word “bread” can be a symbol of “death”. In Russian, “bread” does not symbolize “death”.

The following phraseological unit in French *«long comme un jour sans pain» can be* related to the subject of boredom (lit. *«долгий (длинный), как день без хлеба),* and that means *«день считается бесконечно долгим, если нет хлеба»* or *triste comme un jour sans pain,* and it is translated as *«грустный как день без хлеба»* [14]. In Italian, a similar expression also exists. However, boredom is symbolized by the word «pizza»: *Che pizza!* (lit. «что за пицца!») — *«какая скука!»*. For Italians, pizza is a dish that don’t surprise anyone, so the word “pizza” is perfect for this set-expression [15]. The idiom is often used in colloquial speech, has a dismissive connotation, for example, in a sentence: *Che pizza quel l’uomo!» — «Ну что он за зануда!».*

In the linguocultures under analysis, one can also observe the discrepancies in the meanings of phraseological units with the semantic component “bread” [16. P. 23].

So, in French there is an expression with the component “bread” with a meaning associated with crime and prison [17. P. 76; 18. P. 56]. For example, the phraseological unit *pain rouge* means “theft and murder” In the figurative meaning of the phraseological unit, the component *pain* corresponds to the gastronomic code of the culture, the component *rouge* corresponds to the color code of the culture. The red color in the French language has a variety of symbols, in particular, it can symbolize blood, death. In addition, red color is used to express illegality [19. P. 17].

The French phraseological unit *faire passer le goût du pain*, translated as “убить кого-либо” is related to the criminal theme. In the figurative meaning of the set ex-

pression the component “faire passer” corresponds to the promotional code of the culture and means “заставить забыть”, the component “pain” refers to the gastronomic code of the culture, and the component “gout” corresponds to the quality code and indicates the quality of bread, evaluated by the sensations it produces, and taste. The concept associated with criminal activity is euphemistically presented.

In the French language there are set expressions with the component “bread”, associated with the meaning of the character of a person. The phraseological unit bon comme le / du pain is translated as “добрейшей души человек” [20. P. 89]. In the figurative basis of this expression, the component bon is related to the anthropic code of culture, the component pain is related to the gastronomic code of culture and symbolizes good and mercy [21. P. 116]. The phraseological unit is based on the comparison of the kindness with bread.

The French phraseological unit avoir le pain et le couteau means “иметь самое необходимое”. In the image of phraseology, the component *le pain* goes back to the gastronomic code of culture, the component *le couteau* goes back to the subject code of culture and means “knife”. The expression contains a stereotypical idea that the most necessary thing in human life is bread and a knife with which one cuts this bread [22. P. 247].

The Russian phraseological unit “хлебом не корми” means a strong addiction, a hobby of someone, a desire to get what one wants [23. P. 314]. The expression is actually Russian. The initial image is bread as a symbol of the most necessary for life, from which a person is ready to give up for the sake of his favorite occupation, achievement of his cherished goal.

The Russian phraseological unit “забыть хлеб-соль” means “to show ingratitude to somebody whose friendliness was enjoyed” [24. P. 45]. The internal form of the phraseological unit contains the bread-salt component, which corresponds to the gastronomic code of the culture and symbolizes hospitality. The component “forget” is related to the anthropic code of culture and means ingratitude [25]. In the figurative basis of the phraseological unit lies the stereotypical idea of the person’s ungrateful attitude to somebody whose friendship is used. Hospitality has always been highly valued in Russian culture. As for ingratitude, it has always been regarded as a very negative quality of a person.

So, the analysis of phraseological units with the component “bread” in three linguocultures (Russian, French and Italian) shows that the images of this product in phraseology are used to describe the world in all its diversity — from the characteristics of a person, his external qualities and internal properties, activities and behavior — to the characteristics of the situation as a whole [27. P. 35; 26. P. 52].

It should be noted that the component “food” plays a large role in any national phraseological system and thereby participate in the creation of a particular picture of the world.

Conclusion

As a result of the comparative linguistic analysis of Russian, French, and Italian phraseological units with the component “bread”, common features were discovered. Namely, in all three linguistic cultures, the word “bread” symbolizes material and

spiritual food, the source of vitality, spiritual enrichment; "bread" acts as a material income, earnings [28. P. 12]. A comparative analysis of phraseological units with the component "bread" revealed some discrepancies. For example, in French and Italian, phraseological units with the component "bread" with the meaning of death were discovered and in the Russian language, such meaning is absent.

The analyzed examples show that when correlating their figurative content resulting from a literal reading, the culturally significant meaning of the image itself also opens [29].

Thus, the analysis has shown that phraseological units with the component "bread" are highly effective means of representing human knowledge and reflect both universal concepts included in the conceptual sphere of any language, and specifically national concepts, representing the unique experience of each nation, accumulated by it and fixed in the linguistic units [4. P. 20], in our case, in phraseological units with a food code [30. P. 13].

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005.
2. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 2005.
4. *Баско Н.В.* Русские фразеологизмы — легко и интересно. М.: Наука, Флинта, 2003.
5. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: ЮНИТИ, 2006.
6. *Телия В.Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 2011.
7. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект). М.: Флинта, 2010.
8. *Буслаев Ф.И.* Русские половицы и поговорки, собранные и объясненные. М.: Русский язык, 2004.
9. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.
10. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.
11. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Высшая школа, 2007.
12. *Вардазарян А.В.* Национально-культурологические особенности метафорических фразеологических единиц в западно-романских языках // Вестник МГЛУ. 2012. no 643. С. 9—21.
13. *Кубрякова, Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. no 1. С. 6—17.
14. *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука // Вопросы языкознания. 2004. no 3. С. 34—47.
15. *Крюкова Г.А.* Концепт. Определение объема содержания понятия. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-opredelenieobema-soderzhaniya-ponyatiya, свободный (дата обращения: 6.02.2020).
16. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. М.: Наука, 2003.
17. *Гухман М.М.* Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 2008.
18. *Кузнецов А.М.* Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка). М.: Наука, 2010.

19. *Кузнецова А.И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М.: МГУ, 2013.
20. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2018.
21. *Пименова М.В., Кондратьева О.Н.* Концептуальные исследования. М.: Флинта, 2011.
22. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М.: Едиториал УРСС, 2014.
23. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 2007.
24. *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филологический факультет, 2011.
25. *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 2003.
26. *Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика: учеб. издание. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007.
27. *Уфимцева А.А.* Опыт изучения лексики как системы: на материале английского языка. М.: КомКнига, 2010.
28. *Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 2008.
29. *Юлтимирова С.А*. Различные подходы к трактовке термина «концепт». Режим доступа: http://www.rusnauka.com/ NPM_2006/Philologia/ 3_jultimirova.doc.htm, свободный (дата обращения 1.02.2020).
30. *Щур Г.С*. Теория поля в лингвистике. М.: Едиториал УРСС, 2009.

References

1. Alefirenko, N.F. (2005). *Controversial issues of semantics: monograph*. Moscow: Gnosis. (In Russ).
2. Apresyan, Yu.D. (1995). *Lexical semantics.* Moscow: School “Languages of Russian Culture”. (In Russ).
3. Bally, S. (2005). *General linguistics and questions of the French language*. Moscow: Publishing house of foreign countries. (In Russ).
4. Basko, N.V. (2003). *Russian phraseological units are easy and interesting*. Moscow: Nauka. (In Russ).
5. Telia, V.N. (2006). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: UNITY. (In Russ).
6. Telia, V.N. (2011). *Types of language meanings: The associated meaning of a word in a language.* Moscow: Nauka. (In Russ).
7. Kovshova, M.L. (2010). *Semantics and pragmatics of phraseological units (linguocultural aspect)*. Moscow: Flinta. (In Russ).
8. Buslaev, F.I. (2004). *Russian floorboards and sayings, compiled and explained*. Moscow: Russian language. (In Russ).
9. Vezhbitskaya, A. (1997). *Language. The culture. Cognition.* Moscow: Russian dictionaries. (In Russ).
10. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990). *Language and culture: Linguistic and regional studies in the teaching of Russian as a foreign language*. Moscow: Russian language. (In Russ).
11. Vinogradov, V.V. (2007). *Selected Works. Lexicology and lexicography*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ).
12. Vardazaryan, A.V. (2012). National-culturological features of the metaphorical phraseological units in West Romance languages. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 643*, 9—21. (In Russ).
13. Kubryakova, E.S. (2004). Of cognitive science guidelines and vital problems of cognitive linguistics, *Issues of Cognitive Linguistics, 1*, 6—17. (In Russ).
14. Kubryakova, E.S. (2004). The initial stages of the formation of cognitivism: linguistics, psychology, cognitive science. *Voprosy Jazykoznanija*, *3*, 34—47. (In Russ).
15. Kryukova, G.A. *Concept. Determination of the scope of the concept*. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-opredelenieobema-soderzhaniya-ponyatiya, free (accessed: 02.02. 2020).

16. Demyankov, V.Z. (2003). *Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach.* Moscow: Nauka. (In Russ).
17. Gukhman, M.M. (2008). The grammatical category and structure of paradigms In *Studies in the general theory of grammar*. Moscow: Nauka. (In Russ).
18. Kuznetsov, A.M. (2010). *Structural and semantic parameters in vocabulary (based on English)*. Moscow: Nauka. (In Russ).
19. Kuznetsova, A.I. (2013). *The concept of the semantic system of language and methods of its research*. Moscow State University. Moscow. (In Russ).
20. Maslova, V.A. (2018). Introduction to cognitive linguistics. Moscow: Flinta. (In Russ).
21. Pimenova, M.V. & Kondratieva, O.N. (2011). *Conceptual research. Introduction: textbook*. Moscow: Flinta. (In Russ).
22. Stepanov, Yu.S. (2014). *Fundamentals of General Linguistics*. Moscow: URSS editorial. (In Russ).
23. Solntsev, V.M. (2007). *Language as a system-structural formation*. Moscow: Nauka. (In Russ).
24. Skrebtsova, T.G. (2011). *Cognitive linguistics: a course of lectures*. St. Petersburg: Faculty of Philology. (In Russ).
25. Serebrennikov, B.A. (2003). *About the materialistic approach to the phenomena of language*. Moscow: Nauka. (In Russ).
26. Popova, Z.D. (2007). *Cognitive linguistics: textbook*. edition. Moscow: AST. (In Russ).
27. Ufimtseva, A.A. (2010). *Experience in the study of vocabulary as a system: on the material of the English language*. Moscow: KomKniga. (In Russ).
28. Ufimtseva, A.A. (2008). *Word in the lexical-semantic system of language*. Moscow: Nauka. (In Russ).
29. Yultimirova, S.A. Different approaches to the interpretation of the term "concept". URL: http://www.rusnauka.com/ NPM_2006 / Philologia / 3_jultimirova.doc.htm, free (accessed: 01.02.2020). (In Russ).
30. Schur, G.S. (2009). *Field Theory in Linguistics*. Moscow: URSS editorial. (In Russ).

Сведения об авторах:
Каскова Маргарита Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН; *научные интересы:* сравнительная лингвистика, методика преподавания; *e-mail:* 37margo@rambler.ru.

Устинова Ольга Вадимовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН; *научные интересы:* лексикология, социолингвистика, методика преподавания иностранных языков; *e-mail:*deptphilology@gmail.com.

Большакова Елизавета Константиновна, ассистент кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН; *научные интересы:* сравнительная лингвистика, методика преподавания; *e-mail:* bol.elisabetta.k@gmail.com.

Information about the authors:
Margarita E. Kaskova, PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, *research interests:* comparative linguistics, methods of teaching languages; *e-mail:* 37margo@rambler.ru.

Olga V.Ustinova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages; *research interests:* lexicology, sociolinguistics, theory and practice of teaching French and English; *e-mail:* deptphilology@gmail.com.

Elizaveta K. Bolshakova, Assistant Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages; *research interests:* comparative linguistics, methods of teaching languages; *e-mail:* bol.elisabetta.k@gmail.com.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 330—340
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

Семиотика текста и дискурса
Semiotics of Text and Discourse

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-330-340
UDK [811.111:811.161.1]'22:791.43

Research article / Научная статья

Film Naming: Book Titles and Film Titles

Elena A. Krasina[1], Eugeniy S. Rybinok[2], Alia Moctar[3]

[1,2,3] Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
[1]krassina-ea@rudn.ru

The studies of a film text as a polycoded textual phenomena involve the studies of its integral components, such as film story and screenplay, reflecting storyline or plot of a literary text that serves as a precedential text to filming and as an immediate constituent of a film itself. Film title combines the features of a book or story title and functions as a precedential phenomenon as well, but is an integral part of the process of film promotion and release, and in cinematographic sphere it's of crucial importance. In fact, the original book or story titles used to change especially with time and audience involved, when filming remaking changes to TV series and miniseries, or films are followed by sequels and prequels so that not to make something like *Jaws 3* or *Indiana Jones 5*. Anyhow, most of film titles fully repeat or at least conserve the title of a literary text, still it's often amplified to make difference or to emphasize the idea that the screenplay is a new one just the story to be continued, e.g., *Jaws-3D: The Revenge*. Not very often the changes are marked graphically as of *Romeo + Juliet* or *Romeo & Juliet*, so that to hint a new turnoff the plot to the audience. It's obvious that film titles often use names of main characters either for series or episode titles or to form a film franchise like that of *Jurassic Park* or *Indiana Jones* ones. As people started to use different IT gadgets they used to read books less and less, and film stories tend to make a new book form when a book is no longer a precedent to a film. Thus the cycle of "book title → film title" was completed by a part of "film title → book title (or book itself" to reflect the reverse trend, which is known worldwide.

Key words: adaptation, franchise, sequel, series, polycoded text, screenplay, tagline, precedential phenomenon

Article history:
Received: 15.02.2020
Accepted: 05.03.2020

© Красина Е.А., Рыбинок Е.С., Моктар Алия, 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

For citation:
Krasina, E.A., Rybinok, Eu.S. & Alia Moctar (2020). Film Naming: Book Titles and Film Titles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 330—340. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-330-340

УДК [811.111:811.161.1]'22:791.43

Нейминг фильмов: названия книг и названия фильмов

Е.А. Красина [1], Е.С. Рыбинок [2], Моктар Алия[3]

[1,2,3] Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Российская Федерация
[1]krassina-ea@rudn.ru

Исследование кинотекста как поликодового феномена включает изучение таких его существенных составляющих, как сюжет фильма и сценарий, которые отражают сюжет и замысел художественного текста, являющегося прецедентным тестом в процессе съемок и непосредственной составляющей собственно фильма. Название фильма сочетает черты книги, ее сюжета и одновременно функционирует как прецедентный феномен; оно существенно для продвижения и реализации фильма и играет решающую роль в сфере кинематографии. На самом деле в фильме книга-источник сюжета или ее название часто претерпевают изменения, особенно со временем и меной аудитории, как в том случае, когда ремейк фильма становится телевизионным сериалом или минисериалом или фильм обрастает сиквелами и приквелами, чтобы не получать бесконечные *Челюсти 3* или *Инлиану Джонс 5*. Однако большинство названий фильмов полностью повторяют или сохраняют название художественного текста, которое часто расширяется и уточняется чтобы обозначить различия или подчеркнуть новизну сценария и развитие сюжета, например: *Челюсти — 3D: реванш.* В отдельных случаях в названиях фильмов изменения сюжета отмечаются графически: *Romeo + Juliet* или *Romeo & Juliet*, чтобы намекнуть зрителю на новый поворот в сюжете фильма. Очевидно, что в названиях фильмов часто используются и повторяются имена главных персонажей как в названиях отдельных серий, так и для создания франшизы, например, известные франшизы *Jurassic Park* или *Indiana Jones*. По мере того, как люди стали всё более и более пользоваться различными средствами интеллектуальных технологий, они всё меньше и меньше стали читать книги, тогда сценарии фильмов стали публиковать как книги, а книга перестала быть прецедентным феноменом для фильма. Таким образом привычный цикл «от названия книги к названию фильма» частично дополнился обратным — «от названия фильма к названию книги (и даже собственно целой книги)», и это происходит во всем мире.

Ключевые слова: адаптация, сиквел, сериал, поликодовый текст, сценарий, слоган, прецедентный феномен, франшиза

История статьи:
Дата поступления: 15.02.2020
Дата приема в печать: 05.03.2020

Для цитирования:
Красина Е.А., Рыбинок Е.С., Моктар Алия. Нейминг фильмов: названия книг и названия фильмов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 330—340. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-330-340

Introduction

Literary text has got a few features typical for any text cohesiveness and cohesion and cohesiveness, and specifically, it used to translate imagery which is a distinctive feature of any work of belles-lettres, or other arts. It's obvious such texts use language as the principle means to make up a narrative and render author's ideas involving specific linguistic imagery means like figures of speech or tropes [1]. Sometimes a literary text is accompanied by illustration, but they follow the text itself and are designed mainly to reflect text's content or its characters. Anyhow, the texts used to stay as a monocoded creative work as the only code applied is the linguistic code. As for the composition, it often depends on historic tradition which is implied in the notion of literary mode — epos, drama, lyrics, or genre, e.g. a novel, novella, short story, fable, poem, etc. Still, each literary work has to be titled, and the title itself plays a special role of a precedential text [2; 3; 4], firstly, due to the fact that it starts the text or is on the cover of a book thus making a book title. Literary critics and readers might perceive a title as a guideline to a storyline or when it mentions a personal name be a story of a character of a book, but after reading the text one can understand the purpose of its title as the latter is approved by the whole story or content of a literary text.

Discussion

Every now and then we come across the situation to watch a film titled after a literary work and being actually its screen version. And thus comparing the function of a book storyline and a film title one has to admit the fact: a book title stays as a film title just copying the former one or changes, but film story or film text always undergo changes [5; 6]. The means to create a film are not confined to verbal means, there is a picture or video sequence introducing some other means of perception and translating linguistic means in non-verbal pictures and motion: you don't need any more verbal descriptions of face features or clothes of a character, or the place of action, or weather conditions, etc. — you simply give a picture in shape, colour and dynamics when necessary. Of course, characters are talking, sometimes there is a monologue text behind the picture read by an actor, or captions printed at the bottom of a spot or close-up. The combination of linguistic verbal code and non-verbal visual code help define a film text as a polycoded artistic work, in other words — a hybrid text combining elements of various codes, exposed in a film text, which by all means preserves common textual features of cohesion and cohesiveness. As to film titles, they fulfil the function similar to book titles as they introduce film story sometimes through a tagline, and could be denoted as a kind of precedent texts as well [7; 8; 9].

The variations of film titles to screen versions of literary texts make up a certain scale of similarity, starting with copying a book title and up to changing it partially or completely. This is the main idea to denote the object of our study as to observe a correlation of book titles and film titles while the subject of it is to develop the motives of whatever changes and elaborate a scale of correlation of book title and film titles, when films were done after literary texts.

The first group reflects the situation of complete matching. As of examples, we'd use some of well-known books and their filming.[1]

Let's get down to the example of "War and Peace", the epic novel by L. Tolstoy which has undergone a few screen versions.[2]

To speak about chronology of screen versions one has to start with the year of 1915, when the film was released in Russia. Based on the novel by L. Tolstoy, it was written and directed by V. Gardin, and a black and white silent film was supported by intertitles in Russian. It's a kind of digest or synopsis of Tolstoy's novel under the *War and Peace* title.

The next one — American-Italian drama "War and Peace" (directed by King Vidor) was produced in 1956 and released by Paramount Pictures, US (producers: Dino de Laurentiis and Carlo Ponti), in the USA and Italy the same year. English, Italian and Russian are the languages of the film. To compare with the original novel, the content and the plot of which is highly abridged to the duration of 208 minutes, and the film storyline is mainly focused on Natasha, Pierre and Andrei relationship and maturing. Nevertheless, film title itself preserves the book title.

The 1972 British "War and Peace" adaptation is a TV dramatization of L. Tolstoy's novel, a series of 20 episodes. The 15-hour-long historic period drama was created by D. Conroy, written by J. Pulman and directed by J. Davis. The episodes follow in the order similar to the events of the novel and are named like those: *Name Day*; *Sounds of War*; *Skirmish at Shöngraben*; *Austerlitz*; *Borodino*; *Moscow*; *Of Life and Death*; *The Retrea*t; *The Road to Life* and *The Epilogue*. It was highly appraised by critics and TV audience [10].

Co-production of Russia, France, Germany and Poland the 2007 "War and Peace" version (directed by R. Dornhelm, screenplay written by L. Favella, E. Medioli and G. Scott; produced by Italian Lux Vide) is a TV miniseries which contains four parts similar to the Tolstoy's novel and involves the actors of different nationalities. It won Moscow Film Festival and Oscar awards.

In between the TV series mentioned above, the 1965—1967 "War and Peace", series was released. (produced by Mosfilm (USSR), directed by S. Bondarchuk, written by S. Bondarchuk and S. Siolovyev); it has got four parts (as of the L. Tolstoy's novel) and runs for 431 minutes. The parts (episodes) are named as follows: *Andrey Bolkonsky; Natasha Rostova; The Year of 1812* and *Pierre Bezukhov* [11; 12]. Actually it's not series but four parts of the film titles with the names of the three main characters of three parts and the most significant historic event — the 1812 patriotic

[1] We do not take into consideration an intermediate element or filming — its screenplay with or without film director's notes and remarks. It's a special issue to be discussed.

[2] Besides, in 1942 the opera "War and Peace" based on L. Tolstoy's novel (music S. Prokofiev and Mira Mendelson) was staged in Russia (two parts: Epigraph and 13 scenes). In 2012 the musical "Natasha, Pierre and the Great Comet of 1812" (music and lyrics be D. Malloy, New York, Off-Broadway. There were also games after the novel: in 1980 a board game "War and Peace"by Mark McLaughlin (Avalon Hill) — according to BGG listings his first published game — is a multiplayer strategic war game from the early 1980s, it includes many battles and a battle of 1812 between French and Russians; and in 2002 video game "War and Peace 1976 — 1816" (Matrix Games), which includes "The 1812 — 1815 Campaign Game" (see: https://www.matrixgames.com/forums/tm.asp?m=4692407)

war against Napoleon. Once again, one has to admit the film reflects the storyline through its main characters. In the film numerous novel characters are introduced as the environmental or supporting ones highlighting the general narrative. Soviet film "War and Peace" was the first Soviet picture to win the Academy Award for Best Foreign Language Film, and at that time, it was the longest film ever to receive an Academy Award. The film literally transfers the Tolstoy's novel eliminating some minor details of the plot.

The 2016 "War and Peace" TV series (directed by T. Harper, written by A. Davis, produced by J. Stannard, BBC Worldwide and The Weinstein Company) is quite a masterpiece of our time as it involves best and most popular modern actors — Paul Dano, James Norton, Brian Cox, Lily James, Rebecca Front and the others. Six episodes, running time of each 60 to 82 minutes make a deep impression on viewers and critics. The series was filmed in Russia, Latvia and Lithuania. Episodes are just numbered as Episode 1 — to Episode 6, and each is accompanied by a synopsis of the plot of the novel. In fact, decision of producers and the film team seems rather neutral and balanced so that the series should exclude any comparison with previous screen versions of the novel by L. Tolstoy.

To finalize the review one has to admit that the screen versions were adapted according to the Tolstoy's novel, but transforming from film series format to TV series conserving the original title of the novel, while partially introducing the titles of episodes combining storyline and idea of both Russian and foreign filming.

Another example of similar filming approach deals with Tolstoy's novel "Anna Karenina" (1878) as the title introduces the main character. The author himself called the story 'the first true novel" [13. P. 137] Firstly, the book was released in serial instalments published in periodicals through 1873 to 1877.

The screen versions have a long history starting from the 1911Russian adaptation directed by Maurice André Maître up to the first decades of the 21st century. It used to keep the book title, although some films have got another title, e.g.: *Love* (1927, US, director E. Goulding)' *Nahr-al-Hob* (*River of Love*) (1960, Egypt, director Ezzel Dine Zulfikar) and *The Beautiful Lie* miniseries (2015, Australia, director G. Ivin). Still one of the latest films "Anna Karenina (2012, US, director J. Wright) and the ballets keep the original book title. Once again, the production developed from silent black and white films towards sound and coloured films, from full scales films, a few having two parts, to TV series and miniseries (up to 15 minutes). The trends reflect the mainstream of video production and release.

The main Russian film adaptations [14] are called "Anna Karenina" and are represented by three worth mentioning films: *Anna Karenina* (1967, Solivs (USSR), director A. Zarkhi); *Anna Karenina* (2009, Mosfilm (Russia), director S. Solovyev) and *Anna Karenina* (series, season 1, 2017, Mosfilm (Russia), director K. Shakhnazarov), its first night on TV is Jan., 8, 2020. All the versions preserve not only the book title but the story line as to the plot sequence, and critics call these screen versions drama or lyrical drama as it's all about love and morals, a woman's life and love in the 19th century Russian society.

The 20th century screen adaptation of lyrical drama after W. Shakespeare's *Romeo and Juliet* (1968, US-Italy production, director Fr. Zeffirelli) in fact belongs to the romantic tragedy genre and it influenced other adaptations such as *Romeo+Juliet*

(1996, 20th Century Fox (US), director B. Luhrmann) which has got rather complex genre definition: both romance drama and romantic crime tragedy with some elements of a musical. It's actually modernization of W. Shakespeare plot although the main characters fall in love despite their feuding families. And finally, *Romeo & Juliet* (2013, Echo Lake Entertainment (US), director C. Carlei) is a romantic drama adaptation which "unlike previous major film adaptations, only follows the plot and uses only some of the dialogues written by Shakespeare" [15. P. 238]. As is clearly seen, the film title was changed introducing some graphics and the plot of 1996 and 2013 adaptations was changed as well. But unlike *War and Peace* and *Anna Karenina*, *Romeo and Juliet* has been never adapted as TV series or miniseries.

The 20th century cinematograph brought other examples of famous novels' screen versions like US "*Godfather*" (1972, Paramount Pictures, Alfran Productions (US), director F.F. Coppola) after the novels by Mario Puzo. The film proved to be "one of the most influential films ever made, especially in the gangster genre" [16]. The tagline has become a saying: "I'm going to make him an offer he can't refuse". The two sequels followed: *The Godfather Part II* (1974) and *The Godfather Part III* (1990). The three films made up *The Godfather Trilogy*, and *Godfather III* is regarded as an epilogue to the first two films [17. P. 89]. The fact is that the all the three screen versions have kept the book title, and the next two just followed the suite, but didn't make a series, although they were filmed having a screen script also written by M. Puzo and F. Coppola. The *Godfather Trilogy* collected a handful of nominations and won a number of significant film awards, e.g.:

The Godfather — Nominations: 10, Wins: 3

The Godfather Part II — Nominations: 11, Wins: 6

The Godfather Part III — Nominations: 7, Wins: 0.

The forth film was also directed by F.F. Coppola, but released under the title *The Family Corleone* in 2012 after the novel under the same title by Ed Falco. It was meant to do both – the sequel and the prequel of *The Godfather* (1972) and emerged as TV series in the start of the 21st century (after the death of Mario Puzo in 1999).

In fact similar film titles of *The Godfather Trilogy* are approved because each film is based on the same book by M. Puzo, while *Godfather II* and *Godfather III* develop the storyline using its side issues although focusing attention on characters other than Don Vito Corleone. Thus *Godfather* is a kind of umbrella film title for the trilogy films.

Quite the opposite is the situation with *Jaws*: there are well-known three films under the title – the first one is a thriller *Jaws* (1975, Universal Pictures (US) director S. Spielberg) based on the novel *Jaws* by P. Benchley; the second is a thriller-sequel *Jaws*-2 (1978, Universal Pictures (US), director J. Szwarc), based on characters of P. Benchley's novel and the screen script done by C. Gottleib and H. Sackler; *Jaws*-3 (1985) and *Jaws-3D* (1983, Universal Pictures (US), director J. Alves), screenplay written by C. Gottleib and R. Matheson. The sequel *Jaws-3D* got a lot of negative reviews and despite picturesque technological effects of shark's destruction, in 1987 was followed by *Jaws-3D: The Revenge*. Finally, in 2011 one more thriller-sequel was launched *Jaws-3D: Shark Night-3D* which is known for camera man to use the so-called snuff-films with real sharks' participation. Actually these sequels demonstrate the development and variations of similar storyline but it's based on different

precedent phenomena — not just a single book, but a number of screenplays and film directors. They are also famous for new techniques of filming. So the common title although with a bit of amplification seems to be a tribute to *Jaws* after P. Benchley's thriller and help promote films to get large box-office thus reflecting commercial success or failure.

Nowadays sequels and prequels are widely spread, and we'd tackle one more story — *Indiana Jones*. The four films of Indiana Jones stories — *Raiders of the Lost Ark* (1981); prequel film *Indiana Jones and the Temple of Doom* (1984); *Indiana Jones and the Last* Crusade (1989) and the final 2008 film *Indiana Jones and the Kingdom of the Crystal Skull* — are made after the books of the same titles by a few writers. They do not make up series or sequels, they rather form a bunch of films or a cycle: they are called *Indiana Jones franchise*. The genre is qualified as fantasy, travelogue and adventure, and each film of the four adapted during 1981 to 2008 bearing the similar book titles, is directed by Steven Spielberg, but film stories were written by different men and include the elements of more than one book. Still, the fifth film *Indiana Jones 5* has got no reference to the precedent literary text, primarily, being untitled yet. Being the Disney Studios development, also directed by S. Spielberg, it previews H. Ford as a title actor, and this very film is going to make a sequel, but not a reboot (digital version), neither it's going to make a conclusion of Indiana Jones franchise as a whole. The situation tells us about inverted or reverse process: the untitled film in project *Indiana Jones 5* turns the film cycle into sequel and prequel film and book franchise.

Similar example seems to be films about Jurassic Park. While the idea originates from the novels by Michael Crichton, the film story lines were written by David Koepp, Peter Bunchman, Alexander Payne, Jim Taylor, etc. The films and series are titled accordingly: *Jurassic Park* (1993); *The Lost World: Jurassic Park* (1997); *Jurassic Park III* (2001); *Jurassic World* (2015) and *Jurassic World: Fallen Kindom* (2018). Starting from the second adaptation, book titles undergo changes, but the idea is preserved in the repeated name of *Jurassic Park*. Thus the adaptations and original screenplays make the set of film to be a film franchise combining film and series, but nefer specifying sequels or prequels.

The *Bondiana* started much earlier that *Indiana Jones* franchise which actually sets an example of "never ending story", which goes on and on till 2020 at least, still bearing the idea 'to be continued'. James Bond literary franchise — series of novels and short stories — were first published in 1953 by Ian Fleming, a British author, journalist, and former naval intelligence officer were written in 1951—1964. Agent 007 first appeared in the 1953 novel *Casino Royale*. Jan Fleming wrote a total of twelve novels and two collections of short stories. After Fleming's death a number of other authors — Kingsley Amis (as Robert Markham), Christopher Wood, John Gardiner, Raymond Benson and others made novelizations for the series of Bond films, produced by Eon Productions, which continued till 2002. The genre was one and the same — spy stories. This literary franchise laid the base for film franchise never making series or sequels. Albert Broccoli (1909—1996), an American film producer and co-founder s of Pinewood Studios and EON Productions is most famous as the pro-

ducer of many of the James Bond films. Harry Saltzman was his partner. Later Broccoli's heirs know as Broccoli Brothers, continued to produce new Bond films.

The list of James Bond films counts for at least 25 films and only two remakes. James Bond, films are all about a fictional character who works for the British MI6 as a secret agent under the coded name 007. If to decode the letters and numbers from the semiotic point of view, according to Laurent Binet [18. P. 40 et al], the code of **007** means "a serial killer who knows he could be killed as well", and the letter **M** doesn't just stand for **MI6** — a reconnaissance department, but also for an important lady character **M** — the Head of the Intelligence department of MI6 appearing in all J. Bond's film but *Casino Royal* and *Quantum of Solace* or her secretary Ms Moneypenny (later Eve or Jane). So we come across many **M**s! Another character — **Q [kju:]** the one designing gadgets for James Bond, has got such a name because he used to ask a lot of questions — letter "**q**" is for '**q**uestion', but the name sounds as a normal one as is pronounced like ***Lui***, ***Dyu***, ***Pewe***, etc.

There are also other letter stickers so important as a secret code in spy work, e.g., in *Dr. No* agent 007 is informed that Dr. No is a member of **SPECTRE**, the **SP**ecial **E**xecutive for **C**ounter-intelligence, **T**errorism, **R**evenge, and **E**xtortion, planning to stop the Project Mercury space launch from Cape Canaveral.

Besides semiotic technique but really symbolic stay the titles of J. Bond films, which never make series or sequels. They are like taglines, e.g., *From Russia with Love*, *You only live twice*, *For Your Eyes Only*, *Tomorrow never Dies*, *The World is not Enough* and *No time to Die*, which a few times make a line of an opening music piece in the beginning of the film. Other titles are ambiguous compound nouns, namely: *Goldfinger* (J. Fleming' estate in Jamaica), *Thunderball*, *Moonraker*, *Octopussy*, *GoldenEye* (motivated by a regular word collocation 'Golden Eye') and *Skyfall*, finally. We also have to mention an acronym *SPECTRE* deciphered above in *Dr No*.

James Bond literary franchise — series of novels and short stories, first published in 1953 by Ian Fleming, a British author, journalist, and former naval intelligence officer were written in 1951—1964. Actually most of the film titles repeat or transform a little the novel and story titles, anyhow, they are recognizable, at least those literary works by J. Fleming himself published from 1953 to 1966.

As it used to be, film adaptations are made after literary works — novels, stories theatre plays and the like, but a new trend emerged in the late 20th century: books started to be written based on a film story or screenplay. The examples are those: *E.T. The Extra-Terrestrial* (1982, Unuiversal Pictures (US), director S. Spielberg) is both fantasy and adventure genre, and the project was originally called *The Story of a Boy*, it gained many film awards and got the blockbuster quality taking over *Star Wars* by G. Lukas. After the success, children's book was written by William Kotzwinkl. *E.T.: The Extra-terrestrial in His Adventure on Earth*. New York: Berkley Books, 1982, based on a screenplay of Melissa Mathison. It was really a bestseller for a time being.

The same is true about the film *La giovinezza (Youth*) directed by Paolo Sorrentino (2015, co-production of: Indigo Film, Barbary Films, Pathé, France 2 Cinéma, Number 9 Films, C-Films AG, Medusa Film, Film4) which collected a bunch of significant cinema awards (Cannes Film Festival, Oscar, etc.) and it was followed by a

book by P. Sorrentino based on the film story and translated in some languages, Russian as well.

Another example of combining titles is The Irishman (2019, TriBeCa/Tribeca Productions directed by M. Scorsese): the plot was done after the 2004 nonfiction book *I Heard You Paint Houses* by Charles Brandt (publisher Steerforth Press, US): in Russian the book was published in 2020 under the title *The Irishman*, and the cover was decorated with a spot of the film — the picture of R. De Niro, but it was another nonfiction book about Frank "the Irishman" Sheeran. The three examples (and those might be much more) demonstrate the fact of inverted or reversed dynamics: from film to book story, at least, not as it used to be: from a book story to its film adaptation.

Conclusion

Films making adaptations of book stories or rather made after the original books used to borrow and conserve book titles, never mind the genre of films. To involve larger audience and to be commercially successful, filmmakers, distributors and promoters insist on introducing some novelty in film titles. Mainly those changes concern amplification of the original book title, using specific graphics like & or + in between the names in the title. Then the name of the leading character stays in every film title while films don't form series or sequels, thus making a film franchise, usually after a book franchise. When the film title is accompanied by a mathematical figure — 1, 2, 3… or I, II, III… and it's not the order of episodes of a series, the films used to form dilogies and trilogies, but more often at the same time they are sequels developing one and the same book story with more attention paid to the story's sidelines and supporting characters.

So to sum up, the general trend of film naming is to introduce changes in film titles when films are book story adaptations thus attracting the attention of the audience and reflecting the new trend for remakes: films change into TV series or even miniseries.

References

1. Novikova, M.L. (2020). *Ontology of the art of poetry and exclusion: a monograph.* Moscow: Publishing house Econ-Inform. (In Russ.).
2. Karaulov, Yu.N. (2010). *Russian language and language personality.* Moscow: LCI. (In Russ.).
3. Gudkov, D.B. (2000). Precedent situation and methods of its implementation In *Language, consciousness, communication*. Moscow: Dialog-MSU. Issue 11. pp. 40—46. (In Russ.).
4. Vysotskaya, I.V. (2013). The controversial questions of the theory of precedent. *Critique and Semiotics, 1* (18), 117—132. URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_18/cs018vysotskaya.pdf (accessed: 11.01.2020). (In Russ.).
5. Slyshkin, G.G. & Efremova, M.E. (2002). *Kinotext (experience of linguocultural analysis): monograph*. Moscow: Aquarius Publishers. (In Russ.).
6. Lotman, Yu.M. (1973). *Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics*. Tallinn: Eesti Raamat. (In Russ.).
7. Maksimenko, O.I. (2016). Bells letters adaptation: from novel to comics. *Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics, 2*, 111—116. (In Russ.).
8. Alexandrova O.I., Krasina E.A. & Rybinok E.S. (2019). Precedent phenomena of a film text: feature film title in the terms of translation. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 5,* 22—33. Doi: 10.20339/PhS.5-19.022. (In Russ.).

9. Aleksandrova, O.I. (2018). Foreign Film Title: Translation or a New Naming Unit? In *Naming in Different Areas of Communication Field: Collective monograph*. Ottawa: Carleton University. pp. 107—136.
10. Menand, L. "What Do We Love About 'War and Peace'?"*: via* www.newyorker.com. *(accessed: 24.02.2020).*
11. Briggs, A. (2005). *"Introduction" to "War and Peace".* Penguin Classics.
12. Pevear, R. (2008). *"Introduction" In War and Peace,* L. Volokhonsky (Transl.). *New York: Vintage Books.*
13. Nabokov, V. (1980). *Lectures on Russian Literature. New York: Harvest.*
14. Kinopoisk. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/8385/ (*accessed:* 16.01.2020).
15. Dixon, Wheeler W. (2000). Film genre 2000: new critical essays *In The SUNY series, cultural studies in cinema/video. New York: SUNY Press.*
16. Gambino, M. (2018). "What is The Godfather Effect?". *Smithsonian. Archived from the original on September 10, 2018*. URL: https://www.smithsonianmag.com/arts-culture/what-is-the-godfather-effect-83473971/ (accessed: 21.02.2020).
17. Connor, J.D. (2015). *The Studios after the Studios: Neoclassical Hollywood (1970—2010). LA: Stanford University Press.*
18. Binet, L. (2015). *La Septième Fonction du langage.* Paris: Edition Grasset & Fasquelle. (In French).

Библиографический список

1. *Новикова М.Л.* Онтология искусства поэтического слова и остраннение: монография. М.: Издательство Экон-Информ, 2020.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
3. *Гудков Д.Б.* Прецедентная ситуация и способы её реализации // Язык, сознание, коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 11. С. 40—46.
4. *Высоцкая И.В.* Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. no 1(18). С. 117 — 132. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_18/cs018vysotskaya.pdf (дата обращения: 11.01.2020).
5. *Слышкин Г.Г., Ефремова М.Е.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа): монография. М.: Водолей Publishers, 2002.
6. *Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээсти раамат, 1973.
7. *Максименко О.И.* Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу // Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. 2016. no 2. С. 111—116.
8. *Александрова О.И., Красина Е.А., Рыбинок Е.С.* Прецедентные феномены кинотекста: название художественного фильма в аспекте перевода // Филологические науки. 2019. no 5. С. 22—33.
9. *Aleksandrova O.I.* Foreign Film Title: Translation or a New Naming Unit? // Naming in Different Areas of Communication Field: Collective monograph. Ottawa: Carleton University, 2018. P. 107—136.
10. *Menand L.* "What Do We Love About 'War and Peace'?": Режим доступа: www.newyorker.com (дата обращения: 24.02.2020).
11. *Briggs A.* "Introduction" to "War and Peace". Penguin Classics, 2005.
12. *Pevear R.* "Introduction". War and Peace. Trans. by L. Volokhonsky. New York: Vintage Books, 2008.
13. *Nabokov V.* Lectures on Russian Literature. New York: Harvest, 1980.
14. Кинопоиск. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/8385/ (дата обращения: 16.01.2020).
15. *Dixon Wheeler W.* Film genre 2000: new critical essays // The SUNY series, cultural studies in cinema/video. New York: SUNY Press, 2000.
16. *Gambino M.* "What is The Godfather Effect?". Smithsonian, 2018. Режим доступа: https://www.smithsonianmag.com/arts-culture/what-is-the-godfather-effect-83473971/ (дата обращения: 21.02.2020).

17. *Connor J.D.* The Studios after the Studios: Neoclassical Hollywood (1970—2010). LA: Stanford University Press, 2015.
18. *Binet L.* La Septième Fonction du langage. Paris: Edition Grasset & Fasquelle, 2015.

Information about the authors:
Elena A. Krasina, Doctor in Philology, Professor, Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Research interests: theory of language, text linguistics, linguopragmatics, linguosemiotics, translation theory and practice; *e-mail*: krasina-ea@rudn.ru.

Rybinok, Eugeniy. S. Chief Administrator of the Philological Study n.a. L.A. Novikov & N.M. Firsova; a PhD degree-seeking student of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *Research interests*: text and film text linguistics and semiotics, linguopragmatics, theory of literary text studies; *e-mail*: e.rybinok@yandex.ru.

Moctar, Alia, PhD student of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *Research interests*: comparative text studies, linguopragmatics, translation theory and practice, semiotics of text and film text; *e-mail*: moctar.alia@hotmail.com.

Сведения об авторах:
Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; *сфера интересов*: теория языка, лингвистика текста, лингвопрагматика, лингвосемиотика, теория и практика перевода; *e-mail*: krasina-ea@rudn.ru.

Рыбинок Евгений Сергеевич, заведующий кабинетом филологических наук им. Л.А. Новикова и Н.М. Фирсовой, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, соискатель кафедры общего и русского языкознания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; *сфера интересов*: лингвистика и семиотика текста и кинотекста, лингвопрагматика, теория художественного текста; *e-mail*: e.rybinok@yandex.ru.

Моктар Алия, аспирант кафедры общего и русского языкознания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; *сфера интересов*: сопоставительные исследования текста, лингвопрагматика, теория и практика перевода, семиотика текста и кинотекста; *e-mail*: moctar.alia@hotmail.com.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 341–356
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-341-356
УДК 811.161.1'22:791.43

Научная статья / Research article

Троп как результат семиотической интерполяции вербальных и невербальных единиц в гетерогенном экранном тексте (на примере кинотекста «Фауст» А. Сокурова)

Ю.А. Евграфова

Московский государственный областной университет
ул. Радио, д.10А, г. Москва, Российская Федерация, 105005
212.155.04@mail.ru

На смену гомогенному печатному тексту пришли тексты гетерогенные, или аудиовизуальные, к наиболее сложившимся представителям которых можно отнести кино и телевидение, на базе которых сформировались тексты своеобразной структуры, совмещающей языковые устные и письменные носители смысла с неязыковыми. Целью данной работы является описание особенностей артикуляции значения в динамическом развертывании в подобного рода текстах. Для достижения поставленной цели ставится задача продемонстрировать, как базисные элементы «языка» экранности, воплощаясь в вербальных и невербальных единицах экранной «речи» поликодового-полимодального текста, конструируют общее значение аудиовизуального повествования, а также как контаминация уровней означивания влияет на порождение тропа. Ход исследования демонстрируется на примере кинотекста «Фауст». Анализ производится в пространственно-временном континууме экранного пространства кингтекста, т.е. с учетом континуума движения. Выбранные отрезки его экранной «речи» рассматриваются с точки зрения единиц, используемых при порождении аудивизуального сообщения, описываются особенности артикуляции значения на денотативном и коннотативном уровнях в пространственно-временном континууме текста. Раскрывается процесс семиотической интерполяции вербальных и невербальных единиц, приводящей к порождению промежуточных значений аудиовизуального повествования и созданию тропа на основании смещения и смежности значений. Автор приходит к выводу, что взаимодействие вербальных и невербальных единиц в пространственно-временном континууме текста, в результате которого создается троп, приводит также к возникновению семиотической ситуации позитивной симулякративности, основная цель которой — заставить зрителя поверить в происходящее на экране. Данная статья расчитана на студентов, аспирантов, преподавателей, лингвистов, филологов, а также всех, кто интересуется общей и лингвистической семиотикой.

Ключевые слова: гетерогенный текст, экранный текст, поликодовый-полимодальный текст, семиотика, кинотекст, коннотация, денотация

История статьи:
Дата поступления: 01.03.2020
Дата приема в печать: 15.03.2020

© Евграфова Ю.А., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Для цитирования:
Евграфова Ю.А. Троп как результат семиотической интерполяции вербальных и невербальных единиц в гетерогенном экранном тексте (на примере кинотекста «Фауст» А. Сокурова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 341—356. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-341-356

UDK 811.161.1'22:791.43

Trope as the Result of Semiotic Interpolation of Verbal and Non-verbal Units in Heterogeneous Text (Case Study of Film Text "Faust" by A. Sokurov)

Yu.A. Evgrafova

Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation
212.155.04@mail.ru

Homogeneous texts are being replaced by heterogeneous texts that are called audio-visual ones; texts and teletexts belong to the most formed of them. On the ground of cinema and television the texts with the unique structure that combines verbal and non-verbal sense carriers apoeared. The aim of this work is to describe peculiarities of meaning articulation in the dynamic scope of such screen texts. To reach the aim the task to show how the basic elements of the screen "language" materialize in verbal and non-verbal units of the screen "speech" of polycode-multimodal text and how it constructs the general meaning of audio-visual narration is set. Also contamination of levels of meaning is being studied in this work and how it influences the trope. The research is being held on the case of the film text "Faust" by A. Sokurov. The analysis is being done on the space-time continuum, i.e. with the consideration of the movement in the film text. Units of the screen "speech" are being extracted from the chosen segments and analysed as the main sources of the meaning of audio-visual message as a whole; also the peculiarities of the meaning articulation on the denotational and connotational levels in space-time scope of polycode-multimodal text are being described. Apart from that, the process of semiotic interpolation of verbal and non-verbal units that leads to the generating of the transitional meaning and of the trope on the grounds of displacement and adjacency of the meanings is being studied. The author comes to the conclusion that integrity of verbal and non-verbal units in the space-time scope of the polycode-multimodal text, that results in trope generation, also leads to the semiotic situation of simulacrativity, whose main goal is to make the spectator believe that what is happening on the screen is real. This article is aimed at students, post-graduates, professors, linguists and others interested in general and linguistic semiotics.

Keywords: heterogeneous text, screen text, polycode-multimodal text, semiotics, film text, connotation, denotation

Article history:
Received: 01.03.2020
Accepted: 15.03.2020

For citation:
Evgrafova, Yu.A. (2020). Trope as the Result of Semiotic Interpolation of Verbal and Non-verbal Units in Heterogeneous Text (Case Study of Film Text "Faust" by A. Sokurov). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 341—356. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-341-356

Введение

В гетерогенном экранном тексте мысли обретают различную материальную форму, как вербальную, так и невербальную, выраженную визуально, аудиально, аудиовизуально, обусловленную характером его носителя (экрана), для всестороннего изучения сложного многопланового единства которого необходимо привлекать как различные направления внешней и внутренней лингвистики, так и смежные с ней науки.

Текст в современном языкознании толкуется с разных точек зрения. В рамках *общей семиотики* текстом может являться не только вербальное, но и невербальное образование, как, например, произведение искусства, изобразительное, музыкальное, театральное, пластическое, архитектурное, порожденное культурой при помощи различных знаковых систем [1 —19 и др.].

В данной работе семиотичесикй подход является доминирующим, применение которого предполагает интеграцию постулатов *лингвистической семиотики*, согласно которым любой текст «поддается описанию в семиотических терминах» [20]. В ходе настоящего исследования под поликодовыми-полимодальными экранными текстами понимается «техно-сенсорное единство, поддающееся перцептивному восприятию при помощи различных модальностей (каналов восприятия информации), сочетающее аудиальные и визуальные семиотические средства и передающееся проецированием на экран. В нем обнаруживается синкретическое единство движущегося изображения, фонетического звука (речь), шумов, музыкального сопровождения и письма (вступительные титры, субтитры и т.п.)» [21]. Как уже отмечалось нами ранее, «<…> конкретный экранный текст имеет свою уникальную структуру и конфигурацию, непохожую на остальные. На глубинном уровне функционируют единицы “языка” экранности — пространственные и временн***ы***е базисные элементы, выражающиеся на поверхностном уровне в виде конкретных единиц текста — экранной “речи”» [22]. Экранная «речь» в связи с этим является неоднородным образованием, в котором информация заложена на разных уровнях артикуляции значения — денотативном и коннотативном.

Современные лингвосемиотические исследования денотации и коннотации опираются на труды Л. Ельмслева [6], Р. Барта [1—3] и У. Эко [15—18]. А именно в таких трудах, как [23—31 и др.], учеными денотация определяется как конкретное, прямое значение, которое объект приобретает в процессе обозначения, а коннотация — как компонент языковой единицы, дающий ей дополнительное значение с целью передачи экспрессивно-эмоциональных аспектов сообщения. На денотативный план значения вербальных и невербальных единиц надстраивается коннотативный уровень “вторичных означаемых”, порождающий дополнительные значения, зависящие от лингвистических и экстралингвистических факторов: жанра, стилистической специфики, типа текста, социальных и культурных стереотипов и пр.

В данной работе в объем понятия «денотация» включается уровень означивания объектов реальной действительности, их конкретное, прямое значение в тексте, а в понятие «коннотация» — уровень означивания, надстраивающийся

на предметно-понятийное содержание вербальной/невербальной единицы в процессе семиозиса при взаимодействии компонентов знака с другими, лежащими за пределами знаковой системы и придающий ей в процессе развертывания в тексте дополнительное значение, основанное на экстралингвистических факторах: культурно-аксиологических, прагматических, психологических, социальных и т.п.

Необходимо отметить, что в ходе исследования нами используются такие термины, как денотативное означающее, денотативное означаемое, коннотатор и коннотат, введенные Р. Бартом [3]. Мы вкладываем в объем данных понятий следующее. Под денотативным означающим понимается любая материально выраженная единица поликодового-полимодального текста (звук, слово, изображение, движение), несущая то или иное значение и отсылающая к определенному объекту, процессу или явлению реальной действительности — денотативному означаемому, на единстве которых строится коннотатор (коннотативное означающее). Представления, стереотипы, ассоциации или фрагмент культуры, выражаемые коннотатором понимаются нами как коннотативное означаемое, коннотат.

Основная цель данной работы продемонстрировать и описать особенности контаминации уровней означивания в экранной «речи» поликодового-полимодального текста, а также установить роль вербальных единиц в порождении промежуточных и вторичных значений в ходе динамического развертывания аудиовизуального повествования.

1. Артикуляция значения в гетерогенном экранном тексте

2.1. Описание материала и методов исследования

Одним из ярких примеров гетерогенного экранного текста, в котором обнаруживаются случаи взаимодействия двух уровней артикуляции значения, является кинотекст «Фауст», снятый режиссером А. Сокуровым в 2011 г. [32]. Данный фильм был выбран нами в качестве демонстрации хода исследования, поскольку он был отмечен кинематографическим сообществом и получил такие премии, как «Золотой лев» на 68-м Венецианском кинофестивале [33 La Bienale di Venezia: Электронный ресурс], премию «Белый слон» [34 Кинопремия «Белый слон»: Электронный ресурс] и «Ника» [35 Нициональаня кинематографическая…: Электронный ресурс].

В ходе исследования данного кинотекста использовались следующие методы: абстрагирование, анализ, синтез; наблюдение и описание; обобщение и интерпретация результатов наблюдения.

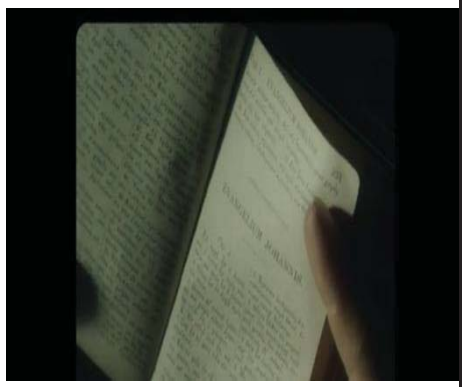
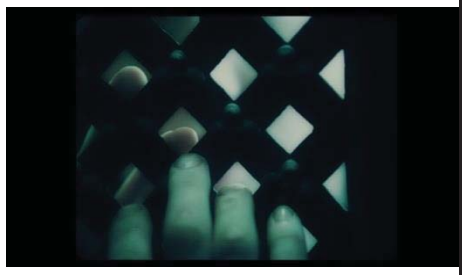
2.2. Лингвосемиотический анализ пространственно-временного континуума кинотекста «Фауст»

Фильм А. Сокурова «Фауст» снят по мотивам первой части одноименного художественного произведения Гете и повествует о любовном влечении Фауста к юной девушке Маргарите. Рассмотрим экранную «речь» данного кинотекста и представим ее в виде таблицы (см. Табл. 1).

Таблица 1/ Table 1

Экранная «речь» кинотекста «Фауст» / Screen "speech" of the film text "Faust"

	Временной базисный элемент			**Пространственный базисный элемент**
	Зрительный	**Слуховой**		**Зрительный**
	Кинеморфы	**Знаки-символы**	**Аудиальные знаки**	**Изобразительные знаки**
1	Вступительные кадры: город сквозь облака			
	—	—	Звук грозы Мелодия	
2	Фауст со своим учеником Вагнером потрошит труп, а затем читает Библию			
	Руки потрошат труп	ВАГНЕР: Мы все говорили о теле, а где же душа? ФАУСТ: Не нашел пока. ВАГНЕР: Душа и жизнь, может, они в голове? ФАУСТ: Там только мусор. ВАГНЕР: Может, в сердце? Или в пятках? <…> ВАГНЕР: Где обитает душа знает только Бог и враг рода человеческого! ФАУСТ: Хватит болтать! <…>	—	
3	Фауст у себя в комнате читает Евангелие			

	Руки держат книгу Фауст смотрит в книгу и читает вслух	ФАУСТ: В начале было слово. <входит Вагнер> ФАУСТ: Опять ты? Входи. <продолжает читать> В начале было слово. И слово было у Бога. Ты понимаешь, что здесь имеется ввиду? ВАГНЕР: Нет ФАУСТ: Я вот тоже. <…>	—	
4	Фауст и Маргарита на похоронах ее брата			
	Фауст подходит к Маргарите и вожделенно смотрит Фауст незаметно трогает руку Маргариты Маргарита улыбается в ответ	—	Молитва, которую читает священник над могилой	
5	Маргарита приходит в церковь на исповедь. В исповедальне спрятался Фауст.			
	<Маргарита стучит> <Маргарита заходит в исповедальню> Маргарита прикасается через решетку исповедальни кончиками пальцев к пальцам Фауста	ФАУСТ: Прошу. МАРГАРИТА: Господи, прости мне мои нечистые мысли. Моя мать не любит меня. А я не люблю ее. Плохая дочь, Господь накажет меня. Все эти румяна и пудра на лбу, и запах изо рта… Господи, прости и помилуй. Господи, прости мне мои прегрешения.	Медленная лирическая мелодия	

6	Дьявол по просьбе Фауста устраивает одну ночь с Маргаритой			
		ФАУСТ: Только одна ночь. Больше мне не нужно. Одну ночь. Только ночь. Наедине. ДЬЯВОЛ: Ну у Вас и желань-ица. Она же спит в одной комнате с ма-терью. ФАУСТ: Одну ночь. Пожа-луйста. Только одну ночь.	•	
	<Фауст заклю-чает сделку с дьяволом> <дьявол ведет Фауста тайной тропой к Мар-гарите>	<…>		
	<Маргарита стоит в озере и хочет утопить-ся> Фауст идет к Маргарите, об-нимает ее, они падают в воду и исчезают за водной гладью	ФАУСТ: Уже пришли? ДЬЯВОЛ: Да. Бедная девоч-ка. Вот она. Так и знал. Юные души. Они всегда сюда ходят, когда страда-ют. Иди, иди. Ты же хотел ее спасти. Вот и спасай.		
7	Фауста от Маргариты уводит дьявол			
	<Фауст выхо-дит от Марга-риты> Дьявол наде-вает на Фауста доспехи	ФАУСТ: Что такое? ДЬЯВОЛ: Ва-ши доспехи. ФАУСТ: Что ты делаешь? От-куда такая си-ла? ДЬЯВОЛ: Хочу тебя спасти. Это мои луч-шие доспехи.	•	

		<…> ФАУСТ: Куда мы? ДЬЯВОЛ: Куда-куда. Туда! Вот так всегда. Летать хотим, а высоты боимся. Ты же мужчина, солдат. ФАУСТ: Что? Кто я? ДЬЯВОЛ: Ты — это ты. И ничего больше. <…>		
	<Фауст и дьявол подъехали к горе>	ФАУСТ: Зачем нам туда лезть? ДЬЯВОЛ: Это лестница в небо. А, может, и наоборот. Ты где там застрял? Над чем там слезы лить? Я покажу тебе кое-что получше. <…>		
	<Фауст и дьявол поднимаются в гору. Фауст предлагает снять доспехи>	ФАУСТ: Довольно, надоел мне этот маскарад! ДЬЯВОЛ: Жаль. Ну, что ж, пропадать, так вместе. Наколенники, пожалуйста. ФАУСТ: Сам отвязывай! Я тебе не слуга! ДЬЯВОЛ: Он не слуга! Типичный человек! <…>		
	<Фауст и дьявол поднялись на верх горы>	ДЬЯВОЛ: Я знаю, надеешься в моем ничто найти себе усиленную! Пока живешь, надейся. <…>		
	<Фауст просит дьявола спасти Маргариту.	ФАУСТ: Что ты мне дал? Ты		

	Дьявол отказывается>

Проанализируем выбранные отрезки экранной «речи» кинотекста «Фауст». На вступительных кадрах (пример 1) нелинейные иконические единицы (изображение гор, моря и т.д.) соединены в единый изобразительный континуум (денотативное означающее), репрезентирующий, с одной стороны, место действия кинотекста (денотативное означаемое), а с другой, атмосферу средневекового бюргеровского городка (коннотатор), вызывая у зрителя соответствующие ассоциации (коннотат). Таким образом, уже с самого начала повествования на денотативный уровень артикуляции значения надстраиваются культурные и личностные коннотации. Далее, на следующих кадрах представлен доктор Фауст, производящий вскрытие трупа в поисках души (пример 2). В тех же поисках он перечитывает Евангелие от Иоанна (пример 3). Во втором и третьем примерах зафиксированы объекты и действия создаваемой в кинотексте реальности — труп, руки доктора, вскрытие трупа; открытая книга (Евангелие от Иоанна) и чтение вслух. Таким образом, конкретные отрезки реальной действительности создаются на зрительном уровне в пространстве (индексальными знаками) и во временном развертывании текста (кинеморфами), для прочтения которых требуются паралингвистический и визуальный коды. Ключевыми в интерпретации данных зрительных единиц являются вербальные единицы — диалог между Фаустом и его учеником, из которого становится понятно, что и потрошение трупа, и прочтение Евангелия происходят с целью найти ответы на вопрос о нахождении души и существовании Бога. В экранной «речи» текста в ходе развертывания повествования комплексное денотативное означающее «руки и совершаемый ими поиск в теле мертвого человека» вызывает в зрителе некие психологические реакции и стереотипы, надстараивая, тем самым, определенные коннотации: прямое значение непосредственного «физического» поиска в трупе становится переносным и символизирует поиск «духовный», отображенный в третьем примере в виде открытого Евангелия. Семантическая организация денотативного плана данных кадров включает две перцептивные формы означающего — руки и книга — и репрезентирует одно коннотативное означаемое — поиск смысла жизни. Таким образом, две части кинотекста соединены семиотическим механизмом символизирующей операции, при которой один образ переходит в другой на основе смежности совершаемого действия, причем распада иконических (денотативных) означающих не происходит: оба остаются распознаваемыми и не смешиваются, порождается троп на основании смещения значения — метонимию.

Помимо мотива поиска смысла жизни в кинотексте присутствует мотив чувственных отношений между мужчиной и женщиной (примеры 4, 5 и 6). Денотативный план данных примеров включает пространственные и временные базисные элементы. Денотативное означающее составляют как зрительные единицы — иконические изображения главных героев (4), (6), иконы «руки» (4), (5), а также кинеморфы «прикосновения рук» (4), (5), «объятия» и «падение» (6); и слуховые единицы — диалоги (5), (6), выстраивающие два конкретных объекта действительности кинотекста — доктора Фауста и его возлюбленную Маргариту (денотативное означаемое). В общем контексте повествования компоненты значения визуального континуума текста обретают дополнительные

смыслы. Визуальный код регламентирует работу денотативного означающего, зрительно акцентирующего мотив отношений между мужчиной и женщиной, который под воздействием паралингвистического и лингвистического кодов наполняется дополнительной коннотацией — значением «страсть». В примерах 4 и 5 он выражен метонимически, на основе смежности, — руки символизируют героев кинотекста — Фауста и Маргариту; в примере 6 — метафорически при помощи ассоциативного кода на основании сходства между совершаемым действием погружения в воду (6) и погружением в чувственные отношения.

Мотив любви не представлен в данном кинотексте как отдельная вербальная или невербальная единица, он намеренно опускается и на его место выходит мотив «похоти», влияющий на дальнейшее повествование и интерпретацию текста. Подобную денотацию можно обозначить как *сверхсмысловую*.

На завершающих кадрах Фауст, проведенный в потусторонний мир Мефистофелем и забивший его камнями, устремляется вперед, в горы (пример 7). На данном отрезке повествования в пространственно-временном континууме текста обнаруживаются как зрительные, так и слуховые единицы, несущие дополнительный смысл. Так, иконически-индексальный знак «доспехи» и кинеморф «облачения в доспехи», с одной стороны, являются частью реальности кинотекста, и, с другой стороны, в общем контексте и косвенно через диалог с дьяволом, в котором он говорит Фаусту: ***Ты же мужчина, солдат***, приобретают вторичное значение, составляя на основе метонимической связи коннотативное означающее — приобщение к прислужникам Сатаны, его «армии». Данный коннотатор имеет коннотат — душа Фауста претерпела трансформацию в результате испытаний дьявола. В самом конце данного эпизода, после того, как Фауст забивает дьявола камнями, он уходит и на вопрос Маргариты «куда» отвечает ***Туда. Туда. Дальше и дальше.*** Изображение движения героя является в семантической организации денотативного плана кадра явлением реальности кинотекста — «движением вперед», однако, помещенное в конец повествования, оно приобретает переносный смысл. Работа денотативного означающего (кинеморф «движение вперед» и слова Фауста ***Туда. Туда. Дальше и дальше***) акцентирует в денотативном означаемом значение движения, которое на основании операционального сходства становится метафорой «движения в будущее», движения не в географическом, а во временн***о***м смысле, являющегося в данном случае коннотативным означаемым.

2.3. Выводы

Синтагматическая организация базисных элементов языка экранности, воплощенных в конкретных вербальных и невербальных единицах, в ходе динамического развертывания экранной «речи» конкретного поликодового-полимодального текста способствует умножению смысла аудиовизуального сообщения через контаминацию денотативного и коннотативного уровней артикуляции значения. Такое порождение промежуточных значений можно обозначить термином ***семиотическая интерполяция***. В результате семиотической интерполяции между вербальными и невербальными единицами образуются метафорические и метонимические связи, и порождается троп.

Механизм действия тропа включает в работу знаки, указывающие на объект или явление действительности, с одной стороны (денотация), и вызывающие определенные ассоциации, связанные с какой-либо абстрактной идеей, с другой (коннотация). Троп — это логический поворот, дающий единицам экранной «речи» новые отношения друг к другу, в основе которых лежат операции сгущения или смещения значения.

3. Заключение

В гетерогенном экранном тексте может быть использован практически любой троп (например, метонимия, ирония, метафора), что предполагает выбор из всех возможных логичных ассоциаций какую-ту одну, часто устоявшуюся в той или иной лингвокультурной общности. Символизация, на основе которой в процессе интерпретации выстраиваются коннотативные значения, представляет собой замкнутое движение в круге устоявшихся представлений и стереотипов. Код, используемый в тексте, связывает коннотативные значения, но не делает их неподвижными: смещение денотативного значения регулируется и закрепляется им как уже устоявшееся в лингвокультурной общности значения.

Дальнейшее исследование тропа как результата семиотической интерполяции вербальных и невербальных единиц гетерогенного экранного текста позволит более подробно описать механизм создания иллюзии реальности, подмены информации, канализирования стереотипа, коррупции знака и других манипуляций подобного рода, осуществляемых на сегодняшний день в экранных текстах, не только кино и телевидения, но и сети Интернет, а именно на базе платформ Instagram, YouTube, SnapChat, Facebook и др.

Библиографический список

1. *Barthes R.* Système de la mode: Essais. Paris: Éditions du Seuil, 1983.
2. *Барт Р.* Проблема значения в кино // Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: 2004.
3. *Барт Р.* S/Z, пер. с фр. Г.К. Костикова и В.П. Мурат; под ред. Г.К. Костикова. М.: Академический проект, 2009.
4. *Deleuze G.* Cinéma 1. L'Image-Mouvement. Cinéma 2. L'Image-Temps. Paris: Les Éditions de Minuit, 1983.
5. *Делез Ж.* Кино / пер. с фр. Б. Скуратова; вступ. ст. О. Аронсон. М.: Изд-во Ад Маргинем, 2004.
6. *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории языка / пер. с англ.; сост. В.Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006.
7. *Залевская А.А*. Различные подходы к проблеме семиозиса // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. Тверь: Изд-во ТвГУ. 2016. no 4. С. 36—42.
8. *Иванов В.В.* О структурном подходе к языку кино // Искусство кино. 1988. no 11. С. 89—113.
9. *Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Об искусстве. СПб: «Искусство — СПб», 2005. С. 288—372.
10. *Максименко О.И.* Семиотика (вербальная и невербальная) мультифандомного мира (на примере комиксов издательств marvel, dc и bubble) // В сборнике: Военно-гуманитарный альманах. Сер. «Лингвистика». 2017. С. 36—47.

11. *Манохин Д.* Киносемиозис в массовой культуре // Современный дискурс анализ. Семиозис в массовой культуре: электронный журнал. Белгород: Центр коммуникативных и медийных исследований «Медиаперспектива» БелГУ, 2013. Вып. 7. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.discourseanalysis.org/ada7/st50.shtml (дата обращения: 06.01.2020).
12. *Metz Ch.* Le signifiant imaginaire. Psychanalyse et cinema. Paris: Union générale d'éditions, 1977.
13. *Метц К.* Воображаемое означающее. Психоанализ и кино / пер. с фр. Д. Калугин, Н. Мовнина; научн. ред. А. Черноглазов. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010.
14. *Кожемякин Е.* Семиозис массовой культуры: общая модель и частные дескрипции // Современный дискурс-анализ. Семиозис в массовой культуре: электронный журнал. Белгород: Центр коммуникативных и медийных исследований «Медиаперспектива» БелГУ, 2013. Вып. 7. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.discourseanalysis.org/ada7/st49.shtml (дата обращения: 06.07.2018).
15. *Eco U.* Semiotics and the philosophy of language (Advances in semiotics) / ed. T.A. Sebeok. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1986.
16. *Эко У.* Открытое произведение / перев. с итал. А.П. Шурбелева. СПб.: «Симпозиум», 2006.
17. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / перев. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. СПб.: «Симпозиум», 2006.
18. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. С. Серебряного. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2016.
19. *Якобсон Р.* Избранные работы / пер. с англ., нем., фр. яз. / сост. и общ. ред. В.А. Звегинцев; предисл. Вяч. вс. Иванова. М.: «ПРОГРЕСС», 1985.
20. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. Режим доступа: https://perevodovedcheskiy.academic.ru/768/лингвосемиотика (дата обращения: 22.01.2020).
21. *Евграфова Ю.А., Новикова М.Г.* Вербальный и звуковой компонент экранной «речи» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. no 4. Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru. Doi:10.18384/2224-0209-2019-4-973 (дата обращения: 25.01.2020).
22. *Евграфова Ю.А.* «Язык» экранности и экранная «речь» в статике гетерогенных текстов: дискретные единицы континуума движения // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. no 2. Режим доступа: https://evestnik-mgou.ru (дата обращения: 25.01.2020).
23. *Альбова З.В.* К вопросу о понятии коннотации // Научная жизнь. 2010. no 3. С. 79—82.
24. *Астахова Я.А.* К вопросу о понимании коннотации в лингвокультурологии // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2013. no 4 (33). С. 182—186.
25. *Валова Ю.В., Шабанова Т.Д.* Экспериментальное исследование дифференциальной семантики английских глаголов возражения // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. no 4. С. 56—59.
26. *Герасименко И.Е.* Денотация и коннотация в структуре языкового знака // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2008. no 6 (148). С. 116—119.
27. *Копач О.И.* Топознак: лексическая мотивация vs грамматическая денотация // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. научн. ст. 2018. С. 21—24.
28. *Степанов М.С.* Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе (на материале произведений классической и современной испанской поэзии). дисс. … канд. филол. наук. Военный университет. Москва, 2007.

29. *Султонкулов О.Ж.* О границах и отношениях денотативного и коннотативного компонентов лексического значения слова // European Scientific Conference: сб. ст. VII Международ. научно-практич. конф.: в 2 ч. 2017. С. 166—169.
30. *Чистюхина С.Н.* Многозначность как одна из проблем значения слова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. no 2. С. 153—156.
31. *Шумбасова С.С.* Значение как основная трудность при освоении языка // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы девятой научн. конф. с международ. уч.: в 3 ч. 2016. С. 203—207.
32. Фауст: художественный фильм / режис. А. Сокуров. Россия, Германия, США, Франция, Япония, Великобритания, Италия, 2011. 140 мин.
33. La Bienale di Venezia [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.labiennale.org/en (Дата доступа: 10 января 2019 г.)
34. Кинопремия «Белый слон». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kinopressa.ru/white-elephant (Дата доступа: 10 января 2019 г.).
35. Национальная кинематографическая премия «Ника» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20140222144904/http://kino-nika.com/news/304--lr-2012-.html (дата обращения: 10.01.2020 г.).
36. *Eco U.* La struttura assente: La ricerca semiotica e il metodo strutturale. Milan: Bompiani, 2015.

References

1. Barthes, R. (1983). *Système de la mode*: Essais. Paris: Éditions du Seuil.
2. Bart, R. (2004). Problem of meaning in the cinema In *System of fashion. Articles on cultural semiotics,* S.N. Zenkin (Transl.). Moscow. (In Russ.).
3. Bart, R. (2009). *S/Z*, G.K. Kostikov & V.P. Murat (Transl.). Moscow: Akademicheskij projekt publ. (In Russ.).
4. Deleuze, G. (1983). *Cinéma 1. L'Image-Mouvement.* Paris: Les Éditions de Minuit. L'Image-temps. Cinéma 2, L'Image-Temps. Paris: Les Éditions de Minuit.
5. Deljoz, Zh. (2004) Kino Trans. from French B. Skuratova; int. art. O. Aronson. Moscow: Ad Marginem Publ., 2004. (In Russ.).
6. El'mslev, L. (2006) Prolegomena to the theory of language. Trans. from English.; ed. V.D. Mazo. Moscow: KomKniga publ. (In Russ.).
7. Zalevskaja, A.A. (2016) Different approaches to the problem of semiosis. *The journal Vestnik TvGU. Series Philology*, *4*, 36—42. (In Russ.).
8. Ivanov, Vjach. Vs. (1988) About the structural approach to the language of the Cinema. № 11, 89—113. (In Russ.).
9. Lotman, Ju.M. (2005) Semiotics of the cinema and problems of cine-aesthetics. About art. SPb: «Iskusstvo — SPb». 288—372 (In Russ.).
10. Maksimenko, O.I. (2017) Semiotics (verbal and non-verbal) of multi-fandom world (case study of comic books by Marvel, DC and Bubble). *The journal Martial-humanitarian almanac. Series "Linguistics",* 2017, 36—47. (In Russ.).
11. Manohin, D. (2013) Film-semiosis in mass culture. *The journal Modern discourse analysis. Semiosis in mass culture: electronic journal.* Belgorod: «Mediaperspektiva» BelGU Publ., Vol. 7. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada7/st50.shtml (data obrashhenija: 06.01.2020) (In Russ.).
12. Metz, Ch. (1977) Le signifiant imaginaire. Psychanalyse et cinema. Paris: Union générale d'éditions.
13. Metc, K. (2010) Imaginary signifier. Psychoanalysis in the cinema. Trans. from French D. Kalugin, N. Movnina; nauchn. Ed. A. Chernoglazov. SPb: Evropejskogo un-ta in SPb Publ. (In Russ.).

14. Kozhemjakin, E. (2013) Semiosis of mass-culture: the general model and particular descriptions. *The journal Modern discourse analysis. Semiosis in mass culture: electronic journal.* Belgorod: «Mediaperspektiva» BelGU Publ., Vol. 7. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada7/st49.shtml (accessed: 06.07.2018) (In Russ.).
15. Eco U. (1986) Semiotics and the philosophy of language (Advances in semiotics). Ed. T.A. Sebeok. Bloomington, Indiana University Press Publ.
16. Jeko, U. (2006) An open composition. Trans. from Ital. A.P. Shurbeleva. SPb: «Simpozium», (In Russ.).
17. Jeko, U. (2006) An absent structure. Introduction to semiology. Trans. From Ital. V.G. Reznik & A.G. Pogonjajlo. SPb: «Simpozium». (In Russ.).
18. Jeko, U. (2016) Role of the reader. Studies on text's semiotics. Trans. S. Serebrjanogo. M.: AST: CORPUS Publ. (In Russ.).
19. Jakobson, R. (1985) Selected proze. Trans. from Eng. Germ., French. Ed. V.A. Zvegincev; int. Vjach. vs. Ivanova. M: "PROGRESS" publ. (In Russ.).
20. Neljubin, L.L. (2003) Defining linguistic dictionary. 3rd ed. M: Flinta: Nauka Publ. URL: https://perevodovedcheskiy.academic.ru/768/lingvosemiotika (accessed: 22.01.2020) (In Russ.).
21. Evgrafova, Ju. A., Novikova M.G. (2019) Verbal and audial components of the screen "speech". *Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Linguistics*, 4. URL: www.evestnik-mgou.ru. Doi:10.18384/2224-0209-2019-4-973 (accessed: 25.01.2020). (In Russ.).
22. Evgrafova, Ju. A. (2019) Screen "language" and screen "speech" in the static scope of the heterogeneous texts: discrete units of the movement. *Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Linguistics,* 2. URL: https://evestnik-mgou.ru (accessed: 25.01.2020). (In Russ.).
23. Al'bova, Z.V. (2010) To the concept of connotation. *The journal Scientific life*, 3, 79—82. (In Russ.).
24. Astahova, Ja.A. (2013) To the question of connotation in lingvoculture. *Bulletin of Orel state university. Series: New humanitarian research,* 4 (33), 182—186. (In Russ.).
25. Valova, Ju.V. & Shabanova, T.D. (2017) Experimental research on differentiatial semantics of English verbs of negation. *The Scientific Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University, 4*, 56—59. (In Russ.).
26. Gerasimenko, I.E. (2008) Denotation and connotation in the structure of language sign. *Science journal bulletin of higher education institutes north caucasus region scocial sciences,* 6 (148), 116—119. (In Russ.).
27. Kopach, O.I. (2018) Toposign: lexical motivation vs. grammatical denotation. *The journal Regional onomastics: problems and perspectives*, 21—24. (In Russ.).
28. Stepanov, M.S. (2007) Denotation and connotation in poetic discourse (case study of late classic and mordern Spanish works) [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
29. Sultonkulov, O.Zh. (2017) About borders and relationships of denotational and connotational components of lexical meaning of the word. *The journal European Scientific Conference*: in 2 Parts, 166—169. (In Russ.).
30. Chistjuhina, S.N. (2011) Polysemantics as one of the problems of the word meaning. *The Scientific Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, № 2, 153—156. (In Russ.).
31. Shumbasova, S.S. (2016) Meaning as one of the troubles in pronunciation acquiring. *The journal Language: categories, functions, verbal act*: in 3 Parts, 203—207. (In Russ.).
32. Faust: fiction film. Dir. A. Sokurov. Russia, Germany, USA, France, Japan, Great Britain, Italy, 2011, 140 min. (In Russ.).
33. La Bienale di Venezia. URL: https://www.labiennale.org/en (assessed: 10.01.2020)
34. Film award «White elephant» URL: http://kinopressa.ru/white-elephant (assessed: 10.01.2020 g.) (In Russ.).

35. Nacional'naja kinematograficheskaja premija "Nika". URL: https://web.archive.org/web/20140222144904/http://kino-nika.com/news/304--lr-2012-.html (assessed: 10.01.2020 g.) (In Russ.).
36. Eco, U. (2015) La struttura assente: La ricerca semiotica e il metodo strutturale. Milan: Bompiani.

Сведения об авторе:
Евграфова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент, кафедра индоевропейских и восточных языков, лингвистический факультет, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет; *сфера научных интересов*: лингвосемиотика, лингвистическая семантика, герменевтика, интерпретация текста, лингвопрагматика, киносемиотика, поэтика кино; *e-mail:* 212.155.04@mail.ru.

Information about the author:
Yulia A. Evgrafova, PhD in Philology, Associate professor, Associate Professor of Indo-European and Eastern languages department, Linguistic faculty, Institute of linguistics and international communication, Moscow Regional State University, *Research interests:* linguosemiotics, linguistic semantics, hermeneutics, text interpretation, linguopragmatics, paremiology, *e-mail*: 212.155.04@mail.ru.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 357–367
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-357-367
УДК 811.133.1'22:791.43

Научная статья / Research article

Интертекстуальность малоформатных текстов французского кинодискурса

В.Е. Анисимов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198
anisimov.vladislav.95@mail.ru

В данной статье рассматривается интертекстуальность функционально-прагматических единиц кинотекста — кинозаголовков, синопсисов и слоганов кинофильма, являющихся непосредственной частью семиотического пространства кинотекста. Цель данной работы — доказать присутствие интертекстуальных связей в функционально-прагматических единицах кинотекста и подробно рассмотреть внутреннюю интертекстуальность данного класса единиц. Прагматическая направленность кинозаголовка, синопсиса и слогана кинофильма, основной задачей которых является привлечение как можно больше представителей целевой аудитории к просмотру кинофильма, во многом обусловливает характер интертекстуальных аллюзий, встречающихся в данных единицах кинотекста. В ходе исследования нами были сделаны следующие выводы: наиболее приемлемой для анализа интертекстуальности функционально-прагматических единиц кинотекста является теория транстекстуальности Ж. Женетта, посредством которой интертекстуальность кинозаголовка, синопсиса и слогана необходимо рассматривать на основе паратекстуальности, метатекстуальности и гипертекстуальности. Интертекстуальность функционально-прагматических единиц кинотекста заключается во взаимодействии кинозаголовка, синопсиса и слогана кинофильма с прецедентными текстами и событиями, а также в межтекстовой связи внутри класса данных единиц. Внутренняя интертекстуальность кинозаголовка, синопсиса и слогана реализуется посредством эхо-фраз заголовка и слогана кинофильма в его синопсисе, а также между частями синопсиса кинопроизведения. Внутренняя интертекстуальность класса функционально-прагматических единиц позволяет кинозаголовку, синопсису и слогану кинопроизведения обеспечить выполнение их основной функции — привлечение к просмотру кинофильма как можно большее число представителей целевой аудитории кинокартины. Ценность данного исследования заключается в комплексном осмыслении интертекстуальности функционально-прагматических единиц кинотекста, а также выявлении их взаимодействия между собой.

Ключевые слова: кинодискурс, кинотекст функционально-прагматические единицы кинотекста, кинозаголовок, синопсис, слоган, интертекстуальность

История статьи:
Дата поступления: 01.02.2020
Дата приема в печать: 01.03.2020

© Анисимов В.Е., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Для цитирования:
Анисимов В.Е. Интертекстуальность малоформатных текстов французского кинодискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 357—367. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-357-367

UDK 811.133.1'22:791.43

Intertextuality of the Small Texts of the French Film Discourse

Vladislav Eu. Anisimov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
anisimov.vladislav.95@mail.ru

This article analyses the intertextuality of the functional and pragmatic elements of the film text (film title, synopsis, slogan) that are a direct part of the film text's semiotic space. The pragmatic orientation of the film title, synopsis and slogan with their main task (targeted audience capture) largely determines the pragmatic nature of intertextual allusions that occur in these film text elements. The purpose of this work is to prove the presence of intertextual connections in the functional and pragmatic elements of the film text and to consider in depth the internal intertextuality of these elements. In the course of the study, we made the following conclusions: the most acceptable for the analysis of the functional and pragmatic elements of the film text is the theory of transtextuality by G. Genette, through which the intertextuality of the film title, synopsis and slogan must be considered on the basis of the paratextuality, metatextuality and hypertextuality. The intertextuality of the functional and pragmatic elements of the film text consists in the interaction of film title, synopsis and slogan with the precedent texts and events, as well as the intertextual connection inside the class of these elements. The internal intertextuality of the functional and pragmatic elements of the film text allows the movie title, synopsis, and slogan to ensure the fulfillment of their main function that is to attract to watch the movie as many viewers as possible.

Key words: film discourse, film text, functional and pragmatic elements, intertextuality, film title, synopsis, slogan

Article history:
Received: 01.02.2020
Accepted: 01.03.2020

For citation:
Anisimov, V.Eu. (2020). Intertextuality of the Small Texts of the French Film Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 357—367. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-357-367

Введение

На сегодняшний день сложно отрицать влияние кинематографа на жизнь человека и общества. Кино оказывает значительное воздействие на формирование взглядов и потребностей общества, является наиболее доступной и востребованной сферой искусства.

Целью данной работы является выявление и анализ присутствующих в функционально-прагматических единицах кинотекста (кинозаголовке, синопсисе и слогане кинофильма) интертекстуальных связей, рассмотрение внутренней интертекстуальности функционально-прагматических единиц кинотекста.

Объектом исследования выступают интертекстуальные связи кинозаголовка, синопсиса и слогана кинофильма, возникающие между функционально-прагматическими единицами и их претекстами, а также внутри класса данных единиц.

Актуальность данной статьи заключается в комплексном осмыслении интертекстуальности функционально-прагматических единиц кинотекста с прецедентными текстами и событиями, давшими основу кинофильму. Новизна данной работы состоит в применении теории интертекстуальности к функционально-прагматическим единицам кинотекста — кинозаголовкам, синопсисам и слоганам кинофильмов.

Интертекстуальность кинодискурса

Феномену интертекстуальности в дискурсе кино отводится значительное внимание в работах исследователей. Так, И.Б. Иванова включает интертекстуальность в число конститутивных признаков кинодискурса, наряду с адресованностью, информативностью, модальностью, целостностью и членимостью [1. С. 6]. И.П. Федорова особо выделяет двоякую интертекстуальность кинотекста, которая представляет собой одновременно «…и интертекстуализированный текст, и источник интертекстуальности» [2. С. 320].

Рассмотрим подробнее феномен интертекстуальности применительно к кинодискурсу. Впервые термин «интертекстуальность» был введен Ю. Кристевой, которая понимает данный феномен как «текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста» [3. С. 48]. В свою очередь, интертекст понимается как «пространство схождения всевозможных цитаций, принадлежащих разнообразным дискурсам, из которых и состоит культура как способность любого текста быть переходным звеном от одного текста к другому в некотором едином языковом пространстве с неограниченной возможностью связей: ссылок, референций, цитаций, аллюзий и т.д.» [4. С. 214].

Таким образом, применительно к кинотексту интертекстом можно считать различные цитаты, аллюзии на прецедентные тексты или события, послужившие основой для кинопроизведения, апелляции к предыдущим работам режиссера, различные пересечения с кинофильмами одного жанра. Некоторые исследователи также выделяют в качестве источников интертекстуальности кинодискурса повторяющиеся сюжеты и цитирование одних и тех же авторов [5. С. 15].

Интертекстуальные связи в кино рассматриваются исследователями кинодискурса как отношения экранизации к литературному произведению или комиксу [6. 7. цит. по 2. С. 320]; отдельно изучаются применяемые аллюзии на различные телевизионные и кинематографические приемы съемки [8. цит. по 2. С. 320].

По справедливому наблюдению М.Н. Крыловой, анализ интертекстуальных аллюзий кинематографа позволит выявить культурный фон современного человека [9. С. 355].

Интертекстуальность кинозаголовков, синопсисов и слоганов кинофильмов

Функционально-прагматические единицы кинотекста (кинозаголовок, синопсис, слоган кинофильма), основной функцией которых является привлечение к просмотру кинофильма как можно большего количества зрителей, являются неотъемлемой составляющей кинотекста. Функционально-прагматические единицы кинотекста предваряют появление кинофильма в прокате, напрямую влияя на успех кинопроизведения в конкретной стране и культуре. Одними из важнейших составляющих данных прагматически-ориентированных элементов кинодискурса являются присутствующие в них интертекстуальные связи. Подобные аллюзии играют огромную роль именно в силу автономности [10. С. 26] кинозаголовка, синопсиса и слогана кинофильма от его основного содержания, а также благодаря их появлению на глазах потенциальных зрителей задолго до выхода самой киноленты на экраны.

Опираясь на постулат о том, что любой текст — интертекст [11. С. 88], можно сделать вывод о признании различных аллюзий и отсылок, присутствующих как в кинофильмах в целом, так и в их кинозаголовках, синопсисах и слоганах в частности, интертекстуальными составляющими. Несомненно, верно истолковывая отсылку к определенному прецедентному тексту или событию, реципиент незамедлительно начинает ассоциировать кинопроизведение с его претекстом. Например, экранизация литературного произведения всегда будет ассоциироваться у потенциального зрителя в первую очередь с книгой, а фильм-биография — с конкретной исторической личностью. Таким образом, функционально-прагматические элементы кинотекста обладают особенной задачей с точки зрения реализации заложенных в них интертекстуальных связей: оказываясь в социокультурном пространстве задолго до выхода на экраны самого кинофильма, они способны и даже должны быть направлены на передачу потенциальному зрителю сведений о содержащихся в них аллюзиях на прецедентные тексты, события или других кинофильмы.

О.И. Александрова, Е.А. Красина и Е.С. Рыбинок справедливо отмечают, что узнаваемость кинотекста «частично обеспечивается благодаря использованию различных прецедентных феноменов в качестве элементов кинотекста…» [12. С. 27]. Считаем необходимым подчеркнуть, что претексты, используемые авторами кинодискурса в своих произведениях, должны быть доступны среднестатистическому носителю культуры страны производства кинофильма, в противном случае интертекстуальная аллюзия не будет выявлена потенциальным зрителем и, потеряв заложенный в ней прагматический смысл, не принесет желаемого результата.

Основываясь на постулате о том, что интерпретация интертекстуальности возможна в двух планах: «в отношении к художественному тексту вообще и к другим отдельным текстам в аспекте свое—чужое в частности» [4. С. 214], в данной статье предпринимается попытка рассмотреть интертекстуальные связи, присутствующие в кинозаголовках, синопсисах и слоганах французских кинофильмов, с их претекстами, а также внутреннюю интертекстуальность данного класса функционально-прагматических единиц.

Наиболее близкой к исследуемым нами функционально-прагматическим единицам кинотекста (кинозаголовок, синопсис и слоган кинофильма) является концепция интертекстуальности, выдвинутая Ж. Женнетом. Ученый включает интертекстуальность в более широкое понятие *транстекстуальность*, которое, в свою очередь, объединяет в себе пять типов межтекстовых отношений: архитекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность и интертекстуальность [13. С. 54].

Итак, основываясь на типологии Ж. Женнета, можно сделать вывод о взаимодействии кинозаголовка, синопсиса и слогана кинофильма в следующих составных частях транстекстуальности.

1. **Архитекстуальность** — отношения конкретного текста с родовой категорией, к которой он относится. Указанные функционально-прагматические единицы кинотекста по своим характеристикам являются текстами малой формы.

2. **Паратекстуальность** — соотнесенность текста с его паратекстом (заглавием, предисловием, послесловием, иллюстрациями и т.д.). Учитывая направленность кинозаголовка, синопсиса и слогана кинофильма, при изучении паратекстуальности данных функционально-прагматических единиц кинотекста является целесообразным рассматривать их взаимодействие между собой как составных частей единого семиотического пространства (кинофильм), а также их соотнесенность с афишей (постером) кинофильма.

3. **Метатекстуальность** — ссылка в исследуемом тексте на предтексты и прецедентные тексты. Прецедентными фильмами современного французского кинематографа служат литературные произведения (*L'amour dure trois ans (2011)*, *Au revoir là-haut (2017*), исторические события (*Apocalypse: La 1ère Guerre mondiale (2014), L'armée du crime(2009*), сказания и легенды (*Astérix & Obélix: Mission Cléopâtre (2002), Astérix & Obélix: Au service de sa Majesté (2012*), библейские сюжеты (*Histoire de Judas (2015), Les rois mages (2001)*, и биографии известных личностей, оставивших след в мировой и французской истории (*Yves Saint Laurent (2014)*, *Dalida (2016)*, *Coco avant Chanel (2016)*.

4. **Гипертекстуальность** — взаимосвязь последующего и предыдущего текста. Гипертекстуальность функционально-прагматических единиц кинотекста может быть рассмотрена с точки зрения отношения кинозаголовка и синопсиса как отношения гипотекста и гипертексту, а также путем изучения взаимодействия частей синопсиса между собой.

5. **Интертекстуальность** — отношение соприсутствия между текстами, основанное на различных видах транстекстуальности.

Согласно проведенному нами исследованию интертекстуальность функционально-прагматических единиц необходимо рассматривать с точки зрения паратекстуальности, метатекстуальности и гипертектуальности, поскольку тесная связь между характеристиками и функциями кинозаголовка, синопсиса и слогана кинофильма предполагает комплексное осмысление их интертекстуальности и всестороннего анализа на семиотическом, лингвистическом и прагматическом уровнях.

Что касается внутренней интертекстуальности функционально-прагматических единиц кинотекста, подобный феномен носит внутриклассовый

характер и может быть рассмотрен в следующих аспектах: интертекстуальность, возникающая между кинозаголовком и синопсисом кинофильма, между кинозаголовком и слоганом кинофильма и между синопсисом и слоганом кинофильма. Внутренняя интертекстуальность класса функционально-прагматических единиц заключается в их взаимодействии между собой на собственно прагматическом и лингвистическом уровнях. Кинозаголовок и синопсис кинофильма находятся в отношениях гипертекст—гипотекст, что позволяет сделать предположение об опоре «коллективного автора кинодискурса» [14. С. 36] на жанровую составляющую, лингвистическую и прагматическую направленность кинозаголовка при написании синопсиса киноленты. Кинозаголовок, являющийся наиболее значимой функционально-прагматической единицей кинотекста, задает тон тематике синопсиса и во многом определяет выполняемые им установки.

Кроме того, название кинофильма может выполнять роль эхо-фразы в синопсисе кинопроизведения, для большего акцента на сущности самого кинозаголовка и пояснения зрителям его выбора коллективным автором. Так, например, кинозаголовок фильма *Les Intouchables* (дословный перевод — «Неприкасаемые», в российском прокате — *«1+1»*, 2017) удачно используется в качестве эхо-фразы в его синопсисе:

A la suite d'un accident de parapente, Philippe, riche aristocrate, engage comme aide à domicile Driss, un jeune de banlieue tout juste sorti de prison. Bref la personne la moins adaptée pour le job. Ensemble ils vont faire cohabiter Vivaldi et Earth Wind and Fire, le verbe et la vanne, les costumes et les bas de survêtement... Deux univers vont se télescoper, s'apprivoiser, pour donner naissance à une amitié aussi dingue, drôle et forte qu'inattendue, une relation unique qui fera des étincelles et qui les rendra... Intouchables. [15]

В результате несчастного случая во время занятий парапланеризмом, Филипп, богатый аристократ, занимает в качестве помощника Дрисса, молодого человека — жителя окраины Парижа, только что освободившегося из тюрьмы. В общем, человека, наименее приспособленного для этой работы. Вместе они попробуют примирить Вивальди и Ерз Винд энд Фаир, глагол и ванную, костюмы и нижнее белье… Две Вселенные проникнут и приручат друг друга, чтобы дать жизнь дружбе, настолько абсурдной и забавной, сколь и неожиданной, блистательным и уникальным отношениям, превратившим их в… Неприкасаемых. (здесь и далее перевод наш. — *В.А.*)

Взаимодействие кинозаголовка и слогана кинофильма также находит отражение на межтекстовом уровне. Примером подобной взаимосвязи могут служить кинозаголовок и слоган французского кинофильма *Système K (2018)*, название которого не дает потенциальному зрителю никакой информации относительно происходящих в фильме событий или хотя бы их места действия. Слоган кинокартины *Dans les rues de Kinchasa l'art est une urgence* («На улицах Киншасы искусство — необходимость») открывает потенциальному зрителю место действия кинофильма — город Киншаса, столица Демократической Республики Конго, а также содержит в себе намек на центральную тему кинопроизведения, вокруг которого построен сюжет ленты — искусство. Таким обра-

зом, в данном случае слоган кинофильма поясняет выбор заглавия кинофильма потенциальному зрителю.

Интертекстуальное взаимодействие синопсиса и слогана кинофильма, аналогично вышеприведенному сопоставлению межтекстовых связей синопсиса и кинозаголовка, находится в отношении гипертекст — гипотекст. Основной вид связи синопсиса и слогана кинофильма — выполнение последним функции эхо-фразы в тексте синопсиса (прямой или косвенной). Прямая эхо-фраза заключается в дублировании исходного словосочетания или предложения синопсиса без каких-либо изменений в его структуре или лексическом составе. Такую роль в межтекстовом взаимодействии играет слоган фильма *Les profs* (в российском прокате — *«Безумные преподы»*, 2013) *Aux pires élèves, les pires profs* («Худшим ученикам — худших учителей»), коррелирующий со следующим предложением синопсиса: *Ce dernier lui propose de recruter une équipe de professeurs selon une nouvelle formule :* ***aux pires élèves, les pires*** *profs pour soigner le mal par le mal…* [16] *(Последний [завуч] предлагает ему [директору] нанять команду преподавателей согласно новой формуле:* ***худшим учителям — худших учителей****, чтобы выбивать клин клином…).*

Второй случай взаимодействия синопсиса и слогана кинофильма на межтекстовом уровне — выполнение последним роли косвенной эхо-фразы синопсиса, имеющей семантическую общность с описанной в синопсисе мыслью или идеей, но выраженной иными лексическими средствами. Отсутствие прямой эхо-фразы в слогане можно наблюдать на примере слогана кинопроизведения *La grande boucle* (в российском прокате — *«Тур де Шанс»*, 2013). Слоган кинопроизведения *Les plus belles victoires ne se gagnent jamais seul* («Самые важные битвы не выигрываются в одиночку») не является прямой эхо-фразой синопсиса, однако находится в прямом взаимодействии с его частью (*D'abord seul, il est vite rejoint par d'autres, inspirés par son défi. — Сначала в одиночку, затем с примкнувшими к нему людьми, вдохновленными его вызовом.)* [17]. Таким образом, выполняя функцию эхо-фразы, для потенциального зрителя слоган служит своего рода отсылкой к тексту синопсиса кинопроизведения.

Стоит отметить принципиальную разницу роли кинозаголовка и слогана кинофильма в качестве эхо-фраз в его синопсисе: являясь эхо-фразой синопсиса, кинозаголовок призван акцентировать внимание потенциальной целевой аудитории на своей сущности и пояснить необходимость выбора подобного названия киноленты. Слоган кинопроизведения, в свою очередь, присутствуя в синопсисе киноленты, выполняет эмотивную функцию, вызывая у зрителя определенные ассоциации с жанром и тематикой кинопроизведения. Так, слоган кинофильма *Joyeuse retraite!* (*«Счастливой пенсии!»*, 2019 г.) *Au revoir la famille, au revoir les cons!* («Прощай, семья, прощайте, придурки!»), при помощи синтаксических (восклицательный характер предложения) и лексических (присутствие в слогане сниженной лексемы *con* — придурок, характерной для французского молодежного сленга), акцентирует внимание потенциального зрителя на комедийном жанре кинопроизведения, а также ориентации кинокартины на молодежную аудиторию.

Части синопсиса кинофильма также могут находиться в отношениях внутренней интертекстуальности между собой. Под частями синопсиса кинопроизведения, внутритекстовые взаимодействия которых являются предметом нашего рассмотрения, в данной статье понимаются отдельные структурно-композиционные составляющие синопсисов — абзацы и предложения; последние, на наш взгляд, также необходимо считать частями синопсиса ввиду его краткости и семантической сжатости. Примером подобных внутритекстовых взаимодействий служат части синопсисов французских фильмов-биографий, первая часть которых (когда речь идет о вводном предложении) в большинстве случаев содержит темпоральную актуализацию кинопроизведения во времени или (когда речь идет о вводном абзаце) — темпоральную актуализацию и завязку сюжета (часто в первая часть синопсиса также актуализирует события кинофильма в пространстве). Второй и последующие части (абзацы или предложения) служат для более детального раскрытия сюжета и опираются на первую структурную часть синопсиса:

Décembre 1897, Paris. Edmond Rostand n'a pas encore trente ans mais déjà deux enfants et beaucoup d'angoisses. Il n'a rien écrit depuis deux ans. En désespoir de cause, il propose au grand Constant Coquelin une pièce nouvelle, une comédie héroïque, en vers, pour les fêtes. (Edmond (2018) [18]

Декабрь 1897 года, Париж. Эдмонду Ростану еще нет тридцати, но у него уже двое детей и множество проблем. Он ничего не пишет вот уже два года. В отчаянии, в преддверии праздников он предлагает знаменитому Констану Коклену новую пьесу в стихах, героическую комедию.

1948. Jacques-Yves Cousteau, sa femme et ses deux fils, vivent au paradis, dans une jolie maison surplombant la mer Méditerranée. Mais Cousteau ne rêve que d'aventure. Grâce à son invention, un scaphandre autonome qui permet de respirer sous l'eau, il a découvert un nouveau monde. (L'Odyssée, 2016) [19]

1948 год. Жак-Ив Кусто, его жена и двое детей живут в раю, в симпатичном домике, нависающим над Средиземным морем. Но Кусто мечтает только о приключениях. Благодаря своему изобретению — автономному скафандру, который позволяет дышать под одой, он открыл новый мир.

Заключение

Итак, исходя из наиболее приемлемой для анализа интертекстуальности кинозаголовка, синопсиса и слогана кинофильма теорией транстекстуальности Ж. Женнетта, интертекстуальность функционально-прагматических единиц необходимо рассматривать на основе паратекстуальности, метатекстуальности и гипертектуальности. Подобная опора сразу на несколько составляющих обусловлена необходимостью проведения всестороннего анализа рассматриваемых единиц кинотекста на семиотическом, лингвистическом и прагматическом уровнях.

Интертекстуальность в проанализированных нами кинозаголовках, синопсисах и слоганах французских кинофильмов формируется посредством аллюзий на культурно-значимые составляющие французской культуры, понятные и спо-

собные увлечь среднестатистического представителя целевой аудитории. Интертекстуальность выступает связующим звеном между прецедентным текстом или событием и самим кинофильмом, помогая актуализировать кинопроизведение во времени и пространстве.

К числу наиболее распространенных прецедентных текстов и событий французского кинематографа относятся литературные произведения, исторические события мировой и национальной значимости, биографии знаменитых личностей. Менее частотными являются аллюзии к библейским сюжетам. Особое взаимодействие кинозаголовка, синопсиса и слогана кинофильма внутри класса функционально-прагматических единиц достигается благодаря внутренней интертекстуальности, проявляющейся посредством эхо-фраз, роль которых в синопсисе кинофильма выполняют как название кинофильма, так и его слоган. Внутренняя интертекстуальность также присуща частям синопсиса кинопроизведения, что обусловливает их структурные целостность и взаимодействие. Подобное взаимодействие интертекстуальных связей позволяет обеспечить единое и упорядоченное взаимодействие кинозаголовка, синопсиса и слогана кинопроизведения для осуществления их основных функций — представление кинокартины перед ее выходом на экраны, знакомство потенциальных зрителей с сюжетом кинофильма и затрагиваемыми в нем проблемами, привлечение к просмотру кинофильма как можно большего количества представителей целевой аудитории кинокартины. Интертекстуальные связи являются важным источником аллюзий и отсылок к прецедентным текстам, событиям, историческим личностям и схожим по жанру и сюжету кинофильмам, напрямую влияя на привлечение к просмотру кинофильма большого количества зрителей, составляющих ядро целевой аудитории кинопроизведения.

Библиографический список

1. *Иванова Е.Б.* Интертекстуальные связи в художественных фильмах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2001.
2. *Федорова И.П.* Проявление интертекстуальности в кинодиалоге // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015. no 3. С. 320—324.
3. *Кристева Ю.* Семиотика. М.: Изд-во МГУ, 1970.
4. *Красина Е.А., Чеснокова О.С.* «Сюжет» Х.Л. Борхеса: опыт интертекстуального прочтения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. no 57. С. 206—223.
5. *Алборова А.А.* К вопросу об основных лингвистических параметрах дискурса в приложении к феномену кинодискурса // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. no 9 (76). С. 14—17.
6. *Moliterno G.* Cinematic Intertextuality and Comic Allusion in Giorgio Mangiamele's Ninety Nine Per Cent. // Screening the past. Режим доступа: http://www.screeningthepast.com/2015/01/cinematic-intertextuality-and-comic-allusion-in-giorgio-mangiamele%E2%80%99s%C2%A0ninety-nine-per-cent/. (дата обращения: 20.12.2019).
7. *Serrano D.H.* Intertextuality and Fidelity in Batman Movie Adaptations. 2005. Режим доступа: http://www.batman-on-film.com. (дата обращения: 20.12.2019).
8. *Rachel J.* Media Intertextuality. 2011. Режим доступа: www.slideshare.net. (дата обращения: 20.12.2019).

9. *Крылова М.Н.* Кино как источник интертекстуальности (на материале сравнительных конструкций) // Язык и социальная динамика: материалы Все-рос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (24 мая 2012 г., Красноярск): в 2 ч. Красноярск, 2012. Ч. 1. С. 355—361.
10. *Горшкова В.Е.* Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла // Вестн. Перм. политехн. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. no 10. 2014. С. 26—37.
11. *Косиков Г.А.* Идеология, коннотация, текст (по поводу книги Р. Барта "S/Z") // Барт Р. S/Z / пер. Г.К. Косикова, В.П. Мурат; общ. ред., вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1994. С. 277—302.
12. *Александрова О.В., Красина Е.А., Рыбинок Е.С.* Прецедентные феномены кинотекста: название художественного фильма в аспекте перевода // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2019. no 5. С. 22—33.
13. *Женетт Ж.* Палимпсесты: литература во второй степени. М.: Наука, 1989.
14. *Слышкин Г.Г., Ефремова М.А.* Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа. М.: Водолей Publishers, 2004.
15. *Intouchables* Режим доступа: http://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=182745.html. (дата обращения 22.12.2019).
16. *Les profs* Режим доступа: http://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=210211.html. (дата обращения 22.12.2019).
17. *La grande boucle* Режим доступа: http://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=205384.html. (дата обращения 22.12.2019).
18. *Edmond* Режим доступа: http://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=256968.html. (дата обращения 22.12.2019).
19. *L'Odyssée* Режим доступа: http://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=189535.html. (дата обращения 22.12.2019).

References

1. Ivanova, E.B. (2001) *Intertextuality in feature films* [dissertation]. Volgograd. (In Russ.).
2. Fedorova, I.P. (2015). *Intertextuality in film dialogue*. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. pp. 320-324. (In Russ.).
3. Kristeva, Yu. (1970) *Semiotics*. Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
4. Krassina, E.A. & Chesnokova, O.S. (2019). *Jorge Luis Borges's "La Trama": Evidence of Intertextual Interpretation*. Tomsk State University Journal of Philology. pp. 206—223. (In Russ.).
5. Alborova, A.A. (2013). To the question of discourse basic parameters on the example of the cinema discourse. *Almanac of Modern Science and Education.* Tambov: Gramota. No. 9 (76). pp. 14—17. (In Russ.).
6. Moliterno, G. (2010). *Cinematic Intertextuality and Comic Allusion in Giorgio Mangiamele's Ninety Nine Per Cent*. *Screening the past.* URL: http://www.screeningthepast.com/2015/01/cinematic-intertextuality-and-comic-allusion-in-giorgio-mangiamele%E2%80%99s%C2%A0ninety-nine-per-cent/ (accessed: 20.12.2019).
7. Serrano, D.H. (2005). *Intertextuality and Fidelity in Batman Movie Adaptations*. URL: http://www.batman-on-film.com (accessed: 20.12.2019).
8. Rachel, J. (2011). *Media Intertextuality.* URL: www.slideshare.net (accessed: 20.12.2019).
9. Krylova, M.N. (2012). Cinema as a source of the intertextuality. Language and social dinamics. *All-Russian Conference with international participation proceedings.* Krasnoyarsk. pp. 355—361. (In Russ.).
10. Gorshkova, V.E. (2014). Film title as a unit of translation and a unit of image-sense. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin.* No. 10. Perm'. pp. 26–37. (In Russ.).
11. Kosikov, G.K. (1994) *Ideology, connotation, text (regarding the book "S/Z" by R. Barthes)* In: Barthes, R. S/Z. Translated from French by G.K. Kosikov & V.P. Murat. Moscow: "Ad Marginem".

12. Aleksandrova, O.I., Krasina, E.A., Rybinok, E.S. (2019). Precedent phenomena of a film text: feature film title in the terms of translation. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education.* No 5. pp. 22—33.
13. Genette, G. (1989). *Palimpsests: Literature in the Second Degree*. Translated from French. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Slyshkin, G.G., Efremova, M.A. (2004). *Film Text (Experience of a culturological analysis*. Moscow: Vodolei Publishers. 164 p. (In Russ).
15. Intouchables (2011). URL: http://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=182745.html (accessed: 22.12.2019).
16. Les profs (2013) URL: http://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=210211.html (accessed: 22.12.2019).
17. La grande boucle (2013). URL: http://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=205384.html (accessed: 22.12.2019).
18. Edmond (2018). URL: http://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=256968.html (accessed: 22.12.2019).
19. L'Odyssée (2016). URL: http://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=189535.html (accessed: 22.12.2019).

Сведения об авторе:
Анисимов Владислав Евгеньевич, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов:* семиотика французского кинодискурса, межкультурная прагматика, дискурс-анализ*; e-mail:* anisimov.vladislav.95@mail.ru.

Information about the author:
Vladislav E. Anisimov, Post-graduate student of the Foreign Languages Department, Philological Faculty, RUDN University. *The sphere of research* includes French cinema discourse semiotics, intercultural pragmatics, discourse analysis; *e-mail:* anisimov.vladislav.95@mail.ru.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 368—383
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-368-383
УДК 811.161.1'27:327.82

Научная статья / Research article

Коммуникативно-эмотивные характеристики идиолекта дипломата

М.В. Беляков[1], О.И. Максименко[2]

[1] Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
пр-т Вернадского, 76, Москва, Российская Федерация, 119454

[2] Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Российская Федерация, 105005
[2]maxbel7@yandex.ru

Данная статья посвящена изучению коммуникативно обусловленного профессионального идиолекта и эмотивности речи дипломата средствами количественного компьютерного контент-анализа и компьютерного семантического анализа. Определяются характеристики профессионального идиолекта дипломата, изменения в речи, произошедшие с течением времени. Особенное внимание уделяется лексическим единицам, смене коннотаций, степени общей эмотивности выступлений, а также клишировнности и афористичности. Вводится понятие «имплицитно эмотивное дипломатическое клише», характерное для изучаемого типа дискурса. По результатам исследования делается вывод, что профессиональный идиолект выражается в умелом переключении речевых кодов, отказе от прагматической оценочности, умении эксплицитно выражать оценку при помощи фактов и точного использования смены коннотаций, а также имплицитно эмотивных дипломатических клише, что позволяет через «делегированного субъекта» — дипломата — выражать отношение страны к происходящим событиям, но оставаться в рамках дипломатического речевого протокола. Исследование позволяет приблизиться к более четкому и глубокому пониманию феномена профессионального идиолекта дипломата как сложного комплекса речевых и текстовых практик, цель которых — достичь решения сложных международных проблем мирным способом, т.е. вербально. Материалом исследования послужили выступления С.В. Лаврова в качестве Постоянного представителя в Совете Безопасности ООН на тему «миротворчество», хранящиеся в цифровом архиве Security Council за 1994—2004 гг., а также материал выступления С.В. Лаврова в качестве Министра иностранных дел РФ на пресс-конференции 17.01.2020 г.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, идиолект, эмотивность, коннотация, коммуникативная ситуация, Совет Безопасности ООН

История статьи:
Дата поступления: 01.03.2020
Дата приема в печать: 15.03.2020

© Беляков М.В., Максименко О.И., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Для цитирования:
Беляков М.В., Максименко О.И. Коммуникативно-эмотивные характеристики идиолекта дипломата // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 368—383. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-368-383

UDK 811.161.1'27:327.82

Communicative and Emotive Characteristics of the Diplomatic Idiolect

Mikhail V. Belyakov[1], Olga I. Maksimenko[2]

[1] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)
76, Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russian Federation

[2] Moscow Region State University (MGOU)
10a, Radio street, Moscow, 105005 Russian Federation
[2]maxbel7@yandex.ru

This article is devoted to the study of communicatively conditioned professional idiolect and the emotional speech of a diplomat by means of quantitative computer content analysis and semantic analysis. The characteristics of a professional diplomat's idiolect, changes in speech that have occurred over time are determined. Particular attention is paid to lexical units, a change in connotations, the degree of overall emotional performance, as well as clichés and aphorisms. The concept of "implicitly emotive diplomatic clichés" is introduced, which is characteristic of the type of discourse under study. According to the results of the study, it is concluded that a professional idiolect is expressed in the skillful switching of speech codes, the rejection of pragmatic appraisal, the ability to explicitly express an appraisal using facts and the exact use of changing connotations, as well as implicitly emotive diplomatic clichés, which allows a diplomat through a "delegated subject" express the country's attitude to current events, but remain within the framework of the diplomatic speech protocol. The study allows us to come closer to a clearer and deeper understanding of the phenomenon of a professional diplomat's idiolect as a complex set of speech and textual practices aimed at solving complex international problems in a peaceful way, i.e. verbally. The research material was S.V. Lavrov as the Permanent Representative to the UN Security Council speeches on the theme of 'peacekeeping' stored in the Security Council digital archive for 1994—2004, as well as the material of the press conference on 01/17/2020 as the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: diplomatic discourse, idiolect, emotivity, connotation, communicative situation, UN Security Council

Article history:
Received: 01.03.2020
Accepted: 15.03.2020

For citation:
Belyakov, M.V. &. Maksimenko, O.I. (2020). Communicative and Emotive Characteristics of the Diplomatic Idiolect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 368—383. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-368-383

Все люди говорят как бы одним языком,
и в то же время у каждого человека есть свой отдельный язык.
Необходимо изучать живую разговорную речь
и речь отдельного индивидуума.
В. фон Гумбольдт

Введение

Исторически успешный результат дипломатической деятельности во многом зависел от дипломата как личности, обладающей необходимыми качествами, умениями и опытом для выполнения возлагаемой на него миссии. Одним из важнейших факторов в дипломатии является коммуникация дипломатов-профессионалов, строящаяся на использовании искусства риторики, теории аргументации, коммуникативных стратегий и тактик — всего того, что называют чувством языка и владением языком и что характеризует языковую личность, реализующуюся в профессиональном дискурсе.

Дипломатический дискурс — особый тип дискурса, хотя его относят к известному типу институционального дискурса [1], отличается и от близкого ему политического (внешнеполитического) дискурса, и от других типов институциональных дискурсов. Он, безусловно, имеет и области пересечения с ними, но и ряд только ему присущих черт, которые определяются характерными данному типу дискурса коммуникативными ситуациями и правилами реализации в них речевых практик. По мнению Е.А. Красиной, «во взаимодействии дискурса, речевого акта и высказывания обнаруживается определенная иерархия: дискурс — это поле, в котором наряду с другими объектами существуют речевые акты и высказывания, и одновременно дискурс конструируется как сложная система знаний, которые могут быть представлены посредством высказываний и речевых актов» [2. С. 99]. В нашем случае полем служит дипломатический дискурс, а речевыми актами — оцифрованные речи Постоянных представителей РФ в ООН.

До определенного момента дипломатия рассматривалась как закрытая для глаз непосвященных (и широких исследований) сфера, отчасти поэтому дипломатический дискурс стали изучать относительно недавно. За последнее время в российской лингвистике появился ряд немногочисленных диссертационных исследований, посвященных разным аспектам дипломатического дискурса, например, когнитивному диссонансу в английском дипломатическом дискурсе (Вебер, 2004) [3], дискурсу дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации (Метелица, 2003) [4], стратегиям перевода в дипломатическом дискурсе (Волкова, 2007) [5], исследованию вербальных нот (Кожетева, 2012) [6], интенциональной структуре дипломатического дискурса (Терентий, 2016) [7], коммуникативным стратегиям цифровой дипломатии (Новиков, 2017) [8; 9]. По большей части в этих работах, за исключением двух последних, изучались письменные вербальные тексты — ноты, стенограммы переговоров, структура разного рода дипломатической документации, причем, по большей части, на материале английского языка. Однако в дипломатической коммуника-

ции выделяется и стоит особняком такой тип текстов, как речи Постоянных представителей в Совете Безопасности ООН (СБ ООН), поскольку они, в отличие от переговоров, реализуются в иной коммуникативной ситуации и произносятся на достаточно широкую аудиторию, и адресант в течение некоторого периода времени, как правило, один и тот же — Постоянный представитель той или иной страны. Кроме того, отчеты заседаний Совета Безопасности ООН находятся в открытом доступе и хранятся в качестве оцифрованных отчетов в архиве СБ ООН. Тексты речей Постоянных представителей СССР и России в СБ ООН в рамках русского дипломатического дискурса ранее анализу не подвергались. Анализ текстов резолюций Генеральной Ассамблеи (40 текстов) и СБ ООН (66 текстов) по вопросам Палестинского конфликта за период 1948—2006 гг. представлены в работе Germana D'Acquisto (2017) [10].

Совет Безопасности ООН — постоянно действующий орган Организации Объединенных Наций, созданный в 1946 г. с целью поддержания международного мира и безопасности дипломатическим путем [11] и разрешения наиболее болезненных и угрожающих миру проблем. В СБ входят 15 стран-членов, из них 5 — постоянных, в том числе и Российская Федерация. С момента создания до настоящего времени прошло порядка 9 тысяч заседаний СБ, за это время было обсуждено около 500 различных тем, самые часто обсуждаемые из которых (на момент написания статьи) — «Положение на Ближнем Востоке» (401 раз), «Ситуация в бывшей Югославии» (185), «Палестинский вопрос» (182), «Территории, оккупированные Израилем» (168), «Терроризм» (166), «Международная безопасность» (168).

В СБ ООН за годы его существования сменилось 14 Постоянных представителей сначала СССР, а затем России. Десять лет (с 1994 по 2004 гг.) в этой должности работал нынешний Министр иностранных дел РФ Сергей Викторович Лавров. В должности Министра С.В. Лавров работает с 2004 г. — уже 16 лет. Учитывая столь длительное пребывание в профессии, множество и разноплановость коммуникативных ситуаций, в которых он участвовал, на примере его выступлений в разных ипостасях можно проследить формирование и функционирование идиолекта дипломата.

Понятие идиолекта в дипломатическом дискурсе

В.А. Виноградов в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 2012 г. определяет *идиолект* как «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка. <...> В широком смысле *идиолект* — реализация данного языка в устах индивида, т.е. совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка; идиолект всегда есть «точечный» представитель определенного идиома, соединяющий в себе общие и специфические черты его структуры, нормы и узуса. Идиолект — единственная языковая реальность, доступная прямому наблюдению <…>» [12. С. 171]. Идиолект напрямую соотносится с понятием языковой личности и входит в это понятие как его составляющая.

Изучение языковой личности последние десятилетия остается в центре внимания не только лингвистики, но и гуманитарного знания в целом, и чаще всего в рамках дискурсивного анализа с учетом семиотической модели коммуникации [13]. По мнению Ю.Н. Караулова, который ввел в широкий научный обиход понятие языковой личности, языковая личность создает и воспринимает речевые произведения (тексты), различающиеся по ряду параметров — структурно-языковой сложности, глубине и точности отражения действительности, целевой направленности. Ю.Н. Карауловым были определены три уровня представления языковой личности: вербально-семантический (структурно-системный), когнитивный (тезаурусный) и прагматический (мотивационный) [14]. Но, по нашему мнению, в дипломатическом дискурсе реализация языковой личности осложняется тем, что прагматический (мотивационный) уровень в ситуации дипломатической коммуникации определяется не субъективным выбором самой языковой личности, а прагматикой более высокого уровня — задачами, поставленными перед дипломатом государством, которое он представляет. Субъективная прагматика дипломата состоит в выборе речевого поведения, что, собственно, и определяет идиолект. Таким образом, идиолект дипломата заключается в умении быстрого переключения кодов внутри жестко регламентированного вербального дипломатического этикета и протокола, составляющих существенную часть дипломатического дискурса. Несмотря на то, что благодаря перемещению части дипломатической коммуникации в медиапространство и появлению так называемой «цифровой дипломатии» ряд выступлений крупных дипломатов стал информационно доступен, переговорный процесс остается по-прежнему закрытым, и проведение лингвистического анализа стенограмм переговоров становится возможным лишь по прошествии значительного времени, а время, как известно, накладывает определенные изменения не только собственно на личность, но также и на языковую личность, и на идиолект. По этой причине, на наш взгляд, объективно оправданным выбором для анализа идиолекта дипломата является особый языковой материал, в котором сочетаются все три уровня представления языковой личности по Ю.Н. Караулову: вербально-семантический, тезаурусный и прагматический — архивные записи выступлений Постоянных представителей в Совете безопасности ООН.

Материал исследования

Как упоминалось выше, дипломатия исторически институализировалась как коммуникация на личностном уровне, и ее особенностью можно считать то обстоятельство, что в дипломатии первична именно речевая коммуникация, переговоры, устные выступления и пр., которые впоследствии обретают письменную форму нот, коммюнике, сообщений для СМИ, стенограмм выступлений и пр. Как правило, обработанная и представленная в письменном виде речь заметно расширяет круг реципиентов, что далеко не всегда является прагматической целью дипломатического дискурса. Однако в современном мире благодаря электронным средствам информации и коммуникации есть доступ к видеоматериалам, размещенным, например, в Youtube, архивным текстовым материалам,

архивной кинохронике и пр., что дает возможность изучения как личностно-обусловленного, так и статусно-обусловленного общения [1. С. 58].

Материалом для анализа послужили хранящиеся в электронном архиве Совета Безопасности ООН тексты всех открытых заседаний СБ с участием С.В. Лаврова по общей теме «миротворческие операции» за период его работы Постоянным представителем в СБ ООН (1944—2004).

Тема «миротворческие операции» была выбрана по ряду причин: во-первых, тема 'peacekeeping operations' к моменту написания статьи обсуждалась в СБ часто (92 раза) и находится на 13 месте по частоте всех поднимавшихся в СБ тем; во-вторых, *peacekeeping* — поддержание мира вербальными средствами — основная функция дипломатии. Однако за последнее время, когда адъектив от «миротворец» стал входить в устойчивые клише — *миротворческие силы, миротворческие операции*, *миротворческий контингент, миротворческая миссия* — семантика существительных «силы», «операции» и «контингент», ассоциирующаяся с негативной семантикой слова «война», повлияла на коннотацию данных словосочетаний. Теперь они используются в отношении вооруженных сил, хоть и называющихся «миротворческими». Верхом искажения понятий «мир» и «миротворец» стало устойчивое словосочетание «принуждение к миру» (*peace enforcement operations*). Принуждение к миру может осуществляться как без применения вооруженных сил средствами экономических и правовых санкций, т.е. мерами давления, так и с использованием вооруженных сил. Данный термин (миротворец) и словосочетания с его производными могут служить как экстралингвистическими, так и лингвистическими маркерами выступлений в СБ ООН.

В электронной библиотеке СБ (Security Council) документы, датируемые периодом 1946—1963 гг., хранятся в виде файлов сканированных машинописных страниц, что осложняет их обработку компьютерными средствами, т.к. требуется предварительное распознавание образов, а с 1963 г. все документы оцифрованы и хранятся в формате .pdf и доступны для обработки компьютерными программами. Таким образом, в наши дни есть возможность изучать и произнесенную в СБ в разные периоды времени речь, и идиолект отдельного человека, в нашем случае дипломата самого высокого ранга.

Для сравнения реализации идиолекта в двух статусных ролях и коммуникативных ситуациях анализу подверглись выступления С.В. Лаврова в качестве постпреда в начале его деятельности на этом посту (1994 и 1997 гг.) и в качестве главы МИД России на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году (Москва, 17 января 2020 г.).

Как правило, исследование идиолекта ведется сугубо лингвистическими средствами — фонетики, синтаксиса, семантики, стилистики. Кроме того, в российской лингвистической традиции разделяют понятия «идиолекта» и «идиостиля». Однако чтобы избежать присущей строго лингвистическим исследованиям субъективности, предлагается исследовать идиолект дипломата с использованием автоматизированных средств обработки текстовых массивов, в частности, компьютерных программ автоматизированного контент-анализа (Yoshicoder 0.6.5.0) и онлайн SEO-анализа текстов (advego).

Результаты

По нашему мнению, одной из наиболее ярких доминант идиолекта, особенно реализующегося в ситуации дипломатической коммуникации, является эмотивная оценочная лексика и эмотивные конструкции, которые согласно дипломатическому протоколу в дипломатической речи нежелательны или крайне редки. Поэтому для выявления этой особенности идиолекта нами был проведен эксперимент по следующему алгоритму: получение конкорданса выступлений С.В. Лаврова в качестве постпреда РФ в ООН средствами указанного выше компьютерного анализатора для анализа дистрибуций словоупотреблений в тексте выступления, проведение процедуры лемматизации для получения полного частотного списка использованных слов, выделение на основе конкорданса эмотивной лексики, эмотивных конструкций и дипломатических клише и соотнесение их с конкретной экстралингвистической ситуацией произнесения речи. Частота и вариативность употребления клише в разных коммуникативных ситуациях, наряду с частотой и вариативностью эмотивных конструкций, на наш взгляд, показательно характеризуют идиолект дипломата. Компьютерный SEO-анализ текста средствами прикладного пакета семантического онлайн анализа текста (advego.ru) также позволяет получить полную показательную статистику текста, включающую такие важные показатели, как количество слов, количество уникальных и значимых слов, водность текста, классическая и академическая тошнота текста.

Рассмотрим одно из ранних выступлений в качестве Постоянного представителя России С.В Лаврова на 3449 заседании[1] СБ ООН 11.04.1994 г.

Г-н Лавров (Российская Федерация):

Несколько тысяч российских граждан участвуют в ***операциях по поддержанию мира*** *в различных регионах мира. С учетом этого Российская Федерация придает важное значение* ***проблеме укрепления механизма консультаций*** *и обмена информацией между членами Совета Безопасности, странами, предоставляющими* ***воинские контингенты*** *для операций Организации Объединенных Наций* ***по поддержанию мира****, и Секретариатом. Государства-поставщики вносят полезный вклад в проведение* ***операций*** *Организации Объединенных Наций* ***по поддержанию мира****, и их активное участие в таком обмене мнениями призвано способствовать повышению эффективности миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций.*

Российская делегация с удовлетворением отмечает установившуюся практику проведения Секретариатом встреч со ***странами-поставщиками*** *при участии членов Совета Безопасности. Мы готовы развивать эту практику и считаем, что обмен мнениями с* ***государствами-поставщиками*** *должен концентрироваться на вопросах, требующих особого внимания, прежде всего при продлении или изменении существующих мандатов, при развертывании но-*

[1] Портал United Nations Digital Library [Электронный ресурс] Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/164268?ln=en (дата обращения: 15.01.2020).

вых операций, для ***обсуждения оперативных вопросов*** *со специальными представителями Генерального секретаря или командующими силами и т.д.*

В этой связи мы считаем, что только что принятое по инициативе Аргентины и Новой Зеландии, которую мы приветствуем, заявление Председателя Совета Безопасности содержит полезный набор процедур, развивающих уже имеющуюся практику в этой сфере. Как и предусматривается в этом заявлении, наша делегация готова и далее ***гибко и прагматично*** *развивать это сотрудничество.*

Российская делегация исходит из того, что расширенный диалог по этим вопросам будет ***способствовать сохранению широкой политической поддержки*** *операций Организации Объединенных Наций, а также совершенствованию в дальнейшем механизма консультаций с государствами-поставщиками* ***с учетом накопленного опыта****. Разумеется, такой механизм должен применяться* ***гибко и прагматично*** *и в полной мере учитывать полномочия Совета Безопасности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.*

В заключение я хотел бы ***выразить удовлетворение*** *тем, что наше решение начало осуществляться еще до того, как мы его приняли. Как мне сказали сегодня в одном из залов, где проходил брифинг для членов Совета Безопасности и* ***поставщиков контингентов*** *в состав Временных сил Организации Объединенных Наций в Ливане (ВСООНЛ), на подиуме уже находилась табличка с надписью — Председатель Совета Безопасности.*

Общая статистика текста показывает, что в небольшом выступлении объемом всего 306 слов в тексте 173 уникальных слова, 96 — значимых и 98 — стоп-слов (служебные слова, частицы, дейктические слова, вводные конструкции, частотные, частично десемантизированные глаголы и пр.). Водность текста (соотношение стоп-слов к значимым словам) находится в среднем диапазоне — 68,6%, т.е. текст не перенасыщен «пустыми» словами. Семантическое ядро выступления составляют слова с частотой 6, такие как *безопасность, нация, совет, операция*. Классическая тошнота документа (квадратный корень из самого частого слова) — 2,45 — минимальна, академическая (соотношение часто встречающихся слов к общему количеству) — 9,5%. Эти показатели говорят о том, что текст информативный, но при этом высоко клишированный. Наряду с уже устоявшимися дипломатическими клише, близкими классическим формулировкам официального стиля речи — «нанизанным» субстантивным и адъективно-субстантивным конструкциям, например: ***обсуждение оперативных вопросов, сохранение широкой политической поддержки, с учетом накопленного опыта, проблема укрепления механизма консультаций,*** выступающий дважды использует собственную адвербиальную конструкцию со стертой оценочной коннотацией — ***гибко и прагматично,*** что, на наш взгляд, можно рассматривать как одно из первых проявлений идиолекта дипломата. Использование двух сокращенных вариантов от словосочетания *страны-поставщики миротворческого контингента — страны-поставщики* и *поставщики контингентов* — указывают на приближение в данной коммуникативной ситуации собственно дипломатической речи к разговорной, где подобные

упрощения, в данном случае дипломатического термина, допускаются. Эмотивные конструкции в этом выступлении практически отсутствуют.

Следующий фрагмент выступления 1997 г. также посвящен теме миротворчества. Конкорданс, полученный по этому выступлению, позволяет определить дистрибуцию выделенной гиперлексемы *миротвор* в разных фрагментах выступления.

A/C.4/52/SR.15 СБ ООН[2] 11.11.1997

Г-н Лавров (Российская Федерация) (фрагмент):

*Развитие теории и практики **международного миротворчества** должно проходить через укрепление базовых общепринятых принципов, включая, в частности, обеспечение политического руководства и контроля за операциями со стороны Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, беспристрастность, согласие сторон, четко сформулированные мандаты. **Миротворческие операции** — не самоцель, а важное средство достижения мирного урегулирования конфликтов. Это ключевая задача **миротворческих сил** должна находить четкое отражение в мандатах. Следовательно, мандаты не могут продлеваться до бесконечности и по мере достижения поставленных целей должны приводиться в соответствие с новыми условиями. Необходимо четко различать операции по **поддержанию мира и принудительные военные операции**. Операции принудительного характера, оправданные при определенных обстоятельствах, должны быть ограничены **строгими рамками** и могут осуществляться только по особому решению Совета Безопасности и под его политическим и оперативным контролем. Вызывает озабоченность наметившаяся в последнее время у части международного сообщества тенденция к увлечению принудительными мерами, стремление поактивнее задействовать военно-силовые рычаги, иногда при игнорировании остающихся политико-дипломатических возможностей <…>. Неприемлемы попытки как расширительной трактовки этих мандатов в угоду политической конъюнктуре, так и «ползучая ревизия» решений Совета Безопасности. На передний план все больше выдвигаются **миротворческие силы с «гуманитарным профилем»**. Практика проведения таких операций ставит ряд непростых политико-правовых и оперативных проблем. Возникающий в ряде случаев «интервенционистский рефлекс» может быть преодолен через получение согласия правительства принимающего государства, а в соответствующих случаях — сторон, участвующих в конфликте. <…> Актуализируется задача более углубленной проработки концепции превентивного развертывания контингентов по **поддержанию мира**. Прежде чем приступить к превентивной операции, необходимо четко определить критерий о завершении миссии и на какую «стратегию выхода» следует ориентироваться при изменении ситуации и достижении целей, указанных в мандате. <…> Особую актуальность приобрел в последнее время вопрос о «коалиционных операциях». В дискуссиях на эту тему необходимо дать*

[2] Портал United Nations Digital Library [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/253809?ln=en (дата обращения: 15.01.2020).

точное определение специфическим обстоятельствам, сопутствующим каждой конкретной ситуации. Во многих случаях операции Организации Объединенных Наций по ***поддержанию мира*** *имеют неоспоримые преимущества перед коалиционными действиями или действиями многонациональных сил. Однако на фоне объективно ограниченных финансовых ресурсов Организации Объединенных Наций* ***проведение миротворческих операций*** *заинтересованными государствами в рамках «разовых коалиций» или многонациональных сил при определенных обстоятельствах оправданно. Тем не менее подобные нововведения в практике проведения* ***операций по поддержанию мира*** *должны быть полностью адаптированы к целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций. Проведение «третьей стороной» или многонациональной «коалицией» операций, тем более принудительных, может осуществляться только с одобрения Совета Безопасности. Необходимы также транспарентность и подотчетность коалиционных действий перед Советом. <…>*

Полученная статистика более объемного текста (7 тыс. символов) показывает, что это выступление еще более информативное, водность составляет всего 62,3%, классическая тошнота 4,58, академическая — 8,2. В семантическое ядро ожидаемо попали такие слова, как *организация* (21), *объединить* (19), *операция* (16), *безопасность* (10), *сила* (9), *миротворческий* (7). Выступление клишированное и насыщено устойчивыми выражениями, которые можно отнести к категории «имплицитно эмотивных дипломатических клише» — *строгие рамки, вызывать озабоченность, исключительные случаи, политическая конъюнктура* и др. По сути, едва ли не единственными средствами внесения эмотивности в текст становятся адвербиальные компаративы — *поактивнее*, оценочные наречия *крайне*, *неприемлемо, оправданно* и близкие к ним *четко, точно, особо*, а также адъективные конструкции с разговорной лексикой *ползучая ревизия* или с намеренно официальной лексикой, применение которой также привносит иронично-оценочную коннотацию — *интервенционистский рефлекс*. В этом выступлении появляется слово *транспарентность,* которое впоследствии устойчиво вошло в лексикон С.В. Лаврова, характеризуя его профессиональный идиолект.

Как упоминалось выше, именно эмотивность речи (текста), ее степень и способы реализации во многом характеризуют идиолект языковой личности. По мнению В.И. Шаховского, под эмотивностью понимается «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [15. С. 24]. Эмотивность текста и эмотивный текст тождественными понятиями не являются. Эмотивность текста отражает не только общее эмотивное содержание и форму, но и эмоциональную информацию любого статуса, проявляющуюся в виде отдельных эмотивных вкраплений на уровне содержания и формы. В речи С.В. Лаврова таких вкраплений достаточно, но, на наш взгляд, они относятся к предлагаемой нами категории «имплицитно эмотивных дипломатических клише». Анализ дистрибуции гиперлексемы *миротвор* и устойчивых словосочетаний, таких как *поддержание мира,* показывает,

что во всех случаях подразумевается отсутствие мира и участие вооруженного контингента для решения потенциально конфликтогенных ситуаций.

Необходимо отметить, что в конце 1990-х гг., с одной стороны, позиция России на мировой арене была существенно ослаблена, и надо было максимально придерживаться дипломатического протокола и стиля речи, а с другой стороны — медиапространства в столь широком понимании, как в наши дни, еще не существовало и, соответственно, доступа общественности к выступлениям постпредов не было. Сейчас, когда дипломатический дискурс вышел в медиапространство и аудитория его реципиентов существенно увеличилась, появилась возможность и потребность завоевывать аудиторию. Одним из способов воздействия на аудиторию, как известно, и является повышение эмотивности речи. Примером произошедших перемен как в публичном дипломатическом дискурсе, так и в профессиональном идиолекте дипломата в связи с изменением среды передачи выступлений, статуса выступающего и коммуникативной ситуации может послужить пресс-конференция С.В. Лаврова по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 г. (17 января 2020 г.). Анализировалась подготовленная часть выступления, а не спонтанная речь — ответы на вопросы, что представляет собой отдельный тип коммуникативной ситуации, в данном исследовании не рассматриваемый.

Выступление[3] и ответы на вопросы СМИ и.о. Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году, Москва, 17 января 2020 г. (фрагмент):

Уважаемые коллеги,

<…> В своем вступительном слове отмечу, что мир, и мы это видим отчетливо, продолжает ***очень сильно лихорадить****. Ключевым* ***дестабилизирующим фактором*** *остается* ***агрессивная линия*** *ряда государств Запада, прежде всего наших американских коллег, на* ***разрушение международно-правовой архитектуры безопасности, замену международного права собственным изобретенным «миропорядком, основанным на правилах»****. В этом ряду —* ***слом*** *Вашингтоном Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД),* ***«заматывание»*** *перспектив продления Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3),* ***искусственное нагнетание напряженности*** *в районе Персидского залива,* ***попытки пересмотреть*** *общепризнанные правовые основы ближневосточного урегулирования,* ***усиление военной активности*** *НАТО вблизи российских границ и* ***линия на приватизацию многосторонних механизмов контроля*** *за нераспространением оружия массового уничтожения.*

Дефицит доверия *в мировой политике и экономике усугубляется широким использованием таких методов* ***нечестной конкуренции****, как* ***односторонние***

[3] https://www.mid.ru/posledniye_dobavlnenniye/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4001740 (дата обращения 18.01.2020)

санкции, протекционизм, торговые войны. *В числе последних* ***вопиющих примеров*** *приведу попытки США помешать реализации проекта «Северный поток-2»* ***вопреки мнению*** *ведущих стран Европейского союза.*

В Вашингтоне стали ***откровенно злоупотреблять привилегией страны****, где располагается штаб-квартира ООН. По своему усмотрению,* ***в нарушение международного права****, отказывают представителям* ***«неугодных» государств*** *в возможности участвовать в мероприятиях «на ооновской площадке». Наверное, это и есть те самые* ***новые правила в очередном обличии****.* <…>

Удалось добиться ***подвижек*** *в деле урегулирования внутриукраинского кризиса. После трехлетнего перерыва состоялся саммит в «нормандском формате» после того, как новое руководство в Киеве* ***все-таки смогло*** *сделать шаги по выполнению решений двух предыдущих саммитов «четверки».* <…> *В наступившем году имеем в виду работать над поддержанием глобальной безопасности и стратегической стабильности, включая усилия по предотвращению гонки вооружений в космосе и недопустимости* ***вепонизации*** *киберпространства.* <…> *В заключение, конечно же, подчеркну, что нынешний год является Годом двух крупных юбилеев — 75-летие Победы во Второй мировой войне и в Великой Отечественной войне, а также 75-летие создания Организации Объединенных Наций. Мы продолжим делать все необходимое для противодействия* ***фальсификации истории****, сохранения доброго имени солдат-победителей,* ***недопущения ревизии международно признанных итогов*** *разгрома нацизма.* <…>

Спасибо. Готов ответить на ваши вопросы.

Статистика текста: текст по объему сравним с предыдущим фрагментом заседания СБ ООН — 6624 символа. Водность текста еще меньше — 60,6%, классическая тошнота — 2,65, академическая тошнота — 4,5%. Текст оптимален по параметрам для восприятия. Семантическое ядро образуют нейтральные для подобного выступления слова: международный (частота 7), страна (7), государство (6), российский (6). Однако что касается эмотивности текста, то по сравнению с выступлениями в СБ ООН дело обстоит совершенно иначе. В тексте представлена эмотивная оценочная лексика и выражения разных категорий оценочности.

Н.Д. Арутюнова писала: «Оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием; она задает его мышление и деятельность, его отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [16. С. 5]. Таким образом, оценочность можно считать одной из языковых семантических универсалий. Учитывая, что практически каждое слово языка в зависимости от коммуникативной ситуации может менять коннотацию, приобретая оценочное значение, реализация этой возможности, особенно в выступлении, где подводятся итоги, предполагающие оценку произошедшего за год, ожидаема и оправданна. Слова и конструкции, употребленные С.В. Лавровым в данной речи, обладают повышенной эмотивностью, объясняющейся

прагматическим потенциалом выступления, рассчитанного на восприятие журналистами ведущих мировых СМИ. При этом используемый С.В. Лавровым оценочный инвентарь выходит далеко за рамки формальной аксиологии, поскольку он активно использует лексику, исходно оценочной не являющуюся, но при переключении речевых кодов превращающуюся в таковую. По классификации Ю.Д. Апресяна [17. С. 175], оценочность сочетает в себе три взаимосвязанные репрезентации: функциональную, коннотативную и прагматическую. Все три аспекта присутствуют в речи С.В. Лаврова.

Функциональная оценочность (слово, содержащее оценку в своей семантике): *нагнетание, разрушение, дестабилизация, фальсификация, неугодный, дефицит* и др.;

Коннотативная оценочность (ассоциативная контекстуально зависимая): *ревизия*, *приватизация, привилегия* и др.;

Прагматическая оценочность (эксплицитное вербальное выражение отношения говорящего): нет, т.к. не допускается дипломатическим дискурсом даже в коммуникативной ситуации пресс-конференций.

По выступлению С.В. Лаврова видно, что для его профессионального идиолекта характерно постоянное переключение вербальных кодов — от приближенного к разговорной речи (*заматывание, очень сильно, имеем в виду работать)* до неологизмов, недавно вошедших в русскую речевую практику — *вепонизация*.

Заключение

Поставив себе задачу исследования — определить коммункативно-эмотивные характеристики идиолекта дипломата, мы рассмотрели речи многих Постоянных представителей СССР и России СБ в ООН, но, поскольку именно С.В. Лавров в разное время занимал позицию постпреда и продолжает занимать должность министра иностранных дел РФ, его выступления стали наглядным языковым материалом для сравнения и конкретного анализа.

Как показал анализ материала, речи постпредов на заседаниях СБ ООН можно отнести к жанру публичных речей, ориентированных, благодаря современной цифровой медиасреде, не только на присутствующих в зале СБ, но и на тех, кто может увидеть эти выступления в Интернете, прочитать стенограммы или отчеты на сайте Совета Безопасности. Выход открытых заседаний СБ в медиасреду предопределил повышение эмотивности выступлений с расчетом на широкую аудиторию, вниманием которой пренебрегать нельзя. Однако в отличие от выступлений многих других постпредов выступления С.В. Лаврова как постпреда СБ оставались минимально эмотивными, с характерным идиолектом, который предлагается называть профессиональным дипломатическим идиолектом — его выступления характеризуются низкой водностью и эмотивностью, высокой информативностью, средним количеством стоп-слов. В иной коммуникативной ситуации — пресс-конференции — профессиональный идиолект выражается в умелом переключении речевых кодов, отказе от прагматической оценочности, умении эксплицитно выражать оценку при помощи фактов и точного использования смены коннотаций, а также имплицитно эмотивных дипло-

матических клише, что позволяет высказать отношение субъекта дипломатического дискурса — страны — через «делегированного субъекта» — дипломата к происходящим событиям, но в то же время остаться выступающему в рамках дипломатического речевого протокола.

Исследование позволяет приблизиться к более четкому и глубокому пониманию феномена профессионального идиолекта дипломата как сложного комплекса речевых и текстовых практик, цель которых — достичь решения сложных международных проблем мирным способом, т.е. вербально, что, по нашему мнению, отражает исконное значение слова *миротворчество*.

Важное замечание, высказанное еще В. фон Гумбольдтом, что «люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы. Лишь в этих пределах, допускающих широкие расхождения, люди сходятся между собой в понимании одного и того же слова» [18. С. 165—166], лежит в основе того, что можно поместить в основу изучения любого идиолекта, в том числе и профессионального коммуникативно-ориентированного идиолекта дипломата.

Библиографический список

1. *Карасик В.И.* Дискурсивное проявление личности // Russian Journal of Linguistics. 2016. Т. 20. no 4. С. 56—78.
2. *Красина Е.А.* Дискурс, высказывание и речевой акт // Russian Journal of Linguistics. 2016 Т. 20. no 4. С. 91—103.
3. *Вебер Е.А*. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе. Иркутск: ИГЛУ, 2004.
4. *Метелица Е.В.* Дискурс дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации. Волгоград: ВГУ. 2003.
5. *Волкова Т.А*. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков. Тюмень: ТГУ, 2007.
6. *Кожетева А.С.* Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса на материале вербальных нот. М.: МГПУ, 2012.
7. *Терентий Л.М.* Интенциональная структура дипломатического дискурса. М.: ММА, 2016.
8. *Новиков Н.В.* Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии. М.: МГПУ, 2017.
9. Digital Diplomacy: theory and practice. Ed. by C. Bjola and M. Holms. Rutledge new diplomacy studies, 2015.
10. *D'Acquisto G.A* Linguistic Analysis of Diplomatic Discourse: UN Resolutions on the Question of Palestine. Cambridge Scholars Publishing, 2017.
11. *Торкунов А.В*. и др. Дипломатическая служба / под ред. А.В. Торкунова и др. М.: Аспект-Пресс, 2014.
12. *Виноградов В.А*. Идиолект // Лингвистический энциклопедический словарь М.: БЭС. С. 171.
13. *Halliday M.A.K*. Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning. London: Arnold. P. 256.

14. *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций. М.: Изд-во РУДН, 2008.
15. *Шаховский В.И*. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987.
16. *Арутюнова Н.Д*. (1982) Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1982. С. 5—23
17. *Апресян Ю.Д.* (1974) Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
18. *Гумбольдт В. фон* (1985) Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс. С. 165—167.

References

1. Karasik, V.I. (2016). Discourse manifestation of personality. *Russian Journal of Linguistics, 20*(4), 56—78. (In Russ.).
2. Krasina, E.A. (2016). Discourse, statement and speech act. *Russian Journal of Linguistics, 20*(4), 91—103. (In Russ.).
3. Weber, E.A. (2004). *Experience in linguistic research of cognitive dissonance in English diplomatic discourse*. Irkutsk: IGLU. (In Russ.).
4. Metelitsa, E.V. (2003). *Discourse of diplomatic Protocol in English-language ritual communication*. Volgograd: VSU. (In Russ.).
5. Volkova, T.A. (2007). *Diplomatic discourse in the aspect of strategic translation and communication: on the material of English and Russian languages*. Tyumen: TSU. (In Russ.).
6. Kozheteva, A.S. (2012). *Linguopragmatic characteristics of diplomatic discourse based on the material of verbal notes*. Moscow: MSPU. (In Russ.).
7. Terentii, L.M. (2016). *Intentional structure of diplomatic discourse*. Moscow: MMA. (In Russ.).
8. Novikov, N.V. (2017). *Communication strategies of digital diplomacy*. Moscow: MSPU. (In Russ).
9. Digital Diplomacy: theory and practice (2015). C. Bjola & M. Holmes (Eds.). Rutledge New Diplomacy Studies.
10. D'Acquisto, G.A (2017). *Linguistic Analysis of Diplomatic Discourse: UN Resolutions on the Question of Palestine*. Cambridge Scholars Publishing,
11. Torkunov, A.V. et al. (2014). *Diplomatic service*, A.V. Torkunov (Ed.). (In Russ.).
12. Vinogradov, V.A. (2012). Idiolect In *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow. P. 171. (In Russ.).
13. Halliday, M.A.K. (1978). *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Arnold.
14. Karaulov, Yu.N. & Chulkina, N.L. (2008). *Russian language personality: an integrative aspect in the context of intercultural communications*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
15. Shakhovsky, V.I. (1987). *Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language*. Voronezh: VSU. (In Russ.).
16. Arutyunova, N.D. (1982). Axiology in the mechanisms of life and language In *Problems of structural linguistics*. Moscow: Nauka. pp. 5—23 (In Russ.).
17. Apresyan, Yu.D. (1974). *Lexical semantics. Synonymous means of the language*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
18. Humboldt V. von (1985). *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress. pp. 165—167. (In Russ.).

Сведения об авторах:
Беляков Михаил Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО; *сфера научных интересов*: лингвосемиотика, дискурс-анализ, семантические и когнитивные исследования языка; *e-mail:* belmax007@hotmail.com.

Максименко Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики лингвистического факультета МГОУ; *научные интересы*: автоматизированный анализ текстовых массивов, лингвосемиотика, лингвистическая семантика, теория интерпретации; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru.

Information about the authors:

Mijhail V. Belyakov, PHD in Philology, Associated Professor, Associated Professor at Russian Department, MGIMO University. The sphere of research includes linguosemiotics, discourse analysis, semantic and cognitive language studies*; e-mail:* belmax007@hotmail.com.

Olga I. Maksimenko, DSc. in Philology, Full Professor, Professor of the Theoretic and Applied Linguistics Department, Linguistic Faculty, MRSU. The sphere of research includes automatic analysis of texts, linguosemiotics, linguistic semantics, interpretation theory*; e-mail:* maxbel7@yandex.ru.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 384—397
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-384-397
УДК [811.161.1:811.133.1]'42:81'255:327.82

Научная статья / Research article

Трансформации языка дипломатической переписки стран Антанты и Германии перед началом Первой мировой войны

Е.Ю. Медведев[1], Л.Д. Нциву Батиако[2]

[1]Международный университет информационных технологий
ул. Манаса, 34/1, Алматы, Казахстан, 050000

[2]Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198
[1]eugene_medvedev@mail.ru; [2]ntsiwou@yandex.ru

Сферы официальной коммуникации, к числу которых относятся государственное управление, судопроизводство, законодательство и др., являются, в отличие от повседневного бытового общения, регламентированными. Деятельность в каждой из этих сфер подчинена точно определенным, строго установленным правилам, регулирующим и узаконивающим ее. Особой степенью регламентированности отличается дипломатический язык. «Цена слова» в сфере международной политики крайне высока, поскольку от успешной или неуспешной коммуникации дипломатов может зависеть судьба целых государств и народов. Жесткая стандартизированность дипломатического языка должна служить своего рода сдерживающим фактором, препятствующим росту напряженности в международных отношениях. Цель настоящей работы — выявить степень подверженности языка дипломатической переписки трансформациям в условиях политического кризиса (во время войны). Материалом исследования послужили тексты из «Оранжевой книги» — сборника дипломатической переписки между враждующими странами перед началом Первой мировой войны. Применение метода контекстуального анализа позволило определить вектор обусловленных политическим кризисом изменений языка дипломатической переписки: от принятых в дипломатической сфере сдержанности, безэмоциональности, такта и вежливости к ультимативности, категоричности, проявлению эмоций и отступлению от принципа объективного отражения происходящих событий.

Ключевые слова: политическая коммуникация, дипломатический язык, официально-деловой стиль, дипломатическая переписка, политический кризис, трансформации дипломатического языка

История статьи:
Дата поступления: 01.02.2020
Дата приема в печать: 15.02.2020

© Медведев Е.Ю., Нциву Батиако Л.Д., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Для цитирования:
Медведев Е.Ю., Нциву Батиако Л.Д. Трансформации языка дипломатической переписки стран Антанты и Германии перед началом Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 384—397. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-384-397

UDK [811.161.1:811.133.1]'42:81'255:327.82

Transformations of the Language of Diplomatic Correspondence between the Entente Countries and Germany before The First World War

Yevgeniy Yu. Medvedev[1], Lauzin Duborgel Ntsiwou Batiako[2]

[1]International Information Technology University
34/1, Manasa street, Almaty, 050000, Kazakhstan

[2] Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
[1]eugene_medvedev@mail.ru; [2]ntsiwou@yandex.ru

The spheres of official communication, which include public administration, legal proceedings, legislation, etc., are regulated, in contrast to everyday communication. Activities in each of these spheres are subject to precisely defined, strictly established rules that regulate and legitimize it. The diplomatic language is characterized by a special degree of regulation. "The weight of a word" in international politics is extremely heavy, since the fate of entire states and peoples may depend on successful or unsuccessful communication between diplomats. The strict standardization of the diplomatic language should serve as a kind of deterrent against the growth of tension in international relations. The goal of this study is to identify the degree of susceptibility of the diplomatic correspondence language to transformations in the political crisis context (during wartime). The research material is based on the texts from the Orange book, a collection of diplomatic correspondence between warring countries before the outbreak of the First World War. The application of the contextual analysis method made it possible to determine the vector of changes in the diplomatic correspondence language caused by the political crisis: from restraint, emotionlessness, tact and politeness accepted in the diplomatic sphere to ultimatumness, categoricalness, manifestation of emotions and deviation from the principle of objective reflection of events.

Keywords: political communication, diplomatic language, official and business style, diplomatic correspondence, political crisis, transformations of diplomatic language

Article history:
Received: 01.02.2020
Accepted: 15.02.2020

For citation:
Medvedev, Ye.Yu. & Lauzin Duborgel Ntsiwou Batiako (2020). Transformations of the Language of Diplomatic Correspondence between the Entente Countries and Germany before The First World War. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *11*(2), 384—397. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-384-397

Введение

Язык дипломатии традиционно рассматривают как подстиль официально-делового стиля, внутри которого также выделяют собственно законодательный, административный, канцелярский подстили [1].

Официально-деловой стиль обслуживает сферы права, власти, администрации, коммерции внутри- и межгосударственных отношений [1].

Стилеобразующими чертами официально-делового стиля являются **точность**, не допускающая разночтений, которая обеспечивается, прежде всего, использованием специальной терминологии, и **стандартизованность**, проявляющаяся в активном употреблении устойчивых оборотов речи, клишированных фраз, наличии шаблонов построения текстов [2. С. 58].

В определении стилистического статуса дипломатического языка наблюдаются противоречия. Так, дипломатический подстиль, являясь субструктурой официально-делового стиля, обладает такими специфическими особенностями, как **точность описания фактов**, компактность, строгое соблюдение языковых норм, употребление международной терминологии, протокольных титулов и формул вежливости.

Одновременно отмечается сходство языка дипломатии с языком политической коммуникации, характерными признаками которого, по мнению Е.И. Шейгал, являются **смысловая неопределенность** (политик часто предпочитает высказывать свое мнение в максимально обобщенном виде), **фантомность** (многие знаки политического языка не имеют реального денотата), **фидеистичность** (иррациональность, опора на подсознание), **эзотеричность** (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным), дистанцированность и театральность [3. С. 63—66].

Дипломатический язык рассматривается исследователями с разных позиций:

— с точки зрения правового статуса (официальный, рабочий): «Язык, употребляемый при официальных дипломатических сношениях, переговорах, составлении дипломатических документов. Термин используется в дипломатии, где обозначает определенный правовой статус языка(ов) в соответствии с принятым международным законодательством» [4—6];

— с точки зрения языковых особенностей: «Совокупность выражений и терминов, входящих в общепринятый дипломатический лексикон» [5].

Известный английский дипломат конца XIX — начала XX вв. Гарольд Никольсон, труды которого в области международных отношений считаются классическими, под дипломатическим языком понимает «те сдержанные, осторожные фразы, которые позволяют дипломатам и министрам говорить друг другу самые резкие вещи, не утрачивая такта и не проявляя неучтивости» [7. С. 270].

Г. Никольсон отмечает, что «посредством такого осторожного выражения оттенков смысла государственный деятель имеет возможность, не прибегая к прямым угрозам, сделать серьезное предостережение иностранному государству» [7. С. 271].

Дипломатически язык — язык закодированный: выражение *недружественный акт* имеет значение *‘угроза войны’*; выражение *невозможность от-*

вечать за последствия имеет значение *'намерение спровоцировать инцидент, который приведет к войне'*; выражение *правительство будет вынуждено позаботиться о своих собственных интересах* имеет значение *'рассматривается вопрос о разрыве отношений'* [7. С. 271].

Дипломатический язык функционирует в различных жанрах дипломатической переписки — переписки государств, правительств, ведомств иностранных дел с соответствующими иностранными государствами, дипломатическими представительствами этих государств, международными организациями, дипломатических представительств между собой [8].

Документы дипломатической переписки могут быть посвящены как крупным, так и менее значительным международным проблемам, а также текущим вопросам дипломатической деятельности.

Среди существующих разновидностей документов дипломатической переписки наиболее распространенными являются нота, меморандум, личное послание, памятная записка, частное письмо.

Сложившиеся в международной практике правила применения различных документов дипломатической переписки не являются строго обязательными. Детально регламентируются технические требования составления документов: обозначение местонахождения адресата, его титулы, подпись послания, тип конверта и бумаги, на которой оно должно быть напечатано [9].

Выбор вида документа в зависимости от его цели и содержания определяет направляющая сторона, руководствуясь правилами дипломатической службы своей страны и дипломатического протокола и обычаев другого государства, а также учитывая, какую форму имеет послание, на которое требуется ответить [9].

По форме и техническому исполнению традиционные виды документов дипломатической переписки (личная нота, вербальная нота, памятная записка…) имеют общие или схожие элементы, выработанные в процессе длительной и единообразной практики общения государств: «Все документы дипломатической переписки носят официальный характер и составляются с соблюдением принятых в отношениях между государствами требований **такта**. В подавляющем большинстве обязательны протокольные формулы **вежливости и уважения**, которыми начинается и оканчивается текст» [9].

Тональность изложения в дипломатическом документе в зависимости от намерений отправителя может быть «либо ориентирована на то, чтобы придать посланию **не только деловитость**, **но и известную теплоту, дружественность**, либо, если это соответствует намерениям адресанта и целям предпринимаемого Демарша, — подчеркнуть **официальность, сухость обращения**» [9].

Существует устоявшаяся точка зрения, что в сравнении с другими книжными стилями официально-деловой стиль (и дипломатический язык как разновидность официально-делового стиля) является относительно устойчивым, замкнутым и консервативным. С течением времени он может подвергаться некоторым изменениям, но в целом такие специфические черты официально-делового стиля, как сухость, отсутствие эмоционально окрашенных слов, сдержанность сохраняются.

Однако в дипломатической практике случаются провалы, когда дипломатия либо не справляется со своей задачей, либо не ставит перед собой такую задачу — урегулировать, стабилизировать неблагоприятную политическую атмосферу.

Цель настоящей работы — определить, насколько язык дипломатической переписки как компонент официально-делового стиля подвержен изменениям, спровоцированным нестандартной политической ситуацией.

Материалом исследования послужили тексты из «Оранжевой книги» — сборника дипломатической переписки между враждующими странами перед началом Первой мировой войны [10]: телеграмма, переданная Австро-Венгерским Посланником Сербскому Правительству; нота, врученная Германским послом в Санкт-Петербурге Министру иностранных дел С.Д. Сазонову.

Рассматриваемые тексты в оригинале составлены на французском языке.

Стоит отметить, что до XVIII века всеобщим языком дипломатии в Европе был латинский. Но к середине XVIII века французский язык сменил латинский в роли официального дипломатического языка. С этого времени все переговоры и официальная переписка велись только на французском языке. Это продолжалось вплоть до ратификации Германией, Англией, Францией, Италией и Японией Версальского договора 10 января 1920 года, когда в области дипломатии английский язык был приравнен к французскому.

В работе анализируется перевод дипломатических текстов с французского языка на русский. Перевод всех рассматриваемых текстов достоверно передает содержание оригинала.

Адекватно оценить вектор происходящих в языке дипломатии трансформаций, обусловленных нестандартной политической ситуацией (состоянием войны), возможно только при условии достоверно установленных текстуальных и внетекстуальных границ смыслоформирующего контекста [11—13].

В XX веке мир стал свидетелем различных политических инцидентов на международной арене. Европейскому континенту, в частности, угрожал кризис регионального масштаба, который стремительно приобретал международный резонанс благодаря существовавшим в те времена державам, объединившимся в два основных лагеря: Тройственный союз (Германия, Италия, Австро-Венгрия) и Антанта (Россия, Англия, Франция). Последствия данного политического кризиса привели к кровопролитному конфликту — Первой мировой войне.

Причиной Первой мировой войны, начавшейся в 1914 году, послужило множество конфликтов и противоречий, возникших сначала между Англией и Германией из-за экономических, военно-морских и колониальных притязаний, затем — между Францией и Германией из-за отторгнутых у Франции районов Эльзаса и Лотарингии, а также из-за претензий Германии на колонии Франции в Африке.

Кульминацией событий стало совершенное в городе Сараево 15 июня 1914 года убийство наследника Австро-Венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены, в котором был обвинен член сербской националистической организации Гаврило Принцип.

Между Австро-Венгрией и Сербией разгорелся международный конфликт, в котором Россия стала поддерживать Сербию, а Германия приняла сторону Австро-Венгрии, вследствие чего Германия объявила войну России как ответный шаг на начавшуюся мобилизацию российских войск [14—17].

Учитывая основную функцию дипломатии — не допускать нарастания напряженности в международных отношениях, было бы справедливым предположение, что вектор трансформации языка дипломатических документов в ситуации политического кризиса будет направлен к еще большей — предельной — сдержанности.

Однако, как будет показано в следующей части работы, конфликтная обстановка между странами Антанты и Тройственного союза проявилась даже на уровне дипломатической переписки.

1. Нарушение основополагающего принципа равенства сторон в дипломатическом общении

Проанализируем текст телеграммы, переданной австро-венгерским посланником сербскому правительству 10 июля 1914 года в Белграде. Перевод телеграммы на русский язык соответствует оригиналу, написанному на французском языке.

Рассматриваемый текст дипломатического документа идет вразрез с общепризнанными характеристиками языка дипломатии: «Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, в котором содержались столь унизительные требования, что Сербия заведомо должна была их отклонить» [17. С. 425].

Переданная телеграмма демонстрирует враждебный настрой австро-венгерского правительства к Сербии.

В начале текста присутствует характерный для дипломатического языка эвфемизм: *прискорбное событие 15 июня = 'убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены'*, но затем высокая степень враждебности материализуется в серии обвинений в адрес Сербии:

(1)*…история последних лет и в частности прискорбное событие 15 июня* ***доказали существование в Сербии революционного движения****, имеющего целью отторгнуть от австро-венгерской монархии некоторые части ее территории* (здесь и далее цит. по [10. С. 60—61])*;*

(2) ***Движение это****, зародившееся* ***на глазах у сербского правительства****, … дошло до того, что* ***стало проявляться*** *за пределами территории королевства* ***в актах терроризма, в серии покушений и в убийствах****;*

(3) ***Королевское сербское правительство*** *не только* ***не выполнило формальных обязательств****, заключающихся в декларации 18 (31) марта 1909 г., но даже* ***не приняло никаких мер****, чтобы подавить это движение;*

(4) *Оно* ***допускало преступную деятельность*** *различных обществ и организаций, направленную против монархии,* ***распущенный тон*** *в печати,* ***прославление виновников покушения, участие*** *офицеров и чиновников* ***в революционных выступлениях, вредную пропаганду*** *в учебных заведениях…;*

(5) …*оно* ***допускает*** *все* ***манифестации, которые могли возбудить*** *в сербском населении* ***ненависть к монархии*** *и* ***презрение к ее установлениям;***

(6) *эта* ***преступная терпимость*** *королевского сербского правительства* ***не прекратилась*** *даже в момент, когда события 15 прошлого июня показали всему миру ее прискорбные последствия;*

(7) *...сараевское* ***убийство было подготовлено в Белграде****, что* ***оружие и взрывчатые вещества****, которыми были снабжены убийцы, были* ***доставлены*** *им* ***сербскими офицерами и чиновниками****, входящими в состав народной одбраны, и что, наконец,* ***переезд преступников с оружием*** *в Боснию был* ***организован и осуществлен начальствующими лицами*** *сербской пограничной службы.*

В телеграмме наблюдаются признаки, с одной стороны, административно-канцелярского стиля, проявляющиеся в использовании характерных для распоряжения или приказа побудительных предложений с инфинитивом, выступающим в значении повелительного наклонения:

(1) ***Королевское правительство****…* ***обязуется:***

(2) ***Не допускать никакие публикации, возбуждающие ненависть и презрение*** *к монархии и проникнутые общей тенденцией, направленной против ее территориальной неприкосновенности;*

(3) ***Немедленно закрыть*** *общество, называемое «Народная Одбрана»;*

(4) ***Конфисковать все средства пропаганды*** *этого общества;*

(5) ***Принять*** *те же* ***меры против*** *других обществ и учреждений в Сербии, занимающихся пропагандой против австро-венгерской монархии;*

(6) ***Незамедлительно исключить из действующих*** *в Сербии программ учебных заведений, как в отношении личного состава учащихся, так и в отношении способов обучения все, что служит или могло бы* ***служить к распространению пропаганды против*** *Австро-Венгрии;*

(7) ***Удалить с военной и административной службы*** *вообще всех офицеров и должностных лиц, виновных по отношению к австро-венгерской монархии;*

(8) ***Допустить сотрудничество*** *в Сербии* ***австро-венгерских органов в деле подавления революционного движения****, направленного против территориальной неприкосновенности монархии;*

(9) ***Произвести судебное расследование против*** *участников заговора 15 июня, находящихся на сербской территории…;*

(10) ***Срочно арестовать*** *коменданта Воя Танкесича и некоего Милана Цигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометированного результатами сараевского расследования;*

(11) ***Принять действительные меры к воспрепятствованию оказания содействия*** *сербскими властями в незаконной торговле оружием и взрывчатыми веществами…;*

(12) …***уволить и подвергнуть*** *также суровому наказанию чинов пограничной службы в Шабаце и Лознице, виновных в том, что оказали содей-*

ствие руководителям сараевского покушения, облегчив им переезд через границу;

(13) ***Дать австро-венгерскому правительству объяснение по поводу…;***

(14) ***Без замедления уведомить*** *австро-венгерское правительство об осуществлении указанных в предыдущих пунктах мер.*

А с другой стороны, — специальные условные формулировки, характерные для дипломатического языка:

(1) *Австро-венгерское правительство* ***находится вынужденным просить…;***

(2) *Королевское правительство* ***оставляет за собой право…;***

(3) *Указанные результаты расследования* ***не позволяют*** *австро-венгерскому правительству* ***сохранять долее*** *то* ***выжидательное и терпеливое положение****, которое оно занимало в течение ряда лет;*

(4) *Эти результаты, напротив,* ***возлагают*** *на него* ***обязанность*** *положить конец пропаганде, являющейся постоянной угрозой для спокойствия монархии.*

Являясь средством выражения **суверенной воли одного субъекта** международного права **по отношению к другому субъекту**, дипломатический документ должен отвечать элементарным требованиям вежливости [6]. Однако в данном случае мы видим, что Австро-Венгрия рассматривает Сербию не как равноправного партнера, а, напротив, как своего подчиненного, к которому предъявляет требования в самой категорической и унизительной форме:

(1) *Австро-венгерское правительство…* ***просить*** *сербское правительство* ***официально заявить****, что:*

(2) *Оно (сербское правительство)* ***осуждает пропаганду****, направленную против австро-венгерской монархии;*

(3) *Оно (сербское правительство****) обязуется принять все меры для подавления*** *этой преступной и террористической пропаганды;*

(4) ***…просить придать*** *особо торжественный характер этому обязательству;*

(5) ***…просить*** *королевское сербское правительство* ***опубликовать*** *на первой странице официального органа от 26(13) июля заявление;*

(6) ***…просить*** *королевское сербское правительство* ***осудить*** *пропаганду, направленную против Австро-Венгрии;*

(7) ***…просить*** *королевское сербское правительство* ***искренно сожалеть*** *о прискорбных последствиях этих преступных действий;*

(8) ***…просить*** *королевское сербское правительство* ***принимать*** *самые суровые меры против лиц, виновных в подобных действиях;*

(9) ***…просить немедленно объявить*** *это заявление войскам приказом Его Величества Короля по армии и опубликовать в официальном военном органе.*

Более того, Австро-Венгрия обращается к Сербии языком ультиматума:

– ***Немедленно объявить…;***

– ***Срочно арестовать…;***

– ***Без замедления уведомить…;***
– ***Незамедлительно исключить из…;***
– ***Немедленно закрыть…;***
– ***Конфисковать все средства пропаганды…;***
– ***Удалить с военной и административной службы…;***
– ***Уволить и подвергнуть*** *суровому наказанию…;*
– ***Не допускать никакие публикации…***

Австро-венгерское правительство повышает степень ультимативности своего сообщения, назначив точную дату и время для ответа Сербии: «***Австро-венгерское правительство ожидает ответа королевского правительства до 6 часов вечера в субботу 12(25) текущего месяца».***

Нетерпимая позиция австро-венгерского руководства по отношению к Сербии подчеркивается в телеграмме употреблением повторов с усилением: ***Немедленно… — Без замедления… — Незамедлительно… — Срочно…;*** *Осуждать* ***пропаганду*** *— Сербия допускала* ***вредную пропаганду****;* …допускать ***преступную деятельность*** *против Монархии —* ***Преступная терпимость*** *королевского сербского правительства — Из показаний и признаний виновников* ***преступного покушения…*** *— …переезд* ***преступников*** *с оружием; Сербия* ***революционного движения****… — Подавить* ***это движение*** *—* ***Движение****, зародившееся на глазах у сербского правительства;* ***…стало проявляться… в актах терроризма*** *—* ***…стало проявляться в серии покушений*** *и в* ***убийствах*** *—* ***…покушение*** *15 июня —* ***…сараевское убийство****… — …были снабжены* ***убийцы.***

Рассмотренный текст дипломатической телеграммы, написанной в период резкого обострения международного конфликта, демонстрирует, что неблагоприятная политическая ситуация может спровоцировать трансформации дипломатического языка не только на уровне проявления/непроявления такта и вежливости по отношению к **равному** политическому партнеру, но и в отступлении от самого принципа равноправия сторон, когда отношения между государствами переводятся из плоскости субъектно-субъектных в плоскость субъектно-объектных.

2. Нарушение принципа объективности освещения событий в дипломатической переписке

19 июля 1914 года в 7 часов 10 минут вечера Посол Германии в России Ф. Пурталесь передал дипломатическую ноту Министру иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонову.

Рассматриваемый документ был составлен на французском языке. Перевод с французского языка на русский осуществлен корректно. Русскоязычный текст по содержанию полностью соответствует оригиналу (текст приведен по [10. С. 63]). Сравним (Табл. 1):

Таблица 1 / Table 1

Нота, врученная Германским Послом в Санкт-Петербурге Министру иностранных дел 19 июля 1914 года в 7 часов 10 минут вечера /

Note delivered by the German Ambassador in St. Petersburg to the Minister of Foreign Affairs on July 19, 1914 at 7.10 p.m.

Le gouvernement impérial s'est éfforsé dès les débuts de la crise de la mener à une solution pacifique. Se rendant à un désir qui lui en avait été exprimé par Sa Majesté l'Empereur de Russie, Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne d'accord avec l'Angleterre s'etait appliqué à accomplir un role médiateur auprès des Cabinets de Vienne et de St.Pétersbourg, lorsque la Russie, sans en attendre le résultat, procéda à la mobilisation de la totalitéde ses forces de terre et de mer. A la suite de cette mesure menaçante motivée par aucun présage militaire de la part de l'Allemagne. L'Empire Allemand s'est trouvé vis-à-vis d'un danger grave et imminent. Si le Gouvernement impérial eut manqué de parer à ce péril, il aurait compromis la sécurité et l'existence meme de l'Allemgne. Par consequent le Gouvernement Allemand se vit forcé de s'adresser au Gouvernement de Sa Majesté l'Empereur de toute la Russie en insistant sur la cessations des dits actes militaires. La Russie ayant refusé de faire droit à (n'ayant pas cru devoir répondre à) cette demande et ayant manifesté par ce refus (cette attitude) que son action etait dirigée contre léAllemagne, j'ai l'honneur, d'ordre de mon Gouvernement, de faire savoir à Votre Excellence ce aui suit: Sa Majesté l'Empereur Mon Auguste Souverain au nom de l'Empire, relevant le défi se considère en état de guerre avec la Russie. St.Pétersbourg, le 19 juillet/1 Aaut 1914. (signé) F. Pourtalés	Императорское Правительство старалось с начала кризиса привести его к мирному разрешению. Идя навстречу по желанию, выраженному Его Величеством Императором Всероссийским. Его Величество Император Германский в согласии с Англией прилагал старания к осуществлению роли посредника между Венским и Петербургским Кабинетами, когда Россия, не дожидаясь их результата, приступила к мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил. Вследствие этой угрожающей меры, не вызванной никакими военными приготовлениями Германии, Германская империя оказалась перед серьезной непосредственной опасностью. Если бы Императорское Правительство не приняло меры к предотвращению этой опасности, это подорвало бы безопасность и само существование Германии. Германское Правительство поэтому нашло вынужденным обратиться к Правительству Его Величества Императора Всероссийского, настаивая на прекращении упомянутых военных мер. Ввиду того, что Россия отказалась (не нашла нужным ответить на) удовлетворить это положение и высказала этим отказом (принятым положением), что ее выставление направлено против Германии, я имею честь, по приказанию моего правительства, сообщить Вашему превосходительству нижеследующее: Его Величество Император, мой Августуйший Повелитель от имени Империи, принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией. С.-Петербург. 19 июля 1914 года (подп.) Ф. Пурталесь

Корреспонденция между германским послом и министром иностранных дел Российской империи на момент составления данного текста осуществлялась на официальном уровне в рамках межгосударственной переписки. Поэтому адресант здесь выступает от имени государственных, официальных органов власти, а также от имени правителя Германской империи.

Текст ноты внешне соответствует требованиям, предъявляемым к дипломатическим документам. Немецким послом строго соблюдаются этикетные клише, наименования или протокольные титулы:

– наименование российского императора Николая II: ***Его Величество Император Всероссийский;***

– наименование императора Германии: ***Его Величество Император Германский***, ***мой Августуйший Повелитель;***

– наименование правительства Российской империи, самого министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова: ***Правительство Его Величества Императора Всероссийского***, ***Ваше превосходительство***;

– наименование германского правительства: ***Германское Правительство***, ***Императорское Правительство***.

Однако, несмотря на соблюдение формальных требований при составлении дипломатического документа, в риторике говорящего отчетливо проявляется субъективность в интерпретации событий, предвзятое отношение и даже определенная степень враждебности по отношению к России. Подтверждением этому служит употребление в тексте повторов с усилением: *Императорское правительство* ***старалось…*** *— Его Величество Император Германский…****прилагал старания…***; ***предотвращение*** *этой* ***опасности…*** *— это* ***подорвало бы безопасность*** *и* ***само существование*** *Германии.*

В контексте данного дипломатического документа использование повторов указывает на то, что германское правительство не было заинтересовано в мире с Петербургом, а было настроено на военную конфронтацию. При этом причастность Германии к обострению конфликта минимизируется:

(1) *Императорское правительство* ***старалось с начала кризиса привести его к мирному разрешению***;

(2) *…****идя навстречу*** *желанию, выраженному Его Величеством Императором Всероссийским*;

(3) *Его Величество Император Германский* ***прилагал старания к осуществлению роли посредника*** *между Венским и Петербургским Кабинетами.*

Параллельно германское правительство возлагает всю ответственность за развязывание войны на Россию:

(1) ***Россия, не дожидаясь их результата, приступила к мобилизации*** *всей совокупности своих сухопутных и морских сил*;

(2) ***Россия отказалась (не нашла нужным ответить на) удовлетворить*** *это положение (ультиматум, выдвинутый Германией в связи с началом военных маневров российскими войсками)* ***и высказала этим отказом*** *(принятым положением), что ее выставление направлено против Германии.*

В тексте фокус внимания перемещается на то, что Германия была вынуждена ответить России и защитить территориальную целостность своего государства от серьезной угрозы, которую Российская империя как бы представляла:

(1) *Германская империя* ***оказалась перед серьезной непосредственной опасностью***;

(2) ***Если бы*** *Императорское Правительство* ***не приняло меры к предотвращению*** *этой* ***опасности****, это* ***подорвало бы безопасность*** *и само* ***существование*** *Германии*;

(3) *Германское Правительство* ***нашло вынужденным обратиться*** *к Правительству Его Величества Императора Всероссийского,* ***настаивая на прекращении*** *упомянутых военных мер;*

(4) *…****Россия отказалась удовлетворить****…*

Донесение немецкого посла министру иностранных дел Российской империи изменяло классическую хронологию объявления войны. Если раньше страны предъявляли своим соперникам претензии в течение определенного времени до начала боевых действий, то здесь сценарий событий разворачивается иначе.

Германская сторона потребовала от Российской империи незамедлительного прекращения военных маневров, которые якобы представляли серьезную угрозу для ее безопасности и территориальной целостности, но в это же время уже звучал призыв о мобилизации германских вооруженных сил.

В тексте формируются образы России и Германии:

- Россия представлена как агрессор, у которого имеется каверзный план против Германии;
- Германия представлена как пострадавшая от агрессии Российской империи после того, как она изъявила свое желание служить посредником между двумя империями — Австро-Венгрией и Россией.

В письме употребляется также эвфемизм выражения «*объявлять войну*»: *…принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией.*

Такой прием маскирует истинный смысл высказывания, чтобы смягчить негативные ассоциации и оказать таким образом воздействие на общественное мнение. Используя данный прием, немецкий дипломат, вопреки действительному положению вещей, представляет свою страну в роли жертвы, которая оказалась под давлением и не могла поступить иначе, кроме как объявить войну Российской империи.

Дипломатия как публичная деятельность отличается мастерством вербальной и невербальной коммуникации. Причем это мастерство проявляется как в стандартной, так и в нестандартной политической ситуации.

Дипломатические ноты обычно сохраняют формальный и дистанционный характер, необходимый для сохранения гармонии межгосударственных отношений. Тем не менее, в этих текстах, как показывает проведенный анализ, наблюдается искаженное отражение сложившейся ситуации, когда антагонистические позиции государств и их субъективные взгляды маскируются рациональными аргументами.

Заключение

Анализ текстов дипломатической переписки стран, находящихся в состоянии войны, позволил установить вектор трансформации языка дипломатии, обусловленной неблагоприятной политической ситуацией: от сдержанности, безэмоциональности, такта и вежливости к открытому проявлению эмоций, прямым оценкам, ультимативности, несоблюдению требований такта и вежливости и нарушению основополагающего принципа дипломатической коммуникации — равенства участвующих в международной политической деятельности сторон. Также происходит нарушение принципа объективного освещения событий и смещение языка дипломатической коммуникации в сторону субъективной интерпретации происходящего.

Полученные в настоящем исследовании результаты свидетельствуют о том, что характерные черты языка дипломатии (сухость, сдержанность, безэмоциональность) не являются абсолютными и могут изменяться, при этом затрудняя (или делая невозможным) выполнение языком дипломатии своей прямой функции — урегулирования сложной международной ситуации.

Библиографический список

1. *Жеребило Т.В.* Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011.
2. *Андреева А.Н.* Стилистика: Учеб. пособие. Новосибирск, 2004.
3. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: Монография. Волгоград: Перемена, 2000.
4. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006.
5. Энциклопедия права. Режим доступа: https://encyclopediya_prava.academic.ru/1680/ (дата обращения: 28.12.2019).
6. Юридический словарь / гл. ред. С.Н. Братусь. М.: Госюриздат, 1953.
7. *Никольсон Г.* Дипломатический язык // Камбон Ж. Дипломат., Никольскон Г. Дипломатия. М.: Научная книга, 2006.
8. Юридическая энциклопедия. Режим доступа: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/2703/ (дата обращения: 25.12.2019).
9. *Волосов М.Е.* Дипломатическая переписка // Энциклопедия юриста. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/579/ (дата обращения: 25.12.2019).
10. Оранжевая книга (до войны), сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 года. Высочайшие манифесты о войне. Историческое значение Государственной думы 26 июля 1914 г. СПб, 1914.
11. *Валентинова О.И.* Обоснование причинной типологии текстов. Постановка проблемы и пути ее решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. no 2. С. 29—35.
12. *Валентинова О.И.* Архетипические признаки средневекового богословского текста и их трансформации. Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. no 3. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 109—118.
13. *Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А.* Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
14. *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. М., 1959.
15. *Альдрованди Марескотти Л.* Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневников (1914—1919). М., 1944.
16. *Айрапетян М.Э., Кабанов П.Ф.* Первая мировая империалистическая война 1914—1918 гг. М., 1964.
17. *Артемов В.В.* Дом Романовых. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012.

References

1. Zherebilo, T.V. (2011). *Terms and concepts of linguistics: General linguistics. Sociolinguistics: Dictionary.* Nazran: Pilgrim LLC. (In Russ.).
2. Andreeva, A.N. (2004). *Stylistics*: Textbook. Novosibirsk. (In Russ.).
3. Sheigal, E.I. (2000). *The Semiotics of Political Discourse:* Monograph. Volgograd: Change publ. (In Russ.).

4. Dictionary of sociolinguistic terms (2006). V.Yu. Mikhalchenko (Ed.). Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics. Russian Academy of Linguistic Sciences. (In Russ.).
5. Encyclopedia of Law. URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru/1680/ (accessed: 28.12.2019). (In Russ.)
6. Law Dictionary (1953). S.N. Bratus (Ed.). Moscow: Gosyurizdat. (In Russ.).
7. Nicolson, H. (2006). *Diplomatic language*. Cambon, J. Le Diplomat, Nicolson, H. Diplomacy. Moscow: Nauchnaya Kniga publ. (In Russ.).
8. Legal Encyclopedia. URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/2703/ (accessed: 25.12.2019). (In Russ.).
9. Volosov, M.E. Diplomatic correspondence In *Law Encyclopedia.* URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/579/ (accessed: 25.12.2019). (In Russ.).
10. The Orange Book (before the war), a collection of diplomatic documents (1914). Negotiations from July 10 to July 24, 1914. The highest manifestos of war. The historical significance of the State Duma on July 26, 1914. St. Petersburg. (In Russ.).
11. Valentinova, O.I. (2015). Justification of causal typology of texts. Statement of the problem and its solutions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 2*, 29—35. (In Russ.).
12. Valentinova, O.I. (2016). Archetypal features of the medieval theological text and their transformation. *Russian Journal of Cognitive linguistics, 3*, 109—118. (In Russ.).
13. Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrezhansky, S.Yu. & Rybakov, M.A. (2016). *System view as the basis of philological thought.* Moscow: Izdatelsky dom YaSK. (In Russ.).
14. Soloviev, Yu.Ya (1959). *Memoirs of a diplomat.* Moscow. (In Russ.).
15. Aldrovandi Marescotti, L. (1944). *The Diplomatic War. Memoirs and excerpts from diaries* (1914—1919). Moscow. (In Russ.).
16. Hayrapetyan, M.E. & Kabanov, P.F. (1964). *The First World Imperialist War of 1914—1918*. Moscow. (In Russ.).
17. Artemov, V.V. (2012). *House of the Romanovs.* Moscow: OLMA Media Group publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:
Медведев Евгений Юрьевич, кандидат филологических наук, ассистент-профессор кафедры языков Международного университета информационных технологий (Казахстан, Алматы); *сфера научных интересов*: лингвистическая семантика, филологическая герменевтика, системный подход к исследованию текстов; *e-mail:* eugene_medvedev@mail.ru.

Нциву Батиако Лозэн Дюборжель, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: исследование специфики дипломатического языка и его трансформаций в условиях политического кризиса; *e-mail*: ntsiwou@yandex.ru.

Information about the authors:
Yevgeniy Yu. Medvedev, Ph.D., Assistant Professor at the Languages Department, International Information Technology University (Kazakhstan, Almaty). *Research interests*: Linguistic semantics, Philological hermeneutics, Systematic approach to the study of texts; *e-mail:* eugene_medvedev@mail.ru.

Ntsiwou Batiako Lauzin Duborgel, Ph.D. student of the Department of General and Russian Linguistics, RUDN University (Russia, Moscow). *Research interests*: Study of the particularity of the diplomatic language, specifics and transformations of the diplomatic language in the context of a political crisis; *e-mail*: ntsiwou@yandex.ru.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 398—411
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411
УДК 811.161.1'22:81'27

Научная статья / Research article

Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны»)

О.Н. Колышева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198
kolysheva-on@rudn.ru

Статья посвящена рассмотрению нарративов «детей войны» как мнемонических текстов, объединенных общей темой и содержащих воспоминания о Великой Отечественной войне. Междисциплинарный подход к анализу таких текстов позволяет описать репрезентацию войны в сознании ее очевидцев, проследить ее переосмысление и меняющийся характер воспоминаний. В статье выделяются и иллюстрируются отличительные черты нарратива как мнемонического текста, а именно ретроспективный характер повествования, структурно-семантическая неоднородность текстов, языковое выражение подлинности событийного ряда, взаимодействие нарратора с интервьюером в ходе наррации, темпоральная отсроченность воспоминаний, отражающаяся в оценочных суждениях, самоанализе произошедших событий, рефлексии, а также когнитивный «симбиоз» прошлого и настоящего, выраженный в смешении глагольных времен. В статье вводится понятие мнемической ситуации, описывается ее структура и виды: ситуация хранения информации, ситуация утраты информации, ситуация отсутствия информации и ситуация восстановления информации. В ходе исследования были обнаружены примеры разворачивания нескольких видов мнемической ситуации в рамках одного предложения или тематического фрагмента.

Ключевые слова: нарратив, мнемонический текст, интердискурсивное взаимодействие, «дети войны», мнемическая ситуация, память, война, устная история, нарратор

История статьи:
Дата поступления: 01.02.2020
Дата приема в печать: 15.02.2020

Для цитирования:
Колышева О.Н. Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 398—411. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411

© Колышева О.Н., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

UDK 811.161.1'22:81'27

The Narrative as a Mnemonic Text (Based on "Children of War" Narratives)

Olga N. Kolysheva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
kolysheva-on@rudn.ru

The article is focuses on the consideration of "children of war" narratives as mnemonic texts united by a common theme and containing memories of the Great Patriotic War in Russia (1941—1945). The interdisciplinary approach to the analysis of such texts makes it possible to describe the nature of representation of the war in the minds of its eyewitnesses, to trace its rethinking and changing nature of memories. The research material illustrates the distinctive features of the narrative as a mnemonic text, namely the retrospective nature of the narrative, structural and semantic heterogeneity of the texts, linguistic expression of the authenticity of the event series, the interaction of the narrator with the interviewer in the narration, temporal postponement of memories expressed in evaluative judgments, self-examination of the events, reflexion, as well as cognitive "symbiosis" of the past and present, expressed in the using of past and present tenses of verbs in a sentence. The article introduces the notion of mnemonic situation and describes its structure and types: situations of information presence, situations of information loss, situations of information absence and situations of information recovery. In the course of the research, we found examples of interaction of several types of mnemical situation in a sentence or a thematic fragment.

Key words: narrative, mnemonic text, children of war, mnemonic situation, oral history, narrativization of memory, temporal structure of narrative

Article history:
Received: 01.02.2020
Accepted: 15.02.2020

For citation:
Kolysheva, O.N. (2020). The Narrative as a Mnemonic Text (Based on "Children of War" Narratives). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 11*(2), 398—411. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411

Введение

Человеческая память — материал хрупкий, сложный и не изученный в полной мере. Память является объектом исследования многих наук: нейробиологии, лингвистики, когнитивистики, психолингвистики, психологии, но в действительности ни одна наука не охватывает память полностью. Память разнообразна и гипернаполнена, потому что это единственный инструмент, хранящий воспоминания человека и весь его личный мир, в котором, как в зеркале, отражается — или искажается — внешний мир.

Согласно определению в «Кратком словаре когнитивных терминов», память — «едва ли не основная часть нашего сознания и разума, заключающаяся в возможности извлекать по мере необходимости хранящиеся в ней воспомина-

ния об услышанном и увиденном, прочувствованном и осмысленном, познанном за все время жизни человека» [1. С. 114]. Как справедливо замечает В.В. Красных, «память человека — не склад индивидуальных следов, дублирующих события внешнего мира, а творческий процесс конструирования этих событий» [2. С. 97]. Здесь можно вспомнить слова Е.Г. Водолазкина о главенстве персональной истории над историей всемирной, а также знаменитую русскую пословицу «Правда у каждого своя». Действительно, то, как человек видит мир и что именно он запоминает из увиденного, накладывает отпечаток на всю жизнь человека и на его воспоминания.

Целью данного исследования является апробация уже имеющихся когнитивных и лингво-когнитивных методов исследования устных рассказов. Особое внимание уделяется таким свойствам нарративов «детей войны», которые позволяют назвать созданные тексты *мнемоническими*. Перечислим выделенные и описываемые в статье свойства нарративов «детей войны» как мнемонических текстов:

1) ретроспективный характер повествования;

2) семантическая и структурная неоднородность нарративов;

3) языковое выражение подлинности событийного ряда;

4) диалогичность высказывания, включающая в себя взаимодействие с интервьюером;

5) темпоральная отсроченность воспоминаний, выраженная в оценочных суждениях, рефлексии, смешении глагольных времен.

Поскольку мнемонические тексты являются лингво-когнитивными единицами, «выстроенными» спонтанно в ходе устного рассказа на основе эпизодов, хранящихся в памяти нарратора, их исследование требует междисциплинарного подхода и использования таких лингво-когнитивных методов, как метод направленной биографии, биографический метод, а также метод сплошной выборки с дальнейшей интерпретацией и классификацией полученных результатов.

Несмотря на то, что в работах отечественных и зарубежных авторов исследованию различных свойств нарративов уделялось довольно большое внимание, обращение к такому специфическому материалу, как нарративы «детей войны», дало нам возможность выявить отличительные черты полученных текстов, позволяющие квалифицировать их как «мнемонические тексты» и предложить свою структуру мнемонической ситуации, а также проиллюстрировать виды мнемических ситуаций (ситуация хранения информации, ситуация восстановления информации, ситуация отсутствия информации, ситуация утраты информации) примерами из нарративов «детей войны». Актуальность данного исследования заключается в том, что нарративы «детей войны» впервые подвергаются междисциплинарному анализу с учетом их отличительных особенностей как мнемонических текстов.

Объект нашего исследования, нарративы «детей войны», являются примером истории личной, истории невысказанной и длящейся целую жизнь. Рассмотрим объект нашего исследования подробнее.

1. Нарративы «детей войны» как мнемонический текст

В настоящее время мир переполнен информацией о Великой Отечественной войне. Выпущены и продолжают выпускаться сотни исторических книг, документальных и художественных фильмов, литературных романов. Однако за четко представленной и структурированной картиной боевых действий Великой Отечественной войны теряется отдельный человек как личность, в связи с этим возникает интерес к нарративам «детей войны», к «молчаливому большинству». «Дети войны» — это поколение, пережившее Великую Отечественную войну, не воевавшее на фронтах, но ставшее свидетелем войны, а иногда и боевых действий. Как справедливо пишет Т.К. Щеглова, «актуальным является изучение войны через жизнь тылового населения: женщин, подростков, детей военного времени. Их судьба является важнейшей частью истории войны, без нее нельзя считать военную историю полной и завершенной» [3. С. 231].

Нарративы являются текстами, порожденными памятью и содержащими воспоминания о войне. Нарративы — это не просто набор фактов или объем информации, это способ организации памяти, структурирующий опыт восприятия. Брунер писал, что не существует другого способа описания проживаемого времени, кроме представления его в форме нарратива [4], в котором частная, личная информация переплетается с более широким контекстом жизненного опыта. Известный исследователь структуры нарратива У. Лабов определяет нарратив как совокупность специфических лингвистических средств, превращающих сырой прошлый опыт в хронологически упорядоченные и эмоционально и социально оформленные события: «Нарратив — это способ репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, отражающей временную последовательность событий» [5]. Так, благодаря рассказу происходит трансформация памяти в текст.

Неоднородность такого рода текстов не позволяет создать единую классификацию или уложить их в рамки уже существующих классификаций. Л.М. Нюбина называет такие тексты *мнемоническими*. Мнемонический текст (от греч. μνημονικόν — искусство запоминания) представляет собой речевое произведение, построенное автором на ментальной реконструкции своего прошлого [6]. Мы считаем, что нарративы «детей войны» могут служить примером мнемонического текста.

Как справедливо замечает Л.М. Нюбина, «кроме эпистемического мира автобиография содержит и индивидуальный семантический мир, ведь “бродить по музеям своей памяти” означает не только извлекать воспоминания, но и “облачать их в словесные одежды”» [6]. Так, история оязыковляется под влиянием внешних факторов и трансформируется в «неравномерную концептуализацию» мира [7. С. 224]. Вербализации подвергаются только те события, которые оказали на нарратора максимальное влияние. Некоторые из таких событий (начало войны, трудности быта, боевые действия, вести об окончании войны, работа) могут повторяться в большинстве нарративов, а некоторые — встречаться единожды (яркие воспоминания, потери, эвакуация). Таким образом, семантическая неоднородность является характерным признаком нарративов о войне. Также нарративы «детей войны» могут существовать первоначально в устной

форме (в виде интервью или монологического высказывания), а могут существовать в виде текстов, то есть в письменной форме. В данном конкретном случае форма влияет на содержание нарратива. К примеру, в нарративах, представленных в виде интервью, значительная роль отводится интервьюеру. Именно интервьюер может направлять разговор в те моменты, когда нарратор не знает, о чем рассказать, или сбивается с темы. Таким образом, не только семантическая наполненность анализируемых нарративов, но и их структура неоднородны.

Нарратор представляет с помощью рассказа свой «дом бытия» (термин М. Хайдеггера), свое личное понимание мира. Он вспоминает реальные события, но в условиях темпоральной отсроченности от этих событий. Этот фактор разрыва во времени оказывается нам интересен потому, что он позволяет нарратору посмотреть на себя со стороны. Автор нарратива стремится к максимально точному выражению личного пережитого опыта, включающему самоанализ произошедших событий, а также их оценку:

Конечно, какая-то мамина мудрость, и какие-то мамины знания, они обеспечили нам ***неголодное, вот неголодное,*** *существование и нехолодное существование,* ***хотя мы, как и многие другие, как и многие другие, от чего-то страдали.***

Так, ***я помню… Ты вот говоришь, полтора года… Я вот помню,*** *как мой крестный уходил на фронт и вот у бабушки по папиной линии папин брат был мой крестный, и вот он меня подбрасывал и* ***остался в этом воспоминании***.

Процесс мнемонической коммуникации автора — это сознательный напряженный мыслительный процесс по отбору информации, которая преобразуется в текст творческим усилием вспоминающей личности, совмещающей в себе нарратора и протагониста [6. С. 20]. В тот момент, когда происходит выбор эпизодов пережитого прошлого (а автор действительно выбирает эпизоды для рассказа, сознательно разворачивая одни и умалчивая о других), происходит переосмысление и оценка описываемых событий с точки зрения временной дистанции от момента рассказа:

И.: Как Вы считаете, семья была с достатком?

Н.: ***Семья была нормальная. Ну, семья была такая, нормальная, можно сказать, нормальная*** [оценка]. *Мы жили на Павелецкой набережной, в двухэтажном доме, на втором этаже. Квартира была общая, но у нас было две комнаты.* ***По тем временам это очень-очень неплохо, вот*** [оценка]. (здесь и далее И.: — интервьюер, Н.: — нарратор).

Коля лазил за этими блинами, ну мы ели, все, ***ну это нормально, кто нам запрещал, что ли*** [оценка]*? Там лежал градусник,* ***тогда редко у кого были градусники*** [оценка] *температуру мерить, вот. И почему он без этой (коробки, крышки) лежал,* ***просто наверное, что ль*** [оценка].

Подлинность событийного ряда в нарративах выражается с помощью соотнесенности воспоминания с реальными событиями, имевшими место в прошлом, с топонимами конкретных мест, с упоминанием реальных исторических личностей:

И четвертый—пятый класс я училась в ***этой Актанышской школе****. Вместе со мной учились местные, немного их было местных ребят, больше было*

эвакуированных. Эвакуированные были, вот я помню такой был ***Ким, он был из Петрозаводска постарше меня на год, Дуся из Киева, Сара Ерменсон из Великих Лук, из разных—разных городов Белоруссии, с Украины,*** *причем многие из них весной оказались разутыми—раздетыми, потому что многие бежали в чем были.*

Признаками достоверности событий из прошлого выступают также люди, являющиеся участниками тех событий, о которых рассказывает автор в нарративе:

Анна Яковлевна *никогда замуж не выходила, жила при своей младшей сестре, которую она вынянчила, подняла на ноги, занималась ее детьми и у этой младшей сестры был муж, на фронт его не брали, и он был дирижер, очень известный в свое время,* ***Одиссей Димитриади****, греческого происхождения. И вот Анна Яковлевна жила при них, но очень любила бывать у нас, приходила, пили чаи с чем бог послал.*

В нарративах присутствует восстановление в памяти высказываний, которые действительно были произнесены в тот момент в прошлом:

Папа недоумевал, посмеивался, иногда даже с издевкой: ***«Ты что, на Северный полюс собралась? Ты что? Господи, да в сентябре—октябре уже домой вернетесь!»***

И как-то две женщины остановили меня, разговорились и ***«Кто у тебя здесь работает?»,*** *и* ***«А мама? А семья? А папа? А братья и сестры? И что же вы к нам не приходите, приходите!»***

Остались они один на один, папа говорит, он пистолет на него приставил: ***«Ну что, здесь прикончить или подождать?»*** *И он всё.*

После еды я убежал с мальчишками на речку. Мы носились в кустах, кричали: ***«Война началась! Ура! Мы всех победим!».*** *Мы абсолютно не понимали, что это все означает.*

Для речи персонажей мнемонического текста характерны языковые средства, передающие динамику событий, эмоциональность, непредсказуемость, краткость:

Проснулись утром, а вскоре по радио объявили, что началась война. Стало как-то тревожно, грустно. ***Все куда-то бежали, суетились, разговаривали...*** *Вокруг говорили — победим, у нас Сталин, мы победим!*

Мы ***разговаривали*** *громко,* ***разыгрались****,* ***раскричались****,* ***заспорили****,* ***открылась*** *одна дверь, вышел очень пожилой, очень сердитый сосед и* ***прикрикнул*** *на нас: «А ну по домам!»*

И самолет прилетел немецкий, а они окопы копали, думали, ну уж подойдет, что уж, тут Ряжское рядом. ***И самолет летит, а бабы все бросили лопаты, кричат «Ложитесь!», они бегом, ну, откуда знали? А он покрутился, покрутился, скажет, кого тут бить? И улетел. И тут началось, бомбить эту станцию.*** *Он 50 км от нас был.*

В нарративе мы можем увидеть не только извлечение из памяти информации о событиях прошлого, но и оценивание этой информации с позиции настоящего времени, когда создается нарратив. Так, отметим еще одно отличительное свойство нарратива как мнемонического текста — темпоральную отсроченность воспоминаний. По мнению М. Фриша, чем дальше по времени

устные свидетельства находятся от самих событий, тем больше хранят меняющееся соотношение самих воспоминаний и обобщений, рефлексии, суждений об историческом прошлом и конкретных данных, связанных с личностью [7]:

Я думаю, что серьезность понимали все, *потому что все-таки о том, что Германия завоевала всю Европу, об этом знали все, поэтому и, ну,* ***у меня ощущение****, что серьезность люди в общем понимали.*

Конечно, какая-то мамина мудрость, и какие-то мамины знания, они обеспечили нам неголодное, вот неголодное, существование и нехолодное существование, ***хотя мы, как и многие другие, как и многие другие, от чего-то страдали.***

Согласно В. Шмиду, нарраториальная временная точка зрения предоставляет нарратору возможность свободного обращения со временем [8. С. 77], в рамках которого происходит когнитивное взаимодействие прошлого и настоящего. Такое свободное обращение находит выражение в еще одной характеристике мнемонического текста, а именно в смешении глагольных времен в рамках одного предложения или тематического фрагмента:

Теплоход ***отдал*** *последний гудок, ну все «До скорой встречи!», «До свидания!», объятия—поцелуи,* ***машут*** *руками, теплоход* ***отплывает…***

Мы ***разговаривали*** *громко,* ***разыгрались****,* ***раскричались****,* ***заспорили****,* ***открылась*** *одна дверь,* ***вышел*** *очень пожилой, очень сердитый сосед и* ***прикрикнул*** *на нас: «А ну по домам!» […] Я* ***открываю*** *дверь,* ***вижу****,* ***сидит*** *мама, на коленях у нее мой брат, пятилетний, Юра, мама* ***слушает*** *радио и* ***плачет****. Я никогда* ***не видела*** *маму плачущей. Я, конечно,* ***бросилась*** *к ней, и она мне* ***сказала****: «Война, Симочка, война!».*

В нашей деревне она, ***говорит****, вот мы,* ***говорит****, наши* ***наступили****,* ***говорит****,* ***вдруг*** *наших* ***выбивают****, немцы* ***подходят****, мы бегом в лес* ***убегали*** *от немцев. Потом* ***сидим****, а коровы* ***ревут****, мы потихоньку-потихоньку… Но у нас,* ***говорит****, не* ***издевались*** *над детьми, не* ***издевались****.*

В данных отрывках мы видим смешение глагольных времен в рамках одного предложения. Так, в данных примерах описываемые события попеременно выражаются с помощью глаголов прошедшего и настоящего времени, хотя повествование строится вокруг уже свершившихся событий. Такое смешение глагольных времен может свидетельствовать о глубоком погружении нарратора в воспоминание и описании событий прошлого с позиции присутствия в том моменте.

Оценка описываемых событий может выражаться также в употреблении лексем мнения, предположения, уверенности, сомнения:

Правда, знаете, сейчас может быть, это не всем может быть известно и понятно, но и сейчас может быть *в глубинке есть такие школы, где есть совместные классы.*

Я не помню уже*, сколько мы ждали, но мама сказала: «Сиди с детьми, сиди!»* ***Какую-то*** *бутылку воды нам оставила,* ***может быть какую-то*** *баранку или кусок хлеба и сказала: «Сиди и никуда!». И вот мы сидели, на крылечке* ***какого-то я не знаю дома, на какой-то террасе, где-то мы сидели****.*

Пришла осень, мы собрали урожай, но на полях остались так называемые колоски. Вот тут уже школа, организованно, начиная уже с 5-го класса, с

одиннадцати-двенадцатилетних, маленьких не брали, а вот 8-й класс, 9-й, ***это совершенно точно.***

И мало кто, да, думал о том, что расстается навсегда, или надолго, или вообще навсегда, как-то не верилось*. Настроение было у всех, ну такое, знаете, ну конечно тяжело, ну конечно эвакуация,* ***но не думали, абсолютно****! Именно потому, что все были в легкой одежде, с легкими чемоданчиками, одним или два от силы.*

Все эти характеристики «обеспечивают постоянное ментальное присутствие вспоминающего субъекта в создаваемом тексте» [9] в момент создания нарратива.

Как личность коммуникативная автор нарратива находится в постоянном диалоге со слушателем, которым может выступать как группа лиц (аудитория, публичная лекция), так и один человек (интервьюер, член семьи, друг). Автор может критически оценивать воспринимаемую информацию:

Н.: Значит, была какая ситуация: или мы живем у бабушки и дедушки и я каждый день 7 километров по семь километров хожу в школу...

И.: Пешком?

Н.: ***Ну естественно, естественно! Ну о чем вы говорите! Конечно пешком, война! Никакого транспорта!*** *Я за два года жизни в тех местах ни разу не видела машины, только лошади, только так называемый гужевой транспорт.*

Взаимодействие с интервьюером позволяет уточнить детали повествования, раскрывает новую информацию для слушателя:

И.: А женщины приехали с фронта?

Н.: ***Привезли их, привезли, дорогая моя! Потому что сами они приехать не могли*** [очень эмоционально, с восклицанием]*, потому что какие они были… кто без руки, кто без ноги, кто без глаза…* ***Очень тяжело раненые были, очень тяжело раненые женщины были!***

Таким образом, особенности ментально-когнитивной деятельности нарратора по извлечению воспоминаний из памяти позволяют говорить о наличии особого типа дискурса, обладающего своей спецификой, выражаемой в ряде отличительных признаков: ретроспективном характере высказывания, семантической и структурной неоднородности, взаимодействии с интервьюером, подлинности событийного ряда, диалогичности высказывания.

2. Структура и типология мнемической ситуации

Поскольку нарративы представляют собой отсроченные по времени воспоминания о войне, то важным представляется демонстрация особенностей языкового выражения мнемических процессов в условиях отсроченности воспоминаний от описываемых событий на временной шкале. Наши представления о памяти базируются на ее «продуктах», в первую очередь, вербальных свидетельствах, фиксирующих результаты мнемических операций. Под мнемическими операциями мы понимаем четыре центральных когнитивных процесса по работе с информацией: хранение, восстановление, утрата и отсутствие информации в памяти. Эти когнитивные процессы, которые ряд ученых называют

мнемическими ситуациями [10; 11], позволяют продемонстрировать процесс оязыковления воспоминаний о войне. Участниками мнемической ситуации выступают нарратор и слушатель (или группа слушателей). В анализируемых нами нарративах в роли нарратора выступает «дитя войны», а в роли слушателя — интервьюер.

Неоднозначно мнение ученых о самой структуре мнемической ситуации. Р.Ф. Исхакова выделяет следующие ее составляющие:

1. субъект (человек, который восстанавливает в памяти определенные события);

2. мнемический процесс (информация, подвергающаяся когнитивным операциям);

3. информационный каузатор (импульс, который запускает мнемический процесс) [11].

И.В. Тивьяева предлагает также добавить в классификацию высказывание как «часть мнемической ситуации на том основании, что оно представляет собой конечный продукт работы механизма индивидуальной памяти, выраженный в вербальной форме» [12]. Действительно, результат работы мнемических процессов доступен нам, лингвистам, в единственной форме — в высказывании, в оязыковленном воспоминании.

В рамках анализируемого материала мы предлагаем расширить данную классификацию, введя интервьюера как неотъемлемую часть мнемической ситуации в нарративах «детей войны». Сама структура нарратива подразумевает постоянное присутствие интервьюера в моменте рассказа. Интервьюер является своего рода «раздражителем» и непосредственным участником процесса наррации. Именно реакция интервьюера на рассказ нарратора является во многих случаях определяющей для дальнейшего высказывания и позволяет нарратору вспомнить забытые детали, выразить эмоции, высказать оценку событий, перейти на более глубокий пласт воспоминаний, поднять новые темы в процессе наррации. С помощью вопросов интервьюер также направляет нарратора. «Дети войны» — это пожилые люди, чья речь и способ мышления зачастую ограничены возрастными особенностями. Начав с одной темы, нарратор может перейти на другую, не связанную с темой войны, и «задержаться» на ней.

Сам нарратор (*субъект* по Р.Ф. Исхаковой), человек, который восстанавливает в памяти определенные события, представляет собой сложную структуру, так как в воспоминаниях он обращается к себе прежнему, а именно к участнику описываемых событий, одновременно с этим находясь в настоящем моменте и, что особенно важно, оценивая события прошлого с позиции настоящего.

В соответствии со структурой мнемической ситуации Р.Ф. Исхакова и Е.Г. Хомякова выделяют четыре вида мнемических ситуаций:

1. ситуация хранения информации;

2. ситуация утраты информации;

3. ситуация отсутствия информации;

4. ситуация восстановления информации.

Исследователи указывают, что между названными типами мнемических ситуаций существует определенная взаимосвязь, помимо этого их связывают

темпоральные отношения предшествования и следования описываемых событий [13. С. 86]. Далее проиллюстрируем виды мнемических ситуаций примерами из записанных нами нарративов «детей войны».

2.1. Ситуация хранения информации

Ситуация хранения информации является наиболее прозрачной и активно выражается лексическими единицами с коннотацией «помнить» в значении:

Наступил день, и это был август, начало августа, 11 августа, ***это я помню,*** *когда за нами приехала машина, и нас отвезли в Северный речной порт, в Химки. Там у причала стоял белый теплоход, двухъярусный, ой, двухпалубный и назывался он «Лев Толстой»,* ***до сих пор помню.***

Конечно, уже работать в такой лаборатории, точнее обсерватории, конечно она вряд ли после войны могла бы, хотя не знаю, может быть ей после войны такой протез сделали, потому что все-таки в обсерватории работа с приборами, инструментами, требовавшая не только знаний, головы, глаз, но и рук, рук. ***Вот я это помню.***

Также факт наличия в памяти информации подтверждается использованием оценочных наречий:

Я хорошо помню *первый день войны. Уже было лето, я закончила третий класс, перешла в четвертый. […] А в то воскресенье было какое-то очень хмурое, серое утро, и во дворе было неприятно, и мы, я и две соседские девочки, играли в магазин на кухне.*

Я, конечно, бросилась к ней, и она мне сказала: «Война, Симочка, война!» Вот это ***я помню очень хорошо.***

Отлично помню*, когда началась война.*

Первые три дня войны ***я до сих пор помню очень отчетливо.***

Очень четко помню*, как 22-го сидели все вместе на террасе вечером, думали, что же нам делать, и слышали, как стреляет артбатарея на 8-й станции Фонтана...*

Иногда ситуация хранения информации выражается не только оценочными наречиями, но и глаголами с семантикой «обладать знаниями»:

И.: А вы помните обстановку на начало войны? Может быть первый день помните?

Н.: Войны?

И.: Да, как объявили.

Н.: ***Очень хорошо знаю я****. Очень хорошо.*

2.2. Ситуация утраты информации

Ситуация утраты информации также активно выражена лексически. В роли утраченной информации могут выступать события, имена людей, названия географических мест, подробности событий.

Как мы добирались по Каме, а потом по реке Белой, вот до того места, где нас встречали дедушка с бабушкой, вот до того места, ***я уже в деталях не помню.***

*И мама сказала: «Поедем, мы, может быть, в зоопарк с тобой сходим». **Вот почему-то я именно с ней**.*

И.: Как вы узнали, что война началась? И когда?

*Н.: Так чтобы точно, **я не помню**. Но я вот так, наверное, осознала, когда отца уже не было, он где-то воевал.*

Что интересно, в одном тематическом фрагменте или ответе на конкретный вопрос интервьюера могут одновременно разворачиваться несколько видов мнемических ситуаций. В следующих примерах мы видим разворачивание ситуации хранения информации и ситуации ее утраты:

*Я никогда не видела маму плачущей. Я, конечно, бросилась к ней, и она мне сказала: «Война, Симочка, война!» **Вот это я помню очень хорошо.** Папы не было дома, да. Были какие-то непредвиденные, да, дела в министерстве, наркомате, вот. **И в конце этого дня я уже не помню**.*

***Одну я особенно запомнила**. **Почему-то** мама ее знала и мама ее отвозила, когда ее выписали, мама отвозила ее к родственникам, **не помню куда**. Звали ее Мира, было ей лет 29, **может быть**.*

2.3. Ситуация отсутствия информации

Ситуацию отсутствия информации необходимо отличать от ситуации утраты информации. В случае с последней — информация была изначально, но со временем стерлась из памяти либо полностью ***(«И в конце этого дня я уже не помню»)***, либо фрагментарно ***(«я уже в деталях не помню»)***. А ситуация отсутствия информации предполагает отсутствие воспоминаний с самого начала:

*Это было воскресенье, вот **я не помню**, где были остальные дети, папа.*

***Я не помню ни одного рассказа о войне.** Они **никогда не говорили** ни о войне, ни о боях, ни об обстрелах, ни о бомбежках, ни об убитых, раненых, никогда! Вот **никаких воспоминаний такого плана не было**.*

Фраза ***«Я не помню ни одного рассказа о войне»*** предполагает две трактовки сказанного: утрату воспоминаний или их отсутствие. Однако дальнейшие слова нарратора подтверждают отсутствие информации с самого начала: ***«они никогда не говорили»*** и ***«вот никаких воспоминаний такого плана не было»***.

В следующем примере мы видим две мнемические ситуации: ситуацию утраты воспоминания ***(«как-то у меня уже стерлось»)*** и ситуацию отсутствия информации в памяти с самого начала ***(«что-то не помню»)***:

И.: Говорили в семье, что война идет? Где отец, не говорили?

*Н.: **Что-то не помню**. Знаю, что, когда он пришел, а до этого **как-то у меня уже стерлось**. Может когда-то я и знала, а **сейчас со временем уже стерлось**.*

2.4. Ситуация восстановления информации

Также в рамках нарратива происходит мнемическая ситуация восстановления информации нарратором из памяти. В примерах ниже восстановление информации выражается лексемами предположения *(по-моему, мне кажется, видимо)*:

*Вот у меня в памяти, что гнали скот в деревню с Смоленщины, откуда-то от немцев коров… **По-моему,** только коров.*

А я еще мы работали, потому что надо было зарабатывать рабочую карточку. Карточки, ***по-моему,*** *с 12 лет, дети уже получали иждивенческую карточку. Значит, были карточки рабочие, были карточки детские и иждивенческие.* ***Я сейчас точно не помню,*** *сколько полагалось хлеба на рабочую карточку,* ***но, мне кажется****, в два раза больше, чем на иждивенческую, и поэтому (пауза) мы старались работать вот для того, чтобы получить рабочую карточку.*

Я там целый день провела, возвращаюсь, а тут кругом разговоры: «Война! Война! Война…». У нас ведь деревня на отшибе стояла, ни радио не было, ни света. ***Видимо кто-то сообщил эту новость.***

Пассажирские поезда, ***мне кажется****, уже не ходили, и я ждал воинские составы.*

Также возможно разворачивание в одном предложении мнемических ситуаций хранения и восстановления информации:

Я даже ***хорошо помню****, как объявили по радио, что вот «вероломное нападение», это,* ***по-моему****, Молотов был, речь была Молотова.*

Заключение

Нарративы «детей войны» представляют собой субъективный опыт отдельного человека, и в каждом случае мы имеет дело с разным взглядом на мир, видим то, как через личную историю нарратор осмысляет окружающую его действительность. Новизна нашего исследования заключается в том, что нарративы «детей войны» впервые рассматриваются как разновидность мнемонического текста, а междисциплинарный анализ таких текстов позволяет выделить их отличительные характеристики: ретроспективный характер повествования, семантическую и структурную неоднородность, языковое подтверждение подлинности событийного ряда, диалогичность высказывания, взаимодействие с интервьюером и эмоциональную реакцию на его слова, языковое выражение отсроченной темпоральности воспоминаний, включающее рефлексию, самоанализ произошедших событий, их оценку, а также лексическое выражение когнитивного «симбиоза» прошлого и настоящего, выраженного в смешении глагольных времен.

Также в рамках работы была рассмотрена структура мнемической ситуации, было предложено включение в нее интервьюера как неотъемлемого участника процесса наррации в тех нарративах, которые существуют в форме интервью. В работе были охарактеризованы и проиллюстрированы четыре вида мнемической ситуации: ситуация хранения информации, ситуация утраты информации, ситуация отсутствия информации, ситуация восстановления информации. Анализ языкового материала показал, что в одном предложении возможно разворачивание нескольких мнемических ситуаций, в частности были прокомментированы примеры симбиоза хранения и утраты информации, утраты и отсутствия, а также хранение и восстановление информации из памяти.

Еще И.А. Бунин замечал, что «ничто не определяет нас так, как род наших воспоминаний». Анализ нарративов «детей войны» интересен нам как ключ к личному, индивидуальному опыту конкретного человека. В теоретико-

методологической перспективе описание языковых способов мнемических ситуаций позволяет рассмотреть возможные способы вербализации темпоральной отсроченности воспоминаний, а также выделить как универсальные языковые способы создания нарративов «детей войны», так и индивидуальные, присущие конкретному нарратору.

Библиографический список

1. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.
2. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001.
3. *Щеглова Т.К.* Устная история: Oral history: учебное пособие.Барнаул: АлтГПА, 2011.
4. *Bruner J.* Life as Narrative // Social Research. 1987. no 54 (1). С. 11—32.
5. *Labov W.* Some Further Steps in Narrative Analysis // Special issue of The Journal of Narrative and Life History, 1997.
6. *Нюбина Л.М.* Воспоминание и текст: монография. Смоленск, 2000.
7. *Frisch M.* Commentary: Sharing Authority: Oral History and the Collaborative Process // The Oral History Review. Vol. 30. no. 1. P. 111—113.
8. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
9. *Кузьмина С.Г.* Когнитивно-речевые особенности автора мнемонического текста // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. no 1. С. 12—19.
10. *Рогачёва Ю.Н.* Репрезентация фрейма «память» в современном английском языке (на материале глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2003.
11. *Исхакова Р.Ф.* Некоторые особенности репрезентации процессов памяти в публичных выступлениях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. no 11(77). Ч. 1. С. 105—108.
12. *Тивьяева И.В.* Когнитивно-коммуникативный подход к исследованию языковой репрезентации процессов памяти // Вопросы психолингвистики. 2017. no 31. С. 124—139.
13. *Исхакова Р.Ф., Хомякова Е.Г.* Память и восприятие: некоторые аспекты языковой репрезентации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2009. Вып. 1. Ч. 1. С. 84—89.

References

1. Kubrjakova, E.S., Dem'jankov, V.Z., Pankrac, Ju.G. & Luzina, L.G. (1997). *A short dictionary of cognitive terms.* Moscow. (In Russ.).
2. Krasnyh, V.V. (2001). *Basics of Psycholinguistics and Communication Theory.* Course of lectures. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
3. Shheglova, T.K. (2011). *Oral history: a textbook for students of higher education in the 540400.68 (050400) field of study Social and economic education*. Barnaul: AltGPA. (In Russ.).
4. Bruner, J. (1987). Life as Narrative. *Social Research, 54 (1)*, 11—32.
5. Labov, W. (1997). Some Further Steps in Narrative Analysis. *Special issue of The Journal of Narrative and Life History*.
6. Njubina, L.M. (2000). *Memory and text: a monograph*. Smolensk. (In Russ.).
7. Frisch, M. (2003). Commentary: Sharing Authority: Oral History and the Collaborative Process. *The Oral History Review*, 30(1), 111—113.
8. Shmid, B. (2003). *Narrathology*. Moscow: Slavic languages. (In Russ.).
9. Kuzmina, S.G. (2016). Cognitive-speech features of the mnemonic text author. *IKBFU's Vestnik. Ser. Philology, Pedagogy, and Psychology*, *1*, 12—19. (In Russ.).

10. Rogachyova, Ju.N. (2003). *Representation of the frame "memory" in modern English (On the material of verb vocabulary)* [dissertation]. Belgorod. (In Russ.).
11. Ishakova, R.F. (2017). Some features of representation of memory processes in public speeches. *Philological sciences. Theoretical and practical issues.* Tambov: Gramota, 11(77—1), 105—108. (In Russ.).
12. Tivjaeva, I.V. (2017). *Cognitive-communicative approach to the study of linguistic representation of memory processes. Journal of Psycholinguistics, 31*, 124—139. (In Russ.).
13. Ishakova, R.F. & Homjakova, E.G. (2009). Memory and Perception: Some Aspects of Language Representation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature,1*(1), 84—89. (In Russ.).

Сведения об авторе:
Колышева Ольга Николаевна, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *сфера научных интересов:* когнитивная лингвистика, психолингвистика, устная история; *e-mail:* kolysheva-on@rudn.ru.

Information about the author:
Olga N. Kolysheva, Assistant of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. *Research interests:* cognitive linguistics, psycholinguistics, oral history; *e-mail:* kolysheva-on@rudn.ru.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 2020 Vol. 11 No. 2 412—414
Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

Рецензии
Review

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-412-414
УДК 811.111

Рецензия / Review

Рецензия на учебное пособие Е.А. Крутько, А.С. Комковой Changing World of Global Business = Основы ведения внешнеэкономической деятельности: английский язык для магистрантов

В.Г. Ищенко

Сибирский государственный университет путей сообщения
ул. Дуси Ковальчук, д. 191, г. Новосибирск, 630049, Российская Федерация
v.ishchenko@ngs.ru

История статьи:
Дата поступления: 01.02.2020
Дата приема в печать: 15.02.2020

Для цитирования:
Ищенко В.Г. Рецензия на учебное пособие Е.А. Крутько, А.С. Комковой «Changing World of Global Business = Основы ведения внешнеэкономической деятельности: английский язык для магистрантов» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 412—414. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-412-414

UDK 811.111

Review of the Manual: E.A. Krutko, A.S. Komkova Changing World of Global Business = World Economy Activity: Basics. English for Master's Program Students

Victoriya G. Ishchenko

Siberian Transport University (STU)
191, Dusi Kovalchuk street, Novosibirsk, 630049, Russian Federation
v.ishchenko@ngs.ru

© Ищенко В.Г., 2020
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Article history:
Received: 01.02.2020
Accepted: 15.02.2020

For citation:
Ishchenko, V.G. (2020). Review of the Manual: E.A. Krutko, A.S. Komkova Changing World of Global Business = World Economy Activity: Basics. English for Master's Program Students. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 11*(2), 412—414. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-412-414

В современных общественных и социально-экономических реалиях кадровая политика рынка труда не оставляет без внимания профессионалов в области экономики, в особенности, в сфере мировой экономики, владеющих иностранным языком, а еще лучше — несколькими. Отечественные и международные компании периодически предъявляют повышенный спрос к специалистам данного профиля. В «Требованиях к уровню подготовки выпускника по специальности "Мировая экономика"» среди прочих знаний, умений и навыков будущего специалиста, акценты ставятся на «владение специальной экономической терминологией и лексикой специальности как минимум на одном иностранном языке; активное владение иностранным языком (одним или более) и использование его в своей профессиональной деятельности». Рецензируемое пособие предназначается для бакалавров и аспирантов, а также магистрантов, обучающихся профессиональному английскому языку по направлению подготовки «Экономика», программе «Внешнеэкономическая деятельность».

И в этой связи публикация данного пособия своевременна. Представляемое пособие соответствует всем вышеперечисленным требованиям и базируется главным образом на текстах из книг «Международный бизнес» М. Карпентера, С. Данунга и «Международный бизнес: вызовы глобализации» Дж. Уайлд, К. Уайлд, которые дают представление об экономической теории, включая последние теоретические и политические события в мировой торговле и финансах.

Пособие состоит из двух модулей (*Module I. Global Trade and Investment Relations, Module II. Global Monetary Relations*) по пять и три блока (units) соответственно — всего восемь тем. Тематический диапазон обусловлен содержанием учебной и рабочей программ специальности и способствует развитию навыков выполнения профессиональных задач: проблемы глобальной экономики (*Unit 1. Globalization and Trade*); теоретические и практические аспекты политэкономии (*Unit 2. International Trade Theories, Unit 3. Government-Business Trade Relations*); международных инвестиций (*Unit 4. International Investments*); классификация мировых экономик и индексация экономического роста (*Unit 5. Classifying World Economies*); эффективное использование макроэкономических методов аналитических решений на международной арене финансового рынка, достижения финансовой устойчивости, организации и управления предприятиями различных форм собственности (*Unit 6. International Monetary System, Unit 7. International Monetary Fund and the World Bank, Unit 8. International Financial Markets*). Каждому из блоков уделяется одинаковое внимание. Текстовый объ-

ем, лексическая наполняемость, уровень сложности, количество и разнообразие упражнений идентичны.

Кроме того, каждый раздел содержит серию заданий в исключительно авторской разработке: введение в проблему, дискуссия по теме (*Lead-in*).

Раздел чтение, понимание и толкование (*Reading*) содержит аутентичные разработки для занятий с текстовым материалом и специальной тематической лексикой, охватывающей круг аспектов экономической теории. Кроме основных текстов имеется текстовый ресурс для домашнего чтения, так же содержательно затрагивающий торговлю, инвестиционную и финансовую деятельность. Данная практика закрепляется и отрабатывается посредством аннотирования и реферирования текстов.

Раздел практика устной речи, говорение (*Speaking*) предлагает в качестве тренировки и закрепления навыков профессиональной иноязычной речи, обсуждение этических дилемм, тренинги для парных или групповых дискуссий, короткие тематические исследования, онлайн-исследования с устными презентациями, викторины.

Практикумы по аудированию (*Listening*) дополнены аудио- и видеоматериалами, тематически соответствующими всем разделам пособия. Они предназначены как для аудиторного прослушивания или просмотра, так и для самостоятельной работы студентов.

Логическим довершением всех упражнений является блок заданий по практике письменной речи (*Writing*) — написание эссе по изучаемой теме.

Как видно, все упражнения в совокупности направлены на развитие навыков монологической и диалогической речи. Уникальная подборка экономической терминологии делает пособие и теоретическим, и практическим. Профессионально-ориентированная тематика и лексика, опора на аутентичные узкоспециальные тексты, поддержка графическим ресурсом и техническое сопровождение веб-пакетом позволяет назвать данный продукт методологически и педагогически творческим проектом.

В заключении следует отметить, что данное пособие лишь в некотором объеме компенсирует количественный недостаток литературы для магистрантов, обучающихся по направлению «Экономика». В смысле качества — это одно из наиболее достойных пособий в данном жанре. Работа с ним поспособствует становлению личностных и нравственных качеств будущих специалистов, не только позволит развить их языковые знания и навыки, но и обогатит их профессиональную эрудицию, разовьет теоретико-методологические и научные компетенции.

Сведения об авторе:

Виктория Геннадьевна Ищенко, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Английский язык» Сибирского государственного университета путей сообщения; *e-mail:* nikiniki4122@gmail.com.

Information about the author:

Victoriya G. Ishchenko, PhD of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the English Language Department Siberian Transport University (STU); *e-mail:* nikiniki4122@gmail.com.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК